

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР 3(108)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Тюркский элемент в политике России
The Turkic Element in Russia's Policies

Россия и Китай: Подходы к модернизации
Russia and China: Approaches to Modernization

Партизаны в Великой Отечественной войне
The Partisans in the Great Patriotic War

Восточноевропейские исследования в ИНИОН РАН
The East European Studies in INION RAN

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2020

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75
DOI: 10.31249/rsm/2020.03.00

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – главный редактор, доктор исторических наук, профессор, ИВИ РАН, Россия, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, ВГУЮ (РПА Минюста России), Россия, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, Германия, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, Россия, *О.И. Киянская* – зам. главного редактора, доктор исторических наук, профессор, РГГУ, Россия, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, Франция, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Р.М. Нуреев* – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, ИНИОН РАН, Россия, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, ИНИОН РАН, Россия, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, ИЭ РАН, Россия, *Л.Н. Шанишева* – кандидат философских наук, ИНИОН РАН, Россия, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук, ИНИОН РАН, Россия

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук *А.Г. Готовцева*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Ведущий редактор *О.Б. Константинова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009

ISSN 1726–5223

© ИНИОН РАН, 2020

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА.
СЕГОДНЯ. ЗАВТРА

Рудникова Е. В.
Иммигранты из Российской
империи в ранней истории
Новой Зеландии

6

Ланник Л. В.
Германская интервенция
1918 г. на западных окраинах
России (на примере Брянщины)

23

Аватков В. А.
Идейный фактор и тюркский
элемент в политике России
сквозь призму трансформации
мирового порядка

38

РОССИЯ И МИР.
В XXI ВЕКЕ

Жилина И. Ю.
Экономические последствия
изменения климата

50

Коданева С. И.
«Зеленые инвестиции»
в России и за рубежом: Пробле-
мы, механизмы, перспективы

68

Положихина М. А.
Ход и результаты
реформ в научной сфере:
Сравнение России
и Китая

89

RUSSIA YESTERDAY.
TODAY. TOMORROW

Rudnikova E. V.
Immigrants from the Russian
Empire in the Early History
of New Zealand

Lannik L. V.
The German Intervention of 1918
on the Eastern Boarder of Russia
(the Bryansk Region Case)

Avatkov V. A.
The Ideological Factor and the
Turkic Element in Russia's Policy
Through the Prism of Transforma-
tion of the World Order

RUSSIA AND THE WORLD
IN THE 21ST CENTURY

Zhilina I. Yu.
The Economic Consequences
of Climate Change

Kodaneva S. I.
«Green Investments» in Russia
and Abroad: Problems,
Mechanisms and Prospects

Polozhikhina M. A.
The Process and Results
of Reforms in the Scientific
Sphere: Comparison of Russia
and China

Степанов Н.С. Влияние ЕАЭС и ОПОП на ускорение модернизации экономических моделей развития России и Китая	Stepanov N.S. The Impact of the EEU and B&R Initiative on the Modernization of the Economic Development Models of Russia and China
--	---

109

Васильева Н.И., Кашуро И.А., Мусиева Д.М. Российская экономика в 2019– 2020 гг.: От стагнирующего роста к обновленному инвестиционному циклу	Vasilieva N.I., Kashuro I.A., Musieva D.M. The Russian Economy in 2019– 2020: From Stagnant Growth to a Revitalized Investment Cycle
---	---

130

Новикова О.Н. После «Халифата». Угрозы терроризма в Европе	Novikova O.N. Post-«Caliphate». Terror Threats in Europe
---	---

151

Ханалиев Н.У. Региональная безопасность сквозь призму исторических связей Центральной Азии и Ближнего Востока	Khanaliyev N.U. Regional Security Through the Prism of Historic Relations between Central Asia and the Middle East
--	---

166

Сидоров А.С. Африканская архитектура мира и безопасности и конфликт в Сахеле	Sidorov A.S. The African Peace and Security Architecture and the Sahel Conflict
---	--

175

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА**

**PHENOMENOLOGY
OF SOVIET SOCIETY**

Яковенко В.А. Здоровье населения и социальная стратификация в публицистике Н.А. Семашко (1918–1928 гг.)	Yakovenko V.A. The Health of Population and Social Stratification in N.A. Semashko's Publicistic Writing (1918–1928)
--	---

191

Шабельник Н.В. Подготовка партизанских кадров в Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны	Shabelnik N.V. The Training of Partisans in the Leningrad Region During the Great Patriotic War
---	--

204

РАЗМЫШЛЕНИЯ.
СООБЩЕНИЯ.
КОММЕНТАРИИ

Фельдман Д. М.,
Щербakov Д. А.
Мастер игры: Политика
и риторика в романе
Н.Г. Чернышевского «Что
делать? (из рассказов
о новых людях)»

216

Брилёв С. Б.
Загадка геноссе «Горелова».
Реакция немецкой научной
общественности на публика-
цию о загадочном советском
агенте-немце из числа
участников англо-советской
операции «Тоник» (1943 г.)

241

Алексеев В. Ю.
Совет ООН по правам человека
в современной международной
правозащитной системе

253

Ядова М. А.
Молодежь в мире глобальных
угроз: Социально-
психологические последствия

265

ОБЗОРЫ. РЕПЕНЗИИ

Шаншиева Л. Н.
Меняющаяся Восточная
Европа как предмет
исследований (на примере
изданий ИНИОНа)

275

REFLECTIONS.
COMMUNICATIONS.
COMMENTS

Feldman D. M.,
Scherbakov D. A.
The Gamemaster: Politics
and Rhetoric in the Novel
«What Is to Be Done? (from the
Stories about the New People)»
by N.G. Chernyshevsky

Brilev S. B.
The Mystery of Genosse
«Gorelov». The Reaction
by the German Academic
Community to the Publication
about the Mysterious German
Participant of the Anglo-Soviet
Operation «Tonic» (1943)

Alekseev V. Yu.
The Role of the UN Commission
on Human Rights in International
Human Rights Protection

Yadova M. A.
Youth in a World of Global
Threats: Social and Psychological
Consequences

REVIEWS. SUMMARIES

Shanshieva L. N.
The Changing Eastern Europe
as a Subject of Research
(on the Example of the INIONa
Publications)

Е.В. Рудникова

ИММИГРАНТЫ ИЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В РАННЕЙ ИСТОРИИ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

***Аннотация.** В статье рассказывается об одной из самых малоизвестных страниц в истории восточной ветви Русского зарубежья. В фокусе внимания автора – история дореволюционной эмиграции из Российской империи в Новую Зеландию, слабоизученная к настоящему времени как в российской, так и в зарубежной историографии. С момента официального объявления Новой Зеландии британской колонией в 1840 г. эта страна долго являлась одной из самых удаленных и труднодоступных в мире. Тем не менее первое документальное упоминание о российском переселенце в новозеландских источниках относится к 1845 г. В исследовании выясняется реальная численность российских эмигрантов дореволюционного периода в Новой Зеландии, что является очень важным для объяснения общего и особенного в дальнейшей истории русской диаспоры в этой стране.*

В 1916 г. численность иммигрантов российского происхождения в этой стране достигла исторического максимума. В связи с отсутствием эмиграционного учета в Российской империи основными источниками исследования являются регулярные исторические переписи населения Новой Зеландии в 1874–1916 гг. В статье рассматриваются вопросы численности, гендерного, возрастного и этнического состава российских эмигрантов дореволюционного периода, который хронологически соответствует раннему периоду истории Новой Зеландии. Из новозеландских переписей и других источников извлечены данные, иллюстрирующие динамику изменения по годам численности российских иммигрантов и особенности расселения их по стране. Объясняются причины выраженной гендерной диспропорции, особенностей структуры возрастных когорт и этнического состава иммигрантов из России в разные годы. Некоторые выводы иллюстрируются новозеландскими архивными материалами.

***Ключевые слова:** Россия; Новая Зеландия; дореволюционная российская эмиграция; Российская империя; русские иммигранты.*

Рудникова Елена Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, Россия, Владивосток. E-mail: elena.rudnikova@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AАН-2980-2020

Rudnikova E.V. Immigrants from the Russian Empire in the Early History of New Zealand

Abstract. *The article highlights some of the little-known pages in the history of the Eastern branch of the Russian Abroad. In the focus is the pre-revolutionary emigration from the Russian Empire to New Zealand, this being officially proclaimed as a British colony in 1840. At that, the first documented mention about a Russian migrant to New Zealand dates back to 1845. The study reveals the real number of Russian emigrants in New Zealand for the pre-revolutionary period, which is very important for explaining the general and special in the further history of the Russian diaspora in this country. By the year 1916, the number of Russian immigrants in the country reached its peak. As there were no official emigration statistics in the Russian Empire, the main sources of the article are regular historical population censuses of New Zealand in 1874–1916. This made it possible to highlight the issues of numbers, gender-age and ethnic composition of the Russian emigrants in the country before 1917. The data reflecting the numbers of Russian immigrants by years and showing their resettlement across the country are taken from the New Zealand censuses and other sources. Discussed are the gender disproportion, the features of age cohorts and ethnic composition of immigrants from Russia in particular years. Some conclusions are illustrated by unpublished materials from the National Archives of New Zealand.*

Keywords: *Russia; New Zealand; Pre-Revolutionary Russian emigration; the Russian Empire; Russian immigrants.*

Rudnikova Elena Victorovna – Candidate of Historical Sciences,
Senior Research Fellow, Institute of History, Archaeology
and Ethnography of the Peoples of Far East, Far-Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences (FEB RAS), Russia, Vladivostok.
E-mail: elena.rudnikova@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAH-2980-2020

Новая Зеландия – островное государство, которое находится в крайней точке юго-западной части Тихого океана и географически изолировано от всего остального мира. Основная территория страны расположена на двух самых крупных островах – Северном и Южном. В 1840–1907 гг. Новая Зеландия была колонией Великобритании, с 1907 г. – ее же доминионом и только в 1931 г. стала независимым государством. Хронологические рамки понятия «ранняя история Новой Зеландии» в настоящем исследовании ограничены колониальным периодом истории этой страны и последующим небольшим отрезком времени до начала Первой мировой войны. При соотношении с периодизацией российской истории эти рамки соответствуют дореволюционному периоду.

Впервые Новую Зеландию наблюдал голландский капитан Абель Тасман в 1642 г., но из-за враждебности маори (доевропейского населения далеких

островов) он так и не смог сойти на берег. В 1769 г. два острова обошел английский капитан Джеймс Кук, высадившись на каждом, после чего провозгласил эти территории собственностью Великобритании. В 1788 г. в соседней Австралии было основано первое английское каторжное поселение. Именно оттуда, начиная с 1790-х годов, стали прибывать первые белые поселенцы, большинство из которых составляли беглые заключенные и моряки-дезертиры. В 1820 г. на берег Новой Зеландии впервые высадились и русские. Это были члены экипажей Русской кругосветной экспедиции 1819–1821 гг. под руководством Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева. Причиной этой стоянки было пополнение запасов воды и продовольствия перед дальнейшими поисками таинственного «Южного материка».

Со временем Новой Зеландией заинтересовались французы и американцы, что заставило Великобританию в 1840 г. принять решение о распространении своей юрисдикции на новые земли. Для фактического осуществления этого решения требовалось реальное присутствие граждан Великобритании в Новой Зеландии. В целях колонизации и хозяйственного освоения новой британской колонии еще до принятия официального решения в Англии была учреждена Земельная компания, задачей которой была организация массового переселения в Новую Зеландию. Будущих колонистов привлекали возможностью недорогой покупки земли в этой стране. Поэтому Новая Зеландия, в отличие от австралийского Нового Южного Уэльса, не стала еще одной каторжной колонией Великобритании.

Первые британские колонисты, прибывшие в Новую Зеландию по этой схеме переселения, появились в январе 1840 г. Переселенцы быстро поняли, что в условиях местного климата наиболее выгодным может стать овцеводство и дальнейший экспорт шерсти. Для подготовки пастбищ требовалась значительная вырубка леса, что обусловило рост потребности уже не только в новых землевладельцах, но и в рабочей силе. Поэтому в схему колонизации были включены малоимущие люди, т.е. те, кому покупка земли была не по карману. Тысячам таких людей был оплачен проезд до Новой Зеландии. В их составе было много лиц небританского происхождения. В 1860-е годы были открыты золотые месторождения на Южном острове, и в страну хлынул поток золотоискателей со всего мира. На Северном острове продолжались военные столкновения между европейцами и маори. После поражения маори были приняты законы, по которым белые колонисты получили возможность захватывать земли у местных племен, а потом продавались или сдавались в аренду новым переселенцам.

Численность населения новой колонии, привлеченного сюда перспективами быстрого обогащения и наличием свободных земель, стала быстро расти. Если в 1840 г. в Новой Зеландии насчитывалось не более 2 тыс. европейцев, то в 1860 г. их было уже не менее 75 тыс. человек. К началу 1880-х годов

численность населения страны уже превышала 0,5 млн человек. За первыми десятилетиями относительного процветания последовал период экономического спада, продолжавшийся до 1896 г. Прирост населения заметно замедлился, начался отток людей из страны. Но именно в период этого спада были начаты смелые для того времени социальные и экономические преобразования, которые впоследствии создали Новой Зеландии образ страны «передовой демократии». Так, начавшееся в период экономической депрессии общественное движение за равенство прав женщин и мужчин привело к тому, что в Новой Зеландии впервые в мире наделили всех женщин, достигших 21 года, избирательным правом (1893).

Прогрессивный образ Новой Зеландии привлекал сюда людей из разных стран – официальных лиц, путешественников, ученых, инженеров, деятелей культуры. В их числе были подданные Российской империи. Кроме этого, год от года увеличивался поток переселенцев со всего мира. Рост иммиграции в Новую Зеландию зачастую был связан с событиями в социально-политической жизни в различных странах мира. Большой поток иностранцев сильно беспокоил местную власть. С самого начала власти стремились ограничить иммиграцию из Китая, Индии и Японии. И если к 1869 г. в британской колонии официально насчитывалось всего 2 тыс. китайцев, работавших на золотых приисках Южного острова, то уже в 1881 г. был принят первый закон об ограничении в отношении иммиграции из Китая («The Chinese Immigrants Act 1881»), позже за ними последовали и другие (1899, 1907, 1908). И далее – до 1974 г. – иммиграционная политика в стране велась под лозунгом «Сделаем Новую Зеландию британской и сохраним страну для белых!» / «Making New Zealand British and keeping the country white!».

В меньшей степени ограничения касались белых иммигрантов. До 1881 г. любой иностранец, прибывший в Новую Зеландию, с 1844 г. имел право обращаться за британским гражданством. С 1899 г. и в течение двух последующих десятилетий иммигранты, не имевшие британского или ирландского происхождения, должны были заполнять заявление на иммиграцию на английском языке («The Immigration Restriction Act 1899»). В 1916 г. было издано распоряжение, запрещающее въезд в страну любому иностранцу старше 15 лет без паспорта или иного удостоверения личности. Реакцией на социальные потрясения в Европе и России стал закон о «нежелательных» иммигрантах 1919 г. («Undesirable Immigrants Exclusion Act 1919»), ограничивший въезд немцам, австрийцам и венграм без особого разрешения властей. К «нежелательным» элементам относились лица, даже имеющие британское происхождение, в случае если они представляли угрозу миру и стабильности в стране. Последнее ограничение, по реальным фактам своего применения, стало полным запретом «красной» иммиграции [Beaglehole 2020].

Целью исследования является восстановление картины ранней российской эмиграции в одну из самых удаленных стран мира, которой и до сих пор считается Новая Зеландия. «Российскими иммигрантами» обозначаются все лица, родившиеся в географических границах Российской империи до времени их эмиграции, независимо от их этнической принадлежности. Эта тематика по сей день малоизучена как в российской, так и в зарубежной историографии. Попутно эти темы затрагивали немногие авторы, в разных аспектах изучавшие историю российского присутствия в соседней Австралии: Е.В. Говор, Г.И. Каневская, А.Я. Массов, А.С. Петриковская и др. [Говор 2004; Каневская 2010; Массов 1995; Массов 1998; Петриковская 2002; Govor 2005]. Первой обратилась к архивным новозеландским источникам Е.В. Говор, обнаружив там десятки дел, связанных с натурализацией выходцев из Российской империи дореволюционного и последующих периодов [Говор 2004]. Опираясь на материалы российской статистики, реальную численность выходцев из России в Новой Зеландии в дореволюционный период определить невозможно. Это обусловлено, в первую очередь, отсутствием эмиграционного учета в Российской империи [Ионцев 2001, с. 28–41]. Российские авторы, затрагивающие вопрос численности выходцев из России в этой части света, обычно ссылаются на мнение последнего генерального консула Российской империи в Австралии и Новой Зеландии А.Н. Абаза (1872–1925), работавшего в этой должности в 1910–1918 гг. Данные, касающиеся численности «русских», консул брал из новозеландских переписей; при этом он отмечал, что реальная цифра должна быть выше.

Возможность определить реальную численность эмигрантов из России в Новой Зеландии в дореволюционный период и проследить динамику ее изменения может дать только статистика принимающей страны. Учет постоянного населения в Новой Зеландии стал проводиться уже в 1840 г. Долгое время он был нерегулярным и носил выборочный характер. Первая масштабная перепись европейского населения этой страны состоялась 1 января 1851 г. Далее, до 1874 г., подобный учет проводился один раз в три года. 1 марта 1881 г. состоялась первая общенациональная перепись. Затем подобные переписи стали проводиться, как правило, раз в пять лет. В 1910 г. был создан государственный Департамент статистики, ранее переписи проводились силами различных ведомств. До 1917 г. было проведено восемь общенациональных переписей (1881, 1886, 1891, 1896, 1901, 1906, 1911, 1916 гг.). Материалы именно этих переписей являются основными источниками исследования.

Все лица, не родившиеся в Британской империи, считались иностранцами. Многие эмигранты, прибыв в Новую Зеландию, могли долгие годы проживать здесь на постоянной основе, сохраняя иностранное подданство. Главной причиной их обращения за британским гражданством было получение права владения землей. До 1870 г. иностранцам не разрешалось владеть землей,

наследовать ее и передавать по наследству. В 1870 г. многие из этих ограничений были сняты: иностранцам разрешалось владеть личным имуществом и брать землю в аренду на срок до 21 года. Но иметь землю в собственности по-прежнему не разрешалось, что стимулировало рост обращений за британским гражданством, процесс получения которого назывался натурализацией. С 1866 г. претенденты на британское гражданство должны были заверять свои автобиографические данные у мирового судьи, давать клятву верности королеве и платить за издание сертификата о натурализации («Alien Act of 1866»).

До этого времени, т.е. в 1846–1866 гг., натурализация того или иного лица объявлялась правительственным указом, поэтому на каждой сессии парламента рассматривался список лиц, подавших прошение на натурализацию. Главным печатным правительственным органом в то время была газета «The New Zealand Gazette». Здесь печатались заявления от лиц, подавших прошения на натурализацию, а также списки тех, кому парламент давал британское гражданство. Первый указ о натурализации был издан в 1844 г. Список лиц, которым предоставлялось британское гражданство, насчитывал 126 имен. В основном это были немцы, покинувшие 26 декабря 1842 г. на парусном барке «Святой Павел» порт Гамбурга. Через полгода переселенцы высадились в г. Нельсон. По неполным данным, в 1844–1866 гг. были натурализованы не менее 870 заявителей [Walden 1998, p. 3–32]. Именно среди этой группы натурализованных лиц присутствует самое раннее упоминание об иммигранте российского происхождения, имя которого было записано в двух вариантах – как Джон Андерсон и как Джон Эндрю Золотеравски. Настоящее же его имя – Иван Андреевич Золотеравский (John Andrew Zoloteravsky). В страну он прибыл в качестве матроса иностранного судна. Местом его рождения указан российский город «Смоленско». Указ о натурализации Золотеравского был издан 5 июня 1857 г. В сопровождающих документах указана дата его прибытия в страну – 7 декабря 1845 г. Сохранилось объяснение Андерсона по поводу его разных имен [Proclamation 1857].

Упомянутый выше А.Н. Абаза был единственным среди российских генконсулов дореволюционного периода, кто посетил Новую Зеландию лично. Эта поездка состоялась в феврале-марте 1912 г. и продлилась три недели. Сразу по прибытии в Веллингтон Абаза заявил репортеру столичной газеты «Доминион», что находится здесь с официальным визитом. Однако о его контактах с властями страны, приемах в его честь, подписанных с местными властями соглашений, организованных встречах с русскими переселенцами и т.п. неизвестно. Вместе с супругой он посетил все транспортно доступные достопримечательности страны, после чего они выехали на Фиджи. «Неофициальность» визита российского генконсула косвенно подтверждается его странными оценками численности русских в Новой Зеландии. В день прибытия

в том же интервью он сообщил, что информация о количестве российских граждан в Новой Зеландии (примерно 300 человек) была получена им в ходе бесед с теми согражданами Российской империи, кто посещал эту страну до его визита. На третий день пребывания в стране он говорил уже о 658 россиянах, заявив при этом, что «в течение трех дней я к своему удивлению не встретил здесь ни одного русского» [Russian Consul 1912, p. 2]. В новозеландской переписи 1911 г. как раз и были учтены эти 658 человек. Через два года Абаза отправил в российский МИД донесение с предложением о расширении консульских представительств во вверенном ему округе, в котором сообщал уже об 1 тыс. россиян в Новой Зеландии. Общая численность русской колонии в целом определялась им в 12 тыс. человек. По Новой Зеландии генконсул распределял выходцев из России следующим образом: в Веллингтоне и Окленде – 200 человек, в «прочих городах» – 300, «разбросано по деревням и фермам» – 500 человек. Одновременно Абаза признавал, что «...действительная численность русской колонии в Австралии скорее превышает указанное мною число, нежели его не достигает, так как, даже по официальным статистическим данным, уже в начале 1911 г. в Австралии было 4456 русских, а в Новой Зеландии – 778, усиленная же иммиграция сюда русских началась лишь после этого времени». Один из предшественников Абаза на этом посту – Р.Р. Унгерн-Штерберг – в донесении из Мельбурна в апреле 1896 г. указывал общую численность «русских уроженцев в австралийских колониях согласно всеобщей австралийской переписи 1891 г.» в 320 человек для Новой Зеландии (289 мужчин, 31 женщина). В июньском донесении того же года он уточнял: «Лиц, родившихся в России, оказалось 365; мужского пола – 350, а женского – 35. Принадлежавших же к православной церкви – всего 116 душ: 99 мужского и 17 женского пола» [Российская консульская служба 2014, с. 131–132, 147, 295–297]. Очевидно, что консулы лишь воспроизводили данные по численности российских иммигрантов, приводимые в официальных переписях населения страны 1896 и 1911 гг.

До 1881 г. переписи населения в Новой Зеландии проводились силами различных ведомств и в различные сроки. До 1874 г. учитывались только возраст, пол и место проживания опрашиваемых. Вопрос о месте рождения и религиозной принадлежности впервые появился в переписи 1874 г. Особенностью учета населения в ранний период истории Новой Зеландии является то, что в них никак не отражалась этническая принадлежность («гасе» или «ethnicity») европейских переселенцев. Вопрос об этом появился только в переписи 1916 г. Поэтому все выходцы из многонациональной Российской империи, исходя из указанного ими места рождения, обозначались до этого времени как «русские». Исключением были поляки: начиная с переписи 1881 и до 1911 г. они были выделены в отдельную категорию «поляки», без указания фактического места рождения. Таким образом, Польша указывалась

в переписях как самостоятельное государство, несмотря на то что часть ее территории еще с конца XVIII в. входила в состав Российской империи. В связи с тем что территории, ранее входящие в состав Польши, были разделены между тремя государствами – Австро-Венгрией, Германией и Россией, точное количество поляков, родившихся уже в границах Российской империи, по переписям определить невозможно. В настоящем исследовании все поляки учитываются все как «выходцы из Российской империи». В новозеландской переписи 1916 г. разделение на «поляков» и «русских» отсутствует. Остальные подданные России учитывались в графе «Россия и владения» / «Russia and Possessions». Единственный раз, в переписи 1881 г., выходцы из России были учтены в графе под названием «Россия, включая Финляндию и Лапландию» («Russia including Finland and Lapland»). Все приводимые ниже таблицы и диаграммы составлены автором по материалам новозеландских переписей 1874–1916 гг. [A history; Census; Historical population; Report (1891); Report (1916); Results (1874); Results (1886); Results (1896); Results (1901); Results (1906); Results (1911)].

Таблица 1

**ЧИСЛЕННОСТЬ ВЫХОДЦЕВ ИЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ В ПЕРИОД 1874–1916 гг.**

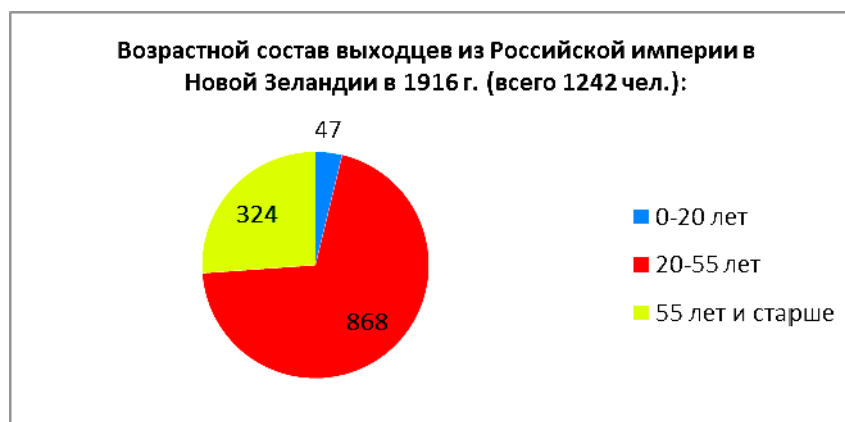
<i>Год проведения переписи населения</i>	<i>Общая численность населения (человек)</i>	<i>Из них – выходцев из России (всего, человек)</i>	<i>Соотношение с общей численностью населения страны (в %) (подсчитано автором)</i>	<i>«Русские» (человек)</i>	<i>«Поляки» (человек)</i>
1874	344 985	109	0,031	(в переписи нет данных)	(нет данных)
1881	534 030	373	0,069	273	100
1886	620 451	445	0,071	316	129
1891	668 652	389	0,058	320	99
1896	743 214	466	0,062	365	101
1901	815 862	484	0,059	387	97
1906	936 309	615	0,065	484	131
1911	1 058 313	771	0,072	658	113
1916	1 149 225	1242	0,10	996	(нет данных)

Таблица 2

**СООТНОШЕНИЕ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН СРЕДИ ВЫХОДЦЕВ
ИЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ В 1874–1916 гг.**

Год проведения переписи населения	Численность выходцев из Российской империи (человек)	Из общей численности – мужчин (человек)	Из общей численности – женщин (человек)	Соотношение мужчин и женщин (в %)
1874	109	96	13	88,07
1881	373	294	79	78,82
1886	445	372	73	83,59
1891	389	354	65	91,00
1896	466	400	66	85,83
1901	484	404	80	83,47
1906	615	505	110	82,11
1911	771	609	162	78,98
1916	1242	(нет данных)	(нет данных)	(нет данных)

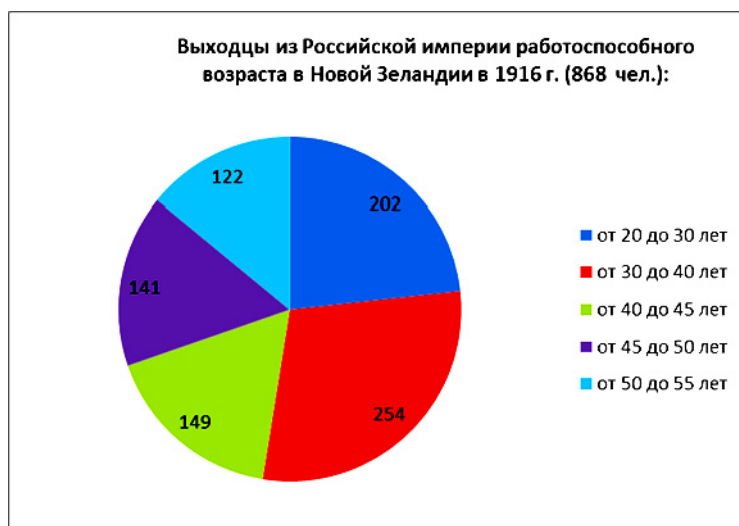
Диаграмма 1

Возрастной состав выходцев из Российской империи в Новой Зеландии в 1916 г.*

* Группа от 0 до 20 лет: в возрасте до 5 лет – 2 человека; от 5 до 10 лет – 6; от 10 до 15 лет – 11; от 15 до 20 лет – 28 человек. Группа от 20 до 55 лет: в возрасте от 20 до 25 лет – 70 человек; от 30 до 35 лет – 120; от 35 до 40 лет – 134; от 40 до 45 лет – 149; от 45 до 50 лет – 141; от 50 до 55 лет – 122 человека. Группа от 55 и старше: в возрасте от 55 до 60 лет – 81 человек; от 60 до 65 лет – 77; от 65 до 70 лет – 68; от 70 до 75 лет – 53; от 75 до 80 лет – 22; от 80 до 85 лет – 16; от 85 до 90 лет – 2 человека. Не выяснен возраст: 3 человека.

Диаграмма 2

**Выходцы из Российской империи работоспособного возраста
в Новой Зеландии в 1916 г. (868 человек)**

Выходцы из России селились по всей территории страны. Даже на маленьких островах Чатем в 1911 г. были учтены два бывших россиянина. К 1874 г. 75% от общей численности российских иммигрантов проживали на Южном острове (82 человека из 109 учтенных в переписи этого года). «Русские» жили в провинциях Отаго, Кэнтбери и Вестлэнд(и) – *правильно: Вестлэнд*, работали на золотых приисках и лесоразработках. Именно на Южном острове, в бывшем французском поселении Акароа поселился и Иван Золотеравский. До начала «золотой лихорадки» он вырубал лес под будущие пастбища недалеко от Крайстчерча, а затем стал владельцем спиртной лавки в тех же краях. Примерно в те же годы недалеко от него проживал его бывший соотечественник Николай Павлович Тунзельман (1828–1900), который уже с 1860 г. упоминается в официальных документах как фермер из поселения Вакатипо на Южном острове [Duncan 1984, p. 70]. После окончания «золотой лихорадки» точками сосредоточения выходцев из России стал более развитый промышленно и обладающий мягким климатом Северный остров. Больше всего русских было в самых крупных городах этого острова – Окленде и Веллингтоне. К 1911 г. на Северном острове проживали 495 «русских» и 36 «поляков», на Южном – всего 163 и 33 человека соответственно.

Таблица 3

**РАССЕЛЕНИЕ ПО НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ ВЫХОДЦЕВ
ИЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ***

Год	Численность выходцев из России в целом (без «по- ляков»), человек	г. Окленд	г. Веллингтон	Провинция Отаго (г. Данидин)	Провинция Кэнтбери (г. Крайстчерч)
1874	109	12	11	22	35
1896	365	111	99	45	55
1911	658	250	172	36	68
1916	996	428	335	91	110

* К 1916 г., помимо мест расселения, указанных выше, «русские» проживали в провинциях Таранаки (106 человек), ХаукеБэй (66), Мальборо (5), Нельсон (39), Вестлэнд (24), Сауфлэнд (29) и еще 9 человек находились в «military and Internment camps».

В отличие от численности, этнический состав российских переселенцев по новозеландским переписям установить невозможно. Некоторую возможность решения этой задачи дают такие новозеландские официальные источники, как «Список иностранцев на 1917 г.» и «Регистр натурализованных лиц к 1948 г.» [Register (1948), p. 1–426; Register (1917), p. 1–824]. В этих списках указывались имена, фамилии, места рождения иммигрантов, даты прибытия их в страну и другие данные. Все это в совокупности позволяет утверждать, что структура этнического состава российских дореволюционных переселенцев заметно изменялась дважды. До конца XIX в. из Российской империи через европейские порты прибывали преимущественно евреи из западных и южных областей страны. Они стали появляться здесь поодиночке и группами в заметном количестве начиная с 1870-х годов. Евреи оставались самой многочисленной этнической группой среди выходцев из России до 1916 г. Особенно много их въехало в последнее десятилетие XIX в. Это были участники массовой еврейской эмиграции 1880-х годов, связанной с ограничением гражданских прав и притеснениями этой этнической группы в России. Особенности адаптации евреев является быстрая потеря связей с российским прошлым. Также неизвестны случаи их реэмиграции в Россию. По совокупности имеющихся данных, можно утверждать, что евреи составляли не менее 70% среди всех выходцев из Российской империи. Тем не менее в историю Новой Зеландии эта группа переселенцев вошла под названием именно как «русские / российские евреи». В незначительном количестве среди иммигрантов этого времени присутствовали выходцы из трех прибалтийских провинций Российской империи и княжества Финского. Особой группой переселенцев были этнические поляки, для которых был характерен высокий и демонстративный уровень этнического самосознания. Возможно, именно

поэтому их отдельно стали выделять из общего потока переселенцев из Российской империи уже с 1881 г.

Этнических русских в Новой Зеландии в ранний период ее истории всегда было очень мало. Только к концу первого десятилетия XX в. их численность стала медленно увеличиваться. После поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 гг., неудач переселенческого движения в Сибирь и событий революции 1905 г. на российский Дальний Восток в поисках заработков двинулись разорившиеся крестьяне, мелкие ремесленники и неквалифицированные рабочие. Оттуда многие выехали на временные заработки в Австралию. Часть из них перебралась затем в Новую Зеландию, а впоследствии осталась здесь на постоянное место жительства. Одним из них был, например, бывший крестьянин, планировавший осесть в Сибири на собственной земле, уроженец г. Бобруйска, 1877 г. р. Нестор Васильевич Калашников. Поработав в Австралии, он перебрался в соседнюю страну, устроившись матросом на судно в 1907 г. Прожив в Новой Зеландии два года, подал заявление на натурализацию. В это время он был садовником или фермером в г. Палмерстоне-Норте. Натурализован был в 1912 г. [Memorial (1909)]. Другой пример – будущий создатель известного новозеландского напитка «Летога» Алексей Мигунов, прибывший сюда в 1908 г. Во время Первой русской революции 1905 г. он поддержал революционеров, бежал от репрессий в Сибирь, где занимался поиском и разведкой золота. Потом с другом добрался на лодке из Владивостока в Японию, а оттуда на японском судне – до новозеландского Веллингтона. Первое время Мигунов работал разнорабочим на ферме, затем познакомился с еще двумя выходцами из России. Они совместно приобрели ферму в Хауке Бэй. Позже он вызвал из России к себе жену и трехлетнюю дочь [McLeod 2002, p. 5]. Среди русских было немало и тех, кто въезжал в Новую Зеландию, минуя третьи страны.

В небольшом количестве среди российских иммигрантов были выходцы из более высоких социальных сословий. Например, бывший кадровый офицер и военный инженер Михаил Арапов, уроженец Москвы. Двенадцать лет он вел торговый бизнес во Владивостоке; в июле 1912 г. прибыл в Новую Зеландию вместе с женой и маленьким сыном. Арапов сразу же купил ферму на Северном острове, со временем переехал в Окленд [Naturalisation]. Еще один представитель этой группы – Владимир Евгеньевич Писаренко, уроженец Елизаветполя (Закавказье), прибывший сюда из Великобритании в конце 1908 г. и натурализовавшийся в 1913 г. «Группа русских джентльменов находится сейчас в Веллингтоне. Целью их визита является исследование Новой Зеландии на предмет переселения. Недавно они были в Маниле, собираются в Австралию. Действуют в интересах почти 900 семей, представляющих почти 2 тыс. человек с капиталом от 50 тыс. до 60 тыс. фунтов стерлингов, которые они хотели бы вложить для поселения в новых колониях», – сообщалось

в новозеландской прессе: одним из двух лидеров этой группы был указан и Писаренко [Russian emigrants 1909, p. 6]. Через несколько лет Писаренко основал и возглавил Школу «изящных искусств и ремесел» в Окленде. Одновременно занимался торговым бизнесом. Указывал, что в прошлом служил офицером на железной дороге на Кавказе и в Восточной Сибири [Memoirs (1913)].

К 1916 г. численность выходцев из Российской империи в Новой Зеландии достигла своего исторического максимума и, по официальным данным, составила 1242 человека, или 0,1% от общей численности населения страны. По совокупности имеющихся данных, численность выходцев из Российской империи может определяться в диапазоне от нижней границы в 1242 человека до 1500 человек, принимая во внимание неучтенных лиц российского происхождения. Но этот диапазон все-таки не может быть слишком большим. В первую очередь – по причине огромной удаленности Новой Зеландии от России.

Таким образом, выходцы из Российской империи в этой стране в ранний период ее истории всегда были малочисленны. Особенностью их проживания в Новой Зеландии является рассредоточение по всей территории страны. Вместе с тем уже первые переписи зафиксировали места наиболее компактного их расселения, которыми являлись самые крупные города страны на Северном и Южном островах страны (Окленд, Веллингтон, Крайстчерч, Данидин). В среднем примерно около 80% российских иммигрантов этого периода были мужчинами работоспособного возраста от 20 до 55 лет. Малочисленность, дисперсность расселения и неоднородность этнического состава выходцев из России дают основание рассматривать совокупность российских переселенцев этого периода только в качестве «колонии». Тем не менее можно говорить и о начале реального формирования русской диаспоры именно в этот период, учитывая стремление к религиозной консолидации части российских переселенцев, что выразилось в проведении первых православных богослужений на русском языке в Веллингтоне и Окленде в 1910 г.

Библиография

Говор Е.В. Из новозеландского архива // Австралиада. 2004. № 38. URL: <https://elena.id.au/Elena4.htm> (дата обращения: 1.07.2019).

Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Огороков А.В. Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. 490 с.

Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...»: История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2010. 372 с.

Массов А.Я. Андреевский флаг под Южным Крестом (из истории русско-австралийских связей первой трети XIX в.). СПб.: Изд-во Морского техн. ун-та, 1995. 127 с.

Массов А.Я. Россия и Австралия во второй половине XIX в. СПб.: б/и, 1998. 240 с.

Петриковская А.С. Российское эхо в культуре Австралии (XIX – первая половина XX века). М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2002. 199 с.

Российская консульская служба в Австралии, 1857–1917 гг. Сборник документов. Под ред. А.Я. Массова и М. Поллард. М.: Международные отношения, 2014. 327 с.

A history of census-taking in New Zealand // Stats.nz. URL: <http://archive.stats.govt.nz/Census/2013-census/info-about-the-census/intro-to-nz-census/history/history-summary.aspx> (дата обращения: 1.07.2019).

Beaglehole A. Immigration regulation – Immigration policy: overview // Te Ara: the Encyclopedia of New Zealand. 2020. 9 Febr. URL: <http://www.TeAra.govt.nz/en/immigration-regulation/page-1> (дата обращения: 5.07.2019).

Census of New Zealand 1881 // Statistics New Zealand. URL: https://www3.stats.govt.nz/historic_publications/1881-census/1881-results-census.html (дата обращения: 1.07.2019).

Duncan A.H. The Wakatipians, or Early days in New Zealand. Reprint of 1888 year. Christchurch (New Zealand): Cappey Press Ltd., 1984. 111 p.

Govor E. Russian Anzacs in Australian history. Sydney (Australia): New South Wales Press, 2005. 286 p.

Historical population estimates tables // Statistics New Zealand. URL: http://archive.stats.govt.nz/browse_for_stats/population/estimates_and_projections/historical-population-tables.aspx (дата обращения: 1.07.2019).

McLeod B. Some interesting Russian immigrants // The «Wind» (Russian monthly newspaper). Auckland (New Zealand). 2002. N 75. P. 5.

Memorial (1913) for Naturalisation 1913 // National Archives New Zealand, Wellington Office. From: Vladimir Eugene Pisarenko, Auckland. Date: 5 Feb. 1913. Item ID: R24765781.

Memorial (1909) for naturalization 1909 // National Archives New Zealand, Wellington Office. From: Nestor Kalashnikov [Gardener, Russia], Palmerston North. Date: 8 Jul 1909. Item ID: R24767052.

Naturalisation – Revocation of – Arapoff, Michael // National Archives New Zealand, Wellington Office. Item ID: R19964935.

Proclamation naturalizing John Andrew Zoloteravsky or John Anderson // National Archives New Zealand, Wellington Office. From: Governor, Auckland. Date: 5 Jun. 1857. Item ID: R24906098.

Register (1917) of Aliens in New Zealand, 1917. Wellington [N.Z.]: Margus F. Marks, Government printer, 1917. 824 p.

Register (1948) of Persons Naturalized in New Zealand before 1948 year. Wellington: Government publishing, 1948. 426 p.

Report (1891) on results of Census, 1891 // Statistics New Zealand. URL: https://www3.stats.govt.nz/historic_publications/1891-census/1891-report-on-results-census/1891-report-on-results-census.html (дата обращения: 1.07.2019).

Report (1916) on the results of a Census of the population of the dominion of New Zealand taken for the night of the 15th October, 1916 // Statistics New Zealand. URL: https://www3.stats.govt.nz/historic_publications/1916-census/Report%20on%20Results%20of%20Census%201916/1916-report-results-census%20.html#idsect1_1_30862 (дата обращения: 1.07.2019).

Results (1874) of a Census of the Colony of New Zealand taken for the night of the 1st March 1874 // Statistics New Zealand. URL: https://www3.stats.govt.nz/historic_publications/1874-census/1874-results-census.html#idchapter_1_119587 (дата обращения: 1.07.2019).

Results (1886) of a Census of the colony of New Zealand taken for the night of the 28th March 1886 // Statistics New Zealand. URL: https://www3.stats.govt.nz/Historic_Publications/1886-census/Results-of-Census-1886/1886-results-census.html (дата обращения: 1.07.2019).

Results (1896) of a Census of the colony of New Zealand taken for the night of 12th April 1896 // Statistics New Zealand. URL: https://www3.stats.govt.nz/historic_publications/1896-census/1896-results-census/1896-results-census.html (дата обращения: 1.07.2019).

Results (1901) of a Census of the colony of New Zealand taken for the night of the 31st March, 1901 // Statistics New Zealand. URL: https://www3.stats.govt.nz/historic_publications/1901-census/1901-results-census/1901-results-census.html (дата обращения: 1.07.2019).

Results (1906) of a census of the colony of New Zealand taken for the night of the 29th April, 1906 // Statistics New Zealand. URL: https://www3.stats.govt.nz/historic_publications/1906-census/1906-results-census/1906-results-census.html (дата обращения: 1.07.2019).

Results (1911) of a Census of the dominion of New Zealand. 1911 // Statistics New Zealand. URL: https://www3.stats.govt.nz/historic_publications/1911-census/1911-results-census.html (дата обращения: 1.07.2019).

Russian consul in New Zealand // The «Dominion» newspaper. 1912. 22 фев. Р. 2.

Russian emigrants searching for lands // The Otago Daily Times newspaper. 1909. 11 января. Р. 6.

Walden H.A. Index of aliens naturalized in New Zealand (1844–1866). Pukekohe (New Zealand). 1998. 32 p.

References

A history of census-taking in New Zealand. Stats.nz. URL: <http://archive.stats.govt.nz/Census/2013-census/info-about-the-census/intro-to-nz-census/history/history-summary.aspx> (date of access: 1.07.2019).

Beaglehole A. Immigration regulation – Immigration policy: overview. Te Ara: the Encyclopedia of New Zealand. 2020. 9 Febr. URL: <http://www.TeAra.govt.nz/en/immigration-regulation/page-1> (date of access: 5.07.2019).

Census of New Zealand 1881. Statistics New Zealand. URL: https://www3.stats.govt.nz/historic_publications/1881-census/1881-results-census.html (date of access: 1.07.2019).

Duncan A.H. The Wakatipians, or Early days in New Zealand. Reprint of 1888 year. Christchurch (New Zealand): Cappey Press Ltd., 1984. 111 p.

Govor E. Russian Anzacs in Australian history. Sydney (Australia): New South Wales Press, 2005. 286 p.

Govor E.V. Iz novozelandskogo arhiva [From the New Zealand archives]. Avstraliada. 2004. N 38. URL: <https://elena.id.au/Elena4.htm> (date of access: 1.07.2019). (In Russ.)

Historical population estimates tables. Statistics New Zealand. URL: http://archive.stats.govt.nz/browse_for_stats/population/estimates_and_projections/historical-population-tables.aspx (date of access: 1.07.2019).

Ioncev V.A., Lebedeva N.M., Nazarov M.V., Okorokov A.V. Jemigracija i repatriacija v Rossii. Moscow: Popechitel'stvo o nuzhdah rossijskih repatriantov [Emigration and repatriation in Russia. Moscow: Guardianship of the needs of Russian repatriates], 2001. 490 p. (In Russ.)

Kanevskaja G.I. «My eshhe mehtaem o Rossii...»: Istorija russkoj diaspory v Avstralii (konec XIX – vtoraja polovina 80-h gg. XX veka) «We still dream of Russia...»: History of the Russian diaspora in Australia (late XIX century – the second half of the 80s XX century)]. Vladivostok: izd-vo Dal'nevost. gos. un-ta, 2010. 372 p. (In Russ.)

Massov A.Ja. Andreevskij flag pod Juzhnyim Krestom (iz istorii russko-avstralijskih svyazey pervoj treti XIX v.) [St. Andrew's flag under the Southern Cross (from the history of Russian-Australian relations of the first third of XIX century)]. Saint Petersburg: Izd-vo Morskogo tehn. un-ta, 1995. 127 p. (In Russ.)

Massov A.Ja. Rossijsa i Avstralija vo vtoroj polovine XIX veka [Russia and Australia in the second half of XIX century in St. Petersburg. Saint Petersburg: b/i, 1998. 240 p. (In Russ.)

McLeod B. Some interesting Russian immigrants. The «Wind» (Russian monthly newspaper). Auckland (New Zealand). 2002. N 75. P. 5.

Memorial (1909) for naturalization 1909. National Archives New Zealand, Wellington Office. From: Nestor Kalashnikov [Gardener, Russia], Palmerston North. Date: 8 Jul 1909. Item ID: R24767052.

Memorial (1913) for Naturalisation 1913. National Archives New Zealand, Wellington Office. From: Vladimir Eugene Pisarenko, Auckland. Date: 5 Feb. 1913. Item ID: R24765781.

Naturalisation – Revocation of – Arapoff, Michael. National Archives New Zealand, Wellington Office. Item ID: R19964935.

Petrikovskaja A.S. Rossijskoe jeha v kul'ture Avstralii (XIX – pervaja polovina XX veka) [Russian echo in Australian culture (XIXth – first half of XXth century)]. Moscow: In-t Vostokovedenija RAN, 2002. 199 p. (In Russ.)

Proclamation naturalizing John Andrew Zoloteravsky or John Anderson. National Archives New Zealand, Wellington Office. From: Governor, Auckland. Date: 5 Jun. 1857. Item ID: R24906098.

Register (1917) of Aliens in New Zealand, 1917. Wellington [N.Z.]: Margus F. Marks, Government printer, 1917. 824 p.

Register (1948) of Persons Naturalized in New Zealand before 1948 year. Wellington: Government publishing, 1948. 426 p.

Report (1891) on results of Census, 1891. Statistics New Zealand. URL: https://www3.stats.govt.nz/historic_publications/1891-census/1891-report-on-results-census/1891-report-on-results-census.html (date of access: 1.07.2019).

Report (1916) on the results of a Census of the population of the dominion of New Zealand taken for the night of the 15th October, 1916. Statistics New Zealand. URL: https://www3.stats.govt.nz/historic_publications/1916-census/Report%20on%20Results%20of%20Census%201916/1916-report-results-census%20.html#idsect1_1_30862 (date of access: 1.07.2019).

Results (1874) of a Census of the Colony of New Zealand taken for the night of the 1st March 1874. Statistics New Zealand. URL: https://www3.stats.govt.nz/historic_publications/1874-census/1874-results-census.html#idchapter_1_119587 (date of access: 1.07.2019).

Results (1886) of a Census of the colony of New Zealand taken for the night of the 28th March 1886. Statistics New Zealand. URL: https://www3.stats.govt.nz/Historic_Publications/1886-census/Results-of-Census-1886/1886-results-census.html (date of access: 1.07.2019).

Results (1896) of a Census of the colony of New Zealand taken for the night of 12th April 1896. Statistics New Zealand. URL: https://www3.stats.govt.nz/historic_publications/1896-census/1896-results-census/1896-results-census.html (date of access: 1.07.2019).

Results (1901) of a Census of the colony of New Zealand taken for the night of the 31st March, 1901. Statistics New Zealand. URL: https://www3.stats.govt.nz/historic_publications/1901-census/1901-results-census/1901-results-census.html (date of access: 1.07.2019).

Results (1906) of a census of the colony of New Zealand taken for the night of the 29th April, 1906. Statistics New Zealand. URL: https://www3.stats.govt.nz/historic_publications/1906-census/1906-results-census/1906-results-census.html (date of access: 1.07.2019).

Results (1911) of a Census of the dominion of New Zealand. 1911. Statistics New Zealand. URL: https://www3.stats.govt.nz/historic_publications/1911-census/1911-results-census.html (date of access: 1.07.2019).

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Rossijskaja konsul'skaja sluzhba v Avstralii, 1857–1917 gg. Sbornik dokumentov [Russian Consular Service in Australia, 1857–1917. Collection of documents. Ed. by Massov A.Ja. and Pollard M.]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2014. 327 p. (In Russ.)

Russian consul in New Zealand. The «Dominion» newspaper. 1912. Feb. 22. P. 2.

Russian emigrants searching for lands. The Otago Daily Times newspaper. 1909. Jan. 11. P. 6.

Walden H.A. Index of aliens naturalized in New Zealand (1844–1866). Pukekohe (New Zealand). 1998. 32 p.

Л.В. Ланник

**ГЕРМАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ 1918 г.
НА ЗАПАДНЫХ ОКРАИНАХ РОССИИ
(на примере Брянщины)**

Аннотация. Боевые действия на Восточном фронте Первой мировой войны возобновились 18 февраля 1918 г. после разрыва переговоров, но не закончились подписанием Брестского мира. Это привело к распространению зоны первой германской оккупации на ряд территорий, в том числе на те, что признавались частью Советской России, включая земли Брянщины. До сих пор не существует детальной истории кампании 1918 г. на Востоке, что обосновано не только ситуацией с источниками, но и политической конъюнктурой предшествующих этапов развития историографии. Лишь привлечение малоизвестной германской военной литературы и пересмотр ряда традиционных трактовок истории Гражданской войны в России дают возможность хотя бы частично заполнить лакуну. После боев между германо-украинскими войсками и красной гвардией в конце марта – середине апреля 1918 г. часть Брянской области оказалась под германской оккупацией, продолжавшейся от шести до девяти месяцев. Географическое положение Брянщины обусловило ее специфику как региона на стыке Советской России и Украины, влияние польского и белорусского факторов. Особенности военно-политической обстановки в рамках Брестской системы международных отношений привели к тому, что контроль именно над этим регионом играл решающую роль для формирования войск РККА на будущем Западном фронте, а также для любых расчетов на будущую ревизию Брестского мира. Германские оккупанты были заинтересованы в прочном контроле над Поднепровьем и Киевом, а украинские националисты – в расширении границ на северо-восток, что приводило к постоянной эскалации напряженности на территории современной Брянщины даже после прекращения активных боевых действий в мае 1918 г.

Ключевые слова: кампания 1918 г.; Восточный фронт; германская интервенция; первая оккупация; Брянщина; Брестский мир.

Ланник Леонтий Владимирович – кандидат исторических наук,
доцент, старший научный сотрудник,
Институт Всеобщей истории (ИВИ) РАН, Россия, Москва.
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
Scopus Author ID: 57211606261

Lannik L.V. The German Intervention of 1918 on the Eastern Boarder of Russia (the Bryansk Region Case)

Abstract. *The fighting on the Eastern Front of the WWI resumed on February 18, 1918, after the breakdown of the talks, and did not end after the Treaty of Brest-Litovsk was signed. All this resulted in the expansion of the German zone of occupation on a number of territories that the Central Powers acknowledged as belonging to the Soviet Russia, this including the Bryansk area. Until now, the Eastern campaign of 1918 has not received any detailed coverage, which was due not only to the scarcity of sources but also to the political conjuncture characteristic to the previous stages of our historiography. It's only after there came into use some little-known German military literature and a number of traditional interpretations of the history of the Russian Civil War were revised that an opportunity appeared, at least in part, to fill in the lacuna.*

As a consequence of hostilities between the German-Ukrainian troops and the Red Guard army from the late March to the middle of April, 1918, a part of the Bryansk region, for a period of 6–9 months, was occupied by the Germans. The geographical position of the Bryansk region underpinned its importance as a borderland between Soviet Russia and Ukraine, also bringing into play the Polish and Belarusian factors. The characteristic features of the Brest treaty produced a situation in which control over that exact area played a key role both for the international relations and, in perspective, for the formation of the Red Army troops on the future Western front of Russian Civil War. It also nourished hopes for the eventual revision of the Brest Peace Treaty. The German occupants were interested in a lasting control over the Sub-Dnepr region and Kiev, while the Ukrainian nationalists – in expansion their borders to the North East. All this drove escalation of hostilities even after the active phases of the war ended in May of 1918.

Keywords: *campaign of 1918; the East Front; the German intervention of 1918; the First Occupation; Bryansk region; the Brest peace treaty.*

**Lannik Leontiy Vladimirovich – Candidate
of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher,
Institute of World History of the Russian Academy
of Sciences (IWH RAS). Russia, Moscow.
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
Scopus Author ID: 57211606261**

Брянская область – один из немногих регионов России в современных ее границах, который за XX в. пережил сразу две германских оккупации. Если вторая из них, в 1941–1943 гг., всегда привлекала огромное внимание, став важнейшей частью современного исторического сознания граждан РФ, то первая, в 1918 г., оказалась прочно забыта даже там, где она имела место, в том числе на Брянщине. Причины этому следует искать не только в масштабах, затмившей Первую, Второй мировой войны, но и в общей специфике рассмотрения событий 1917–1922 гг. в нашей стране и на всей территории распавшихся в начале XX в. империй.

Вопреки устоявшемуся и зачастую априорному мнению о том, что большевистский переворот, а затем Брестский мир положили конец существованию Восточного фронта Первой мировой войны, следует констатировать, что кампания 1918 г. на Востоке состоялась как для Центральных держав, так и для Антанты. Во многом ее содержание сводилось к «принуждению к миру» Советской России в ходе операции «Фаустшлаг», начавшейся 18 февраля 1918 г., а также к имплементации целой серии подписанных на Востоке мирных договоров (в том числе обоих Брестских, Берлинского с Финляндией и Бухарестского с Румынией и др.). Доказательством того, что Восточный фронт продолжал существовать не только до подписания, но даже и после ратификации Брестского мира Советской Россией в середине марта, служат широкомасштабные боевые действия войск Центральных держав в течение по меньшей мере еще двух месяцев (до 12 мая), а также отдельные операции и вспышки конфликтов в различных регионах бывшей Российской империи на протяжении всего периода официального действия Брестского мирного договора (денонсирован частично 20 сентября, аннулирован ВЦИКом 13 ноября 1918 г.). Показательно и сохранение высших командных структур германской армии на Востоке и задействование крупных ее сил на якобы уже не актуальном театре военных действий даже в разгар решающей кампании на Западном фронте. Логика продолжавшейся и вышедшей в стадию кульминации Великой войны нередко диктовала ход событий Гражданской войны на развалинах Российской империи куда более чем локальные социальные и / или национальные конфликты. Требования схватки за мировое господство оказались и для Четверного союза, и для Антанты, а порой и для большевиков важнее любых деклараций, лозунгов (в том числе о замене империалистической войны гражданской) и межгосударственных соглашений. Судьба Брянщины в марте 1918 – январе 1919 г. – одно из ярких тому подтверждений.

Подписание, а особенно быстрая ратификация Брестского мира от 3 марта обеими сторонами способствовали прекращению наступления германских армий на участке фронта от Финского залива до среднего Поднепровья в районе Могилева, занятого сначала частями польского корпуса генерала Довбор-Мусницкого, а затем германскими войсками 5–7 марта 1918 г. Это привело к постепенной стабилизации обстановки и складыванию демаркационной линии к северу от этого города. Однако для прекращения постоянных боестолкновений потребовались еще и многочисленные локальные перемирия и согласование позиций сторон, а затем и нейтральной полосы между ними. С середины марта последовало распределение оккупационных германских войск на занятых территориях к северу от Полесья. Постепенно группировка войск 10-й армии, находившейся в Белоруссии, была ослаблена из-за перебросок на другие направления, и в первую очередь на Западный фронт. Однако ни саму эту армию, ни даже Главнокомандование на Востоке (Обер

Ост) в связи с достигнутым на Востоке «миром» не расформировали ни весной 1918 г., ни вообще за весь период действия Брестского договора. В Советской России заканчивалась демобилизация остатков частей старой армии, в том числе почти полностью рассеявшегося в ходе операции «Фаустшлаг» бывшего Западного фронта. Брянск быстро стал одним из центров управления теми отрядами красных, что отступили из Белоруссии, единоначалие удалось установить далеко не сразу. Последовало формирование Западной завесы войск РККА во главе с военспецом В.Н. Егорьевым [Егорьев 1928; Бобылев 1972; Селиванов 1972; Стрекалов 2001], продвигавшееся вплоть до серьезных неудач красных на фронте в Поволжье, а также на Севере в августе-сентябре 1918 г. достаточно успешно. В Брянске расположился штаб относительно боеспособной 2-й Орловской дивизии, авиаотряд и ряд других частей, упорной обороны его долгое время не планировалось. В случае возобновления советско-германской войны завесу намерены были отводить с Брянщины к Сухиничам (см., в том числе, схему обороны: [Егорьев 1928, с. 231–233, 238]).

Расположенная далее к югу территория современной Брянской (а также Курской, Белгородской, Воронежской) области в зону стабилизации советско-германского фронта не попала. Исходя из ее стратегического положения – кратчайшего пути между узловыми станциями и магистралями в Белоруссии и Донбассом – Брянщина была обречена на оккупацию вне зависимости от формальных целей «Фаустшлага», тем более что границы Советской России были пока не определены, не соблюдаясь оккупантами и на ряде других направлений: под Псковом, в Крыму, на Дону, на Таманском полуострове. Каждый из прилегающих к демаркационной линии 1918 г. регионов обладал заметной спецификой в расстановке сил, а потому нуждается в соответствующих исследованиях на сохранившихся местных материалах. С германской точки зрения общая логика происходившего укладывалась в становление нового устройства Восточной Европы, оформлявшегося на постимперских пространствах в Брестскую систему международных отношений [Ланник 2020, с. 33–70].

Создание стабильно действовавшей системы использования ресурсов оккупированного Востока должно было подкрепляться и правовым оформлением новых рубежей, созданных исключительно по военно-экономическим соображениям в ходе германского вторжения. Поэтому оккупанты были заинтересованы не столько во все новых захватах, сколько в детальном оформлении оккупированного явочным порядком при крайне сомнительных международно-правовых к тому основаниях. Последними выступали так называемые «призывы о помощи» от потенциальных сателлитов Германии. Относительно территории нынешней Брянщины могли иметь в виду притязания УНР (на что Центральные державы согласились еще в договоре от 9 февраля),

а также и потенциальной БНР (но ее декларация независимости в Минске 25 марта ни малейшей поддержки у оккупантов не встретила). В современной белорусской историографии принято придавать последней, с характерным оттенком виктимности, значение «первого опыта белорусской государственности» [Грицкевич 2010, с. 45–51; Чернякевич 2018], однако на реалии и логику первой германской оккупации фантомное существование БНР воздействия не оказало. Куда более важным фактором обстановки в Белоруссии и на сопредельных территориях вплоть до их силового разоружения в середине мая 1918 г. была группировка польских войск из пошедшего на взаимодействие с кайзеровскими войсками 1-го Польского корпуса генерала Довбор-Мусницкого (помимо польской историографии см.: [Ланник 2020, с. 239–241]). Характерно, что будучи не заинтересованы в расширении зоны, контролируемой польскими войсками, а также опасаясь вспышки активных боевых действий между РККА (и красными партизанами) и солдатами Польского корпуса, либо не желая перехода последних на советскую территорию германское командование не допустило войска «союзников» за Днепр. Будущее вторжение на территорию Стародубщины и части Орловской губернии должны были осуществлять исключительно кайзеровские войска. Лишь на части территории допускалась некоторая поддержка сторонников УНР, слабевшая с каждым днем из-за конфликтов в связи с реквизициями.

Оккупация Брянщины, так же как и Белоруссии, оказалась, в отличие от соседней Украины, почти исключительно германской. Австро-венгерская зона была значительно южнее, украинские части и отряды существенной роли в оттеснении большевистских войск не играли, их роль нарастала лишь с конца лета 1918 г. Восстановить детально ход боевых действий во время вторжения германских войск на Брянщину и последующей оккупации западной и южной ее частей по советским источникам оказывается достаточно сложно. Официальная советская историография обращалась к данному сюжету лишь периодически и в пропагандистских целях, избегая освещения невыгодных для нее эпизодов советско-германских отношений в 1918 г. Изучение массы столкновений порой основывалось на сомнительной достоверности газетных сведений и почти эпических рассказах об успехах партизан. Становление и развитие Западной завесы войск РККА также было долгое время не в приоритете у занятых основными фронтами Гражданской войны историков в нашей стране, так что ситуация стала меняться лишь к концу советского периода (см., напр.: [Егоров 1989]). Сказывалась не только мифологизация ряда действующих лиц, но и попытки забвения ряда военных деятелей в связи с позднейшими репрессиями. Реабилитация далеко не всегда сопровождалась действительно необходимым исследованием прежних зон умолчания в сложившейся при Сталине концепции. Необходимых крупных краеведческих исследований по истории первой германской оккупации на Брянщине,

насколько известно автору, нет до сих пор. Серия работ Ю.П. Соловьева пока ограничивается концом 1917 г., однако это позволяет надеяться на переход и к интересующей нас теме. Некоторую информацию удалось получить лишь из работ Р.И. Перекрестова, касающихся округа Клинцов [Перекрестов 2012, с. 430–433]. Аналогичные исследования, посвященные соседним регионам, на событиях германской интервенции почти не концентрируются (см., напр.: [Емельянов, Зорин, Шпилев 2013]). Ряд статей советских авторов вряд ли могут раскрыть данную тему даже по объему, не говоря об общей тональности [Колосов 1968; Садыков 1970].

Ситуация в германской историографии оказывается еще более сложной. В межвоенный период Восточный фронт Великой войны неуклонно вытеснялся из исторической памяти и научных приоритетов Западным, а после Второй мировой войны шансов на исправление этого перекоса и вовсе не осталось. Кампания на Восточном фронте в 1918 г. давала немало поводов к дискуссиям, однако по-настоящему масштабной версии событий создано не было. Из действий в ходе операции «Фаустшлаг» против Советской России было разобрано и описано («по горячим следам» и со всеми вытекающими последствиями) только наступление в Прибалтике [Kaupisch 1918]. Позже последовало сравнительно профессиональное описание кампании в Финляндии [Henke, Liesner 1932], а также краткое (и далеко не полное) описание вывода оккупационных войск в конце 1918 – начале 1919 г. [Darstellungen 1936]. Выходившая в Германии мемуаристика и лейтенантская проза Востоку уделяли не так много внимания, а среди опубликованных воспоминаний подавляющее большинство касались событий на Украине, в Крыму и на Дону (см., напр.: [Украина 2018]). Представители высшего командного состава оккупационных войск на Востоке порой и вовсе не оставили мемуаров именно о кампании 1918 г., либо не считая эту часть своей карьеры достойной памяти потомков, либо не успев осветить в своих воспоминаниях это к моменту кончины (как, например, командующий оккупировавшей Белоруссию 10-й германской армией Э. фон Фалькенгайн). В немногочисленных биографиях военачальников данный период их карьеры описывался поэтому непропорционально скупой [Afflerbach 1994, S. 486–492].

Гибель подавляющего большинства фондов Военного архива в Потсдаме в апреле 1945 г., где находились все документы прусских частей и высших штабов, а также рассеяние уцелевших документов по разным странам и коллекциям, казалось, поставили крест на перспективах данного направления работы. Фонды штабов различного уровня (от групп армий до бригадного и полкового), особенно прусского контингента, составлявшего в кайзеровской армии большинство, оказались уничтожены. От документации, оккупировавших окрестности Гомеля, Новгород-Северского и Стародуба войск в составе 41-го резервного корпуса, остались лишь несколько страниц документов и

микрофильмированная в плохом качестве коллекция карт (см.: [Bundesarchiv]). Сохранившиеся подшивки фронтовых газет с учетом их цензурирования являются слишком сомнительным по достоверности и как правило неполным или неоригинальным источником. Это касается как германской, так и советской, украинской и др. прессы. В последующие годы некоторые успехи были достигнуты лишь в контексте изучения в ГДР «влияния Великого Октября на Германию». В Восточной Германии был опубликован ряд уникальных и не вполне востребованных историографией ФРГ источников (об общих тенденциях см.: [Ланник 2019]). Однако в этих работах никогда не стремились к воссозданию боевых действий и оккупационных будней за пределами эффектов революционного разложения кайзеровских войск. Всплеск интереса в том числе к восточной политике Германии в 1918 г. на волне дискуссий о тезисах Ф. Фишера [Фишер 2017] увенчался созданием серии трудов и публикаций источников В. Баумгарта (см., напр.: [Von Brest-Litovsk 1971]), которые и спустя полвека остаются непревзойденными по качеству комментирования и масштабу анализа Ostpolitik. Впрочем, даже главная работа этого специалиста до сих пор не переведена ни на русский, ни на английский языки [Baumgart 1966].

После воссоединения Германии и в ходе последовательного пополнения хранилищ Военного архива во Фрайбурге наметились определенные надежды на хотя бы частичную реконструкцию событий в германских войсках на Востоке в 1918 г., но отдельные находки всегда носят фрагментарный и почти случайный характер. В такой ситуации едва ли не единственным шансом стал критический анализ выпускавшихся в межвоенное время германских полковых историй, многие из которых сохранились, несмотря на малотиражность и разное качество. Установить точный состав оккупировавших именно Брянщину германских войск непросто, в том числе в связи с активной ротацией оккупационных войск, а также в связи с проводящимися в течение всей кампании активными перебросками сил на другие участки фронта, в основном на Западный. С учетом далеко не элитного состава германских дивизий на Востоке в разгар решающей кампании на Западе на территории Брянщины оказались преимущественно ландверные, а то и ландштурменные части. Проект создания полковых историй для всех частей бывшей кайзеровской армии был к началу Второй мировой войны далеко не окончен (хотя вышло не менее 1000 наименований литературы). Первыми такой чести удостоились главным образом кадровые и резервные части, в то время как поддержание памяти о боевых свершениях ландвера и ландштурма оставалось как правило уделом энтузиастов. Это наложило существенный отпечаток и на качество изданных полковых историй, и на полноту охвата ими частей, некогда оккупировавших территории Брянской области. Лишь по счастливой случайности все три ландверных пехотных полка ландверной дивизии, оккупировавшей Брянщину

(100-й, 104-й и 106-й), имеют изданные полковые истории [Sauer 1923; Pfaff 1925; Fritsche 1925]. Кроме того, обрывочные сведения можно почерпнуть и из истории 20-го (2-го саксонского) гусарского полка, один из эскадронов которого был придан дивизии [Planitz 1932]. Пospособствовала этому также более тщательная работа над историями воинских частей, сформированных в малых германских государствах (в данном случае Саксонии) по сравнению с не успевшей обработать огромный объем своей недавней военной истории Пруссии. Для сравнения: все три пехотных полка, стоявшей на Гомельщине 35-й прусской резервной дивизии (420-й, 421-й и 438-й), этого так и не удостоились (в том числе из-за отсутствия части их архивов, оставшихся на перешедших Польше территориях провинции Позен). Поэтому ход событий в этом регионе, также критически важный для избранной темы, восстановить крайне сложно. Некоторые сведения можно почерпнуть из полковых историй частей других дивизий, однако такие находки почти всегда носят случайный характер. Имеющие для данной темы важнейшее значение полковые истории саксонского ландвера были опубликованы еще в середине 1920-х годов, когда этот жанр лишь набирал обороты, а издания носили почти любительский характер. Это сказывается и на объеме, и на точности изложения, и на учете потерь. Ценны эти полковые истории мемуарными свидетельствами, иногда включаемыми в книгу волею составителя. С учетом подобной историографической ситуации и на фоне почти критического положения с источниками возможно дать лишь сравнительно краткий обзор хода оккупации кайзеровскими войсками Брянщины в 1918 г., а также их последующего перераспределения.

Вплоть до взятия интервентами Киева и Гомеля 1–2 марта 1918 г. наступление в Полесье (и в целом в правобережье Днепра) германских войск развивалось почти без осложнений, однако возобновление его после перегруппировки сил во второй декаде марта столкнулось с некоторыми трудностями. Определенная поддержка местных сторонников Рады (или ярых противников большевиков, заявивших о ее поддержке) позволила быстро установить контроль над Черниговом, однако и на этом направлении сопротивление красных стало крепнуть. Разгоревшиеся в середине марта бои под важным железнодорожным узлом Бахмач, где готовились к вывозу на восток части Чехословацкого корпуса, а затем и на полтавском направлении подчеркнули необходимость овладения оставшейся частью Черниговской губернии, в том числе Стародубщиной, что позволяло более коротким путем перевести на Слобожанщину теперь уже излишние в Белоруссии войска.

Знаковым стало расформирование армейской группы Гронау 27 марта 1918 г., основные силы которой (41-й резервный корпус) продолжили наступление на юго-восток, оставив в Белоруссии лишь незначительные гарнизоны. Это решение было принято на фоне закулисной борьбы командира 1-го

армейского корпуса генерал-лейтенанта В. Грёнера, вскоре ставшего начальником штаба группы армий «Киев», против его командующего престарелого генерал-фельдмаршала А. Линзингена. Последний упорно противился усилению вверенной Грёнеру группировки, которая вела бои на полтавском и харьковском направлениях. Связи генерал-лейтенанта в германской Ставке обеспечили направление ему в подкрепление 224-й пехотной дивизии [Von Brest-Litovsk 1971, S. 305, 312, 327], а Линзинген вскоре (29–31 марта) получил новое назначение подальше от Востока, командующим столичным военным округом. Благодаря настойчивости Грёнера германская группировка на брянском направлении была явно ослаблена. Это означало, что активного наступления на северо-восток не будет, а состав оккупационных войск в регионе постепенно сократится до минимума. Одним из следствий постепенного упрощения структуры оккупационных войск стало постепенное прекращение выпуска собственной газеты этого соединения «Feldzeitung der Armee-Abteilung Gronau», подшивка которой сохранилась и оцифрована, но затрагивает лишь часть интересующего нас периода и из-за военной цензуры содержит мало эксклюзивного материала.

Между тем и на второстепенных к концу марта направлениях продолжались бои, обычно упоминавшиеся в лучшем случае в не сохранившихся ныне боевых журналах батальонного и эскадронного уровня. К востоку от Гомеля в последние дни марта шли столь упорные стычки, например под деревней Марьино, что понадобилась серьезная акция возмездия в деревнях Дубовый Луг и Ветка. С обеих сторон в бою участвовали многочисленные пулеметы и артиллерия. О невысокой степени достоверности имеющихся в распоряжении германских источников говорит то, что эти события были удостоены крайне немногословного описания в полковых историях. В них утверждается, что в деревнях Прерость (?) и Корма были уничтожены лишь пара патрулей, над телами убитых надругались, но в ходе карательных экспедиций к 1 апреля большевики были рассеяны [Sauer 1923, S. 85–87]. В истории 106-го ландверного полка бои за Марьино описаны более подробно, заявлено о по меньшей мере четырех убитых и семи раненых. Оккупанты были вынуждены обороняться, но красные 30 марта отказались от дальнейших атак [Fritsche 1925, S. 153–154]. В германских журналах боевых действий все чаще отмечалось, что большевики не просто хорошо вооружены, но и достаточно обучены и дисциплинированы, хотя выдержать атаку германской пехоты не могут. Вспышки боевых действий предоставили для захвата очередных территорий Советской России вполне достаточный повод.

Германское командование с трудом сдерживало территориальные амбиции правительства УНР, воодушевленного быстрым ростом украинских Вооруженных сил за счет внезапного перехода на сторону независимой Украины ряда местных атаманов. Отношения между «союзниками» постепенно

накалялись, однако очередной громкий успех – взятие 8 апреля Харькова – заставил поторопиться с оформлением удобной демаркационной линии, в том числе на Стародубщине. Войска 47-й ландверной дивизии из 41-го резервного корпуса 9 апреля с боями заняли Новозыбков, где с 16 апреля 1918 г. размещался штаб 47-й ландверной дивизии [Sauer 1923, S. 87–88; Planitz 1932, S. 159–160; Pfaff 1925, S. 43], а 14 апреля – Клинцы [Bundesarchiv, S. 162–164]. Это не доставило интервентам особенного труда, называясь в тогдашних сводках «боями с бандами к северу от Сейма». Завершив захват интересовавшей ее полосы территории, германская сторона стала демонстрировать нежелание дальнейшего продвижения на север и северо-восток, однако продолжение боевых действий и засады в ряде деревень провоцировали к дальнейшим наступательным акциям. Сравнительно регулярная демонстрация силы германскими войсками в апреле, демонстративная подготовка к еще более крупным акциям – с переброской артиллерии к станциям для погрузки и со слухами об отправке на Восток (хотя потом отправляли на Запад) (см., напр.: [Seiffert 1925, S. 90]) – способствовали явной стабилизации демаркационной линии. Все эти мероприятия, включая подрыв патрулями германской кавалерии ведущих на север и восток железных дорог, смогли несколько успокоить обстановку. Новым рубежом на этом направлении должна была стать р. Унеча. Марш некоторых германских частей от Новозыбкова на юго-восток в сторону Новгород-Северского попутно обозначил окончательную линию разграничения. К концу апреля 47-я ландверная дивизия активно осваивалась в окрестностях Новгород-Северского, а также распределяла войска для оккупации Стародубщины. 25 апреля в Новгород-Северский после недолгого артобстрела вступил 104-й ландверный пехотный полк. Между 5 и 10 мая 1918 г. определилась и демаркационная линия под Клинцами [Pfaff 1925, S. 44]. Первый же визит представителей германского посольства в Москве 22 апреля к Г.В. Чичерину и Л.М. Карахану сопровождался демонстрацией на карте реальных пределов продвижения германских войск, чуть ли не «под Брянском» [Riezler 1972, S. 463]. В эти дни германские разъезды действительно постепенно заняли Стародуб и Семеновку, ведя активную разведку в сторону Брянска, но пытаясь не переходить границы Черниговской губернии, т.е. не продвигаться далее Унечи и Почепа [Sauer 1923, S. 124–127]. Рисковать дополнительными потерями в боях за крупные города относительно небольшие германские передовые отряды на основе кавалерии не желали. Окрепшее сопротивление РККА демонстрировало, что взятие Брянска без тщательной подготовки и дополнительных сил невозможно. Существенно расширившаяся в конце апреля – начале мая оккупированная территория требовала не концентрации войск для дальнейшего наступления, а напротив – рассредоточения минимально необходимых сил для контроля над уже занятыми землями. С прибытием германского посольства в Москву темп германо-

советских переговоров существенно возрос, Германии представилась возможность заставить Совнарком смириться со свершившимся фактом оккупации ряда российских территорий.

Стародубщина, части Орловской и Курской губерний были захвачены к середине апреля не столько из-за излишних аппетитов или претензий УНР, а как необходимый оккупантам короткий путь вдоль магистрали из Гомеля в Харьков. Теперь кайзеровские войска заняли широкую полосу, прикрывая узловые станции Бахмач, оставив за собой Новгород-Северский, Сумы и Белгород. Новые «границы» слишком уж совпадали со строившейся в годы Великой войны важнейшей рокадной магистралью Орша – Полтава, лишь у станции Ворожба отклоняясь на восток.

Для определения места региона в оформлявшейся Брестской системе определенную роль, пусть и без изменения базового параметра – оккупации, сыграло бы хотя бы формальное включение Полесья и части Брянщины в УНР / Украинскую державу, что поначалу вызывало надежду на смягчение оккупационного режима и пребывание под «местной» властью. Однако для этого было необходимо стабилизировать политическую обстановку на Украине, а в этом оккупанты столкнулись с серьезными трудностями. Сильнейшее разочарование в темпах обещанных поставок сырья и продовольствия из УНР в Центральные державы привело к острому кризису и государственному перевороту в Киеве, а «дополнительные» хлеботородные районы, в том числе Брянщина и округа Белгорода, рассматривались как гарантия наращивания будущего вывоза. С начала мая основные надежды на фиксацию желаемой расстановки сил в регионе оккупанты возлагали не только на гетманское правительство Украины, пришедшее к власти с помощью германских штыков, но и на переговоры между Украинской державой и Советской Россией, которые должны были начаться в ближайшее время.

4 мая Совнарком известил о достижении на станции Коренево соглашения о демаркационной линии с представителями германских (майор фон Розенберг) и украинских войск (см. текст: [Гражданская война 1967, с. 136–137]). На ряде соседних участков дополнительные соглашения о демаркационной линии были заключены в течение следующих двух недель (например, под Клинцами – 10 мая). После указания Верховного главнокомандования сухопутных войск (Oberste Heeresleitung, ОХЛ) от 8 мая о прекращении какого бы то ни было продвижения на северо-восток, к 20 мая удалось прекратить участие германских войск в попытках украинских вооруженных сил расширить границы государства на брянском и курском направлениях. И все же для стабилизации фронта понадобилось и дополнительное распоряжение кайзера от 28 мая, что подчеркивалось даже официальной германской версией истории Великой войны [Reichsarchiv 1944, S. 388]. Сказывалось и окрепшее сопротивление большевиков, порой успешно дававших отпор сравнительно

крупным отрядам интервентов. Понимая сомнительные перспективы военного противостояния с большевиками не только без поддержки германской армии, но и вопреки воле оккупационных властей, украинское правительство было вынуждено согласиться на мирные переговоры, призванные установить границу между двумя осколками Российской империи.

На следующие полгода территория нынешней Брянской области оказалась рассечена по модели, знакомой еще с финала Великого отступления Русской армии в кампании 1915 г. Германские войска удержали за собой инфраструктурно важные узлы и постарались избрать достаточно экономичную линию фронта, минимизируя количество войск, необходимое для наблюдения за любой активностью большевиков. В начале мая 1918 г. никакой военной угрозы от Советской России оккупанты не ощущали, полагая свои силы достаточными для любого развития событий, включая возобновление быстрого наступления на Москву. Западная завеса РККА лишь вступала в период активного и непростого формирования регулярных частей, крайне нуждаясь в сохранении за собой в качестве опорных пунктов Смоленска и Брянска. Последний стал краеугольным камнем во всех последующих усилиях большевиков по удержанию и усилению своего влияния на Украине. Это было сопряжено с определенным риском эскалации и возобновления открытого военного конфликта не столько с гетманским правительством, сколько с по-прежнему обладавшими качественным и количественным превосходством кайзеровскими войсками. Балансирование на грани войны вокруг ревизии Брестского варианта переустройства бывшей Российской империи стало содержанием первой германской оккупации Брянщины, продолжавшейся еще около восьми месяцев. К букве мирного договора от 3 марта 1918 г. данные события не имели никакого отношения.

Библиография

Бобылев П.И. К истории создания Западного фронта (март 1918 г. – февраль 1919 г.) // Военно-исторический журнал. 1972. № 3. С. 32–40.

Гражданская война на Украине 1918–1920 гг.: сб. документов и материалов: 3 кн., 4 т. Киев: Наукова думка, 1967. Кн. 1. Т. 1: Освободительная война украинского народа против немецко-австрийских оккупантов. Разгром буржуазно-националистической Директории. 875 с.

Грицкевич А.П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск: Харвест, 2010. 494 с.

Егоров Н.Д. Создание и деятельность войск Завесы обороны в 1918 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 24 с.

Егорьев В. Из жизни Западной завесы // Гражданская война 1918–1921 / под ред. А.С. Бубнова: в 3 т. М.: Военный вестник, 1928. Т. 1: Боевая жизнь Красной Армии. С. 231–245.

Емельянов С.Н., Зорин А.В., Шпилев А.Г. Курский край в Гражданской войне 1917–1921 гг.: очерк военно-политической истории. Курск: Полстар, 2013. 527 с.

Колосов Ю.Б. В борьбе с немецкими оккупантами в 1918 году // За родную землю: сб. статей. Брянск: [Приок. кн. изд-во. Брян. отд-ние], 1968. С. 85–96.

Ланник Л.В. От воссоединения страны – к объединению историографии. Итоги и проблемы интеграции достижений исторической науки ФРГ и ГДР на примере исследований о Первой мировой войне и ее последствиях // Международный диалог историков. Россия и Германия: проблемы межкультурного взаимодействия. 1990–2020: мат. Межд. науч. конференции / под ред. Н.Э. Вашкау, Б.В. Петелина. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т им. Семенова-Тянь-Шанского, 2019. С. 33–45.

Ланник Л.В. После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб.: Евразия, 2020. 528 с.

Перекрестов Р.И. Посад Ардонь и село Богородицкое XVIII – начало XX в.: в 2 кн. Клинец: Клиновская городская типография, 2012. Кн. 2. 478 с.

Садыков К.Ф. О военно-стратегической роли Брянского направления Западной завесы в период действия Брестского мирного договора // Ученые записки Удмуртского пед. ин-та. 1970. Вып. 21. С. 161–189.

Селиванов П. Создание западного участка отрядов завесы // Военно-исторический журнал. 1972. № 1. С. 30–35.

Стрекалов И.И. Создание войск завесы (февраль–май 1918 г.): Исторический очерк. М.: Московский гос. ун-т леса, 2001. 28 с.

Украина – 1918. Взгляд из Германии / пер. с нем. и ком. Л.В. Ланника. М.: Посев, 2018. 332 с.

Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / пер. с нем., ком. и пред. Л.В. Ланника. М.: РОССПЭН, 2017. 676 с.

Чернякевич А.Н. БНР. Триумф побежденных: (история создания Белорусской Народной Республики). Минск: А.Н. Янушкевич, 2018. 302 с.

Afflerbach H. Falkenhayn: politisches Denken und Handeln im Kaiserreich. München: Oldenburg Verlag, 1994. XII, 586 S. (Beiträge zur Militärgeschichte. Bd. 42).

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München: Oldenburg Verlag, 1966. 420 S.

Bundesarchiv – Militärarchiv (BA-MA). PH 6-II/16–18.

Darstellungen aus Nachkriegskämpfen deutscher Truppen und Freikorps: 8 Bde. Bd. 1: Rückführung des Ostheeres. Berlin: Mittler, 1936. 194 S.

Fritsche M. Das Königliche Sächsische Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 106. Dresden: Baensch Stiftung, 1925. VIII, 224, [55] S. (Erinnerungsblätter deutscher Regimenter. Bd. 28).

Henke K., Liesner G. Um Finnlands Freiheit. Berlin: Kolk, 1932. 189 S.

Kaupisch H. Die Befreiung von Livland und Estland (18. Febr. bis 5. März). Oldenburg: Stalling, 1918. 88 S.

Pfaff F. Das Königliche Sächsische Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 104. Dresden: Baensch Stiftung, 1925. IX, 71, [35] S. (Erinnerungsblätter deutscher Regimenter. Bd. 23).

Planitz K.E., v. Das 3. Königliche Sächsische Husaren-Regiment Nr. 20. Bautzen: E.E. Bernhardt, 1932. 215, [33] S. (Erinnerungsblätter deutscher Regimenter. Bd. 67).

Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / hrsg. von K.-D. Erdmann. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1972. 766 S.

Sauer K.W. Das Königlich Sächsisches Grenadier-Landwehr-Regiment Nr. 100. Dresden: Baensch Stiftung, 1923. VIII, 136 S. (Erinnerungsblätter deutscher Regimenter. Bd. 10).

Seiffert W. Kriegserlebnisse des Reserve-Feldartillerie Regiments Nr. 67. Oldenburg: Stalling, 1925. 111, [25] S. (Erinnerungsblätter deutscher Regimenter. Bd. 151).

Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution: Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971. 750 S. (Deutsche Geschichtsquellen des 19. und 20. Jahrhunderts. Bd. 47).

References

Afflerbach H. Falkenhayn: politisches Denken und Handeln im Kaiserreich. München: Oldenburg Verlag, 1994. XII, 586 S. (Beiträge zur Militärgeschichte. Bd. 42).

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München: Oldenburg Verlag, 1966. 420 S.

Bobylev S.I. K istorii sozdaniya Zapadnogo fronta (mart 1918 g. – fevral 1919 g.) [On the history of the creation of the Western Front (March 1918 – February 1919)]. Voenno-istoricheskij zhurnal [Military History Journal]. 1972. N 3. P. 32–40 (In Russ.)

Bundesarchiv – Militärarchiv (BA-MA). PH 6-II/16–18.

Chernyakevich A.N. BNR. Triumf pobezhdenykh: (istoriya sozdaniya Belorusskoj Narodnoj Respubliki) [Triumph of the vanquished: (history of the creation of the Belarusian People's Republic)]. Minsk: A.N. Yanushkevich, 2018. 302 p. (In Russ.)

Darstellungen aus Nachkriegskämpfen deutscher Truppen und Freikorps: 8 Bde. Bd. 1: Rückführung des Ostheeres. Berlin: Mittler, 1936. 194 S.

Egor'ev V. Iz zhizni Zapadnoj zavesy [From the life of the Western Veil]. Grazhdanskaya vojna 1918–1921 [Civil War 1918–1921]. Ed. by A.S. Bubnova: 3 vol. Moscow: Voennyj vestnik, 1928. T. 1: Boevaya zhizn' Krasnoj Armii [The fighting life of the Red Army]. P. 231–245. (In Russ.)

Egorov N.D. Sozdanie i deyatel'nost' vojsk Zavesy oborony v 1918 g. [The creation and activities of the troops of the Veil of Defense in 1918]: dis. abstract... Candidate of Historical Sciences. Moscow, 1989. (In Russ.)

Emel'yanov S.N., Zorin A.V., Shpilev A.G. Kurskij kraj v Grazhdanskoj vojne 1917–1921 gg.: ocherk voenno-politicheskoi istorii [Kursk Territory in the Civil War of 1917–1921: essay on military-political history]. Kursk: Polstar, 2013. 527 p. (In Russ.)

Fritsche M. Das Königliche Sächsische Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 106. Dresden: Baensch Stiftung, 1925. VIII, 224, [55] S. (Erinnerungsblätter deutscher Regimenter. Bd. 28).

Grazhdanskaya vojna na Ukraine 1918–1920 gg. [Civil war in Ukraine 1918–1920]: collection of documents and materials: 3 books, 4 vol. Kiev: Naukova dumka, 1967. B. 1. V. 1: Osvoboditel'naya vojna ukrainskogo naroda protiv nemecko-avstrijskikh okkupantov [The liberation war of the Ukrainian people against the German-Austrian invaders], 875 p. (In Russ.)

Grickevich A.S. Zapadnyj front RSFSR 1918–1920. Bor'ba mezhdru Rossiej i Pol'shej za Belorussiju [The Western Front of the RSFSR 1918–1920. The struggle between Russia and Poland for Belarus]. Minsk: Kharvest, 2010. 494 p. (In Russ.)

Henke K., Liesner G. Um Finnlands Freiheit. Berlin: Kolk, 1932. 189 S.

Kaupisch H. Die Befreiung von Livland und Estland (18. Febr. bis 5. März). Oldenburg: Stalling, 1918. 88 S.

Kolosov Yu.B. V bor'be s nemeckimi okkupantami v 1918 godu [In the fight against the German invaders in 1918]. Za rodnuyu zemly [For the native land]: Digest of articles. Bryansk: Prioksky book publishing house. Bryansk branch, 1968. P. 85–96. (In Russ.)

Lannik L.V. Ot vossoedineniya strany – k ob"edineniyu istoriografii. Itogi i problemy integracii dostizhenij istoricheskoi nauki FRG i GDR na primere issledovanij o Pervoj mirovoj vojne i ee posledstviyah [From the reunification of the country to the unification of historiography. Results and problems of the integration of the achievements of historical science in FRG and the GDR by the

example of research on the First World War and its consequences]. *Mezhdunarodnyj dialog istorikov. Rossiya i Germaniya: problemy mezhkul'turnogo vzaimodejstviya. 1990–2020* [International dialogue of historians. Russia and Germany: problems of intercultural interaction. 1990–2020]: materials of the International scientific conference. Ed. by N.E. Vashkau, B.V. Petelin. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after Semenova-Tyan-Shansky, 2019. P. 33–45. (In Russ.)

Lannik L.V. *Posle Rossijskoj imperii. Germanskaya okkupaciya 1918 g.* [After the Russian Empire. German occupation of 1918]. Saint Petersburg: Eurasia, 2020. 528 p. (In Russ.)

Perekrestov R.I. *Posad Ardon' i selo Bogorodickoe XVIII – nachalo XX v.* [Suburb Ardon and the village of Bogoroditsky XVIII – beginning of XX century]: in 2 books. Klinty: Klinty City Printing House, 2012. Bk. 2. 278 p. (In Russ.)

Pfaff F. *Das Königliche Sächsische Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 104.* Dresden: Baensch Stiftung, 1925. IX, 71, [35] S. (Erinnerungsblätter deutscher Regimenter. Bd. 23).

Planitz K.E., v. *Das 3. Königliche Sächsische Husaren-Regiment Nr. 20.* Bautzen: E.E. Bernhardt, 1932. 215, [33] S. (Erinnerungsblätter deutscher Regimenter. Bd. 67).

Riezler K. *Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / hrsg. von K.-D. Erdmann.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1972. 766 S.

Sadykov K.F. *O voenno-strategicheskoy roli Bryanskogo napravleniya Zapadnoj zavesy v period dejstviya Brestskogo mirnogo dogovora* [About the military-strategic role of the Bryansk direction of the Western Veil during the period of the Brest Peace Treaty]. *Uchenye zapiski Udmurtskogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific notes of the Udmurt Pedagogical Institute]. 1970. Part 21. S. 161–189. (In Russ.)

Sauer K.W. *Das Königlich Sächsische Grenadier-Landwehr-Regiment Nr. 100.* Dresden: Baensch Stiftung, 1923. VIII, 136 S. (Erinnerungsblätter deutscher Regimenter. Bd. 10).

Seiffert W. *Kriegserlebnisse des Reserve-Feldartillerie Regiments Nr. 67.* Oldenburg: Stalling, 1925. 111, [25] S. (Erinnerungsblätter deutscher Regimenter. Bd. 151).

Selivanov S. *Sozdanie zapadnogo uchastka otryadov zavesy* [Creation of the western section of the units of the veil]. *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal]. 1972. N 1. S. 30–35. (In Russ.)

Strekalov I.I. *Sozdanie vojsk zavesy (fevral'-maj 1918 g.): Istoricheskij ocherk* [The creation of the troops of the veil (February – May 1918): Historical outline]. Moscow: Moscow State Forest University, 2001. 28 p. (In Russ.)

Ukraina – 1918. *Vzglyad iz Germanii* [Ukraine – 1918. A view from Germany]. Translation from German and comments by L.V. Lannik. Moscow: Posev, 2018. 332 p. (In Russ.)

Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution: Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971. 750 S. (Deutsche Geschichtsquellen des 19. und 20. Jahrhunderts. Bd. 47).

В.А. Аватков

**ИДЕЙНЫЙ ФАКТОР И ТЮРКСКИЙ ЭЛЕМЕНТ
В ПОЛИТИКЕ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТРАНСФОРМАЦИИ
МИРОВОГО ПОРЯДКА**

***Аннотация.** Статья посвящена идейному и тюркскому факторам в политике современной России. Автор исходит из того, что после распада Советского Союза Россия отрицала необходимость идейного фактора, поэтому не имела каких-либо устойчивых идеологем, которые являются основой движения и развития государства. По прошествии времени мировой порядок и приоритеты Российской Федерации изменились, а появился отчетливый запрос на поиск новых идей. Проанализировав ряд работ российских исследователей, автор приходит к выводу о том, что современному миру свойственно соревнование политических моделей и идеологем, вследствие чего особую важность приобретает формирование нарративов, которые должны соответствовать национальным интересам.*

Россия нуждается в формировании идеологий как на внешнеполитическом, так и на внутривнутриполитическом направлениях. Автор подчеркивает, что в наши дни государство находится в поиске правильных ориентиров. Во внешней политике государства существует концепция «русского мира», практическая реализация которой, однако, далека от идеальной. Предполагается, что мировыми процессами будут управлять те государства, которые будут уделять внимание новым объединениям. Одним из факторов сближения субъектов, в свою очередь, может стать идеал справедливости, свойственный как для западного общества, так и для восточного.

Особую важность для России также приобретает тюркский фактор, оказывающий серьезное влияние на формирование идеологем. Главная задача России на этом направлении заключается в защите тюркоязычных субъектов государства от внешнего влияния, а также в поиске компромиссов с создающими угрозу внешними акторами, одним из которых является Турция.

***Ключевые слова:** Россия; мировой порядок; международные отношения; полицентричность; идеологемы; идейный фактор; тюркский фактор.*

Аватков Владимир Алексеевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО РАН), Россия, Москва.
E-mail: v.avatkov@gmail.com
Scopus Author ID: 55968832200;
Web of Science Researcher ID: AAD-9769-2020

Avatkov V.A. The Ideological Factor and the Turkic Element in Russia's Policy through the Prism of Transformation of the World Order

Abstract. *Examining ideological and Turkic factors in Russia's contemporary policy, the author proceeds from the fact that after the disintegration of the Soviet Union, Russia abandoned the very idea of state ideology. As a result, it had no solid ideologemes that could form the basis for the proper development of the state. However, as time passed, the world order as well as the priorities of the Russian Federation were changing and there appeared a visible demand for new ideas. For this reason, the society now is in acute need for new narratives that will correspond to the vital national interests both internationally and domestically.*

Today, the state is evidently in search for new ways forward. In foreign policy, there is a concept of the «Russian world», the practical implementation of which is, however, still far from ideal. It is anticipated that the global processes would be directed by the states that pay close attention to new international associations. The ideal of justice that is typical both for the West and East could be one of those factors that might greatly contribute to the reconciliation of the world's societies.

What assumes particular importance for Russia is the Turkic factor. Russia's most important task is to safeguard the Turkic-speaking regions of the country from external influence, while finding a compromise with external actors that pose a threat to such regions. Central in this regard are our relations with Turkey.

Keywords: *Russia; the world order; international relations; polycentrism; ideologies; the ideological factor; Turkic factor.*

**Avatkov Vladimir Alekseevich – Candidate of Political Sciences,
Senior Researcher, the Institute of World Economy
and International Relations of the Russian Academy
of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia.
E-mail: v.avatkov@gmail.com
Scopus Author ID: 55968832200;
Web of Science Researcher ID: AAD-9769-2020**

После развала СССР Россия пережила логичный с точки зрения исторического процесса этап отрицания идейного фактора во всех сферах жизни, этап концентрации на интересах, а не ценностях в политической жизни. Смена вех, диктуемая развитием мира и государства, ставит перед элитой и населением страны естественные вопросы о будущем, а значит требует и выработки концептуальных основ – набора устойчивых идеологем. Без такого философского обоснования будущего страны и мира государство обречено на следование чужим логикам или (само)ликвидацию. Осознание этого факта не до конца пришло в нужные точки, структуры и элементы политического истеблишмента, однако дух перемен уже отчетливо ощущается.

Мировые тенденции и мировой контекст

Несмотря на дискуссию о «конце истории» и расхожие формулировки о наступлении эры национальных интересов, эры отрицания идейного базиса развития общества, мировая политическая среда после этапа постсоветского сосредоточения стала искать – что естественно – новые ориентиры. Сама среда (бесспорно, не без участия акторов) сформировала запрос на идеи, пусть и не глобального характера, но на микроуровне.

Такого рода поиск и сосредоточение привели к возвращению на мировую арену религиозного сознания, консервативных тенденций и национализма в различных его проявлениях. Более того, в отдельных случаях наблюдается превращение указанных факторов в крайне взрывоопасную смесь с точки зрения системы международных отношений. XXI век переживает «кризис рациональной всемирности», который, по многим имеющимся тенденциям, происходит в виде «возвращения в эпоху религиозных войн» [Косолапов 2006].

В связи с нестандартным межсистемным переходом, который, судя по всему, не завершился до сих пор, возникли дискуссии относительно сложившегося и будущего миропорядка.

Существует научная позиция, содержание которой сводится к тому, что система международных отношений продолжает по большей части сохранять признаки Ялтинско-Потсдамского периода, что обосновывается, прежде всего, сохранением ключевых институтов, включая ООН. Оппоненты же указывают на то, что развал СССР, т.е. геополитическая катастрофа, привел к краху одного из ключевых акторов, а значит создал предпосылки для перехода к новой системе. Исходя из этой логики, возникают две позиции – мир находится в стадии перехода или уже в новом порядке.

Наиболее верной в этом контексте представляется позиция, подразумевающая, что время ускорилося, мир после развала СССР пережил стадии однополярности, плюралистической однополярности [Богатуров, Косолапов, Хрусталева 2002, с. 284], а сейчас переходит сквозь «постзападную эру» [Никитина 2017] к полицентричности или бесполярности. Как отмечает академик А.А. Дынкин, «мировой порядок, который существовал последние 25 лет, сломлен», а «политическое содержание текущей трансформации мирового порядка заключается в столкновении претензий на американскую исключительность с реалиями полицентричного мира» [Дынкин 2015, с. 66].

Ряд исследователей отмечает, что из имеющихся концепций «самой перспективной ... представляется та, что основана на идее коллективного управления, осуществляемого группой ведущих демократических государств» [Иноземцев, Караганов 2005, с. 22].

В работах современных российских исследователей получили новое звучание мысли об идейном столкновении в мире [Караганов 2016]. Проводятся круглые столы по теме, обсуждаются вопросы кризиса и эволюции политических идеологий [Каменская, Соловьев, Смирнов 2015, с. 101].

Складывается ощущение, что мир вступает в новое идеологическое соревнование, в котором уже не будет тотальных идеологий и войны двух миров, но однозначно формируется соревнование политических моделей и идеологов, благодаря чему человечество сможет двигаться вперед. Для мира определяющим было и остается то, что происходит в головах людей, ответственных за принятие решений, мозговая деятельность и формирование идей важнее (или, по крайней мере, не менее важны) того, что содержится «в кошельках» [Войтоловский 2017, с. 159].

Член-корреспондент РАН Ал.А. Громыко отмечает, что история международных отношений может двигаться «рывками», когда более длительные периоды стабилизации и сменяются более короткими всплесками насилия. По его мнению, базисом формаций в этом контексте является экономика, но также и «цивилизационно-культурный, и религиозный, и ценностный факторы». В связи с этим необходимо формировать соответствующие нарративы, отвечающие национальным интересам. По мнению Ал.А. Громыко, у России есть положительный опыт формирования нарративов – «Русский мир», собственное видение глобализации, идеи суверенной внешней политики, позиционирование себя как «стратегически мыслящей державы» [Громыко 2016, с. 8].

Как отмечает член-корреспондент РАН Ф.Г. Войтоловский, «мир стоит на пороге появления новых идеологий», «отсутствие систематизированной идеологии представляет собой такую же опасность, как и сверхидеологизация политики». Для современной России эта проблема представляется особенно актуальной, с учетом того что «государство, элита которого не видит долгосрочных целей своей деятельности, не озабочено стратегическим целеполаганием, рискует оказаться жертвой текущих столкновений внешних и внутренних политико-экономических интересов или стать орудием достижения чуждых ему целей» [Войтоловский 2007, с. 55]. Именно поэтому идеологический фактор становится одним из определяющих – в том числе и для России, которая исторически предлагала миру альтернативу развития, но способна и может это сделать и сегодня.

Россия в мире идей

Бурная дискуссия о будущем идеологии, развернувшаяся в рамках эпохи «нового мышления» Горбачёва, прекратилась достаточно резко после таких событий, как развал СССР, обнищание интеллигенции, расстрел

парламента в 1993 г. и чеченские войны. Потребовались годы созидательного труда, в первую очередь в сфере выстраивания заново государственных институтов, чтобы вновь появился запрос на идеологию внешне- и внутривнутриполитического курса.

Как отмечал С.А. Караганов, «главная проблема заключается в том, что Россия легла в дрейф. Мы не знаем, куда двигаться» [Караганов 2013, с. 12]. Проблемой отсутствия четких ориентиров во внешней политике России озабочены многие исследователи. Так, Э.Г. Соловьев подчеркнул, что «позитивного консенсуса, четко выраженных собственных предпочтений, программы действий... в отечественной политике не выработано» [Соловьев 2008, с. 86]. Дефицит идей оказывается в этом контексте тесно связан с дефицитом привлекательности России [Соловьев, Смирнов 2008]. При этом очевидно, что Россия вследствие многих событий и трансформации мировой политической среды находится на этапе реформирования своей внешней [Барановский 2016, с. 8] и внутренней политики, в поисках новых – в том числе идейных – ориентиров.

Все большее распространение при анализе роли ценностей в политике России получает связь между ними и исторической памятью [Пахалюк 2018, с. 135]. При этом обращение к прошлому может сформировать основу морального обоснования места, миссии и будущего России как в контексте внутренних ориентиров, так и в выстраивании внешнеполитического целеполагания.

Во внешней политике, бесспорно, войдет в историю концепт «русский мир», который можно трактовать в узком смысле слова – как мир проживающих во многих странах русских, так и в широком смысле – как все русскоязычное пространство. Иными словами, вторая трактовка выходит далеко за рамки ареала проживания русских на постсоветском пространстве и возвращает термину «русский» его исконную полиэтническую, подразумевающую, в первую очередь, опору на язык и самовосприятие, а отнюдь не на национальный признак.

Проблема «русского мира» кроется не в слабости самой идеи, а в недостаточности ее развития. Любой идейный конструкт требует выработки стратегии и тактики наступления, сценариев ответа при наличии вызовов в отношении него. Без всего вышеперечисленного любая идеология обречена на неудачу и естественную гибель.

Украинский кейс, который продемонстрировал крах имевшегося ранее миропорядка, оказался – по крайней мере в настоящий момент – угрозой, а затем и непреодолимым препятствием для «русского мира». Успешность «русской весны» в Крыму сменилась стагнацией на Донбассе и отрывом Киева, без которого «русский мир» неполон. Более того, сама привлекательность термина оказалась под угрозой, прочно (благодаря соответствующей анти-

русской пропаганде) начала ассоциироваться у многих людей с агрессией, а не с миром и справедливостью.

Столкновение с испытанием продемонстрировало необходимость перестройки концепции «русский мир», создания должной стратегии воздействия и тактики работы. Жизнеспособность идеи не вызывает сомнения, однако казус исполнения налицо.

Для реализации внешнеполитической идеологии требуется слаженная работа всех органов власти – от МИДа до Россотрудничества и даже частных некоммерческих организаций. А есть ли она, эта внешнеполитическая идеология, у современной России?

Совокупность даже самых правильных действий не может заменить идейный концепт. Цели движения должны быть обозначены на доктринальном уровне и отражаться в концепции внешней политики и иных государственных документах.

Сирийский кейс продемонстрировал успехи внешней политики и военной силы России, но он же и обнажил вопрос о будущем мира, региона и Российского государства. После успехов на военном и дипломатическом уровнях от Москвы ждут свойственных ей на протяжении истории идей развития, особенно ждут на постсоветском пространстве.

«Суверенная демократия» – при всем том, что это «масло масляное» – работающий концепт, потому что большинство государств в той или иной степени устали от протектората США, которые после развала СССР определили себя победителями и начали строить однополярный мир – мир гегемонии. Волнение элементов мировой системы усиливается с каждым действием «слона в посудной лавке» – будь то ливийский кейс, или египетский, или иракский.

Но действительно ли это тот концепт, который подходит современной России? Ограничиваться опорой на себя и собственные силы во всем недостаточно, идеи чужие работают только в закрытом обществе, которое возродить можно – но нужно ли? – только диктаторской рукой. При этом «унификация, эрозия идентичности, ослабление национально-государственных возможностей регулирования социума... могут вызывать в качестве защитной реакции приступы самоизоляции, автаркии, протекционизма» [Барановский 2010, с. 8], это во многом объясняет причинно-следственные связи описанного выше.

Бесспорно, «суверенная демократия» вписывается и в идею укрепления полицентричного мира. Но и тут возникает целый ряд закономерных вопросов. Полицентричный мир более демократичен, чем однополярный и биполярный. Он был свойствен системе международных отношений на протяжении истории – исключением стали лишь 50 лет биполярного противостояния и 15 лет гегемонии одного игрока. Но мир полицентричный – это не только

демократия, но и расширение хаоса, а значит – большая опасность, особенно с учетом недостаточности ответственности у региональных акторов. Иными словами, такого рода мировой порядок может стать предтечей новых войн.

Полицентричность в истории была таким же естественным явлением, как и стремление государств к объединению в два блока для большего порядка и сохранения мира. Достаточно в качестве примеров вспомнить Антанту и Четверной союз, антинаполеоновские коалиции, многие войны, в которых участвовала Россия. Будущее за теми, кто возглавит процесс создания новых объединений, а значит – вполне логичным оказывается попытка в том числе Москвы делать акцент на БРИКС и ШОС.

Учитывая «разворот России на Восток» и рост значения этого региона в мире, логичным будет искать единые с ним идейные концепты – при этом, бесспорно, не допуская полной изоляции от Запада: восточные государства могут воспринять это как возможность использовать Москву в своих целях.

Восток исторически имел свои особенности, отличающие его от Запада. Это и цикличность времени, и концентрация на лидерстве, а не на институтах, особое отношение к собственности и сакральности, общинность. Но главный концепт Востока – справедливость. За нее ведется борьба, из-за нее делаются революции, она определяет политическое и экономическое сознание большей части групп населения.

Сложившаяся система международных отношений «значительно более однородна, чем все прежние в смысле составляющих ее основание ценностей», но она «содержит большой элемент несправедливости, а поэтому и не может быть вполне устойчивой» [Кременюк 2004, с. 39].

Одним из стержней, объединяющих народы на протяжении истории, был и остается стержень справедливости. Такого рода стержней, скреп должно быть выявлено и постулировано как можно больше: именно они должны составить основу новой национальной идеи идеального будущего. Подобного рода модель идеального будущего, основанного, в первую очередь, на интересах российской (русской) нации, постепенно может и должна стать привлекательной не только для внутреннего потребления, но и для мирового сообщества. Для этого необходимо на экспертном уровне выявить схожие черты, модели идеального будущего и восприятия прошлого у новой российской (русской) нации и других наций мира. Например, идеал справедливости может стать базисом взаимодействия со многими субъектами мировой политики, потому что этот идеал играет большую роль во многих и западных, и восточных обществах. Особенно остро он чувствуется у тех народов, которые находятся на пересечении Запада и Востока. Примером может послужить Турция, у которой этот идеал непостулированно заложен в идеологию правящей элиты. Это проявляется даже в названии правящей партии – Партии справедливости и развития [Аватков 2016, с. 688].

Справедливость может и должна стать объединяющим фактором, с которым можно проводить собственную политику. Слово не может быть выброшено из контекста и требует проработки соответствующей стратегии, а затем и тактики. Учет всех особенностей развития восточных государств и интересов, традиций и ценностей России может сформировать новую внешнеполитическую идеологию государства – идеологию, привлекательную для всех.

Кроме того, справедливость может стать ключевой частью не только внешнеполитической идеологии, но и концепции внутреннего развития. Ведь основные претензии населения к власти касаются именно справедливости – справедливости распределения доходов, справедливости назначения на должности, справедливости принятия тех или иных решений.

Парадоксальным образом по большинству классических параметров Востока Россия – страна, скорее, восточная. А значит, целый ряд закономерных процессов, вопросов и идей Востока свойственны и Российскому государству. Использование указанных факторов может сыграть на пользу укрепления России.

Тюркский фактор в политике России

Особое влияние на формирование идеологием во внешней политике России в последнее время оказывает тюркский фактор, состоящий из трех элементов: внутренней составляющей, тюркоязычных регионов, входящих в состав государства, пространства СНГ в лице представляющих Содружество тюркских государств, а также политики внешних акторов, заключающейся в распространении своего влияния и создании так называемого «тюркского мира».

Принципиально важным элементом являются именно тюркоязычные субъекты, поскольку они представляют собой основу существования самой России, в том числе и как многонационального государства. Важность этой внутренней составляющей состоит также в том, что она, как правило, определяет идеологию государства в отношении тюркских и тюркоязычных народов. Формируется такая идеология постепенно – иногда, как в случае с Россией, которая после распада Советского Союза в силу сложившихся обстоятельств уделяла недостаточно внимания тюркоязычному населению страны, этот процесс занимает годы и даже десятилетия.

В настоящее время Россия нацелена на гармонизацию межнациональных отношений внутри страны и укрепление сотрудничества с тюркоязычными народами СНГ, при укреплении контактов с Турцией, но при сохранении дистанции.

В этом контексте особую значимость приобретает сохранение самобытности народов. Так, например, тюркоязычное население России осознает, что,

несмотря на некоторые этнические особенности, многовековая история и культура тесно связывают эти народы с Российской Федерацией. Говоря о тюркских государствах постсоветского пространства, стоит отметить, что в отношении них произошла относительная интеграция, усиливается внешнее влияние на них, однако разрозненные контакты России с ними пока не приобрели структурную и долгосрочную основу, которая гарантировала бы в перспективе реализацию интересов и России, и этих государств.

Вместе с тем главная задача России состоит в том, чтобы оборонять внутренний фактор от внешнего влияния и исходящих «извне» угроз. Одну из такого рода угроз представляет собой политика отдельных государств, направленная на разрушение самобытности и подмену российских идеологий противоположными по смыслу идеями.

Наиболее активно такую политику проводит Турецкая Республика, которая с начала 2000-х годов проявляет особый интерес к тюркоязычным регионам России и тюркским государствам постсоветского пространства. Турция пытается выстроить линии сотрудничества практически с каждым из таких государств [Дружиловский, Аватков 2013, с. 86], стараясь приблизиться к ним за счет осуществления политики пантюркизма. При этом Турция больше не рассматривает эти государства в качестве своих партнеров. Они скорее представляют собой вспомогательный инструмент, используемый для достижения целей, поставленных в рамках провозглашенной Турцией политики неоосманизма, предусматривающей возвращение Турецкой Республике утраченного влияния и являющейся причиной ее чрезмерных амбиций.

С момента распада СССР Турция, в основном посредством «мягкой силы», оказывала существенное влияние как на отдельные страны СНГ, так и на российские регионы, что в значительной степени осложняло процесс российско-турецкого взаимодействия.

На территории некоторых тюркоязычных республик Российской Федерации функционировали «турецкие лицеи», деятельность которых впоследствии была признана экстремистской и приостановлена на основании решения Верховного суда, а в тюркских государствах Центральной Азии особенно распространились культурные и другие центры, управляемые из Турции (ТИКА, ТЮРКСОЙ).

И если несколько лет назад в Турции были популярны мысли о провозглашении Турана – мифического протогосударства тюркских народов, то в последние годы руководство страны пропагандирует идею создания «тюркского мира», которая заключается в объединении всех тюркских народов под эгидой Турецкой Республики и на основе турецких логик. Власти государства красноречиво говорят об их единстве, которое, однако, ничем не подтверждается. Турция активно дает понять, что готова выступить в роли предводителя мира тюркских государств, однако, чтобы не вызывать лишнего возмущения,

осуществляет свою цель достаточно аккуратно, переходя от линии конфронтации к линии сотрудничества. Кроме того, Турция намеренно не делает различий между понятиями «турецкий», «тюркский» и «тюркоязычный», полагая, что отдельно взятые схожие культурные и другие аспекты дают право делать такого рода громкие заявления о необходимости объединения народов на основе турецких логик.

Россия, внешняя политика которой все чаще смещается в сторону тюркского фактора, напротив, старается убедить Турцию в обратном. При этом для России остается принципиально важным сохранить не только связи с тюркскими и тюркоязычными регионами, но и установленные за годы многолетнего сотрудничества контакты с Турецкой Республикой. Тюркский фактор сегодня является одним из важнейших пунктов политики России на внешнеполитическом направлении, и одной из главных задач остается защита тюркоязычных субъектов от внешнего влияния, а также поиск баланса с внешними акторами, и в первую очередь – с Турцией.

В идейном факторе внешней политики России ключевым этнополитическим фактором является «тюркский вопрос». Он тесно связан с внутренним пространством, а также с ключевыми с точки зрения российской внешней политики странами – странами СНГ. Можно сказать, что тюркский фактор будет являться лакмусовой бумажкой успехов и поражений Москвы в деле выстраивания внешнеполитической идеологии (впрочем, на самом деле – и идеологии внутренней). Четкое разделение тюркского «поля» на тюркоязычные российские народы, тюркские народы СНГ и Турцию, уважение к традициям и поощрение различий в противовес турецкому господству станет хорошим началом большого дела по формированию нового ценностного поля российской внешней политики – «Политики справедливости».

Библиография

- Аватков В.А. О нации, идентичности и логиках современной России: основные сложности и решения // Национальная безопасность. 2016. № 6 (47). С. 685–689.
- Барановский В.Г. Трансформация мировой системы в 2000-х годах // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 1 (22). С. 4–13.
- Барановский В.Г. Новая внешняя политика России: влияние на международную систему // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 7. С. 5–15.
- Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 390 с.
- Войтоловский Ф.Г. Идеологическая рефлексия мировой политики // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 3 (15). С. 44–56.
- Войтоловский Ф.Г. Определение стратегических целей – это сфера идеологии... // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 1 (48). С. 157–168.
- Громыко Ал.А. Постоянство и изменчивость в истории международных отношений // Современная Европа. 2016. № 1 (67). С. 5–8.

- Дружиловский С.Б., Аватков В.А. Внешнеполитические идеологемы Турции (2002–2012 гг.) // *Обозреватель*. 2013. № 6 (281). С. 73–88.
- Дынкин А.А. Кризис миропорядка: поиски выхода // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2015. Т. 196. С. 63–73.
- Иноземцев В., Караганов С. О мировом порядке XXI века // *Россия в глобальной политике*. 2005. Т. 3. № 1. С. 8–26.
- Каменская Г.В., Соловьев Э.Г., Смирнов А.Н. Политические идеологии в современном мире: кризис или очередной этап эволюции? // *Власть*. 2015. Т. 23. № 12. С. 101–108.
- Караганов С. Россия в мире перемен // *Россия и мусульманский мир*. 2013. № 10 (256). С. 5–21.
- Караганов С. Новая идеологическая борьба? // *Известия*. 2016. 21 апреля. URL: <https://iz.ru/news/610812> (дата обращения: 11.05.2019).
- Косолапов Н.А. Кризис рациональной всемирности // *Международные процессы*. 2006. Т. 4. № 10. С. 55–67.
- Кременюк В.А. Управление и управляемость в мировой политике // *Международные процессы*. 2004. Т. 2. № 3 (6). С. 29–39.
- Никитина О. Лавров: Мир становится постзападным // *Взгляд*. 2017. 9 марта. URL: <https://vz.ru/news/2017/3/9/861152.html> (дата обращения: 11.05.2019).
- Пахалюк К.А. «Мягкая сила» и политика памяти в контексте внешней политики современной России: точки пересечения // *Дневник АШПИ*. 2018. № 34. С. 134–141.
- Соловьев Э.Г., Смирнов А.Н. Международный имидж современной России: дефицит привлекательности или дефицит идей? // *Полис. Политические исследования*. 2008. № 5. С. 19–33.
- Соловьев Э.Г. Рукотворный контекст этнополитики // *Международные процессы*. 2008. Т. 6. № 1 (16). С. 86–92.

References

- Avatkov V.A. O natsii, identichnosti i logikax sovremennoj Rossii: osnovny'e slozhnosti i resheniya. Nacional'naya bezopasnost [About the nation, identity and logics of modern Russia: the main difficulties and decisions. National Security]. 2016. N 6 (47). P. 685–689. (In Russ.)
- Baranovskij V.G. Transformaciya mirovoj sistemy v 2000-x godax. Mezhdunarodny'e processy [Transformation of the world system in the 2000. International processes]. 2010. Vol. 8. N 1 (22). P. 4–13. (In Russ.)
- Baranovskij V.G. Novaya vneshnyaya politika Rossii: vliyanie na mezhdunarodnuyu sistemu. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [New foreign policy of Russia: influence on the international system. World economy and international relations]. 2016. Vol. 60. N 7. P. 5–15. (In Russ.)
- Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Hrustalev M.A. Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnyx otnoshenij [Essays on the theory and methodology of the political analysis of international relations]. Moscow: NOFMO, 2002. 390 p. (In Russ.)
- Vojtlovskij F.G. Ideologicheskaya refleksiya mirovoj politiki. Mezhdunarodnye processy [The ideological reflection of world politics. International processes]. 2007. Vol. 5. N 3 (15). P. 44–56. (In Russ.)
- Vojtlovskij F.G. Opredelenie strategicheskix celej – eto sfera ideologii... Mezhdunarodny'e processy [The definition of strategic goals is a sphere of ideology... International processes]. 2017. Vol. 15. N 1 (48). P. 157–168. (In Russ.)

Gromyko A.I.A. Postoyanstvo i izmenchivost' v istorii mezhdunarodny'x otnoshenij. Sovremennaya Evropa [Consistency and variability in the history of international relations. The Modern Europe]. 2016. Vol. 1 (67). P. 5–8. (In Russ.)

Druzhilovskij S.B., Avatkov V.A. Vneshnepoliticheskie ideologemy Turcii (2002–2012 gg.). Obozrevatel [Foreign Policy Ideologemes of Turkey (2002–2012). Observer]. 2013. N 6 (281). P. 73–88. (In Russ.)

Dynkin A.A. Krizis miroporyadka: poiski vyhoda [Crisis of the world order: the search for a way out. Scientific works of the Free Economic Society of Russia]. 2015. Vol. 196. P. 63–73. (In Russ.)

Inozemcev V., Karaganov S. O mirovom poryadke XXI veka. Rossiya v globalnoj politike [On the world order of the XXI century. Russia in global politics]. 2005. Vol. 3. N 1. P. 8–26. (In Russ.)

Kamenskaya G.V., Solov'ev E.G., Smirnov A.N. Politicheskie ideologii v sovremennom mire: krizis ili ocherednoj e'tap e'volyucii? Vlast [Political ideologies in the modern world: crisis or the next stage of evolution? Power] 2015. Vol. 23. N 12. P. 101–108. (In Russ.)

Karaganov S. Rossiya v mire peremen. Rossiya i musul'manskij mir [Russia in a world of change. Russia and the Muslim world]. 2013. N 10 (256). P. 5–21. (In Russ.)

Karaganov S. Novaya ideologicheskaya bor'ba? [New ideological struggle?]. Izvestiya, 2016. April 21. URL: <https://iz.ru/news/610812> (date of access: 11.05.2019). (In Russ.)

Kosolapov N.A. Krizis racional'noj vseмирnosti. Mezhdunarodnye processy [The crisis of rational universality. International processes]. 2006. V. 4. N 10. P. 55–67. (In Russ.)

Kremenyuk V.A. Upravlenie i upravlyaemost' v mirovoj politike. Mezhdunarodny'e processy [Management and manageability in world politics. International processes]. 2004. V. 2. N 3 (6). P. 29–39. (In Russ.)

Nikitina O. Lavrov: Mir stanovitsya postzapadny'm // Vzgl'yad [Lavrov: The world is becoming post-Western. View]. 2017. March 9. URL: <https://vz.ru/news/2017/3/9/861152.html> (date of access: 11.05.2019). (In Russ.)

Pahalyuk K.A. «Myagkaya sila» i politika pamyati v kontekste vneshnej politiki sovremennoj Rossii: tochki peresecheniya. Dnevnik ASHPI [«Soft power» and the politics of memory in the context of the foreign policy of modern Russia: intersection points. The Diary of the Altai School of Political Studies]. 2018. N 34. P. 134–141. (In Russ.)

Solov'ev E.G. i Smirnov A.N. Mezhdunarodny'j imidzh sovremennoj Rossii: deficit privlekatel'nosti ili deficit idej? Polis. Politicheskie issledovaniya [The international image of modern Russia: lack of attractiveness or lack of ideas? Polis. Political Studies]. 2008. N 5. P. 19–33. (In Russ.)

Solov'ev E.G. Rukotvornyj kontekst e'tnopolitiki // Mezhdunarodny'e processy [Man-made ethno-political context. International processes]. 2008. Vol. 6. N 1 (16). P. 86–92. (In Russ.)

И.Ю. Жилина

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

***Аннотация.** В последние десятилетия население Земли все чаще сталкивается с проявлениями изменения климата на планете. Среди климатологов преобладает мнение, что климатические изменения носят антропогенный характер, поскольку в результате человеческой деятельности постоянно растет концентрация парниковых газов в атмосфере, разогревая планету. Рост среднегодовой температуры приводит к разбалансировке всех природных систем: изменению режима выпадения осадков, температурным аномалиям, таянию полярных льдов и ледников, повышению уровня Мирового океана и его кислотности за счет поглощения углекислого газа из атмосферы. В результате увеличивается частота экстремальных событий (ураганов, наводнений, засух, циклонов и т.д.), не только создающих серьезную угрозу населению, флоре и фауне, но и наносящих экономический ущерб всем странам. Международные институты (ООН, Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ), Всемирный экономический форум (ВЭФ)) рассматривают глобальное потепление как один из самых серьезных экономических рисков текущего десятилетия.*

Экстремальные погодные явления, связанные с изменением климата, могут привести к серьезным глобальным экономическим потерям, если выбросы парниковых газов не будут значительно сокращены в ближайшие два-три десятилетия. В противном случае температура на планете поднимется на 4,5–5°C, а возможно и больше, что угрожает самому существованию человеческой цивилизации.

Автор приводит данные, позволяющие сделать вывод об ускорении изменений климата, их влиянии на экономику и общество; анализирует сведения о реальных глобальных экономических потерях от этих изменений в 1998–2019 гг. Они свидетельствуют о том, что абсолютный экономический ущерб сосредоточен в странах с высоким уровнем доходов, тогда как людские потери от стихийных бедствий в большинстве случаев несут страны с низким и средним уровнем доходов, поскольку уязвимость для рисков определяется не подверженностью стихийным бедствиям как таковым, а уровнем экономического развития страны. В статье также представлены долгосрочные прогнозы экономических последствий изменения климата при различных значениях повышения глобальной температуры и меры смягчения и адаптации к этим изменениям.

Ключевые слова: изменение климата; глобальное потепление; Парижское соглашение; стихийные бедствия; факторы уязвимости; людские потери; экономический ущерб; смягчение; адаптация; долгосрочные прогнозы.

Жилина Ирина Юрьевна – кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ИНИОН РАН, Россия, Москва.
E-mail: irina_zhilina47@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAM-8177-2020

Zhilina I. Yu. The Economic Consequences of Climate Change

Abstract. Over the recent decades, the world population is increasingly being challenged by various manifestations of climate change. The prevalent opinion of the climatologists is that the climate changes have anthropogenic causes. Human activity leads to the increase of the greenhouse gases in the atmosphere and this factor heats the planet. The increase in the average world temperature causes misbalances in all of the natural systems: changing the modes for atmosphere precipitation, producing temperature anomalies, polar ice melting, increasing the ocean level, acidification of the ocean due to the absorption of carbon dioxide. As a result, the frequency of extreme events (hurricanes, droughts, floods, cyclones) increases. They threaten the people, flora, fauna and cause economical damage to all countries. The international institutions (UN, International Monetary Fund, World Bank, World Economic Forum) label global warming as one of the most serious threats to the upcoming decade.

Extreme weather phenomenon caused by climate change can result in global economical losses if the emission of the greenhouse gases is not noticeably diminished during the upcoming two or three decades. Otherwise, the world average temperature will rise to 4,5–5°C or even higher, and this factor will be a threat to the existence of the entire civilization.

The author cites statistics on the changes of climate parameters and their impact on economy and society from 1998 to 2019. The analysis demonstrates that the economic damage concentrate in the countries with high income, whereas the human losses – mainly in the low-income countries, as the risks for populations stem chiefly from economic developments rather than from the vulnerabilities to natural disasters. In conclusion, presented are long-term scenarios for climate changes under various world temperature levels as well as possible mitigation and adaptation strategies for combatting global warming.

Keywords: climate change; global warming; Paris agreement; natural disasters; vulnerability factors; human losses; economic damage; mitigation; adaptation; long-term forecasts.

Zhilina Irina Yur'ievna – Candidate in Historical Sciences,
Senior Researcher, Institute of Scientific Information
on Social Sciences (INION), Russia, Moscow.
E-mail: irina_zhilina47@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAM-8177-2020

В последние десятилетия население Земли все чаще сталкивается с проявлениями изменения климата на планете: постоянно фиксируются новые погодные рекорды – самое жаркое лето, самая продолжительная засуха или самый большой лесной пожар в истории. Среди климатологов преобладает мнение, что климатические изменения носят антропогенный характер: в результате человеческой деятельности, в частности сжигания ископаемого топлива, концентрация парниковых газов (ПГ)¹ постоянно растет, разогревая нижние слои атмосферы Земли, а также верхние слои Мирового океана. В результате климатические изменения происходят гораздо быстрее, чем в прошлом и быстрее, чем прогнозировалось. «Изменение климата – одна из самых больших угроз, стоящих перед человечеством, с далеко идущими и разрушительными последствиями для людей, окружающей среды и экономики. Климатические последствия затрагивают все регионы мира и все слои общества» [Adapt Now 2019, p. 3].

Рост среднегодовой температуры приводит к разбалансировке всех природных систем: изменению режима выпадения осадков, температурным аномалиям, таянию полярных льдов и ледников, повышению уровня Мирового океана и его кислотности за счет поглощения CO₂ из атмосферы. В результате растет частота экстремальных событий (ураганов, наводнений, засух и т.д.), создающих не только серьезную угрозу населению, флоре и фауне, но и наносящих экономический ущерб всем странам.

Международные институты (ООН, Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ), Всемирный экономический форум (ВЭФ)) рассматривают глобальное потепление как один из самых серьезных экономических рисков начавшегося десятилетия. В 2020 г. в ежегодно публикуемом ВЭФ десятилетнем прогнозе крупнейших угроз для мировой экономики среди наиболее вероятных глобальных рисков первые пять мест (впервые с 2006 г.) заняли риски, так или иначе обусловленные климатическими изменениями. К ним, в частности, относятся экстремальные погодные явления, приводящие к гибели людей и наносящие ущерб недвижимости и инфраструктуре²; антропогенный экологический ущерб; значительная утрата биоразнообразия

1. К парниковым газам относятся углекислый газ (CO₂), метан (CH₄), оксид азота (N₂O), водяной пар, фторсодержащие газы.

2. В 2018 г. только застрахованные убытки составили 80 млрд долл., что вдвое превышает средние показатели, скорректированные с учетом инфляции, за последние 30 лет [Carney 2019, с. 12].

и разрушение наземных и морских экосистем³, поставляющих необходимые человечеству ресурсы; крупные стихийные бедствия [La planète en feu, 2020].

Экстремальные погодные явления, связанные с изменением климата, могут привести к серьезным глобальным экономическим потерям, если выбросы ПГ не будут значительно сокращены в ближайшие два-три десятилетия. Однако несмотря на широкое признание проблемы изменения климата, выбросы ПГ продолжают увеличиваться. Относительно безопасным считается повышение глобальной температуры на 2°C по сравнению с доиндустриальной эпохой. Именно эта величина была зафиксирована в Парижском соглашении по климату (ПС)⁴. Однако, учитывая скорость и масштабы климатических изменений, эксперты Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) предложили мировому сообществу принять меры по ограничению повышения глобальной температуры на 1,5°C по сравнению с доиндустриальным периодом. Для этого к 2050 г. необходимо свести к нулю баланс между объемом антропогенных выбросов ПГ и поглотительной способностью земной экосистемы. Переход к «нулевым выбросам» к 2050 г. потребует кардинального пересмотра принципов землепользования, сельского хозяйства, градостроительства и промышленности в целом, а также разработки и внедрения новых технологий в области возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и энергоэффективности. В противном случае температура на планете поднимется на 4,5–5°C, а возможно и больше, что угрожает самому существованию человеческой цивилизации.

Масштабы климатических изменений

Потепление на планете происходит неравномерно и варьируется по регионам. В странах, расположенных в низких широтах в Африке, Азии и Центральной Америке с начала нынешнего столетия температура повысилась на 0,7°C, а в более высоких широтах – на 1,4°C [Bergevin-Chammah 2019, p. 2].

Хотя концентрация CO₂ в атмосфере колеблется в зависимости от времени года (в северном полушарии она достигает максимума весной и в начале

3. Человеческая деятельность уже привела к потере 83% всех диких млекопитающих и половины растений, являющихся основой систем питания и здоровья населения планеты [La planète en feu, 2020].

4. Согласно ст. 2 Парижского соглашения, заключенного в 2015 г., его участники взяли на себя обязательство удерживать прирост глобальной средней температуры к 2100 г. ниже 2°C по сравнению с доиндустриальным уровнем и приложить усилия для ограничения роста температуры до 1,5°C. ПС вступило в силу 4 ноября 2016 г. На конец 2018 г. его ратифицировали 186 государств из 195 подписавших. Правительство РФ приняло решение о ратификации ПС в конце августа 2019 г. в преддверии Саммита ООН по вопросам изменения климата. – Прим. авт.

лета), его среднегодовая концентрация стабильно растет. По данным Всемирной метеорологической организации (ВМО), в 2018 г. концентрация CO_2 составляла 407,8 частей на миллион (ppm), т.е. 147% от доиндустриального уровня. Данные Национального управления океанических и атмосферных исследований США (НУОАИ) свидетельствуют о том, что с 1990 по 2018 г. радиационное воздействие долгоживущих ПГ увеличилось на 43%, причем на долю CO_2 приходится около 80% этого увеличения [Greenhouse 2019]. В мае 2019 г. НУОАИ зафиксировало новый рекорд: концентрация CO_2 впервые превысила 415 ppm [Зафиксирован 2020].

Основным долгоживущим антропогенным ПГ является CO_2 , на долю которого приходится около 66% общего радиационного воздействия ПГ; доля метана составляет примерно 17, закиси азота – 6%. Объем выбросов CO_2 в 2015–2019 гг. оценивается как минимум в 207 Гт, что на 7 Гт превышает показатель 2010–2014 [The Global Climate 2020, p. 4]. При этом объем выбросов ПГ коррелирует с экономической деятельностью человека. Так, некоторое сокращение выбросов ПГ наблюдалось в период мирового экономического кризиса 2008–2009 гг., а в 2014–2016 гг. при снижении темпов мирового экономического роста выбросы ПГ стабилизировались. Последним наглядным подтверждением антропогенного характера глобального потепления являются данные о сокращении выбросов ПГ в Китае во время эпидемии коронавируса, из-за которой полностью или частично закрылись многие промышленные предприятия. По оценкам, промышленное производство в основных секторах экономики сократилось на 15–40%. В результате замедления темпов развития китайской экономики выбросы CO_2 в феврале 2020 г. снизились на 200 млн т по сравнению с 800 млн т в феврале 2019 г. [Poulíquien 2020], что лишний раз подтверждает связь объема выбросов ПГ с темпами экономического роста.

По данным ВМО, с 1980 г. каждое последующее десятилетие было теплее предыдущего. Последние пять лет (2015–2019) являются самыми теплыми за всю историю наблюдений. В 2019 г. средняя глобальная температура была примерно на $1,1 \pm 0,1^\circ\text{C}$ выше, чем в доиндустриальный период (1850–1900), что свидетельствует об устойчивом потеплении в диапазоне $0,1\text{--}0,3^\circ\text{C}$ в год в течение последнего десятилетия [WMO Statement 2020, p. 6].

Более того, устойчивую тенденцию к росту с признаками ускорения показывают и другие климатические переменные. В результате растворения в воде атмосферного CO_2 растет кислотность Мирового океана, что ведет к гибели морских животных; повышение средней температуры Мирового океана усиливает тропические штормы, все более быстрыми темпами из-за таяния полярных ледников повышается его средний глобальный уровень. Если в 1901–1990 гг. темпы его роста составляли 1,4 мм в год, в 1970–2015 – 2,1, то в 2009–2018 гг. – $4,6 \pm 0,15$ мм в год. Даже при условии достижения целевых

показателей ПС к 2100 г. уровень Мирового океана может повыситься на 30–60 см, а при сохранении современного уровня выбросов ПГ – на 60–110 см и даже больше [Pihl, Martin 2019, p. 8–9].

Эти данные позволяют сделать вывод о том, что глобальное повышение температуры на 1,5°C по сравнению с доиндустриальным уровнем может произойти не к 2030 г., как предполагалось, а на несколько лет раньше. Чтобы ограничить рост температуры 1,5°C, в 2020–2030 гг. мировое сообщество должно сократить объем выбросов ПГ до 25 Гт эквивалента CO₂ (CO_{2-экв}) в год против 60 Гт CO_{2-экв} в настоящее время [Rapport 2019, p. IX], что маловероятно.

Экономический ущерб от последствий климатических изменений

Уровень уязвимости стран и регионов для наиболее распространенных климатических рисков (наводнения, засухи, экстремальные погодные условия, включая ураганы и циклоны, проливные дожди, песчаные и пылевые бури, тепловые волны, пожары, холодные периоды и т.д.) определяется сочетанием климатических, социально-экономических и географических факторов.

К факторам уязвимости относятся: статус малого островного развивающегося государства или наименее развитой страны (НРС) расположение в зоне повышенного риска; деградация земель; рост численности населения; нищета; низкое качество инфраструктур; концентрация деятельности или населения в районах повышенного риска; зависимость страны от природных ресурсов (в частности, осадков); экономических секторов (например, ископаемых видов топлива) и процессов (например, опреснения воды); низкая производительность, нехватка продовольствия и проблемы здравоохранения.

Климатические изменения влияют на экономику и общество в разных сферах. Самыми важными их последствиями, на наш взгляд, являются следующие.

Снижение урожайности сельскохозяйственных культур. По прогнозам, к 2050 г. она снизится на 30%, в частности из-за увеличения средней продолжительности засух с двух (при повышении температуры на 1,5°C) до десяти месяцев (при повышении температуры на 3°C), а также потери рабочих часов под воздействием теплового стресса. В то же время увеличение спроса на продукты питания на 50% [Adapt now 2019, p. 6] приведет к снижению продовольственной безопасности во многих странах: при повышении температуры на 3°C от дефицита продовольствия пострадают 400 млн человек, а при повышении на 3,5°C нарушатся глобальные цепочки поставок пищевых продуктов [Adapt now 2019, p. 10].

Влияние тепловой нагрузки на производительность труда. Повышение средней температуры на 1°C по сравнению с доиндустриальным уровнем уже привело к увеличению численности населения, ежегодно подвергающегося воздействию температуры, превышающей 33°C по крайней мере один день в году, с 97 до 275 млн человек. При повышении температуры на 1,5°C с воздействием теплового стресса столкнутся 508 млн человек, на 2,0°C – 789 млн, на 3,0°C – 1,22 млрд человек [Li, Jiasan 2020, p. 1].

Поскольку организм человека не может выдержать температуру, превышающую 35°C при высокой влажности без физиологических повреждений (вплоть до летального исхода), чрезмерно высокая температура на рабочем месте ограничивает его работоспособность и, следовательно, производительность. По самым осторожным прогнозам, в 2030 г. потери общего объема рабочего времени в мире при повышении глобальной температуры на 1,5°C составят 2,2%, что эквивалентно потере 80 млн рабочих мест на условиях полного рабочего времени; экономические потери от теплового стресса составят порядка 2400 млрд долл. [Travailler 2019, p. 1–2].

В наибольшей степени от снижения производительности труда под воздействием теплового стресса пострадают сельское хозяйство и строительный сектор, которые к 2030 г. потеряют 60 и 19% рабочего времени соответственно. Риск теплового стресса подвержены также производство экологических товаров и услуг, сбор мусора, аварийные и ремонтные работы, транспорт, туризм, спорт и некоторые виды промышленных работ.

Наибольшие потери рабочих часов ожидаются в Южной Азии и Западной Африке, где в 2030 г. будет потеряно около 5% рабочего времени, что соответствует примерно 43 млн и 9 млн рабочих мест на условиях полного рабочего времени соответственно [Travailler 2019, p. 2].

Больше всего пострадают страны с низким уровнем доходов и с уровнем доходов ниже среднего, не имеющие достаточных ресурсов для эффективной адаптации к повышению температур. Экономические потери от теплового стресса обостряют такие проблемы, как высокий уровень трудоспособной бедноты, неформальная и незащищенная занятость, натуральное сельское хозяйство и отсутствие социальной защиты.

Обострение проблемы водного стресса, т.е. нехватки воды, приемлемого для питьевых и хозяйственных нужд качества. Дефицит воды обусловлен не только засухами, но и увеличением почти в 2 раза с 1960-х годов забора воды для различных бытовых и хозяйственных нужд. «Чрезвычайно высокий» уровень базовой нагрузки на воду (забор в среднем более 80% доступного объема воды) наблюдается в 17 странах, в которых проживает четверть населения мира. 44 страны, в которых проживает треть населения мира, сталкиваются с «высоким» уровнем водного стресса, забирая ежегодно более 40% запасов воды [Hofste, Reig 2019].

Из 17 стран, испытывающих наибольший дефицит воды, 12 – расположены на Ближнем Востоке и в Северной Африке (БВСА). Увеличение продолжительности и частоты даже небольших засух в этом сухом и жарком регионе еще больше осложнит ситуацию: по прогнозам ВБ, экономические потери от связанного с изменением климата дефицита воды к 2050 г. составят 6–14% от ВВП БВСА [Hofste, Reig 2019], а количество людей, страдающих от дефицита воды, вырастет с 3,6 млрд человек в настоящее время до более 5 млрд [Adapt now 2019, p. 35].

К странам с «чрезвычайно высоким» уровнем базовой нагрузки на воду относятся также Эритрея, Пакистан, Туркменистан, Ботсвана и Индия, занимающая в этой группе 13-е место. Однако численность ее населения более чем в 3 раза превышает численность населения остальных стран, входящих в эту группу, вместе взятых.

Повышение уязвимости прибрежных территорий. Если в настоящее время экстремальные явления, связанные с повышением уровня Мирового океана, случаются довольно редко (примерно раз в 100 лет), к 2050 г. на побережьях островных государств и во многих мегаполисах (Новом Орлеане, Нью-Йорке, Бангкоке, Шанхае, Гамбурге и ряде других) подобные экстремальные события будут происходить ежегодно [Pihl, Martin 2019, p. 8]. Наибольшей опасности подвергаются тихоокеанские архипелаги, в частности Маршалловы и Полинезийские острова, Мальдивы, а также Филиппины и Индонезия. С аналогичными рисками столкнутся прибрежные материковые страны, располагающиеся на малых абсолютных высотах (Бангладеш, Катар, Дания, Нидерланды и др.), что для этих государств весьма критично из-за отсутствия географических вариантов отступления. Ежегодные потери от наводнений в прибрежных городах оцениваются в 10,2 трлн долл. при повышении глобальной температуры на 1,5°C и в 11,7 трлн долл. при повышении на 2°C [Adapt now 2019, p. 10].

Негативное воздействие климатических изменений на здоровье населения. Человеку для нормальной жизни необходимы чистый воздух, доступ к безопасной питьевой воде, достаточное количество пищи и надежное жилье. Однако сегодня в мире из-за от загрязнения воздуха, вызванного изменением климата, ежегодно умирают 7 млн человек [COP24 2018, p. 10], что влечет за собой убытки для систем социального обеспечения в размере 5,11 трлн долл. [COP24 2018, p. 52]. Во многих странах ограничены водные и пищевые ресурсы, не хватает качественного жилья.

Наиболее уязвимы для этих рисков жители небольших развивающихся островных государств и других прибрежных районов, мегаполисов, горных и полярных районов, а также дети, особенно в бедных странах. Ожидается, что в 2030–2050 гг. изменение климата станет причиной примерно 250 тыс.

дополнительных смертей в год от недоедания, малярии, диареи и теплового стресса [COP24 2018, p. 24].

Повышение уровня Мирового океана, дефицит продовольствия и воды, увеличение тепловой нагрузки на работающее население (особенно в жарких странах) могут стать причиной обострения существующих и возникновения новых конфликтов, финансовой нестабильности, распространения нищеты и неравенства (к 2030 г. более 100 млн человек в развивающихся странах окажутся за чертой бедности [Adapt now 2019, p. 11]), роста числа климатических беженцев.

К негативным последствиям потепления относятся также увеличение частоты и масштабов лесных пожаров⁵ в результате роста продолжительности засух; таяние многолетней мерзлоты, что особенно актуально для России; изменения в пространственном распределении видов флоры и фауны, а также исчезновение и вымирание некоторых видов растений и животных.

Таким образом, явления, раньше считавшиеся маловероятными или редкими (как по интенсивности, так и по частоте), становятся «новой нормой». Вероятнее всего, даже при проведении политики, направленной на ограничение повышения температуры на Земле, в некоторых регионах риски экстремальных погодных явлений, опасных для экосистем и общества, в ближайшие десятилетия будут увеличиваться.

В 1998–2017 гг. реальные прямые экономические потери стран, пострадавших от различных стихийных бедствий, составили 2908 млрд долл., из которых 77% (2245 млрд долл.) пришлось на стихийные бедствия, связанные с климатическими факторами⁶, против 68% в 1978–1997 гг. В целом потери от экстремальных погодных явлений между 1978–1997 и 1998–2017 гг. выросли на 151%. По оценкам ВБ, реальные издержки стихийных бедствий для мировой экономики в этот период составляли 520 млрд долл. в год.

В абсолютном денежном выражении в 1998–2017 гг. самые большие убытки понесла экономика США (945 млрд долл.), что объясняется высокой стоимостью активов и частотой экстремальных ситуаций. В тот же период

5. Лесные пожары, особенно крупные, независимо от их природы, способствуют усилению парникового эффекта и ухудшению качества воздуха.

6. Причиной многих стихийных бедствий являются не природные явления, а человеческая деятельность. Так, масштабные пожары в Бразилии в 2019 г. возникли в результате намеренных поджогов лесов Амазонии фермерами для расчистки территории под поля. Некоторые чрезвычайные ситуации возникают при сочетании естественных и климатических факторов. Так, ученые пока не пришли к однозначному выводу о причинах пожаров в 2019 г. в Австралии, площадь которых превысила 18 млн га. Тем не менее большинство климатологов склоняются к выводу о том, что наряду с естественными особенностями климата Австралии свой вклад в распространение пожаров внесло глобальное потепление.

в Китае произошло 482 стихийных бедствия против 577 в США, но общие потери китайской экономики составили 492 млрд долл., т.е. почти в 2 раза меньше.

За этот период погибли 1,3 млн человек, еще 4,4 млрд – потеряли жилье, стали вынужденными переселенцами или нуждались в чрезвычайной помощи. Большая часть всех бедствий (91%) были вызваны наводнениями, штормами, засухами, тепловыми волнами и другими экстремальными погодными явлениями [Economic Losses 2018, p. 3].

В среднем в странах с низким уровнем доходов на 1 млн человек, проживающих в пострадавших от стихийных бедствий районах, приходилось 130 погибших, тогда как в странах с высокими доходами – 18 человек [Economic Losses 2018, p. 3], т.е. люди, подвергшиеся стихийным бедствиям в самых бедных странах, имели в 7,2 раза больше шансов умереть, чем население богатых стран. Аналогичная картина наблюдается в отношении людей, пострадавших от стихийных бедствий. Таким образом, хотя абсолютный экономический ущерб сосредоточен в странах с высоким уровнем доходов, людские потери от стихийных бедствий в большинстве случаев несут страны с низким и средним уровнем доходов, поскольку уязвимость для рисков определяется не подверженностью стихийным бедствиям как таковым, а уровнем экономического развития страны.

Однако необходимо учитывать, что оценкой ущерба от стихийных бедствий занимаются многие международные организации, в частности ВБ, научные центры, а также частные консалтинговые и страховые компании. Они пользуются различными источниками информации и методиками расчета ущерба, поэтому данные об экономических потерях от стихийных бедствий носят оценочный характер и часто отличаются друг от друга.

Так, значительные расхождения наблюдаются как в данных о количестве стихийных бедствий, так и об ущербе от них, представленных такими крупными международными компаниями, как *Aon plc* (профессиональные услуги в области снижения рисков) и *Munich Re Group* (перестрахование).

По данным *Aon plc*, в 2019 г. в мире произошло 409 стихийных бедствий, в результате которых погибли более 10 тыс. человек; по оценке *Munich Re Group* – 820 стихийных бедствий (около 9 тыс. погибших); прямые экономические потери и ущерб от стихийных бедствий *Aon plc* оценивает в 232 млрд долл., *Munich Re Group* – в 150 млрд долл. Правда, обе компании отмечают тенденцию к сокращению людских потерь от стихийных бедствий по сравнению с предыдущими годами [Weather, Climate 2020, p. 3; Löw 2020].

Согласно рейтингу стран по степени риска гибели в результате стихийных бедствий, составленному немецкими учеными на основе статистики природных катастроф и уровня подготовленности властей к стихийным бедствиям в 171 стране, самыми опасными странами признаны Вануату, Тонга,

Филиппины, Соломоновы острова, Гайана, Папуа-Новая Гвинея, Гватемала, Бруней, Бангладеш и Фиджи. В зону риска также входят Китай, Япония, Южная и Северная Корея, многие африканские страны. Безопасными считаются большинство европейских стран, в том числе Россия. Исключением являются Нидерланды, Ирландия и ряд балканских государств [Spiegel 2018].

ПС предусматривает два пути борьбы с изменением климата: смягчение (mitigation) и адаптация (adaptation) к изменениям климата. Смягчение предполагает реализацию мер, направленных на снижение количества выбрасываемых в атмосферу ПГ или удаления их из атмосферы за счет ограничения использования ископаемого топлива путем, в частности, введения углеродного налога и систем торговли квотами на выбросы ПГ, развитие ВИЭ, атомной энергетики, технологий удаления CO₂ из атмосферы. Адаптация к климатическим изменениям означает приспособление естественных или антропогенных систем к реальным или ожидаемым климатическим изменениям.

Идею немедленной реализации адаптационных мер по снижению уязвимости для климатических рисков активно пропагандирует Глобальная комиссия по адаптации (ГКА) (Global Commission on Adaptation). При этом члены ГКА полагают, что с точки зрения затрат наиболее эффективным для этого способом является интеграция мер по уменьшению опасности бедствий в инвестиционные решения.

ГКА утверждает, что общая норма прибыли по инвестициям в повышение устойчивости к внешним воздействиям очень высока, при этом соотношение выгод и затрат варьируется от 2:1 до 10:1. Поэтому инвестиции в адаптационные мероприятия в 2020–2030 гг. в размере 1,8 трлн долл. могут принести не только 7,1 трлн долл. чистой прибыли, но и так называемые «тройные дивиденды». Во-первых, удастся сократить будущие убытки; во-вторых, получить экономическую выгоду за счет снижения рисков, роста производительности труда и стимулирования инноваций; в-третьих, многие адаптационные мероприятия принесут значительные дополнительные экономические, социальные и экологические выгоды, появляющиеся с момента инвестирования и не зависящие от будущего состояния климата.

Наиболее перспективными направлениями ГКА считает инвестирование в системы раннего оповещения о штормах, цунами и других экстремальных погодных условиях; в инфраструктуры (дороги, мосты, здания); в борьбу с засухой путем стимулирования перехода на более устойчивые к засухе сорта культур; в проекты по восстановлению лесов, защищающих от штормов и оползней жителей прибрежных и горных районов; в проекты развития водных ресурсов в развитых странах, а также предоставление технической помощи развивающимся странам по природоохранным мерам [Adapt Now 2019, р. 3, 4].

Например, системы раннего оповещения спасают жизни и активы, стоимость которых как минимум в 10 раз превышает стоимость организации оповещения. Предупреждения о надвигающейся буре или жаре за 24 часа до события могут сократить последующий ущерб на 30%, а затраты в размере 800 млн долл. на такие системы в развивающихся странах позволят избежать потерь в размере 3–16 млрд долл. в год. Хотя повышение устойчивости инфраструктур к изменению климата может увеличить первоначальные затраты на 3%, соотношение выгод и затрат составляет 4: 1. Сохранение и восстановление мангровых лесов позволяет избежать потерь от наводнений в прибрежных районах и защищает 18 млн человек, а также обеспечивает получение нерыночных выгод, связанных с рыболовством, лесным хозяйством и отдыхом, в 40–50 млрд долл. в год [Adapt now 2019, p. 5].

Долгосрочные прогнозы последствий климатических изменений

В настоящее время научное сообщество в целом пришло к согласию, что изменения климата влекут за собой серьезные экономические последствия для жарких бедных стран, но оказывают ограниченное воздействие на богатые экономики холодных стран (в некоторых исследованиях отмечается, что Канада, Россия и большая часть Западной Европы получают от климатических изменений большие выгоды) и распределяются крайне неравномерно.

Однако анализ многочисленных научных публикаций, представляющих долгосрочные прогнозы потерь мировой экономики, вызванных повышением температуры на 4°C (медиана сценариев, связанных с высокими выбросами ПГ), показывает потери от 2,6 до 50% по сравнению со сценарием без изменения климата [Bergevin-Chammah 2019, p. 3]. Такой разброс объясняется полным или частичным исключением из моделей некоторых важных, но слишком неопределенных или не поддающихся количественной оценке последствий потепления. К ним относятся рост смертности, снижение качества жизни, усиление миграции населения из уязвимых районов, появление новых организмов, угрожающих жизни человека или сельскохозяйственным культурам и т.д.

Примером «стандартного» подхода к оценке экономических последствий изменения климата является работа австралийских ученых, смоделировавших изменение реального ВВП под воздействием динамического эффекта глобального потепления во всех регионах мира в диапазоне от 1 до 4°C. По их расчетам, при повышении глобальной температуры на 3°C по сравнению с доиндустриальным периодом потенциальные потери мировой экономики в 2100 г. составят 9593,71 млрд долл. (примерно 3% мирового валового продукта), а при ее повышении на 4°C возрастут до 23 149,18 млрд долл. При

этом издержки, связанные с изменением климата, распределяются по странам неравномерно. Так, при повышении глобальной температуры на 3°C Россия почувствует его влияние уже в 2027 г., а в долгосрочной перспективе ее ВВП сократится на 0,93%. США также могут оказаться в группе пострадавших уже в начавшемся десятилетии, а в долгосрочной перспективе потерять 0,62% ВВП [Kompas, Pham, Che 2018].

Исследование австралийских ученых, как и большинства других специалистов, показало, что ущерб от глобального потепления варьируется во времени, демонстрируя тенденцию к повышению, и в долгосрочной перспективе с ним столкнется значительная часть мира. Самые большие потери во всех случаях и при всех повышениях температуры понесут страны Африки к югу от Сахары, что обусловлено отсутствием у них достаточных ресурсов для проведения политики адаптации к последствиям глобального потепления и их специализацией на таких чувствительных к изменению климата сферах деятельности, как сельское хозяйство и туризм, а также Индия и Юго-Восточная Азия. В то же время все европейские страны, кроме Албании, испытают последствия глобального потепления только ближе к 2100 г.

Иной точки зрения придерживается группа ученых из Великобритании, США, Тайваня и МВФ, проанализировавших долгосрочное влияние изменения климата на экономическую активность в 174 странах. Они использовали стохастическую модель роста, в которой производительность труда зависит от конкретных климатических переменных страны, определяемых как отклонения температуры и осадков от их исторических норм в 1960–2014 гг. В модели учитывалось не только воздействие экономической активности на состояние климата, но и влияние климатических изменений на экономическую деятельность.

Исследование показало, что постоянные изменения климата оказывают долгосрочное негативное воздействие на экономический рост. При отклонении температуры от исторической нормы на 0,01°C ежегодно в долгосрочной перспективе ВВП будет снижаться на 0,0543 п.п. в год. Более того, в отличие от большинства исследователей, ученые доказали, что негативные долгосрочные эффекты влияния изменения климата на рост универсальны, т.е. они воздействуют на все страны, богатые и бедные, с жарким и холодным климатом.

Сохранение роста глобальной средней температуры ниже 2°C по сравнению с доиндустриальным уровнем, зафиксированное в ПС, приведет к 2100 г. к сокращению глобального реального ВВП на душу населения на 1,07%, тогда как при ее повышении на 0,04°C ежегодно к 2100 г. он снизится на 7,22% при существенных различиях между странами. Так, например, Финляндия потеряет 1,02% ВВП, Германия – 1,92, Швеция – 2,67, Нигерия – 3,56, Великобритания – 3,97, Малайзия – 4,12, Китай – 4,35, Франция – 5,82,

Индонезия – 7,51, Россия – 8,93, Индия – 9,90, США – 10,52, Япония – 10,70, Канада 13,08% [Kahn, Mohaddes 2019, p. 51–53]. При этом соблюдение условий ПС будет иметь большое значение для ограничения экономических потерь от изменения климата почти во всех странах.

Кроме того, результаты исследования с большой вероятностью указывают на то, что адаптационные меры могли бы снизить отрицательные последствия изменений климата в определенных секторах экономики, однако вероятность с их помощью ослабить долгосрочное влияние этих изменений крайне мала [Kahn, Mohaddes 2019, p. 44].

Возможно, меры смягчения и адаптации помогут в какой-то мере приспособиться к изменению климата некоторым странам и отраслям. Однако, как показало исследование международной группы ученых, изучивших потенциальные траектории развития земной системы в антропоцене⁷ [Steffen, Rockström 2018], мировому сообществу пора осознать, что в настоящее время человеческая цивилизация соперничает по своему влиянию на траекторию развития земной системы с геологическими процессами. Поэтому перед человечеством стоит задача создания «стабилизированного земного пути», чтобы отойти от текущей траектории развития, ведущей планету к «Тепличной Земле», т.е. условиям, создающим серьезные риски для обитаемости планеты для людей.

Большая вариабельность сценариев глобального потепления и их последствий обусловлена, главным образом, высокой степенью неопределенности, связанной с этой проблемой. Даже без учета неопределенности в технологических инновациях, климатической и экологической политике многие переменные в моделях изменения климата зависят от предположений исследователей. Например, для определения объемов будущих выбросов ПГ используются прогнозы экономического и демографического развития на ближайшие 100 лет, которые, учитывая их огромный временной горизонт, весьма абстрактны. Представления о взаимосвязи между уровнем выбросов ПГ и реакцией на них климата также могут варьироваться в соответствии с принятыми допущениями и новыми данными, что, в свою очередь, влияет на количественную оценку ущерба от глобального потепления. Остается много неясного и в отношении будущих климатических процессов, учитывая их нелинейность и вероятность существования критических точек невозврата. Предсказание реакции экономики на изменение климата также может меняться в зависимости от рассматриваемых элементов и типа используемой модели. Включение в модели допущений о влиянии мер адаптации, которые

7. Антропоцен (пока неформальный геохронологический термин) – геологическая эпоха, отличительной чертой которой является доминирующее влияние человека на окружающую среду и климат. – Прим. авт.

в значительной степени будут зависеть от труднопрогнозируемого развития технологий, также может повлиять выводы о размере экономических потерь. Таким образом, хотя точно определить масштабы экономических потерь от изменения климата невозможно, вероятность его крайне негативных глобальных последствий очень велика.

Библиография

Зафиксирован рекордный уровень углекислого газа на Земле // Sibnet.ru. 2019. 14.05. URL: https://info.sibnet.ru/article/551171/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 22.03.2020).

Spiegel опубликовал рейтинг подверженных стихийным бедствиям стран // РБК. 2018. 21.11. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5bf4ce5e9a794766426d7c8a> (дата обращения: 20.02.2020).

Adapt Now: A Global Call for Leadership on Climate Resilience. Washington // Rotterdam: Global Commission on Adaptation. 2019. September. 81 p. URL: https://cdn.gca.org/assets/2019-09/GlobalCommission_Report_FINAL.pdf (дата обращения: 25.03.2020).

Bergevin-Chammah C. Le réchauffement planétaire: quelles en sont les implications économiques? // Desjardins: Études économiques. 2019. 21 Août. 5 p. URL: <https://www.desjardins.com/ressources/pdf/pv190821-f.pdf> (дата обращения: 15.03.2020).

Carney M. Fifty Shades of Green // Finance & Development. Washington, 2019. December. P. 12–15. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2019/12/pdf/a-new-sustainable-financial-system-to-stop-climate-change-carney.pdf> (дата обращения: 07.02.2020).

COP24 special report: health and climate change. Geneva: World Health Organization, 2018. 73 p. URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/9789241514972-eng.pdf> (дата обращения: 10.03.2020).

Economic Losses, Poverty and Disasters 1998–2017. Geneva: CRED, 2018. 34 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/331642958_Economic_Losses_Poverty_and_Disasters_1998-2017/link/5c859a6d92851c69506b1f0f/download (дата обращения: 21.03.2020).

Greenhouse gas concentrations in atmosphere reach yet another high // World Meteorological Organization. 2019. 25 Nov. URL: <https://public.wmo.int/en/media/press-release/greenhouse-gas-concentrations-atmosphere-reach-yet-another-high> (дата обращения: 19.01.2020).

Hofste R.W., Reig P., Schleifer L. 17 Countries, Home to One-Quarter of the World's Population, Face Extremely High Water Stress // World Resources Institute. 2019. August 06. URL: <https://www.wri.org/blog/2019/08/17-countries-home-one-quarter-world-population-face-extremely-high-water-stress> (дата обращения: 15.01.2020).

Kahn M.E., Mohaddes K. et al. Long-term macroeconomic effects of climate change: A cross-country analysis. Cambridge: NBER, 2019. 57 p. URL: <https://www.nber.org/papers/w26167.pdf> (дата обращения: 10.03.2020).

Kompas T., Pham V.H., Che T.N. The Effects of Climate Change on GDP by Country and the Global Economic Gains From Complying With the Paris Climate Accord // Earth's Future. 2018. Vol. 6. Issue 8. P. 1153–1173. URL: <https://agupubs.onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1029/2018EF000922> (дата обращения: 15.01.2020).

La planète en feu: Des incendies climatiques aux conflits politiques // WEF. 2020. 15 janvié. URL: <https://www.weforum.org/press/2020/01/burning-planet-climate-fires-and-political-flame-wars-rage> (дата обращения: 01.03.2020).

Li D., Jiacan Yuan J., Kopp R.E. Escalating global exposure to compound heat-humidity extremes with warming // *Environmental Research Letters*. 2020. 5 March. 17 p. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1748-9326/ab7d04/pdf> (дата обращения: 14.03.2020).

Löw P. Tropical cyclones cause highest losses // *Munich Re*. 2020. 09.01. URL: <https://www.munichre.com/topics-online/en/climate-change-and-natural-disasters/natural-disasters/natural-disasters-of-2019-in-figures-tropical-cyclones-cause-highest-losses.html> (дата обращения: 15.04.2020).

Pihl E., Martin M.A. et al. 10 New Insights in Climate Science // *Future Earth*. 2019. 40 p. URL: <https://futureearth.org/wp-content/uploads/2019/12/10-New-Insights-in-Climate-Science-2019.pdf> (дата обращения: 01.03.2020).

Pouliquen F. Coronavirus: Avec l'épidémie, les émissions mondiales de CO₂ vont-elles réellement baisser en 2020? // *20 minute*. 2020. 06.03. URL: <https://www.20minutes.fr/planete/2733435-20200306-coronavirus-epidemie-emissions-mondiales-co2-vont-elles-reellement-baisser-2020> (дата обращения: 09.03.2020).

Rapport 2019 sur l'écart entre les besoins et les perspectives en matière de réduction des émissions. Nairobi, 2019. XVI p. URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/30798/EGR19ESFR.pdf?sequence=15> (дата обращения: 20.01.2020).

Steffen W., Rockström J. et al. Trajectories of the Earth System in the Anthropocene // *PNAS*. 2018. August 14. Vol. 115. N 33. P. 8252–8259. URL: <https://www.pnas.org/content/pnas/115/33/8252.full.pdf> (дата обращения: 10.02.2020).

The Global Climate in 2015–2019. Geneva: World Meteorological Organization. 2020. 24 p. URL: https://library.wmo.int/doc_num.php?explnum_id=9936 (дата обращения: 19.03.2020).

Travailler sur une planète plus chaude. L'impact du stress thermique sur la productivité du travail et le travail décent // OIT. Genève. 2019. 5 p. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_712010.pdf (дата обращения: 20.03.2020).

Weather, Climate & Catastrophe Insight – 2019 Annual Report. Chicago: AON, 2020. 83 p. URL: http://thoughtleadership.aon.com/Documents/20200122-if-natcat2020.pdf?utm_source=ceros&utm_medium=storypage&utm_campaign=natcat20 (дата обращения: 25.03.2020).

WMO Statement on the State of the Global Climate in 2019. Geneva: World Meteorological Organization. 2020. 44 p. URL: https://library.wmo.int/doc_num.php?explnum_id=10211 (дата обращения: 19.03.2020).

References

Zafiksirovan rekordny`j uroven` uglekislogo gaza na Zemle. [The record of carbon dioxide content in the atmosphere is established]. RBK. 2018. 21.11. URL: https://info.sibnet.ru/article/551171/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (date of access: 22.03.2020). (In Russ.)

Spiegel opublikoval rejting podverzhenny`kh stikhijny`m bedstviyam stran [Spiegel has published the rating of countries at risk of natural disasters]. RBK. 2018. 21.11. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5bf4ce5e9a794766426d7c8a> (date of access: 20.02.2020). (In Russ.)

Adapt Now: A Global Call for Leadership on Climate Resilience. Washington. Rotterdam: Global Commission on Adaptation. 2019. September. 81 p. URL: https://cdn.gca.org/assets/2019-09/GlobalCommission_Report_FINAL.pdf (date of access: 25.03.2020).

Bergevin-Chammah C. Le réchauffement planétaire: quelles en sont les implications économiques? Desjardins: Études économiques. 2019. 21 Août. 5 p. URL: <https://www.desjardins.com/ressources/pdf/pv190821-f.pdf> (date of access: 15.03.2020).

Carney M. Fifty Shades of Green. Finance & Development. Washington, 2019. December. P. 12–15. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2019/12/pdf/a-new-sustainable-financial-system-to-stop-climate-change-carney.pdf> (date of access: 07.02.2020).

COP24 special report: health and climate change. Geneva: World Health Organization, 2018. 73 p. URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/9789241514972-eng.pdf> (date of access: 10.03.2020).

Economic Losses, Poverty and Disasters 1998–2017. Geneva: CRED, 2018. 34 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/331642958_Economic_Losses_Poverty_and_Disasters_1998-2017/link/5c859a6d92851c69506b1f0f/download (date of access: 21.03.2020).

Greenhouse gas concentrations in atmosphere reach yet another high. World Meteorological Organization. 2019. 25 Nov. URL: <https://public.wmo.int/en/media/press-release/greenhouse-gas-concentrations-atmosphere-reach-yet-another-high> (date of access: 19.01.2020).

Hofste R.W., Reig P., Schleifer L. 17 Countries, Home to One-Quarter of the World's Population, Face Extremely High Water Stress. World Resources Institute. 2019. August 06. URL: <https://www.wri.org/blog/2019/08/17-countries-home-one-quarter-world-population-face-extremely-high-water-stress> (date of access: 15.01.2020).

Kahn M.E., Mohaddes K. et al. Long-term macroeconomic effects of climate change: A cross-country analysis. Cambridge: NBER, 2019. 57 p. URL: <https://www.nber.org/papers/w26167.pdf> (date of access: 10.03.2020).

Kompas T., Pham V.H., Che T.N. The Effects of Climate Change on GDP by Country and the Global Economic Gains From Complying With the Paris Climate Accord. *Earth's Future*. 2018. Vol. 6. Issue 8. P. 1153–1173. URL: <https://agupubs.onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1029/2018EF000922> (date of access: 15.01.2020).

La planète en feu: Des incendies climatiques aux conflits politiques // WEF. 2020. 15 janvié. URL: <https://www.weforum.org/press/2020/01/burning-planet-climate-fires-and-political-flame-wars-> (date of access: 01.03.2020).

Li D., Jiagan Yuan J., Kopp R.E. Escalating global exposure to compound heat-humidity extremes with warming. *Environmental Research Letters*. 2020. 5 March. 17 p. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1748-9326/ab7d04/pdf> (date of access: 14.03.2020).

Löw P. Tropical cyclones cause highest losses. Munich Re. 2020. 09.01. URL: <https://www.munichre.com/topics-online/en/climate-change-and-natural-disasters/natural-disasters-of-2019-in-figures-tropical-cyclones-cause-highest-losses.html> (date of access: 15.04.2020).

Pihl E., Martin M.A. et al. 10 New Insights in Climate Science. *Future Earth*. 2019. 40 p. URL: <https://futureearth.org/wp-content/uploads/2019/12/10-New-Insights-in-Climate-Science-2019.pdf> (date of access: 01.03.2020).

Poulouen F. Coronavirus: Avec l'épidémie, les émissions mondiales de CO₂ vont-elles réellement baisser en 2020? 20 minute. 2020. 06.03. URL: <https://www.20minutes.fr/planete/2733435-20200306-coronavirus-epidemie-emissions-mondiales-co2-vont-elles-reellement-baisser-2020> (date of access: 09.03.2020).

Rapport 2019 sur l'écart entre les besoins et les perspectives en matière de réduction des émissions. Nairobi, 2019. XVI p. URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/30798/EGR19ESFR.pdf?sequence=15> (date of access: 20.01.2020).

Steffen W., Rockström J. et al. Trajectories of the Earth System in the Anthropocene. *PNAS*. 2018. August 14. Vol. 115. N 33. P. 8252–8259. URL: <https://www.pnas.org/content/pnas/115/33/8252.full.pdf> (date of access: 10.02.2020).

The Global Climate in 2015–2019. Geneva: World Meteorological Organization. 2020. 24 p. URL: https://library.wmo.int/doc_num.php?explnum_id=9936 (date of access: 19.03.2020).

Travailler sur une planète plus chaude. L'impact du stress thermique sur la productivité du travail et le travail décent. OIT. Genève. 2019. 5 p. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_712010.pdf (date of access: 20.03.2020).

Weather, Climate & Catastrophe Insight – 2019 Annual Report. Chicago: AON, 2020. 83 p. URL: http://thoughtleadership.aon.com/Documents/20200122-if-natcat2020.pdf?utm_source=ceros&utm_medium=storypage&utm_campaign=natcat20 (date of access: 25.03.2020).

WMO Statement on the State of the Global Climate in 2019. Geneva: World Meteorological Organization. 2020. 44 p. URL: https://library.wmo.int/doc_num.php?explnum_id=10211 (date of access: 19.03.2020).

С.И. Коданева

**«ЗЕЛЕННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ» В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ:
ПРОБЛЕМЫ, МЕХАНИЗМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

***Аннотация.** В целях снижения выбросов парниковых газов, уменьшения потребления природных ресурсов, ограничения негативного воздействия на окружающую среду необходим переход от модели «коричневой» экономики к экономике «зеленой», призванной повысить качество жизни людей. Все ведущие международные организации отмечают необходимость привлечения значительных финансовых потоков в «зеленую» экономику, однако не определяют источники такого финансирования. При этом большинство специалистов указывают на ключевую роль государственных инструментов поддержки и стимулирования как финансового сектора, так и бизнеса в привлечении «зеленых» инвестиций.*

Автор рассматривает «зеленые» инвестиции как совокупность финансовых инструментов, позволяющих направлять финансовые ресурсы и поток капитала на достижение экологических целей через различные «зеленые» финансовые продукты, а также методы государственной поддержки, направленные на оптимизацию производства, получение прибыли и достижение баланса между окружающей средой и экономикой.

«Зеленые» инвестиции представляют собой комплексное явление, требующее такого же комплексного и гибкого подхода государства, учета специфики различных категорий «зеленых» проектов и реализующих их субъектов.

В статье анализируются различные виды «зеленых» проектов, рекомендуются наиболее эффективные финансовые инструменты, а также механизмы государственной поддержки и стимулирования.

Указано на необходимость обеспечить связь различных инструментов привлечения «зеленых» инвестиций на местном, региональном и государственном уровнях наряду с государственными программами повышения экологической грамотности населения, развития предпринимательских навыков и финансовой грамотности компаний, особенно малых.

***Ключевые слова:** зеленая экономика; устойчивое развитие; зеленые инвестиции; зеленые кредиты; зеленые облигации; краудфандинг; меры государственной поддержки; экологическая политика.*

Коданева Светлана Игоревна – кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник отдела правоповедения,
Институт научной информации по общественным наукам РАН

(ИНИОН РАН), доцент кафедры инновационных технологий
в государственной сфере и бизнесе Института бизнеса
и делового администрирования Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Россия, Москва.
E-mail: kodaneva@inion.ru
Web of Science Researcher ID: V-2683–2018

Kodaneva S.I. «Green Investments» in Russia and Abroad: Problems, Mechanisms and Prospects

Abstract. *In order to reduce greenhouse gas emissions, decrease consumption of natural resources and mitigate negative impacts on the environment, the global community needs to carry out the transition from «brown» to «green» economy, at the same time improving the people's quality of life. In this context, all of the leading international organizations emphasize the importance of attracting considerable financial flows to «green» economy, but do not define the sources of such financing. At that, the majority of experts point out to the key role of governmental tools for supporting and stimulating both financial sector and business structures in attracting «green» investments.*

The author defines «green» investments as a set of financial instruments that allow channeling financial resources and capital flows to environmental objectives through various «green» financial products and governmental programs aimed at optimization of production, generation of profits and achievement of balance between environment and economy.

«Green» investments, argues the author, constitute a complex phenomenon which calls for a similar complex and flexible governmental approach tailored to the specificities of various categories of «green» products and their implementing entities.

This article presents an analysis of various categories of «green» projects and contains the author's recommendations on the most effective financial instruments as well as mechanisms of governmental support and incentives for each category.

Highlighted is the need to ensure the linkage between various instruments for attraction of «green» investments at the local, regional and state levels, all of which should be accompanied by programs aimed at citizens' ecological education, development of business skills and financial literacy of companies, especially of small ones.

Keywords: *green economy; sustainable development; green investments; green loans; green bonds; crowdfunding; governmental support measures; environmental policy.*

Kodaneva Svetlana Igorevna – Candidate of Law Science,
Senior researcher, Department of Jurisprudence, Institute
of Scientific Information on Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences (INION RAN); Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Russia, Moscow.
E-mail: kodaneva@inion.ru
Web of Science Researcher ID: V-2683–2018

Термин «зеленая экономика» появился в названии книги Пирса и др. [Kemp-Benedict 2018], который доказывал, что традиционное развитие ведет к деградации природного капитала и угрожает долгосрочному процветанию. В докладе ЮНЕП «На пути к “зеленой” мировой экономике», подготовленном к конференции ООН по устойчивому развитию (Рио+20) 2012 г., говорилось, что современные экономические кризисы привели к разочарованию в существующей экономической модели, поскольку кризисы и медленный экономический рост являются следствием неправильного распределения капитала [На пути 2011]. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) также подготовила доклад для Рио+20 «Курс на зеленый рост» [Курс на зеленый рост 2011], в котором подчеркивалось, что для обеспечения устойчивого роста необходимы инновации и инвестиции в экологические проекты. Наконец, в 2015 г. была принята Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. ООН, определившая ключевые задачи этого развития. Они, в частности, предполагают задачу 8.4, которая требует «постепенно повышать глобальную эффективность использования ресурсов в системах потребления и производства и стремиться к тому, чтобы экономический рост не сопровождался ухудшением состояния окружающей среды», задачу 9.4 – «модернизировать инфраструктуру и переоборудовать промышленные предприятия, сделав их устойчивыми за счет повышения эффективности использования ресурсов и более широкого применения чистых и экологически безопасных технологий и промышленных процессов» [Цели в области устойчивого развития 2015].

При этом в указанных докладах привлечение инвестиций для решения поставленных задач рассматривается как одна из наиболее важных проблем. Это нашло отражение и в Парижском соглашении, в соответствии с которым государства обязались «привести финансовые потоки в соответствие с траекторией в направлении развития, характеризующегося низким уровнем выбросов и сопротивляемостью к изменению климата», чтобы удержать рост глобальной средней температуры на уровне менее 2°C, превышающем доиндустриальные уровни [Парижское соглашение 2015]. По оценкам Межправительственной группы экспертов по изменению климата [Global Warming 2018], эти «финансовые потоки» составят около 2,4 трлн долл. США (примерно 2,5% мирового валового внутреннего продукта в год) в период с 2016 по 2035 г. Согласно анализу ОЭСР, в период с 2016 по 2030 г. потребуется примерно 103 трлн долл. США дополнительных инвестиций [Investing in Climate 2017]. Аналогично McKinsey прогнозирует потребность в затратах около 49 трлн долл. без учета проектов в сфере возобновляемой энергетики и энергоэффективности в период с 2016 по 2030 г. [Gianfrate, Peri 2019]. В упомянутом докладе ЮНЕП потоки «зеленых» инвестиций были определены в процентах от ВВП, но нет никаких предложений о том, как их генерировать,

из каких источников и в какой степени они должны быть государственными, а в какой – частными.

Действительно, вопрос о привлечении инвестиций в формирование «зеленой экономики» достаточно сложен. «Зеленая экономика» – это ресурсосберегающая и экологически чистая экономика, характеризующаяся высокой добавленной стоимостью продукции и интенсивными методами производства. Это целостная программа улучшения качества жизни и благосостояния людей путем максимально рационального использования истощающихся природных ресурсов. Она предполагает формирование принципиально новых моделей производства и потребления, обеспечивающих получение прибыли и удовлетворение потребностей населения с минимальным негативным воздействием на окружающую среду. «Зеленая экономика» должна в идеале привести человечество в состояние равновесия с природой, при котором человек будет возвращать в природу столько же, сколько взял из нее [Коданева 2020].

В научной литературе содержатся разнообразные определения «зеленых» инвестиций. Так, С.С. Полоник с соавторами понимают под ними целевые экологические инвестиции, обеспечивающие экологические выгоды в условиях социально-экономического развития страны [Полоник, Хоробрых 2018]. Согласно Н. Sun и др., «зеленые» инвестиции – это акт распределения капитала на проекты, цель которых – принести пользу окружающей среде [Sun, Wan 2019]. Схожее определение дают H.S. Du и др. [Du, Zhan 2019].

С. Мишулина под «зелеными» инвестициями понимает денежные средства, ценные бумаги, имущество, в том числе имущественные и иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности, осуществляемой в целях получения прибыли и одновременного снижения негативного воздействия на окружающую природную среду, т.е. достижения эффекта декаплинга [Mishulina 2019].

По нашему мнению, «зеленые инвестиции» – это финансовые инструменты, такие как «зеленый» кредит, «зеленые» облигации, «зеленое» страхование и др., включая финансовые инструменты государственной поддержки, позволяющие направлять финансовые ресурсы и поток капитала на повышение энергоэффективности предприятий, снижение объема потребления ресурсов, а также негативного воздействия на окружающую среду посредством оптимизации производства, повышения прибыльности и достижения баланса между окружающей средой и экономикой.

Представляется, что такое понимание «зеленых» инвестиций позволяет рассматривать их как комплексное и сложное явление, включающее три ключевых компонента: «зеленый», «инвестиционный» и «государственный». «Зеленые» инвестиции, по своей сути являясь чисто финансовым инструментом, в то же время несут в себе дополнительную социальную составляющую,

а при правильном использовании могут стать эффективным инструментом государственной политики.

Столь же комплексным должен быть подход к изучению и выработке предложений по использованию инструментов «зеленых» инвестиций для реализации различных «зеленых» проектов и определению роли в них государства. Многие авторы отмечают, что большинство «зеленых технологий» сегодня экономически менее рентабельно, а инвестиции в них более рискованны, чем в традиционные «коричневые» технологии [Bigerna, Wen 2019, Taghizadeh-Hesary, Yoshino 2019].

В результате спрос на инвестиции со стороны предприятий не удовлетворяется поставщиками финансовых услуг. Финансовый сектор довольно неохотно инвестирует / кредитует долгосрочные проекты с периодом окупаемости до 15 лет, особенно если эти проекты являются капиталоемкими и высокотехнологичными, т.е. требуют проведения НИОКР, что значительно повышает риски (см., напр.: [Criscuolo, Menon 2015, Курс на зеленый рост 2011, Owen, Brennan 2018]). Это усугубляется макроэкономической ситуацией, вызванной финансовым и экономическим кризисом. Но даже в тех случаях, когда «зеленым» проектам удастся привлечь финансирование на ранних стадиях (например, за счет использования мер государственной поддержки), могут возникнуть риски недофинансирования, если отсутствуют эффективные механизмы привлечения инвестиций для последующих стадий реализации «зеленых» проектов [Owen, Brennan 2018]. Поэтому многие признают решающую роль государства в стимулировании интереса частного сектора к внедрению «зеленых» технологий и стандартов в свой бизнес и осуществлению «зеленых» инвестиций [Курс на зеленый рост 2011, Owen, Brennan 2018, G20 2016].

Очень важно, чтобы политика государства, играющая ключевую роль в переходе к «зеленой экономике», была гибкой и учитывала специфику различных элементов «зеленой экономики», готовность к ним общества и рынка, а также доступность соответствующих технологий. В то же время чрезмерное государственное субсидирование, так же как и чрезмерное финансирование «зеленых» проектов в лучшем случае не будет давать нужного эффекта, а в худшем – будет приводить к негативным для экономики последствиям [He, Liu, 2019]. Во-первых, чрезмерные государственные инвестиции могут подавлять активность частного сектора и вытеснять частные инвестиции [Agi, Akkas 2019]. Во-вторых, если государство будет финансировать «зеленые» проекты одновременно с частными инвесторами, в условиях ограниченности финансовых ресурсов чрезмерные инвестиции в проекты по охране окружающей среды и недостаточные инвестиции в другие отрасли приведут к двойной потере эффективности, а это ограничит экономический рост. Кроме того, инвестиции в «зеленые» проекты при отсутствии современных

отечественных технологий приведут к росту зависимости от зарубежных производителей, что также негативно отразится на экономике страны.

Таким образом, необходим детальный анализ различных категорий зеленых технологий и проектов, а соответственно, и требующихся для них «зеленых» инвестиций и мер государственной поддержки и стимулирования. Так, многие цели «зеленой экономики» требуют разработки совершенно новых технологий, например для сокращения негативного воздействия на окружающую среду выбросов от автомобильного транспорта. Для этого необходимо венчурное финансирование, которое в России в основном осуществляется через государственные институты развития. Поэтому нужен комплекс инструментов поддержки инновационных стартапов с акцентом на экологичность реализуемых проектов. Это могут быть государственные гранты, венчурные и посевные фонды, а также инфраструктура, включающая инкубаторы и акселераторы.

Государственные гранты и премии предоставляются во многих странах с целью обеспечения начального финансирования на ранних стадиях (см., напр.: [Bocken 2015, Criscuolo, Menon 2015]). В качестве примера стран с более низким уровнем дохода можно привести Фонд содействия развитию предпринимательства в Африке, который поддерживает НИОКР и стартапы, разрабатывающие инновации в области устойчивого развития и борьбы с нищетой. На начало 2016 г. в рамках данной программы было выделено 156 млн долл. бюджетных средств, позволивших привлечь 426 млн долл. частных инвестиций [Africa 2016]. В Великобритании гранты предоставляются через Innovate UK на всех стадиях инновационных проектов. Почти каждый десятый (9%) грант выделяется на проекты в области экологических технологий и энергетики, а в 2011–2015 гг. 7 тыс. заявок были направлены на финансирование 1600 проектов на сумму 160 млн ф. ст., что привело к созданию более 3 тыс. рабочих мест и более 250 млн ф. ст. валовой добавленной стоимости [The Impact 2017].

Однако более эффективным механизмом государственной поддержки, на наш взгляд, могло бы стать создание государственного фонда, предоставляющего субсидии не напрямую стартапам, а фондам, осуществляющим венчурное финансирование, т.е. создание своего рода «фонда фондов», поскольку фонды, финансируемые государством в России, имеют ряд существенных недостатков. Во-первых, процедуры предоставления грантов и субсидий в них чрезмерно сложны и бюрократизированы, во-вторых, они не всегда способны провести достаточно качественную научную экспертизу проектов.

Принципиально иная ситуация складывается в сфере утилизации отходов, поскольку здесь требуется строительство предприятий по сортировке отходов, переработке вторсырья и утилизации, например посредством получения биоэнергии. Кроме того, необходимы новые схемы транспортировки,

обеспечивающие отдельный сбор отходов. Это требует капитальных вложений в основные средства мусороперерабатывающих предприятий. Аналогичные инвестиции требуются в оснащение промышленных предприятий очистными сооружениями (либо реконструкцию существующих устаревших) или в строительство объектов «зеленой» энергетики.

Между проектами, реализуемыми крупными, средними и малыми предприятиями, имеются определенные различия. Так, крупным, особенно промышленным предприятиям, для обновления их основных средств и / или установки современных очистных сооружений требуются значительные объемы инвестиций. Только в рамках Национального проекта «Экология» планируется привлечь 3,2 трлн руб. частных инвестиций [Паспорт национального проекта 2018]. Например, среди очистных сооружений (в централизованных системах водоснабжения), 70% которых были построены 30–50 лет назад, 80% требует полной модернизации, а ряд систем не подлежит восстановлению и должен быть построен заново. На это требуется около 1,3 трлн руб. [Давыдова 2017].

По данным Росстата, в 2000 г. доля капиталовложений в природоохранные объекты предприятий составляла 1,9% от общего объема инвестиций в основной капитал. В 2010 г. – 1,0%. В 2014 г. этот уровень несколько возрос – до 1,2%, а в 2015 г. снова уменьшился до 1,0%. В 2016 г. указанная доля составила 0,95%; в 2017 г. она практически не изменилась. В 2018 г. этот показатель снизился до 0,9%. Иными словами, предприятия крайне мало инвестируют в природоохранные объекты [О состоянии 2019, с. 776].

Во многом это обусловлено нехваткой собственных средств и недоступностью внешнего финансирования. Как отмечают С.С. Стрижов и С.Я. Абрамович, российский банковский сектор крайне невосприимчив к важным междunarодным инициативам в области социально ответственного инвестирования, поскольку не хватает стимулов, побуждающих его к активному внедрению в инвестиционную деятельность практики учета экологических факторов. Здесь сказывается недостаточное внимание к социально ответственному инвестированию как со стороны государства, так и со стороны объединений и ассоциаций, функционирующих в финансовой сфере [Strizhov, Abramovich 2017]. Однако нельзя полностью согласиться с предложением авторов начинать путь с создания Кодекса социально ответственного инвестирования. Представляется, что в российских условиях значительно более эффективным средством, побуждающим финансовый сектор активнее использовать инструмент «зеленых» кредитов, была бы позиция государственных органов, особенно регулятора.

«Зеленый» кредит, выдаваемый банком на льготных условиях, может быть эффективным инструментом как привлечения финансирования под

«зеленые» проекты, так и развития «зеленой экономики» в широком смысле. Дело в том, что он включает важные бизнес-механизмы, а именно:

- влияние на инвестиционную привлекательность (хороший кредитный рейтинг предприятия в совокупности с информацией о том, что оно стало получателем льготного «зеленого» кредита, положительно влияет на его имидж для последующего привлечения инвестиций);

- дисциплинирующую функцию кредита (как известно, многие компании специально поддерживают кредитную нагрузку на определенном уровне, поскольку это заставляет компанию вести финансово эффективную политику. При выборе проектов для финансирования за счет привлеченных кредитных средств менеджеры могут учитывать льготные условия «зеленых» кредитов, что будет стимулировать их, во-первых, отдавать приоритет экологичным проектам, а во-вторых, добиваться их максимальной эффективности);

- ослабление финансовых ограничений, о которых мы говорили выше (льготное банковское кредитование обеспечивает предприятия необходимыми ресурсами, позволяя решить проблему недофинансирования «зеленых» проектов);

- ужесточение бюджетного контроля (что приведет к усилению контроля за предприятием, сдерживанию чрезмерных инвестиций и повышению их эффективности).

Очевидно, что с учетом отмеченной выше специфики финансового сектора России, единственным инструментом формирования «зеленых» льготных кредитов является субсидирование части процентной ставки со стороны государства и создаваемых им фондов. Этот механизм позволяет направлять финансовый поток в приоритетные отрасли (или проекты), обеспечивая социально-эффективное использование ресурсов. Поэтому данный механизм нашел широкое применение в качестве инструмента государственной поддержки. Однако его использование должно основываться на серьезном экономическом анализе. Дело в том что, как мы отмечали выше, «зеленые» технологии, в большинстве своем, более дорогие, чем менее современные и менее экологичные. Соответственно, предприятие, решая какую технологию использовать, может предпочесть, выбирая между двумя «зелеными» технологиями, ту что дешевле, пусть она и окажется менее эффективной. «Зеленый» кредит как раз и призван эту экономическую разницу минимизировать с тем, чтобы собственник предприятия предпочел более инновационное и экологичное решение. Поэтому ставки по «зеленым» кредитам должны быть ниже ставок по обычным кредитам ровно настолько, чтобы достичь этого экономического эффекта.

Например, как показано в исследовании E. Kemp-Benedict, нужный эффект достигается при ставке по «зеленому» кредиту 3% годовых, а по «коричневому» – 7% годовых. При изменении этого разрыва всего на два пункта

(4% против 6) переход компаний на «зеленые», согласно теоретическим расчетам, не начнется в течение 50 лет [Kemp-Benedict 2018].

Наряду с субсидированием кредитной ставки возможно использование механизма государственных гарантий по кредитам. Например, Глобальный фонд партнеров по климату, созданный правительством Германии в 2010 г. и впоследствии получивший инвестиции от других стран ЕС, направляет инвестиции в Индию, Южную и Восточную Африку, где он напрямую (30%) или через местные финансовые учреждения (70%) предоставляет гарантии по кредитам субъектам малого и среднего предпринимательства на проекты по снижению выбросов углерода, а также по борьбе с бедностью [Kemp-Benedict 2018].

Однако роль государства не должна сводиться только к субсидированию процентных ставок или предоставлению гарантий по кредитам. Требуется целенаправленная работа с финансовым сектором по формированию стандартов «зеленого» финансирования. В связи с этим интересен опыт Китая.

Еще в 2007 г. Государственное бюро по охране окружающей среды, Народный банк Китая и Комиссия по регулированию банковской деятельности Китая выступили с совместными предложениями по формированию политики и правил в области охраны окружающей среды для предотвращения кредитного риска. Фактически тогда впервые была сформулирована концепция «зеленого» кредита в Китае. Wang Yuanlong, бывший заместитель директора Международного института финансовых исследований Банка Китая, отмечал, что «зеленый» кредит – это ряд стратегий, институциональных механизмов и практик, содействующих энергосбережению и сокращению выбросов; с их помощью государство направляет банки и другие финансовые учреждения к добровольному принятию большей социальной и экологической ответственности. Наряду с этим одной из целей концепции «зеленого» кредита является включение экологических факторов окружающей среды в процесс бухгалтерского учета и принятия решений финансовыми учреждениями. Кроме того, для Правительства Китая это способ осуществлять макроконтроль [He, Zhang 2019]. Таким образом, в этой стране «зеленый» кредит – это не просто разновидность банковского продукта. Он понимается гораздо шире – как макрорегулятор, позволяющий направлять финансовые потоки в энергосберегающие и природоохранные отрасли и предприятия.

Вместе с тем следует признать, что кредитные ресурсы, во-первых, достаточно ограничены, а во-вторых, кредиты – это относительно краткосрочный механизм, в то время как многие инвестиционные проекты требуют долгосрочного финансирования. Поэтому в мире «зеленые» облигации рассматриваются в качестве одного из ключевых инструментов привлечения частных финансовых ресурсов для постепенной декарбонизации мировой экономики.

«Зеленые» облигации – это относительно новый вид облигаций, определяемый Международной ассоциацией рынков капитала (ICMA) как «любой вид облигационного инструмента, доходы от которого будут использоваться исключительно для финансирования или рефинансирования, частично или полностью, новых или / и существующих зеленых проектов». Такие проекты включают в себя: возобновляемую энергетику; энергоэффективность; предотвращение и контроль загрязнений; экологически устойчивое управление водными ресурсами, сточными водами, землепользованием; сохранение биоразнообразия; экологически чистый транспорт и здания; адаптацию к изменению климата; экологически эффективные и / или адаптированные к циркулярной экономике продукты, технологии производства.

Иными словами, «зеленые» облигации – это обычные облигации, отличительная особенность которых в том, что вырученные средства используются для реализации экологически чистых проектов, в первую очередь связанных со смягчением последствий изменения климата. Динамика рынка «зеленых» облигаций за последние годы свидетельствует об огромном потенциале этого финансового инструмента. Действительно, с тех пор как Европейский инвестиционный банк выпустил первую «зеленую» облигацию в 2007 г., рынок продемонстрировал значительный рост. Выпуск «зеленых» облигаций оценивается Moody's и Climate Bond Initiative в 257,7 млрд долл. по итогам 2019 г., что ознаменовало новый мировой рекорд. Общая сумма выросла на 51% по сравнению с показателем 2018 г. в 170,6 млрд долл. Это обусловлено ростом европейского рынка, на долю которого приходилось 45% мировой эмиссии. В 2019 г. общий объем зеленых облигаций, выпущенных в Европе, увеличился на 74% (или 49,5 млрд долл.) по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, достигнув в общей сложности 116,7 млрд долл. Как ожидается, к 2021 г. объем «зеленых» облигаций достигнет 1,45 трлн долл. [Green Bond Highlights 2020]. При этом 58 млрд долл. инвестиций привлеченных в «зеленую» энергетику с 2008 по 2017 г. позволят сократить выбросы парниковых газов в эквиваленте 108 млн т CO₂ и получить более 1500 ГВт из возобновляемых источников энергии [Tolliver, Keeley 2020].

Лидер по выпуску «зеленых» облигаций – Китай. Так, Топ-5 эмитентов по объему размещения в 2018 г. составили: китайский Industrial Bank (размещено бумаг на 9,6 млрд долл.); Европейский инвестиционный банк (7 млрд); голландская финансовая группа ING (4,3 млрд); Всемирный банк (3,8 млрд); китайский Industrial and Commercial Bank of China (2,3 млрд долл.) [Мосбиржа 2019].

Преимуществом «зеленых» облигаций по сравнению с обычными является меньшая стоимость привлечения инвестиций, поскольку проценты (купоны) по ним всегда ниже. В то же время они требуют дополнительных затрат на подтверждение экологической направленности проектов, но, по оценкам

экспертов, эти издержки значительно ниже, чем экономия на процентах [Gianfrate, Peri 2019]. Относительно более низкая стоимость «зеленых» облигаций объясняется высоким спросом на данный финансовый инструмент [Hyun, Park 2019], что отражает заинтересованность инвесторов, желающих финансировать «зеленые» проекты и тем самым формировать свой положительный имидж. В последние годы это становится все более значимым фактором для развития бизнеса, особенно в странах Запада. Все больше институциональных инвесторов пересматривают свои портфели и перенаправляют средства на экологически чистые инвестиции, поскольку они рассматривают изменение климата как растущую угрозу долгосрочному экономическому росту [Chatzitheodorou, Skouloudis 2019]. Наконец, в отличие от обычных облигаций, очень чувствительных к колебаниям цен на нефть, «зеленые» облигации демонстрируют меньшую зависимость от макроэкономических показателей [Broadstock, Cheng 2019]. Скорее напротив, тот факт, что финансово-экономические кризисы стимулируют рост «зеленых» бумаг, означает, что макроэкономические факторы положительно влияют на эмиссию «зеленых» облигаций, независимо от мировой экономической ситуации.

Кроме того, в некоторых случаях спрос поддерживался также национальными нормативными актами: например, закон Франции о переходе к «зеленой» энергетике заставляет институциональных инвесторов отчетываться в том, как они способствуют сокращению выбросов CO₂ и, в более широком смысле, в том, как они управляют климатическими рисками. Банк Англии и Совет по ценным бумагам и биржам Индии также выпустили требования по развитию рынков «зеленых» облигаций [Gianfrate, Peri 2019].

Что касается России, то «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов» Банка России [Основные направления 2019] всего лишь констатируют, что глобальные вызовы способствовали созданию и развитию на зарубежных рынках специальных финансовых инструментов, таких как «зеленые» облигации, и что России также предстоит подключиться к этому глобальному процессу.

Несколько более конкретно звучит поручение Президента РФ от 18 декабря 2018 г. по итогам расширенного заседания Президиума Государственного Совета «обеспечить скорейший запуск механизма “зеленых” облигаций, позволяющего снизить стоимость заемных средств при реализации проектов экологической направленности» [Перечень поручений 2018]. Выполняя это поручение, в апреле 2019 г. Правительство РФ приняло постановление [Об утверждении Правил 2019], в соответствии с которым, в случае привлечения инвестиций в проекты внедрения наилучших технологий через выпуск «зеленых» облигаций, российским организациям будут предоставляться субсидии на возмещение затрат на выплату купонного дохода по таким облигациям. Субсидии будут предоставляться в размере 70% (если приобретается

промышленная продукция, произведенная на территории Российской Федерации – 90%) суммы фактически понесенных организацией затрат на выплату купонного дохода. При этом должны соблюдаться следующие условия:

а) инвестиционный проект направлен на оснащение промышленных объектов оборудованием и техническими устройствами, снижающими негативное воздействие на окружающую среду;

б) инвестиционный проект способствует поэтапному достижению технологических нормативов и (или) нормативов допустимых выбросов высокотоксичных веществ, обладающих канцерогенными, мутагенными свойствами I, II классов опасности;

в) инвестиционный проект реализуется в рамках выполнения мероприятий, включенных в программу повышения экологической эффективности;

г) общая стоимость выпуска облигаций составляет до 30 млрд руб.

С 12 августа 2019 г. на Московской бирже заработал Сектор устойчивого развития – первая на финансовом рынке России полноценная платформа поддержки экологических проектов. Здесь будут размещаться облигации российских и зарубежных организаций, доход от которых пойдет на значимые для природы и общества программы. Внутри сектора ценные бумаги будут разделяться на три группы: экологические, социальные и связанные с национальными проектами.

По состоянию на 14 февраля 2020 г. четыре российских компании разместили шесть выпусков «зеленых» облигаций на сумму 7,55 млрд руб. Три выпуска были включены в международные базы данных «зеленых» облигаций [Реестр зеленых облигаций 2020]. Первой разместила «зеленые» облигации на Московской бирже в декабре 2018 г. компания «Ресурсосбережение ХМАО», которая занимается переработкой твердых коммунальных отходов в Западной Сибири. Объем размещения – всего 1,1 млрд руб. Второй выпуск в ноябре 2019 г. осуществил ростовский банк «Центр-инвест». Номинальный объем эмиссии ценных бумаг составит 250 млн руб., срок погашения облигаций – через один год. Вырученные от размещения деньги «Центр-инвест» направит на финансирование и рефинансирование кредитов, выдаваемых для поддержки «зеленой» энергетики и экологически чистого транспорта [Московская биржа 2019]. Также «зеленые» облигации выпустили АО «Коммерческая недвижимость ФПК «Гарант-Инвест» и ООО «СФО РуСол 1».

Вероятно, с принятием указанного постановления Правительства РФ компании станут чаще выпускать «зеленые» облигации. Однако на использование этого финансового инструмента существенно влияют различные барьеры, в том числе издержки по признанию проекта «зеленым» и затраты на выпуск облигаций [Banga 2019]. Поэтому необходимы дополнительные стимулы, например компенсация затрат на получение и мониторинг соответствия облигаций «зеленому» статусу.

Было бы целесообразно разработать и закрепить в законодательстве РФ четкие критерии отнесения облигаций к «зеленым». Это требует серьезного научного анализа, поскольку сегодня единых критериев в мире не существует. Например, Европейская комиссия только еще работает над формальным определением того, какие финансовые инструменты можно признать «зелеными».

Однако не следует забывать, что основным драйвером в переходе к «зеленой экономике» должны стать средние и малые предприятия. Так, He и др. провели эмпирический анализ влияния «зеленых» инвестиций на развитие «зеленой» экономики в зависимости от размера предприятий и пришли к выводу, что инвестиции средних, малых и микропредприятий являются ведущими силами развития «зеленой» экономики [He, Liu 2019].

Специфика финансирования проектов, реализуемых этой категорией компаний, состоит в том, что они ограничены в использовании финансовых инструментов, доступных для крупных предприятий. Большинство специалистов в области развития малого и среднего предпринимательства отмечают недоступность для него кредитного финансирования из-за слишком высоких процентов. На наш взгляд, для привлечения инвестиций в «зеленые» проекты таких компаний следует развивать систему фондов поддержки малых и средних предприятий, причем основная поддержка должна оказываться региональными и местными фондами. В итоге успешная реализация «зеленых» проектов будет выгодна именно им, поскольку помимо повышения качества жизни позволит создать новые рабочие места, а следовательно, обеспечит рост налогов и краудфандинг.

Краудфандинг в различных формах (пожертвования, кредитование со стороны коллег, вознаграждение и акционерный капитал) сегодня во многих странах мира переживает расцвет [Owen, Brennan 2018]. Правительство Великобритании, например, содействовало развитию краудфандинга через регуляторную и налоговую поддержку, что позволило создать новаторские платформы Crowdcube и Seedrs. Оно также предоставляет гарантии при кредитовании через платформы Zopa и Funding Circle. Кроме того, все шире используются формы «общинного» краудфандинга, когда жители определенной местности совместно инвестируют в проекты возобновляемой энергетики для своей общины [Holstenkamp, Kahla 2016]. В развивающихся странах краудфандинг также используется для поддержки на ранних стадиях проектов в сферах возобновляемой энергетики и устойчивого развития, о чем свидетельствуют успешные программы краудфандинга, действующие в Непале, Танзании и Замбии [Lam, Law 2016].

В России в августе 2019 г. был принят Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ», который фактически заложил правовые основы для функционирования краудфандин-

говых платформ. Оператор платформ выполняет функции организатора привлечения инвестиций и должен соблюдать нормативные требования Банка России и отчитываться перед ним. Оператор, хотя и не отвечает за действия лиц, привлекающих инвестиции через его платформу, но обязан осуществлять их предварительную проверку. Инвесторами краудфандинговых платформ могут быть как юридические, так и физические лица. Микроинвесторы могут получить акции компании или долю активов стартапа, однако краудфандинг может привлекать и займы.

Особенность краудфандинга в том, что это в большей степени игра, при которой микроинвесторы поддерживают понравившиеся им проекты, как правило социальной направленности и всегда психологически готовы потратить вложения. И если за рубежом краудфандинг стал достаточно популярным и краудфандинговые компании активно растут, то в России этот финансовый механизм находится в стадии становления. Из десятка подобных платформ жизнеспособными оказались две: Planeta.ru и Boomstarter. Первая появилась в 2012 г. и за это время собрала 1 186 млн руб., реализовав более 5 тыс. успешных проектов. Однако анализ этих проектов показывает, что они имеют преимущественно творческую направленность, хотя в разделе бизнес-проектов многие заявки анонсированы как экологические, скорее речь идет об использовании модного тренда (экофермы, экопродукты, экоодежда и т.д.).

Boomstarter также появился в 2012 г. и в этом же году получил награду как лучший стартап. Проект работает по двум схемам «Все или ничего» (в установленные временные рамки нужно привлечь установленную сумму; если это не удастся, деньги возвращаются инвесторам) и «До цели» (можно привлекать средства столько времени, сколько потребуется, проект завершается сразу после сбора необходимой суммы). С момента создания платформы на ней были реализованы около 2 тыс. проектов, которые собрали 382 млн руб. Анализ проектов, зарегистрированных на платформе, продемонстрировал интересную тенденцию; здесь можно обнаружить действительно «зеленые» проекты, такие как альтернативные виды транспорта, экоупаковка, проекты по высадке деревьев или уборке мусора и т.д. Однако из 22 «зеленых» проектов, зарегистрировавшихся на Boomstarter, успешным оказался только один, четыре находятся в стадии сбора средств, а остальные – не получили финансирования.

Отсюда следует, что никакое развитие «зеленой экономики» невозможно без активной поддержки со стороны общества, без запроса потребителей. Весьма значительная роль в просвещении, распространении информации о важности поддержки «зеленых» инициатив, а также в формировании социально ответственного поведения каждого человека принадлежит государству.

Как показали эмпирические исследования Hongxia Sun и др., стимулирование спроса потребителей на зеленую продукцию заставляет ритейл пере-

страивать свои маркетинговые стратегии. При этом крупные сетевые компании имеют возможность вынудить своих поставщиков использовать в производстве более жесткие экологические стандарты, а это стимулирует «зеленые инвестиции» в производство. Так, ведущие бренды, в том числе компании fast fashion, такие как Inditex (владелец Zara), H&M, Puma, Nike и Adidas, обязались исключить опасные вещества из своих цепочек поставок к 2020 г. В 2012 г. компания H&M выпустила список запрещенных веществ для производства и список одобренных альтернативных химических веществ, а затем начала обучение своих поставщиков.

Многие государства используют наряду с субсидированием производителя или разработчика новой продукции субсидии потребителям. Так, например, правительство США предоставляет субсидии в размере 7500 долл. на покупку электромобиля [Helveston, Liu 2015]. Правительство Индии разработало программу субсидирования «Unnat Jyoti by Affordable LEDs for All» (UJALA), чтобы стимулировать использование светодиодных ламп по всей стране, и внедрило несколько финансовых схем для поддержки «зеленого» производства [Nielsen, Majumder 2019].

Таким образом, очевидно, что «зеленые инвестиции» требуют комплексного подхода, нелинейных решений, гибкой государственной политики, но главное – формирования экосистемы.

Экосистемный подход к финансированию призван обеспечить связь различных инструментов привлечения «зеленых» инвестиций на местном, региональном и государственном уровнях, наряду с государственными программами повышения экологической грамотности населения, развития предпринимательских навыков и финансовой грамотности компаний, особенно малых. Таким образом, экосистемный подход предполагает целостный набор институтов, стратегий и инструментов, способствующих привлечению «зеленых» инвестиций и создание благоприятных условий для роста «зеленого» бизнеса. В основе финансовой экосистемы лежат венчурное финансирование, «зеленые» кредиты и облигации, краудфандинг, а также различные инструменты государственной финансовой и нефинансовой поддержки и стимулирования.

Важной частью финансовой экосистемы является благоприятная политическая среда, которая включает регуляторные инструменты, стимулирующие долгосрочные «зеленые» частные инвестиции. «Экосистема зеленых инвестиций» также может включать субъекты, оказывающие консультационные услуги, инкубаторы, акселераторы, которые будут способствовать развитию идей и последующему спросу на инвестиции.

Библиография

Давыдова А. Стоки не пахнут // Коммерсантъ. 2017. 22 марта. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3249083> (дата обращения: 20.02.2020).

Коданева С.И. От «коричневой» экономики к «зеленой». Российский и зарубежный опыт // Россия и современный мир. 2020. № 1. С. 46–66.

Курс на зеленый рост. Резюме для лиц, принимающих решения. Май 2011 // ОЭСР: Официальный сайт. 2011. 26 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/greengrowth/48634082.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).

Мосбиржа открыла первую в России платформу для «зеленых» облигаций // РБК. 2019. 5 дек. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/trends/green/5d6422b19a7947efa673ac48> (дата обращения: 20.02.2020).

Московская биржа анонсировала выпуск первых «зеленых» облигаций // РБК. 2019. 15 нояб. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/trends/green/5dca819f9a7947c32267c742> (дата обращения: 20.02.2020).

На пути к «зеленой» мировой экономике // ЮНЕПКОМ. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unepcom.ru/unep/gei/216-toward-ge.html> (дата обращения: 20.02.2020).

О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 году. Государственный доклад. М.: Минприроды России; НПП «Кадастр», 2019. 844 с.

Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на возмещение затрат на выплату купонного дохода по облигациям, выпущенным в рамках реализации инвестиционных проектов по внедрению наилучших доступных технологий: постановление Правительства РФ от 30.04.2019 № 541 // Консультант плюс. Правовая система. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324112/ (дата обращения: 20.02.2020).

Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов (разработаны Банком России) // Консультант плюс. Правовая система. [Электронный ресурс]. 2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343942/ (дата обращения: 20.02.2020).

Парижское соглашение. Конференция Сторон. Двадцать первая сессия. Париж, 30 ноября – 11 декабря 2015 г. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата // ООН: Официальный сайт. 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_pdf (дата обращения: 20.02.2020).

Паспорт национального проекта «Экология» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018. № 16) // Консультант плюс. Правовая система. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_316096/86940486dcd900dd6adc4f4fe816ecf53cd3777/ (дата обращения: 20.02.2020).

Перечень поручений по итогам расширенного заседания президиума Государственного совета (утв. Президентом РФ 18.12.2018) // Консультант плюс. Правовая система. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319151/ (дата обращения: 20.02.2020).

Полоник С.С., Хоробрых Э.В., Литвинчук А.А. Мировой опыт формирования и развития «зеленых» инвестиций в условиях обеспечения устойчивого экономического роста // Вестник Полоцкого государственного университета. 2018. № 13. Серия d: экономические и юридические науки. С. 2–11.

Реестр зеленых облигаций российских эмитентов // Центр компетенций и зеленой экспертизы НАКДИ. [Электронный ресурс]. URL: <https://investinfra.ru/green-competencies-center.html> (дата обращения: 20.02.2020).

Цели в области устойчивого развития // ООН: Официальный сайт. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-consumption-production/> (дата обращения: 20.02.2020).

Africa Enterprise Challenge Fund (AECF) Alliance for a Green Revolution in Africa, Private Sector Peer Learning – Mechanism Profiles // OECD Development Assistance Committee: Official Website. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/dac/peer-reviews/Africa-Enterprise-Challenge-Fund.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).

Ari I., Akkas E., Asutay M., Koç M. Public and private investment in the hydrocarbon-based rentier economies: A case study for the GCC countries // *Resources Policy*. 2019. Vol. 62. P. 165–175.

Banga J. The green bond market: a potential source of climate finance for developing countries // *Journal of Sustainable Finance and Investment*. 2019. Vol. 9. N 1. P. 17–32.

Bigerna S., Wen X., Hagspiel V., Kort P.M. Green electricity investments: Environmental target and the optimal subsidy // *European Journal of Operational Research*. 2019. Vol. 279. P. 635–644.

Bocken N.M. P. Sustainable venture capital – catalyst for sustainable start-up success? // *Journal of cleaner production*. 2015. Vol. 108. Part A. P. 647–658.

Broadstock D.C., Cheng L.T. Time-varying relation between black and green bond price benchmarks: Macroeconomic determinants for the first decade // *Finance research letters*. 2019. Vol. 29. P. 17–22.

Chatzitheodorou K., Skouloudis A., Evangelinos K., Nikolaou I. Exploring socially responsible investment perspectives: A literature mapping and an investor classification // *Sustainable production and consumption*. 2019. Vol. 19. P. 117–129.

Criscuolo C., Menon C. Environmental policies and risk finance in the green sector: cross-country evidence // *Energy Policy*. 2015. Vol. 83. P. 38–56.

Du H.S., Zhan B., Xu J., Yang X. The influencing mechanism of multi-factors on green investments: A hybrid analysis // *Journal of cleaner production*. 2019. Vol. 239. P. 117–977.

G20 Green Finance Synthesis Report // UNEP: Official Website. 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://unepinquiry.org/wp-content/uploads/2016/09/Synthesis_Report_Full_EN.pdf (дата обращения: 20.02.2020).

Gianfrate G., Peri M. The green advantage: Exploring the convenience of issuing green bonds // *Journal of cleaner production*. 2019. Vol. 219. P. 127–135.

Global Warming of 1,5°C. Special Report // The Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipcc.ch/sr15/> (дата обращения: 20.02.2020).

Green Bond Highlights 2019 // Climate Bonds Initiative. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.climatebonds.net/resources/reports/2019-green-bond-market-summary> (дата обращения: 20.02.2020).

He L., Liu R., Zhong Zh., Wang D., Xia Yu. Can green financial development promote renewable energy investment efficiency? A consideration of bank credit // *Renewable Energy*. 2019. Vol. 143. P. 974–984.

He L., Zhang L., Zhong Z., Wang D., Wang F. Green credit, renewable energy investment and green economy development: Empirical analysis based on 150 listed companies of China // *Journal of cleaner production*. 2019. Vol. 208. P. 363–372.

Helveston J.P., Liu Y., McDonnell Feit E., Fuchs E., Klampfl E., Michalek J.J. Will subsidies drive electric vehicle adoption? Measuring consumer preferences in the U.S. and China // *Transportation research part A: Policy and practice*. 2015. Vol. 73. P. 96–112.

Holstenkamp L., Kahla F. What are community energy companies trying to accomplish? An empirical investigation of investment motives in the German case // *Energy Policy*. 2016. Vol. 97. P. 112–122.

Hyun S., Park D., Tian S. Differences between green bonds versus conventional bonds: An empirical exploration // *Handbook of green finance: energy security and sustainable development* / Editors: Sachs J., Woo W.T., Yoshino N., Taghizadeh-Hesary F. Singapore, 2019. 718 p.

Kemp-Benedict E. Investing in a green transition // *Ecological Economics*. 2018. Vol. 153. P. 218–236.

Lam P.T.I., Law A.O.K. Crowdfunding for renewable and sustainable energy projects: An exploratory case study approach // *Renewable and sustainable energy reviews*. 2016. Vol. 60. P. 11–20.

Mishulina S.I. «Green» Investments as an Element of the Mechanism of Greening the Regional Economy // *Sochi Journal of Economy*. 2019. Vol. 13. N 2. P. 155–164.

Nielsen I.E., Majumder S., Sankar Sana Sh., Saha S. Comparative analysis of government incentives and game structures on single and two-period green supply chain // *Journal of cleaner production*. 2019. Vol. 235. P. 1371–1398.

Owen R., Brennan G., Lyon F. Enabling investment for the transition to a low carbon economy: government policy to finance early stage green innovation // *Current Opinion in Environmental Sustainability*. 2018. Vol. 31. P. 137–145.

Strizhov S.A., Abramovich S.Y. Socially responsible investing as a tool to achieve sustainable development goals // *Proceedings of the 30th international business information management association conference, IBIMA 2017 – vision 2020: sustainable economic development, innovation management, and global growth*. 2017. P. 958–965.

Sun H., Wan Y., Zhang L., Zhou Zh. Evolutionary game of the green investment in a two-echelon supply chain under a government subsidy mechanism // *Journal of cleaner production*. 2019. Vol. 235. P. 1315–1326.

Taghizadeh-Hesary F., Yoshino N. The way to induce private participation in green finance and investment // *Finance Research Letters*. 2019. Vol. 31. P. 98–103.

The Impact of Public Support for Innovation on Firm Outcomes // Department for Business, Energy and Industrial Strategy (BEIS) Research Paper. 2017. No. 3. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/604841/innovation-public-support-impact-report-2017.pdf (дата обращения: 20.02.2020).

Tolliver C., Keeley A.R., Managi Sh. Drivers of green bond market growth: The importance of nationally determined contributions to the Paris Agreement and implications for sustainability // *Journal of cleaner production*. 2020. Vol. 244. P. 118–643.

References

Africa Enterprise Challenge Fund (AECF) Alliance for a Green Revolution in Africa, Private Sector Peer Learning – Mechanism Profiles. OECD Development Assistance Committee: Official Website. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/dac/peer-reviews/Africa-Enterprise-Challenge-Fund.pdf> (date of access: 20.02.2020).

Ari I., Akkas E., Asutay M., Koç M. Public and private investment in the hydrocarbon-based rentier economies: A case study for the GCC countries. *Resources Policy*. 2019. Vol. 62. P. 165–175.

Banga J. The green bond market: a potential source of climate finance for developing countries. *Journal of Sustainable Finance and Investment*. 2019. Vol. 9. N 1. P. 17–32.

Bigerna S., Wen X., Hagspiel V., Kort P.M. Green electricity investments: Environmental target and the optimal subsidy. *European Journal of Operational Research*. 2019. Vol. 279. P. 635–644.

Bocken N.M. P. Sustainable venture capital – catalyst for sustainable start-up success? *Journal of cleaner production*. 2015. Vol. 108. Part A. P. 647–658.

Broadstock D.C., Cheng L.T. Time-varying relation between black and green bond price benchmarks: Macroeconomic determinants for the first decade. *Finance research letters*. 2019. Vol. 29. P. 17–22.

Celi v oblasti ustojchivogo razvitija [Sustainable development goals]. UN. Official website. [Electronic resource]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-consumption-production/> (date of access: 20.02.2020). (In Russ.)

Chatzitheodorou K., Skouloudis A., Evangelinos K., Nikolaou I. Exploring socially responsible investment perspectives: A literature mapping and an investor classification. *Sustainable production and consumption*. 2019. Vol. 19. P. 117–129.

Criscuolo C., Menon C. Environmental policies and risk finance in the green sector: cross-country evidence. *Energy Policy*. 2015. Vol. 83. P. 38–56.

Davydova A. Stoki ne pahnut [Drains don't smell]. *Kommersant*. 2017. March 22. [Electronic resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3249083> (date of access: 20.02.2020). (In Russ.)

Du H.S., Zhan B., Xu J., Yang X. The influencing mechanism of multi-factors on green investments: A hybrid analysis. *Journal of cleaner production*. 2019. Vol. 239. P. 117–977.

G20 Green Finance Synthesis Report. UNEP: Official Website. 2016. [Electronic resource]. URL: http://unepinquiry.org/wp-content/uploads/2016/09/Synthesis_Report_Full_EN.pdf (date of access: 20.02.2020).

Gianfrate G., Peri M. The green advantage: Exploring the convenience of issuing green bonds. *Journal of cleaner production*. 2019. Vol. 219. P. 127–135.

Global Warming of 1,5°C. Special Report. The Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). 2018. [Electronic resource]. URL: <https://www.ipcc.ch/sr15/> (date of access: 20.02.2020).

Green Bond Highlights 2019. Climate Bonds Initiative. 2020. [Electronic resource]. URL: <https://www.climatebonds.net/resources/reports/2019-green-bond-market-summary> (date of access: 20.02.2020).

He L., Liu R., Zhong Zh., Wang D., Xia Yu. Can green financial development promote renewable energy investment efficiency? A consideration of bank credit. *Renewable Energy*. 2019. Vol. 143. P. 974–984.

He L., Zhang L., Zhong Z., Wang D., Wang F. Green credit, renewable energy investment and green economy development: Empirical analysis based on 150 listed companies of China. *Journal of cleaner production*. 2019. Vol. 208. P. 363–372.

Helveston J.P., Liu Y., McDonnell Feit E., Fuchs E., Klampfl E., Michalek J.J. Will subsidies drive electric vehicle adoption? Measuring consumer preferences in the U.S. and China. *Transportation research part A: Policy and practice*. 2015. Vol. 73. P. 96–112.

Holstenkamp L., Kahla F. What are community energy companies trying to accomplish? An empirical investigation of investment motives in the German case. *Energy Policy*. 2016. Vol. 97. P. 112–122.

Hyun S., Park D., Tian S. Differences between green bonds versus conventional bonds: An empirical exploration. *Handbook of green finance: energy security and sustainable development* / Editors: Sachs J., Woo W.T., Yoshino N., Taghizadeh-Hesary F. Singapore, 2019. 718 p.

Kemp-Benedict E. Investing in a green transition. *Ecological Economics*. 2018. Vol. 153. P. 218–236.

Kodaneva S.I. Ot «korichnevoj» jekonomiki k «zelenoj». *Rossijskij i zarubezhnyj opyt. Rossiya i sovremennyj mir* [Transition from the «Brown Economy» Model to the «Green Economy» in Russia and Abroad. Russia and the contemporary world]. 2020. N 1. P. 46–66. (In Russ.)

Kurs na zelenyj rost. Rezjume dlja lic, prinimajushhih reshenija. Maj 2011 [Course for green growth. Summary for decision makers. May 2011]. OECD: Official website. 2011. 26 p. [Electronic

resource]. URL: <https://www.oecd.org/greengrowth/48634082.pdf> (date of access: 20.02.2020). (In Russ.)

Lam P.T.I., Law A.O.K. Crowdfunding for renewable and sustainable energy projects: An exploratory case study approach. *Renewable and sustainable energy reviews*. 2016. Vol. 60. P. 11–20.

Mishulina S.I. «Green» Investments as an Element of the Mechanism of Greening the Regional Economy. *Sochi Journal of Economy*. 2019. Vol. 13. N 2. P. 155–164.

Mosbirzha otkryla pervuju v Rossii platformu dlja «zelenyh» obligacij [The Moscow Exchange has opened the first platform for green bonds in Russia]. RBK. 2019. Dec. 5. [Electronic resource]. URL: <https://www.rbc.ru/trends/green/5d6422b19a7947efa673ac48> (date of access: 20.02.2020). (In Russ.)

Moskovskaja birzha anonsirovala vypusk pervyh «zelenyh» obligacij [Moscow Stock Exchange announces issue of first «green» bonds]. RBK. 2019. Nov. 15. [Electronic resource]. URL: <https://www.rbc.ru/trends/green/5dca819f9a7947c32267c742> (date of access: 20.02.2020). (In Russ.)

Na puti k «zelenoj» mirovoj jekonomike [Towards a green world economy]. UNEP COM. [Electronic resource]. URL: <https://www.rbc.ru/trends/green/5dca819f9a7947c32267c742> (date of access: 20.02.2020). (In Russ.)

Nielsen I.E., Majumder S., Sankar Sana Sh., Saha S. Comparative analysis of government incentives and game structures on single and two-period green supply chain. *Journal of cleaner production*. 2019. Vol. 235. P. 1371–1398.

O sostojanii i ob ohrane okruzhajushhej sredy Rossijskoj Federacii v 2018 godu. Gosudarstvennyj doklad [On the state and protection of the environment of the Russian Federation in 2018. State report]. Moscow: Ministry of Nature; NPP «Kadastr», 2019. 844 p. (In Russ.)

Ob utverzhdenii Pravil predostavlenija subsidij iz federal'nogo bjudzheta rossijskim organizacijam na vozmeshhenie zatrat na vyplatu kuponnoho dohoda po obligacijam, vypushhennym v ramkah realizacii investicionnyh proektov po vnedreniju nailuchshih dostupnyh tehnologij: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.04.2019 N 541 [On approval of the Rules for Granting Subsidies from the Federal Budget to Russian Organizations for Reimbursement of Costs for Coupon Income Payment on Bonds Issued in the Framework of Investment Projects for Implementation of the Best Available Technologies: Russian Government Resolution No. 541 dd. 30.04.2019]. Consultant plus. The system of legal acts. [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324112/ (date of access: 20.02.2020). (In Russ.)

Osnovnye napravlenija razvitija finansovogo rynka Rossijskoj Federacii na period 2019–2021 godov (razrabotany Bankom Rossii) [Main development directions of the financial market of the Russian Federation for the period 2019–2021 (developed by the Bank of Russia)]. Consultant plus. The system of legal acts. [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343942/ (date of access: 20.02.2020). (In Russ.)

Owen R., Brennan G., Lyon F. Enabling investment for the transition to a low carbon economy: government policy to finance early stage green innovation. *Current Opinion in Environmental Sustainability*. 2018. Vol. 31. P. 137–145.

Parizhskoe soglasenie. Konferencija Storon. Dvadcat' pervaja sessija. Parizh, 30 nojabrja – 11 dekabrja 2015 g. Ramochnaja konvencija Organizacii Ob'edinennyh Nacij ob izmenenii klimata [The Paris Agreement. Conference of the Parties. Twenty-first Session. Paris, 30 Nov. – 11 Dec. 2015. United Nations Framework Convention on Climate Change]. UN: Official website. [Electronic resource]. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_pdf (date of access: 20.02.2020). (In Russ.)

Pasport nacional'nogo proekta «Jekologija» (utverzhden prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiju i nacional'nyh proektam, protokol ot 24.12.2018. N 16) [The passport of the national project «Ecology» (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic

Development and National Projects, Minutes of 24.12.2018. N 16)]. Consultant plus. The system of legal acts. [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_316096/86940486dcd900dd6adc4f4fe816ecf53cd3777/ (date of access: 20.02.2020). (In Russ.)

Perechen' poruchenij po itogam rasshirennogo zasedaniya prezidiuma Gosudarstvennogo soveta (utv. Prezidentom RF 18.12.2018) [List of instructions on the results of the extended session of the State Council Presidium (approved by the President of the Russian Federation on 18.12.2018)]. [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319151/ (date of access: 20.02.2020). (In Russ.)

Polonik S.S., Horobryh Je.V., Litvinchuk A.A. Mirovoj opyt formirovaniya i razvitiya «zelenyh» investitsij v usloviyah obespecheniya ustojchivogo jekonomicheskogo rosta. Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta [Polonik, S.S.; Khorobrykh, E.V.; Litvinchuk, A.A. World experience of formation and development of the «green» investments in conditions of maintenance of the steady economic growth. Bulletin of Polotsk State University]. 2018. N 13. Series d: economic and legal sciences. P. 2–11.

Reestr zelenyh obligacij rossijskih jemitentov. Centr kompetencij i zelenoj jekspertizy NAKDI [Register of Green Bonds of Russian Issuers. NAKDI Competence and Green Expertise Center]. [Electronic resource]. URL: <https://investinfra.ru/green-competencies-center.html> (date of access: 20.02.2020). (In Russ.)

Strizhov S.A., Abramovich S.Y. Socially responsible investing as a tool to achieve sustainable development goals. Proceedings of the 30th international business information management association conference, IBIMA 2017 – vision 2020: sustainable economic development, innovation management, and global growth. 2017. P. 958–965.

Sun H., Wan Y., Zhang L., Zhou Zh. Evolutionary game of the green investment in a two-echelon supply chain under a government subsidy mechanism. Journal of cleaner production. 2019. Vol. 235. P. 1315–1326.

Taghizadeh-Hesary F., Yoshino N. The way to induce private participation in green finance and investment. Finance Research Letters. 2019. Vol. 31. P. 98–103.

The Impact of Public Support for Innovation on Firm Outcomes. Department for Business, Energy and Industrial Strategy (BEIS) Research Paper. 2017. No. 3. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/604841/innovation-public-support-impact-report-2017.pdf (date of access: 20.02.2020).

Tolliver C., Keeley A.R., Managi Sh. Drivers of green bond market growth: The importance of nationally determined contributions to the Paris Agreement and implications for sustainability. Journal of cleaner production. 2020. Vol. 244. P. 118–643.

М.А. Положихина

**ХОД И РЕЗУЛЬТАТЫ РЕФОРМ В НАУЧНОЙ СФЕРЕ:
СРАВНЕНИЕ РОССИИ И КИТАЯ**

***Аннотация.** Сегодня наука представляет собой важнейший стратегический ресурс в глобальной конкуренции и обеспечении национальной безопасности. Современные успехи Китая в развитии научной сферы (с учетом его размера и низкого «стартового» уровня) привлекают повышенное внимание к тактике и стратегии, этапам и специфике пройденного пути. Особенный интерес они представляют для России, в которой все еще продолжается поиск национальной модели научно-инновационной системы. Тем более что наука в Китае изначально строилась по советскому образцу.*

В исследовании применяется статистический анализ и сравнительный метод. Информационной базой служат международные и национальные (российские и китайские) официальные статистические данные, а также научные публикации, отражающие результаты изучения отдельных аспектов развития научной сферы Китая и России.

По мнению автора, Россия сейчас во многом повторяет китайский опыт. Но результаты преобразований в отечественной науке и образовании противоречивы. Очевидно, не осознан основной «урок» Китая – даже самый передовой зарубежный опыт нужно не просто копировать, а адаптировать к внутренним условиям и задачам. От успехов развития институтов научной сферы и построения эффективной национальной инновационной системы напрямую зависит будущее страны. В связи с этим в статье предлагаются конкретные меры по совершенствованию организации и управления отечественным научным комплексом и научной сферой в целом.

***Ключевые слова:** Россия; Китай; реформирование научной сферы; финансирование науки; численность научных кадров.*

Положихина Мария Анатольевна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Россия, Москва.
E-mail: polozhihina2@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAF-1582-2020

Polozhikhina M.A. The Process and Results of Reforms in the Scientific Sphere: Comparison of Russia and China

Abstract. *The paper compares the results and process of reforming the scientific sphere in China and Russia.*

In today's society science has become the most important strategic resource for global competition and national security. The recent achievements of China in the development of its scientific sphere (taking into account its size and low «starting» level) provoke increasing attention to the Chinese tactics and strategy in this field, to the stages and specifics of the road the country travelled. These are of particular interest to Russia, which is still searching for a national model of its scientific and innovation system, especially since science in China was originally built on the Soviet model.

The methodological tools of this study are those of statistical analysis and comparative approach. The text draws on international and national (Russian and Chinese) official statistics as well as scientific publications on various aspects of the scientific spheres in China and Russia.

The author states that Russia now largely repeats the Chinese experience. But the results of transformations in Russian science and education are quite contradictory. Obviously, the main «lesson» of China is still to be learnt in our country – namely, even the most advanced foreign experience should not just be copied but adapted to internal conditions and tasks. Moreover, the future of the country fringes directly on the policies aimed at developing scientific institutions and building an effective national innovation system. In this respect, the article propose concrete ideas about improving the organization and management of the domestic scientific complex and the scientific sphere as a whole.

Keywords: *Russia; China; reforming the scientific sphere; funding research; number of research personnel.*

Polozhikhina Maria Anatolievna – Candidate of Geographic Sciences,
Leading Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN), Russia, Moscow. E-mail: polozhikhina2@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAF-1582-2020

Введение

Мировая экономика становится все более наукоемкой, а научная деятельность превратилась в одно из звеньев инновационного процесса. В настоящее время наука представляет собой важнейший стратегический ресурс в глобальной конкуренции и обеспечении национальной безопасности, одновременно требуя всевозрастающего финансирования.

Наряду с информационным взрывом, вовлечением науки в инновационный процесс и ростом стоимости научных исследований это радикально меняет характер и организацию научной деятельности. Представляется, что новый этап развития науки связан с переходом общества к эпохе конструктивизма.

Успешность обустройства окружающей среды и совершенствования самого человека прямо зависят от достигнутого уровня знаний. В связи с этим возрастает роль понимания закономерностей организации собственно научной системы. Если раньше научная сфера развивалась стихийно под влиянием изменения внешних условий, то теперь все большее значение приобретает ее сознательное проектирование в виде стратегий и программ развития.

Те государства, которые действуют в соответствии с этими закономерностями, вырываются вперед как в научном, так и в социально-экономическом отношении. Одной из таких успешных стран сегодня является Китай.

Китаю удалось создать эффективную научно-инновационную систему, опирающуюся на внутренние спрос и предложение. Успехи страны в научной сфере представляют особый интерес для России, в которой все еще продолжается поиск национальной модели научно-инновационной системы, отвечающей современным условиям и задачам. Тем более что наука в Китае изначально строилась по советскому образцу, но в ходе ее реформирования удалось адаптировать западный опыт и выработать свою собственную конструкцию.

Научные комплексы России и Китая

Об уровне развития науки в тех или иных странах традиционно судят по масштабам соответствующих ресурсных вложений и полученным результатам. Однако статистические наблюдения научной деятельности весьма несовершенны. Во-первых, данные национальной и международной статистики по странам далеко не всегда совпадают как в отношении России, так и Китая из-за расхождений в используемых методиках. Например, по международным данным, количество исследователей (должностных позиций) в России за период 2007–2013 гг. сократилось с 469,1 тыс. до 440,6 тыс. [Доклад 2016, с. 32]. Однако, согласно отечественным статистическим источникам, общая (реальная) численность исследователей в 2013 г. составляла 369,0 тыс. человек, а общая занятость в сфере исследований и разработок (ИиР) – 727,0 тыс. человек [Индикаторы науки 2019, с. 41]. Во-вторых, официальные статистические данные на начало 1990-х годов в обеих странах недостаточно полны. Поэтому для выстраивания временных рядов даже по ограниченному набору показателей приходится использовать различные источники, преимущественно национальные. Тем не менее доступная информация позволяет сравнить развитие научного комплекса Китая и России за последние 25 лет (табл. 1).

В начале 1990-х годов по количеству научно-исследовательских учреждений Китай превосходил Россию почти в 1,7 раз. Но к 2017 г. соотношение изменилось на обратное – теперь в России научных учреждений на 11% больше, чем в Китае. Хотя в обеих странах количество научных организаций

сократилось, но в Китае гораздо сильнее (более чем в 2 раза), чем в России (менее чем на 15%) – таблица 1. Причем в Китае в последние годы проводится курс на слияние научных учреждений с предприятиями, что должно привести к образованию в стране крупных научно-производственных корпораций¹.

Таблица 1

**ДИНАМИКА НАУЧНОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ И КИТАЯ
ЗА ПЕРИОД 1992–2017 гг.**

№ пп	Показатели	Россия			Китай		
		1992 г.	2011 г.	2017 г.	1992 г.	2011 г.	2017 г.
1.	Количество научных организаций, ед.	4555	3682	3944 3950*	7721**	3673	3547
2.	Численность:						
	– персонала, занятого ИиР,	1532,6	735,3	682,6*	н/д	1905,9	3878,0
	– исследователей, тыс. человек	804,9	374,7	347,8*	438,0	963,9	1692,2
3.	Внутренние затраты на ИиР:						
	– млрд долл.	16,7***	35,0	38,1	7,5***	208,2	286,0*
	– в % от ВВП	0,74	1,09	1,11	0,72	1,78	2,18*

Составлено по данным: [Рогов 2013; Россия в цифрах 2003; Индикаторы науки 2019; Мировой атлас данных 2019; Annual data 2018; Researchers 2018].

* 2018 г.

** 1995 г.

*** 1991 г.

В 1990-х годах научные учреждения в России были в 3 раза крупнее, чем в Китае (192 человека в среднем на одно учреждение против 57 человек соответственно). Теперь научные учреждения в Китае в 5 раз крупнее российских (477 человек в среднем на одно учреждение против 91 человека соответственно). И это результат не столько сокращения количества научных учреждений, сколько изменения численности научных кадров.

За рассматриваемый период численность исследователей в Китае возросла почти в 4 раза, а в России – сократилась более чем в 2 раза. В начале 1990-х годов Россия по численности исследователей в 2 раза превосходила Китай. В настоящее время Китай в 4,7 раз превосходит Россию по этому показателю (табл. 1). Хотя по относительным показателям – количеству исследователей

1. В какой-то степени это можно считать воспроизводством советского опыта научно-производственных объединений.

на 10 тыс. занятых – Россия еще впереди: 57 человек против 22 [Researchers 2018].

Современный научно-образовательный комплекс Китая – самый большой в мире [Иванов 2018, с. 7]. По численности научно-исследовательских кадров страна с 2013 г. занимает первое место в мире [Китай имеет самое большое 2019]. Россия сегодня на четвертом месте в мире по численности исследователей (в эквиваленте полной занятости) после Китая, США и Японии. Перед ней стоит задача удержаться в пятерке лидеров по этому показателю, так как темпы роста численности научных кадров, прежде всего исследователей, в ряде стран (например, Южной Кореи) значительно выше [Минобрнауки 2018].

В начале 1990-х годов по отношению внутренних затрат к ВВП Китай и Россия находились практически на одном уровне, а в абсолютном выражении (в пересчете на млрд долл.) Россия опережала Китай более чем в 2 раза. Но с 1997 г. внутренние затраты на ИиР в Китае стали быстро расти: к 2018 г. они увеличились по сравнению с 1991 г. в 38 раз. В России внутренние затраты на ИиР (в пересчете на млрд долл.) за прошедший период возросли только в 2,3 раза. В результате Китай обгоняет нашу страну по этим затратам в 7,5 раз. Относительные расходы на ИиР в Китае больше чем у нас в 2 раза: 1,11 и 2,18% от ВВП (табл. 1).

Современный Китай по уровню абсолютных затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) находится на втором месте в мире (после США) с долей более 20% от глобальных расходов на эти цели [Science 2018, с. 11]. Свыше 70% вложений в научно-исследовательскую и инновационную деятельность в Китае осуществляют предприятия (частные и государственные), которые в основном финансируют экспериментальную и прикладную науку. Такая тенденция сформировалась в начале 1990-х годов и усилилась в последнее десятилетие. Правительство разработало и применяет целый комплекс мер поддержки предприятий, участвующих в научно-исследовательской работе (НИР) [Иванов 2018, с. 9–10, 12]. На государственные средства приходится немногим более 20% в общем объеме финансирования НИОКР, при доле расходов на науку в бюджете Китая в 4,1% (по данным на 2016 г.). Государство полностью поддерживает фундаментальную науку, а также развитие передовых технологий и исследований, представляющих общественную значимость.

Ситуация в России с финансированием науки радикально отличается от китайской. В советский период финансирование государством науки составляло, по разным оценкам, порядка 3–5% от ВВП страны. После распада СССР государственные расходы на науку и научное обслуживание сократились в разы – до 0,74% от ВВП РФ в 1992 г., – при одновременном уменьшении национального дохода [Дежина 2006, с. 12–13; Рогов 2013] и незначи-

тельной величине других источников финансирования (прежде всего международных и иностранных грантов). В последующие годы финансирование науки несколько увеличилось и стабилизировалось. В настоящее время по финансированию научных разработок страна занимает восьмое-девятое место в мире – с показателем чуть более 1 трлн руб. [Минобрнауки 2018]. В сопоставимом исчислении на долю России приходится около 2% мировых расходов на НИОКР.

Согласно данным ЮНЕСКО, в последние годы Китай тратит на одну ставку исследователя «столько же, сколько и развитые страны. В 2015 г. эти затраты составляли 253 тыс. долл. США (по паритету покупательской способности) – в 2,8 раз больше, чем в России» [Иванов 2018, с. 9].

Результатом значительных материальных вложений Китая в научную сферу и НИОКР стал быстрый рост научных достижений страны. С 2011 г. Китай лидирует по количеству выданных патентов на изобретения, полезные модели и промышленные образцы. В 2016 г. его доля в мировом масштабе составляла (по офису) 29,9%, 94,0 и 63,8% соответственно [Интеллектуальная собственность 2018, с. 10]. По количеству научных публикаций, индексируемых в базах данных Web of Science и Scopus, он пока находится на втором месте с долей в 19–21% от общего числа научных статей, но по ряду направлений уже выходит на первое место [Дайджест 2018, с. 8, 16, 40]. В том числе Китай занял первое место по степени влияния в четырех из восьми ключевых научных областях: информатике, математике, материаловедению и инженерии [Фиговский 2019]. Следует отметить, что три первые традиционно являются наиболее развитыми научными областями в России – но Китай уже опередил здесь нашу страну. Также Китай постепенно догоняет США – признанного мирового научного лидера (особенно в области физики, биомедицинских наук, экологии и клинической медицины) [Фиговский 2019]. Прогнозируется, что в ближайшие годы Китай займет первое место по показателю индексируемых публикаций. По годовому количеству научных публикаций Китай уже в 2016 г. обогнал США: 426 тыс. китайских публикаций против 409 тыс. публикаций американских авторов [Science 2018].

В советский период Россия / СССР, наряду с США и Японией, входила в число мировых лидеров в научной сфере и обладала одним из крупнейших в мире научным комплексом. Согласно международной статистике, в период с 1981 по 1985 г. СССР по количеству научных публикаций (порядка 164 тыс.) находился на четвертом месте в мире (после США, Великобритании и ФРГ) [Мендкович 2007]. Более того, по словам Дж.Дж. Хекмана, научно-технологический прогресс второй половины XX в. полностью определялся соревнованием СССР и США [Миндели 2018, с. 10]. Но уже с 1989 г. публикационная активность в СССР начала снижаться, а в 1990-е годы произошел обвал в научной деятельности, последствия которого до сих пор не преодолены.

Особенно резкое падение количества публикаций зафиксировано в 1993 г. – на 36%. Разрыв с США по естественно-научным публикациям увеличился с 6,8 раз (1988) до 11,3 раз (1993) [Мендкович 2007].

В 2000-е годы благодаря принятым мерам (в том числе административного характера) количество научных публикаций работников отечественной сферы образования и науки стало увеличиваться. Доля российских публикаций в международных научных журналах выросла с 2,08% в 2010 г. до 2,45% в 2016 г. По данным базы Web of Science (WoS), в 2018 г. 2,9% от общего числа статей в мире было написано российскими учеными (в 2017 г. – 2,85%), по данным базы Scopus – 2,6% (в 2017 г. – 2,9%) [Дайджест 2018, с. 7; Минобрнауки 2018]. В 2018 г. число публикаций российских авторов в журналах, индексируемых в базах Scopus и Web of Science Core Collection, превысило соответственно 99 и 75 тыс. По удельному весу в общем числе публикаций российские ученые находились на 11-м месте (из 223 стран по статистике Scopus) и на 15-м месте (по статистике WoS) [Публикационная активность 2019; Scimago journal 2018].

Однако в целом позиции России в научно-инновационной сфере продолжают ухудшаться, тогда как Китай демонстрирует стремительный подъем. Согласно Инновационному индексу Блумберга², в 2016 г. Китай находился на 21-м месте в мире, а Россия – на 12-м. В 2019 г. Китай переместился на 16-е, а Россия – на 27-е место в мире [Jamrisko 2019]. Если Китай за прошедшие 25 лет последовательно наращивал собственный научный потенциал, превращаясь в мирового научного лидера, то Россия утратила свои позиции в научной сфере и теперь пытается вернуться в пятерку лидеров.

Ход преобразований в научной сфере России и Китая: Сопоставительный анализ

Наука в Китае имеет долгую и богатую историю с выдающимися достижениями, но ее институционализация началась только в конце XIX в. На момент образования КНР, исследователей в 40 научных центрах страны насчитывалось всего около 500 человек [Салицкий 2014]. Новое коммунистическое правительство приняло решение копировать советскую научную и образова-

2. Инновационный индекс провайдера финансовой информации Bloomberg, одного из ведущих информационных агентств планеты (The Bloomberg Innovation Index), рассчитывается для 200 экономик, но публикуются данные по 50–60 первым странам. Каждая из стран оценивается по шкале от 0 до 100 по семи критериям: интенсивность научных исследований и разработок; добавленная стоимость в производстве; производительность труда; удельный вес высоких технологий; эффективность высшего образования; количество специалистов, участвующих в исследованиях; патентная активность [Рейтинг 2019].

тельную системы. В 1949 г. была создана Китайская академия наук (КАН), в учреждениях которой стала работать половина из имеющихся на тот момент национальных научных кадров. Их подготовка в 1950-е годы осуществлялась также при масштабном содействии СССР [Виноградов 2016, с. 153]. Последующие политические решения, особенно проведение «культурной революции» в 1966–1976 гг., крайне негативно сказались на темпах и качестве научно-технического прогресса в КНР. *Восстановление научно-образовательной деятельности* и изменение государственной научно-технической политики связано с проведением в 1978 г. Всекитайского совещания по вопросам развития науки и техники, при подготовке которого прямо говорилось о необходимости модернизация науки и образования. В 1977 г. была создана самостоятельная Академия общественных наук Китая (АОНК), в 1978 г. восстановлен Госкомитет по науке и технике и т.д.

В 1980-х годах Китай значительно отставал от России в научной сфере. Однако последующие преобразования радикально изменили это соотношение.

Траектория развития научно-образовательного комплекса Китая включала как последовательные стратегии, так и определенные этапы. Уже в 1985 г. в стране стартовала масштабная *либеральная реформа*, предполагающая переход к рыночным принципам управления научной деятельностью [Клочихин 2013, с. 48–49]. Одновременно расширялась подготовка национальных научных кадров, в том числе за рубежом, которая дополнялась программами привлечения в страну зарубежных исследователей [Салицкий 2014]. При этом ведущие университеты последовательно превращались в центры научно-инновационной деятельности (благодаря реализации «Проекта 211» и «Проекта 985»³). Начало новому этапу развития научно-образовательного комплекса страны и *активизации инновационной деятельности* положило Всекитайское совещание по вопросам развития науки и техники 1996 г. В соответствии с его решениями была принята Программа технологических новаций (1996), охватывающая сферы НИОКР, маркетинга, технологий, оборудования и производства новой продукции, а также программа «Искра» (1996), предусматривающая внедрение и распространение передовых научных достижений

3. «Проект 211» был начат в 1995 г. и заключался в отборе около 100 ведущих вузов, которые должны были готовить высококлассных специалистов для реализации национальных социально-экономических проектов развития.

«Проект 985» по развитию системы высшего образования в Китае предложен бывшим президентом КНР Цзян Цзэмином на праздновании 100-й годовщины Пекинского университета 4 мая 1998 г. Основная его цель – при сотрудничестве с местными властями вывести на мировой уровень несколько ведущих университетов Китая. В 2017 г. оба проекта были объединены и трансформированы в новый, целью которого является создание к концу 2050 г. в стране университетов и дисциплин мирового класса.

в сельском хозяйстве. С запуском программы «Факел» (1997), направленной на коммерциализацию научных достижений, в стране стали возникать промышленные парки и центры для предпринимателей, давшие мощный импульс подъему высокотехнологичных предприятий [Салицкий 2014]. Тактика, формулируемая как «идти за рубеж, идти вверх» (по цепочкам добавленной стоимости), дополнялась созданием национальных брендов, их «раскруткой» на внутреннем и мировом рынках [Виноградов 2016, с. 156]. В середине 2000-х годов ЦК КПК совместно с Госсоветом Китая принял ряд документов, ставших основой *реформирования собственно научной сферы*. Началась самая крупная за 50-летнюю историю существования реформа КАН [Иванов 2018, с. 13–14]. В 2015 г. в стране была принята программа «Интернет+», нацеленная на построение к 2049 г. (100-летию юбилею КНР) информационного общества. Наконец, согласно принятой в том же году Стратегии «Сделано в Китае – 2025», предполагается превращение страны в среднесрочной перспективе из «мировой фабрики» в «мировую лабораторию».

В России реформирование образования началось позже, чем в Китае, а в научной сфере – раньше, что можно объяснить разным положением с научными кадрами и уровнем образования населения в целом. Специалисты предлагают следующую периодизацию процесса реформирования отечественной научной сферы [Миндели 2018, с. 34–35]:

а) с конца 1991 до середины 1996 г. – период первой реформы, связанной с именем министра Б.Г. Салтыкова. К наиболее значимым документам этого периода относится постановление Правительства РФ от 26.07.1994 № 870 «О приватизации объектов научно-технической сферы», Доктрина развития российской науки (Указ Президента РФ от 13.07.1996 № 884) и Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» (от 23.08.1996 № 127-ФЗ);

б) с середины 1996 до весны 2004 г. – стагнация, характеризующаяся борьбой различных сил за определение научной политики и за влияние на нее, а также метаниями, расцветом лоббизма и одновременно попытками выработать системную государственную политику. В этот период были приняты: Концепция реформирования российской науки на период 1998–2000 гг. (постановление Правительства РФ от 18.05.1998 № 453) и Концепция инновационной политики РФ на 1998–2000 гг. (постановление Правительства РФ от 24.07.1998 № 832). Финансовый кризис 1998 г. не позволил реализовать запланированные мероприятия. В 2002 г. были утверждены новые программные документы: Основы политики РФ в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу; Приоритетные направления развития науки, технологий и техники РФ на период до 2010 г.; Федеральная целевая научно-техническая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники» на 2002–2006 гг.;

в) с 2004 по 2007 г. – период деятельности команды министра А.А. Фурсенко, начавшей разрабатывать конкретные направления и принципы новой реформы.

Этот ряд следует дополнить:

г) с 2008 по 2012 г. – реформы образования и подготовка реформ в научной сфере, в том числе указ Президента РФ от 07.05.2012 № 597 о повышении к 2018 г. средней заработной платы научных сотрудников до 200% от средней заработной платы в соответствующем регионе и указ Президента РФ от 07.05.2012 № 599 об увеличении внутренних затрат на ИиР до 1,77% от ВВП к 2015 г.;

д) с 2013 по 2018 г. – реформирование академий и деятельность ФАНО: Федеральный закон «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» от 27.09.2013 № 253-ФЗ; постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы РФ “Развитие науки и технологий на 2013–2020 годы”» от 15.04.2014 № 301; указ Президента РФ «О Стратегии научно-технологического развития РФ» от 01.12.2016 № 642;

е) с 2018 г. – по настоящее время – закрепление новаций в законодательных и институциональных условиях научной деятельности: указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах РФ на период до 2024 года» от 07.05.2018 № 204; Национальный проект «Наука» (протокол от 24.12.2018 № 16); постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы РФ “Научно-технологическое развитие Российской Федерации”» от 29.03.2019 № 377; подготовка проекта нового федерального закона о науке.

Как видно из вышеизложенного, направления преобразований в сфере науки и образования в Китае и России очень похожи. Однако сильно отличается «стиль» реформирования. В России к вопросам развития научно-образовательной сферы обращаются периодически, как бы урывками: один за другим принимаются программы и проекты, которые не завершаются или заканчиваются досрочно. Причем утверждаемые документы мало связаны между собой и недостаточно проработаны. Специалисты говорят о серьезных управленческих ошибках на правительственном уровне в силу кулуарности подготовки мероприятий и их непоследовательности. Именно разный характер государственной научно-технической политики определяет различные результаты развития науки и образования в России и Китае за прошедший период.

Особенности государственной политики в научной сфере в Китае и России

Начиная со второй половины XX в. деятельность в сфере науки и образования в Китае осуществляется в условиях непосредственного государственного управления и под руководством КПК, в рамках пятилетних планов и государственных стратегий, принимаемых во исполнение решений ЦК КПК. Государство в Китае весьма внимательно относится к состоянию науки, признавая за ней решающую роль в инновационном развитии и преодолении технической отсталости. При этом подчеркивается необходимость совмещения «свободы научного поиска» с конкретными целями, которые устанавливает государство [Иванов 2018, с. 6].

Для Китая традиционна тесная связь науки и высшего образования, а также высокий престиж научно-исследовательских профессий в обществе. И это не только исторически сложившаяся, но и активно поддерживаемая в настоящее время практика.

К другим особенностям проведения реформ в сфере науки и образования в Китае относятся: сочетание директивно-плановых и рыночных механизмов управления; постоянное повышение абсолютных и относительных расходов на науку, НИР и НИОКР; использование программно-целевого метода планирования; поддержка научно-инновационной деятельности предприятий; энергичное освоение зарубежного опыта; развитие государственно-частного партнерства в научной сфере. Необходимо отметить, что реформирование собственно научной сферы (т.е. предложения научного знания) началось в стране после расширения подготовки научных кадров и активизации внутреннего инновационного спроса. При этом к разработке проектов и стратегий развития привлекались тысячи ученых и специалистов.

В результате Китаю в значительной мере удалось преодолеть «болезни» догоняющего развития в сфере науки и образования. Причем его динамично развивающийся научно-образовательный комплекс остается «специфичным по языку и традициям, этике и идеологии, структуре и организации, текущим и перспективным задачам» [Виноградов 2016, с. 160].

Напротив, российская наука с 1992 г. оказалась на периферии государственных интересов и перестала рассматриваться властью в качестве приоритетной отрасли [Аллахвердян 2014, с. 16]. Другим принципиальным отличием отечественной политики является хроническое недофинансирование сферы науки и образования.

Специалисты считают увеличение доли расходов на НИОКР в ВВП с 1 до 2% в быстрорастущей экономике стадией научно-технологического «разгона» [Виноградов 2016, с. 154–155]. В России задания по увеличению доли внутренних затрат на ИиР регулярно не выполняются. Более того, к 2024 г.

предполагается доведение внутренних расходов на ИиР только до 1,77% от ВВП. Таким образом, стадия научно-технического «разгона» в России в ближайшие годы не планируется.

Однако величины внутренних затрат на ИиР ниже 2% ВВП при бюджетном финансировании фундаментальной науки в объемах ниже 0,3% ВВП недостаточно для восстановления утраченных позиций и закрепления в числе мировых научных лидеров [Упражнения 2016]. Даже цель Национального проекта «Наука» – опережающее увеличение внутренних затрат на ИиР за счет всех источников финансирования по сравнению с ростом ВВП страны [Паспорт 2019] – при стагнации экономики не может считаться приемлемой.

Для инновационного развития также большое значение имеет порядок распределения выделяемых средств между разными участниками трансфера знаний. В сложившейся в России системе финансирования ИиР существует целый ряд острых проблем, главной из которых является соотношение объемов бюджетного и внебюджетного финансирования. На средства государства приходится более 60% внутренних затрат на ИиР, а основным получателем этих средств выступает предпринимательский сектор (более 60%) [Индикаторы 2019, с. 88, 90, 94]. Таким образом, государство в России занимается в принципе не своим делом – финансирует прикладные исследования, которые должен был бы финансировать бизнес. Отсутствие спроса со стороны бизнеса на отечественные разработки остается одним из основных препятствий для инновационного развития страны. И действия государства по его преодолению пока явно недостаточны.

Кроме того, в России крайне мало внимания уделяется эффективности и результативности прикладных исследований (и разработок). Даже значительные успехи фундаментальных наук без соответствующего развития сектора прикладных исследований не приводят к ускорению инновационного процесса, так как не превращаются в продукты и технологии реального сектора.

Ситуация в научной сфере России характеризуется сложным «клубком» проблем: от нерешенных вопросов советского периода (явно обозначившихся уже в 1980-х годах) до возникших в связи с переходом к рыночной экономике в 1990-е годы и появившихся в результате не до конца продуманных реформ 2000-х годов. Недостаточно адекватные действия государства по разрешению накопившихся противоречий ведут к дальнейшему сокращению отечественного научного потенциала.

Статистические данные показывают негативную динамику движения научных кадров в стране, прежде всего исследователей. Наиболее значительное сокращение численности персонала, занятого ИиР, в России приходится на период 1989–1994 гг., причем в 1993 г. из науки ушли 160 тыс. исследователей [Аллахвердян 2014, с. 66]. Но и в 2000-е годы тенденция уменьшения количества занятых в сфере ИиР сохранилась. Наиболее драматические

изменения происходят в академическом (или фундаментальном) секторе отечественной науки. За 2013–2018 гг. количество научных работников в государственных и муниципальных учреждениях науки, образования, здравоохранения и культуры сократилось на 44,1% (табл. 2).

Таблица 2

**ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ РАБОТНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НАУКИ ЗА 2013–2019 гг.***

Регион, федеральный округ (ФО)	Годы			Отношение 2018 г. к 2013 г., %	Отношение I–III квартала 2019 г. к 2018 г., %
	2013, тыс. человек	2018, тыс. человек	I–III квартал 2019, тыс. человек		
Центральный	58,7	37,3	37,6	63,5	100,8
г. Москва	45,6	28,7	29,0	62,9	101,0
Северо-Западный	15,2	8,4	8,5	55,3	101,2
г. Санкт-Петербург	11,8	6,3	6,5	53,4	103,2
Южный	3,8	3,5	3,5	92,1	100,0
Северо-Кавказский	2,3	1,6	1,6	69,6	100,0
Приволжский	8,7	5,3	5,2	60,9	98,1
Уральский	3,8	2,8	3,0	73,7	107,1
Сибирский	11,3	8,5	9,0	75,2	105,9
Дальневосточный	3,8	3,6	3,7	94,7	102,8
РФ в целом	107,7	71,0	72,1	65,9	101,5

* Составлено на основе данных: [Заработная плата отдельных категорий..., 2019].

В территориальном разрезе больше всего число научных работников снизилось в Северо-Западном ФО и г. Санкт-Петербург (почти на 45%), а также в Приволжском ФО (почти на 30%). Причем в европейской части России их численность сократилась сильнее, чем в азиатской части. Хотя в абсолютном выражении в европейской части страны научных работников по-прежнему больше (табл. 2).

Одновременно усилилась концентрация научных кадров в нескольких регионах России. Только в десяти субъектах Федерации численность научных работников, занятых в государственных и муниципальных учреждениях науки, образования, здравоохранения и культуры, превышает 1 тыс. человек (гг. Москва и Санкт-Петербург, Московская, Ростовская, Свердловская, Иркутская, Новосибирская и Томская области, Республика Татарстан, Приморский край). При этом в девяти регионах численность научных работников в государственных и муниципальных учреждениях науки, образования, здравоохранения и культуры составляет менее 50 человек (Липецкая, Тульская, Новгородская, Пензенская и Псковская области, Республика Ингушетия, Республика Марий Эл, Республика Алтай, Республика Хакасия) [Заработная плата 2019].

В 2019 г. положение с научными кадрами в стране несколько стабилизировалось – в основном за счет уменьшения административного давления в целях достижения запланированных показателей размера заработной платы научным сотрудникам. Однако ситуация остается крайне неустойчивой. Тенденция сокращения количества научных работников в стране поддерживается как общей демографической динамикой (в том числе уменьшением численности экономически активного населения), так и поколенческими сдвигами собственно в научной сфере (отход от научной деятельности достаточно многочисленной когорты старших возрастов и приход в науку менее многочисленной когорты младших возрастов). Кроме того, продолжается отток научных кадров из страны.

По мнению специалистов, на первом месте среди мотивов постсоветской научной эмиграции находятся организационно-экономические факторы: низкий уровень оплаты труда, отсталость экспериментальной базы, отсутствие перспектив улучшения ситуации в сфере науки и высшего образования. Причем в отличие от более масштабной научной эмиграции 1920-х годов (не менее четверти кадрового состава науки и высшей школы) современные потери российской науки остаются невосполнимыми [Аллахвердян 2014].

В последние годы динамику заработной платы научных работников определял ход выполнения «майского» указа Президента РФ 2012 г. о повышении средней заработной платы научных сотрудников. ФАНО прилагало определенные усилия для выполнения данного поручения (особенно в 2018 г.) как путем административного давления на научные организации (включая перевод сотрудников на неполную занятость), так и добиваясь выделения дополнительных средств на эти цели. Однако увеличение размера заработной платы научных сотрудников в России является во многом фиктивным. Оно обеспечивается своеобразными техническими приемами и статистическими манипуляциями: за счет выплат нерегулярных надбавок, величина которых меняется как год от года, так и ежемесячно, и поквартально; путем учета полной ставки научного сотрудника при его работе на части ставки и т.д.

Методы выполнения указа Президента РФ о повышении заработной платы научных сотрудников вызывают не только разочарование в способах достижения государственными органами поставленных целей, но и создают дополнительные проблемы в научной сфере. Так, увеличилась «вилка» в оплате труда между научными сотрудниками и другими категориями научных работников. Возможности стимулирования труда вспомогательного научного персонала в государственных учреждениях практически отсутствуют, а их должностные оклады находятся на уровне минимальной заработной платы. В связи с тем что все большая часть средств направляется на повышение заработной платы научных сотрудников, сокращаются расходы организаций на модернизацию оборудования, поддержание и ремонт зданий, научные

командировки и т.д. В результате ухудшаются условия научной деятельности. Кроме того, нарушилась карьерная траектория научных работников. Раннее движение вверх по карьерной лестнице сопровождалось ростом заработной платы. Теперь повышение должности и получение ученой степени не являются решающим фактором для увеличения доходов. Более того, в результате выполнения президентского указа заработная плата научных сотрудников стала зависеть от среднего уровня оплаты труда в регионе, что совершенно необоснованно.

Противоречивые тенденции, сформировавшиеся в отечественном научном комплексе, вызывают рост нестабильности и неопределенности условий научной деятельности. И это, в свою очередь, создает дополнительные проблемы для развития науки в стране. Очевидно, что необходимо совершенствование организации и управления отечественным научным комплексом и научной сферой в целом. Можно предложить следующие мероприятия и направления реформ.

- Увеличение удельного объема финансирования науки (особенно фундаментальной) в отношении к ВВП (в том числе за счет перераспределения бюджетных средств), что позволит реально и значительно повысить заработную плату всем категориям научных работников.

- Создание публичного органа, который бы координировал деятельность всех секторов сферы науки и образования, стимулировал развитие опытных производств и обеспечивал бы связи последних с массовым производством. Можно использовать для этого существующий Совет по науке и образованию при Президенте РФ, но следует сделать его более открытым и придать ему конкретные властные полномочия.

- Проведение существенной индексации должностных окладов научных работников всех категорий в целях стабилизации и повышения уровня оплаты их труда.

- Разделение аспирантуры на научно-преподавательскую (в вузах, с ориентацией на преподавательскую деятельность) и научно-исследовательскую (в научных организациях, с акцентом на исследовательскую деятельность) – для улучшения воспроизводства кадров науки и образования.

- Включение аспирантуры (при защите диссертации) в трудовой стаж.

- Переход на одноступенчатую систему научных степеней, исключив уровень кандидата наук, – аналогично действующей в других странах мира.

- Системную поддержку молодых ученых – например, путем введения низкой процентной ставки по целевой ипотеке (не более 3%) вместо безвозвратной раздачи денег (в виде жилищных сертификатов) немногочисленным «счастливчикам».

- Разработку более адекватной методики оценки результатов научной деятельности (учреждений и отдельных специалистов) вместе с мерами по

поддержке отечественных научных журналов (при исключении недобросовестных изданий) и развитию национальной системы индексации научных публикаций, а также по усилению репутационных механизмов в научном сообществе.

- Осуществление комплекса экономических мер поддержки инновационной деятельности предприятий реального сектора, с особым вниманием к развитию опытных производств государственной и государственно-частной формы собственности (при смешанном финансировании и наличии ряда льгот).

Заключение

Пример Китая показывает, что можно вырваться из отсталости и совершить модернизационный рывок, не платя за это падением доходов населения. Кроме того, современный научный прорыв Китая подтверждает необходимость и результативность последовательной государственной научно-технической политики, подкрепленной соответствующей идеологией и финансированием.

Россия сейчас во многом повторяет опыт Китая. Возникает впечатление, что мы сегодня находимся в китайских «1990-х годах». Но результаты преобразований в отечественной науке и образовании достаточно противоречивы. Очевидно, не осознан основной «урок» Китая – даже самый передовой зарубежный опыт нужно не просто копировать, а адаптировать к внутренним условиям и задачам. Кроме того, корни многих проблем научной сферы лежат за ее пределами и связаны с усилиями по стимулированию инновационной деятельности частного бизнеса, а также по внедрению отечественных разработок на предприятиях реального сектора.

Пока же в российской науке сохраняется целый ряд негативных явлений. Мероприятия по развитию научной деятельности, преимущественно административного характера, касаются в основном академического и вузовского научных секторов. Но мало затрагивают сектор прикладных исследований и отраслевую (корпоративную) науку, которые недостаточно стимулируются. Неравномерность развития разных научных секторов ведет к разрывам в инновационном процессе.

Следует подчеркнуть также отсутствие доверия между отечественным научным сообществом, с одной стороны, и органами управления научной деятельностью – с другой, неудовлетворительный уровень их коммуникации. Между тем без равноправного диалога власти и научного сообщества невозможно сконструировать эффективную модель организации научно-образовательной и инновационной деятельности, соответствующую как современным глобальным трендам, так и национальным условиям.

Международные сравнения демонстрируют неблагоприятную тенденцию научно-инновационного развития России. Она не только все больше отстает от развитых стран мира – ряд развивающихся стран, включая Китай, имеет более высокие темпы роста научной сферы. Необходимо признать, что с 2000-х годов государственная политика по отношению к отечественной науке изменилась: осознание ее важности для инновационного развития привело к постановке задачи по возвращению в число мировых научных лидеров. Однако нужно еще много сделать, чтобы «вырваться из ловушки» среднего уровня развития и занять достойное место среди ведущих стран мира.

Библиография

- Аллахвердян А.Г. Динамика развития научных кадров в советской и российской науке: сравнительно-исторический анализ. М.: Когито-центр, 2014. 263 с.
- Виноградов А.В., Салицкая Е.А., Салицкий А.И. Наука и техника в Китае: состоявшаяся модернизация // Вестник РАН. 2016. Т. 86. № 2. С. 152–160.
- Дайджест показателей публикационной активности российских исследователей по данным Web of Science, Scopus. М.: Буки Веди, 2018. Вып. 4. 56 с.
- Дежина И.Г. Механизмы государственного финансирования науки в России // Труды ИЭПП. 2006. № 99. 130 с.
- Доклад ЮНЕСКО по науке 2015: На пути к 2030 году. Париж; М.: Издательство ЮНЕСКО, Издательский дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2016. 819 с.
- Заработная плата отдельных категорий работников социальной сферы и науки // Федеральная служба государственной статистики: Официальный сайт. Рынок труда, занятость и заработная плата. 2019. URL: https://www.gks.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 21.11.2019).
- Иванов С.А. Научно-техническая политика Китая: приоритеты догоняющего развития и результаты // Известия Восточного института. Владивосток, 2018. № 2. С. 6–23. URL: https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/1b9/Известия%20ВИ_%202018-2-38_01.pdf (дата обращения: 20.09.2019).
- Индикаторы науки: 2019: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 328 с.
- Интеллектуальная собственность России в цифрах (Дайджест показателей патентной активности российских исследователей) / И.Е. Ильина, В.В. Лапочкина; РИЭПП. М.: Буки Веди, 2018. 44 с.
- Китай имеет самое большое количество научных кадров в мире // Новая наука. Новости. 2019. 24.07. URL: <https://new-science.ru/kitaj-imeet-samoe-bolshoe-kolichestvo-nauchno-issledovatel-skikh-kadrov-v-mire/> (дата обращения: 10.10.2019).
- Клочихин Е. Научная и инновационная политика Китая // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 2. С. 37–55.
- Менджкович Н. Наука в СССР и России // Полярная звезда. 2007. 04.09. URL: www.zlev.ru/125/125_55.htm (дата обращения: 03.09.2019).
- Миндели Л.Э., Остапук С.Ф., Фетисов В.П. Государственное управление научно-технической деятельностью в России: состояние и перспективы. М.: ИПРАН РАН, 2018. 108 с.
- Минобрнауки: Россия входит в пятерку ведущих стран по численности исследователей // ТАСС. 2018. 1 нояб. URL: <https://tass.ru/nauka/5747774> (дата обращения: 15.10.2019).
- Мировой атлас данных. Китай // Кноема. URL: <https://knoema.ru/atlas/Китай> (дата обращения: 10.10.2019).

Паспорт Национального проекта «Наука» (утвержден 24.12.2018) // Правительство России: Официальный сайт. 2019. 11.02. URL: static.government.ru/media/files/vCAoi8zEXRVsuy2Yk7D8hvQbpbUSwO8y.pdf (дата обращения: 10.10.2019).

Публикационная активность России: что говорят Scopus и Web of Science? // Министерство образования и науки России: Официальный сайт. 2019. 5 Апр. URL: <https://www.stop100.ru/news/100908/> (дата обращения: 28.10.2019).

Рейтинг инновационных экономик – 2019: Южная Корея лидирует шесть лет // The World Only. 2019. 23.01. URL: <https://theworldonly.org/rejting-innovatsionnyh-ekonomik-2019/> (дата обращения: 28.07.2019).

Рогов С.М. Новая шоковая терапия и «реформа РАН»: реалии российской науки // Перспективы. 2013. 13 Нояб. URL: www.perspektivy.info/book/novaja_shokovaja_terapija_i_reforma_ran_realii_rossijskoj_nauki_2013-11-13.htm (дата обращения: 10.10.2019).

Россия в цифрах, 2003: Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2003. 224 с.

Салицкий А., Салицкая Е. Наука и техника Китая на мировом рынке // Перспективы. 2014. 15 Янв. URL: www.perspektivy.info/rus/gos/nauka_i_tehnika_kitaja_na_mirovom_rynke_2014-12-15.htm (дата обращения: 23.11.2019).

Упражнения в беллетристике // Поиск. 2016. № 29. URL: <https://www.poisknews.ru/magazine/19624/> (дата обращения: 15.10.2019).

Фиговский О.Л. Размышления о развитии науки в Китае // Relga. 2019. № 9 (362). URL: www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=5932&level1=main&level2=articles (дата обращения: 28.10.2019).

Annual data // National Bureau of Statistics of China. 2018. URL: www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/ (дата обращения: 10.10.2019).

Jamrisko M., Miller L.J., Lu W. These are the world's most innovative countries // Bloomberg. 2019. 22.02. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-01-22/germany-nearly-catches-korea-as-innovation-champ-u-s-rebounds> (дата обращения: 20.09.2019).

Researchers // OECD. Data. Indicators. 2018. URL: <https://data.oecd.org/researchers.htm> (дата обращения: 10.10.2019).

Science & Engineering Indicators 2018. Report Table of Contents // National Science Board. USA. Alexandria VA, 2018. URL: <https://www.nsf.gov/statistics/2018/nsb20181/report> (дата обращения: 13.11.2019).

Scimago journal and country rank. 2018 // SJR. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?year=2018> (дата обращения: 28.11.2019).

References

Allahverdjani A.G. Dinamika razvitiya nauchnyh kadrov v sovetskoj i rossijskoj nauke: sravnitel'no-istoricheskij analiz [Dynamics of scientific personnel development in Soviet and Russian science: comparative historical analysis]. Moscow: Kogito-centr, 2014. 263 p. (In Russ.)

Annual data // National Bureau of Statistics of China. 2018. URL: www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/ (date of access: 10.10.2019).

Dajdzhest pokazatelej publikacionnoj aktivnosti rossijskih issledovatelej po dannym Web of Science, Scopus [Digest of indicators of publishing activity of Russian researchers according to Web of Science, Scopus]. Moscow: Buki Vedi, 2018. Vol. 4. 56 p. (In Russ.)

Dezhina I.G. Mehanizmy gosudarstvennogo finansirovaniya nauki v Rossii. Trudy IEPP [Mechanisms of Public Financing of Science in Russia. Proceedings of the Institute for the Economy in Transition]. 2006. N 99. 130 p. (In Russ.)

Doklad JuNESKO po nauke 2015: Na puti k 2030 godu. Parizh; Moscow: Izdatel'stvo JuNESKO, Izdatel'skij dom MAGISTR-PRESS [UNESCO Science Report 2015: Towards 2030. Paris; Moscow: UNESCO Publishing, MAGISTR-PRESS Publishing House], 2016. 819 p. (In Russ.)

Figovskij O.L. Razmyshlenija o razvitii nauki v Kitae [Reflections on the development of science in China]. Relga. 2019. N 9 (362). URL: www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=5932&level1=main&level2=articles (date of access: 28.10.2019). (In Russ.)

Indikatory nauki: 2019: statisticheskij sbornik [China's science and technology policy: catching-up priorities and results. News of the Eastern Institute]. Moscow: NIU VShE, 2019. 328 p. (In Russ.)

Intellektual'naja sobstvennost' Rossii v cifrah (Dajdzhest pokazatelej patentnoj aktivnosti rossijskih issledovatelej) / I.E. Il'ina, V.V. Lapochkina [Russian intellectual property in figures (Digest of the Russian researchers patent activity indicators) / I.E. Ilyina, V.V. Lapochkina.]; RIEPP. Moscow: Buki Vedi, 2018. 44 p. (In Russ.)

Ivanov S.A. Nauchno-tehnicheskaja politika Kitaja: priority dognajushhego razvitija i rezul'taty. Izvestija Vostochnogo instituta [China's science and technology policy: catching-up priorities and results. Izvestia Eastern Institute]. Vladivostok, 2018. N 2. P. 6–23. URL: https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/1b9/Izvestija%20VI_%202018-2-38_01.pdf (date of access: 20.09.2019). (In Russ.)

Jamrisko M., Miller L.J., Lu W. These are the world's most innovative countries // Bloomberg. 2019. 22.02. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-01-22/germany-nearly-catches-korea-as-innovation-champ-u-s-rebounds> (date of access: 20.09.2019).

Kitaj imeet samoe bol'shoe kolichestvo nauchnyh kadrov v mire. Novaja nauka. Novosti [China has the largest number of scientific personnel in the world. New science. News]. 2019. 24.07. URL: <https://new-science.ru/kitaj-imeet-samoe-bolshoe-kolichestvo-nauchno-issledovatel'skih-kadrov-v-mire/> (date of access: 10.10.2019). (In Russ.)

Klochihih E. Nauchnaja i innovacionnaja politika Kitaja // Mezhdunarodnye process [China's science and innovation policy // International processes]. 2013. Vol. 11. N 2. P. 37–55. (In Russ.)

Mendkovich N. Nauka v SSSR i Rossii. Poljarnaja Zvezda [Science in USSR and Russia. The Polar Star]. 2007. 04.09. URL: www.zlev.ru/125/125_55.htm (date of access: 03.09.2019). (In Russ.)

Mindeli L.Je., Ostapjuk S.F., Fetisov V.P. Gosudarstvennoe upravlenie nauchno-tehnicheskogo dejatel'nost'ju v Rossii: sostojanie i perspektivy [State management of scientific and technical activity in Russia: status and prospects]. Moscow: IPRAN RAN, 2018. 108 p. (In Russ.)

Minobrnauki: Rossija vhodit v pjaterku vedushih stran po chislennosti issledovatelej [Ministry of Education and Science: Russia is among the top five countries in terms of number of researchers]. TASS. 2018. Nov. 1. URL: <https://tass.ru/nauka/5747774> (date of access: 15.10.2019). (In Russ.)

Mirovoj atlas dannyh. Kitaj [World Data Atlas. China]. Knoema. URL: <https://knoema.ru/atlas/Kitaj> (date of access: 10.10.2019). (In Russ.)

Pasport Nacional'nogo proekta «Nauka» (utverzhen 24.12.2018). Pravitel'stvo Rossii: Oficial'nyj sajt [Passport of the National Project «Science» (approved 24.12.2018). Government of Russia: Official Website]. 2019. 11.02. URL: static.government.ru/media/files/vCAoi8zEXRVsuy2Yk7D8hvQbpbUSwO8y.pdf (date of access: 10.10.2019). (In Russ.)

Publikacionnaja aktivnost' Rossii: chto govoryat Scopus i Web of Science? Ministerstvo obrazovanija i nauki Rossii [Russian publishing activity: what do Scopus and Web of Science say? Ministry of Education and Science of Russia]: Official Website. 2019. Apr. 5. URL: <https://www.stop100.ru/news/100908/> (date of access: 28.10.2019). (In Russ.)

Rejting innovacionnyh jekonomik – 2019: Juzhnaja Koreja lideruet shest' let [Innovation Economy Rankings – 2019: South Korea has been a leader for six years]. The World Only. 2019. 23.01. URL: <https://theworldonly.org/rejting-innovatsionnyh-ekonomik-2019/> (date of access: 28.07.2019). (In Russ.)

Researchers // OECD. Data. Indicators. 2018. URL: <https://data.oecd.org/rd/researchers.htm> (date of access: 10.10.2019).

Rogov S.M. Novaja shokovaja terapija i «reforma RAN»: realii rossijskoj nauki. Perspektivy [The New Shock Therapy and the «Reform of the Russian Academy of Sciences»: realities of Russian science. Prospects]. 2013. Nov. 13. URL: www.perspektivy.info/book/novaja_shokovaja_terapija_i_reforma_ran_realii_rossijskoj_nauki_2013-11-13.htm (date of access: 10.10.2019). (In Russ.)

Rossija v cifrah, 2003: Krat. stat. sb. [Russia in Figures, 2003: A Statistical Summary]. Moscow: Rosstat, 2003. 224 p. (In Russ.)

Salickij A., Salickaja E. Nauka i tehnika Kitaja na mirovom rynke. Perspektivy [Science and technology of China on the world market. Prospects]. 2014. Jan. 15. URL: www.perspektivy.info/rus/gos/nauka_i_tehnika_kitaja_na_mirovom_rynke_2014-12-15.htm (date of access: 23.11.2019). (In Russ.)

Science & Engineering Indicators 2018. Report Table of Contents // National Science Board. USA. Alexandria VA, 2018. URL: <https://www.nsf.gov/statistics/2018/nsb20181/report> (date of access: 13.11.2019).

Scimago journal and country rank. 2018 // SJR. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?year=2018> (date of access: 28.11.2019).

Uprazhnenija v belletristike Poisk. [Fiction exercises. Search]. 2016. N 29. URL: <https://www.poisknews.ru/magazine/19624/> (date of access: 15.10.2019). (In Russ.)

Vinogradov A.V., Salickaja E.A., Salickij A.I. Nauka i tehnika v Kitae: sostojavshajasja modernizacija. Vestnik RAN [Science and Technology in China: the modernization that took place. RAS Bulletin]. 2016. Vol. 86. N 2. P. 152–160. (In Russ.)

Zarabotnaja plata otdel'nyh kategorij rabotnikov social'noj sfery i nauki. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Official Website. Rynok truda, zanjatost' i zarabotnaja plata [Wages of certain categories of workers in the social sphere and science. Federal State Statistics Service: Official Website. Labour market, employment and wages]. 2019 URL: https://www.gks.ru/labor_market_employment_salaries (date of access: 21.11.2019). (In Russ.)

Н.С. Степанов

**ВЛИЯНИЕ ЕАЭС И ОПОП НА УСКОРЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ РОССИИ И КИТАЯ**

***Аннотация.** На развитие мировой экономики в настоящее время все возрастающее влияние оказывают региональная экономическая международная организация Евроазиатского экономического сотрудничества (ЕАЭС), в которую входит РФ, и китайская инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП). Важной составляющей их взаимодействия является гармонизация и сопряжение деятельности этих двух начинаний, несущих как новые возможности, так и определенные риски, связанные с неоднозначным восприятием, а иногда и препятствованием осуществлению отдельных проектов. В предлагаемой статье делается попытка анализа комплекса сложных проблем на этом тернистом пути. Подчеркивается, что ЕАЭС и ОПОП не соревнуются друг с другом, а стремятся дополнить друг друга, руководствуясь различными теоретическими концепциями. Так, идеология ЕАЭС строится на защите внутреннего рынка стран, входящих в эту организацию, а парадигма китайской инициативы подразумевает создание объемных зон свободной торговли. Наряду с торгово-экономическими отношениями уделяется внимание и вопросам усложненного перевода платежей в банковской сфере между РФ и КНР, системе государственно-частного партнерства, выставочной деятельности, экспорту российского леса в Китай, проекту «Туманган», где участвуют РФ, КНР, Монголия и оба корейских государства – КНДР и Южная Корея. Подробно освещается отношение Китая со странами, ранее входившими в состав СССР, и уровень стратегического партнерства России и Китая в экономике и геополитике. При создании ЕАЭС изначально предполагалось сопряжение его деятельности с ОПОП. В настоящий момент можно констатировать, что сложились зачатки, не похожие на обычное, достаточно оригинальное разделение труда между ними. На долю Китая в основном приходятся экономическое сотрудничество и осуществление инфраструктурных проектов, а Россия, будучи военной сверхдержавой, концентрирует свои действия в сфере обеспечения безопасности, что, впрочем, не означает ослабления экономической активности РФ в странах Центральной Азии или снижения роли КНР в деле поддержания коллективной безопасности.*

Россия не планирует брать на себя обязательства, которые могли бы превратить сотрудничество с КНР в антиамериканский альянс, а будет продолжать использовать все рычаги, например ШОС, для укрепления системы коллективной безопасности, а также прилагать усилия для совершенствования гармонизации через сопряжение работы ЕАЭС с китайской инициативой ОПОП.

Ключевые слова: ЕАЭС; ОПОП; гармонизация; сопряжение; проект «Туманган»; инфраструктурный проект; ускоренная модернизация; стратегическое партнерство; лесная промышленность.

Степанов Никита Сергеевич – кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Центра институтов социально-экономического
развития, Института экономики РАН, Россия, Москва.
E-mail: stepanov720@inecon.ru
Web of Science Researcher ID: AAF-8010-2020

Stepanov N.S. The Impact of the EEU and B&R Initiative on the Modernization of the Economic Development Models of Russia and China

Abstract. *The development of the world economy is currently increasingly influenced by the regional economic international organization of Eurasian Economic Union (EEU), which includes the Russian Federation, and the Chinese initiative «Belt and Road» (B&R). An important component of their interaction is the harmonization and conjugation of the activities of these two undertakings, which bring both new opportunities and certain risks associated with ambiguous perception, and sometimes hindering the implementation of individual projects. In this article, an attempt is made to analyze the emerging confusing linkage of problems along this thorny path. It is emphasized that the EEU and the B&R do not compete with each other but strive to complement each other, guided by various theoretical concepts. So the ideology of the EEU is based on protecting the domestic market of the countries included in this organization, while the paradigm of the Chinese initiative implies the creation of voluminous free trade zones. Attention is also paid to trade and economic relations and the complicated transfer of payments in the banking sector between the Russian Federation and the PRC, the system of public-private partnerships, exhibition activities, the export of Russian timber to China, the Tumangan project, which involves the Russian Federation, China, Mongolia and both Korean states – DPRK and South Korea. China's relations with the post-Soviet countries and the level of strategic partnership between Russia and China in the economy and geopolitics are described in detail. When the EEU was created, it was initially supposed to combine its activities with the B&R; at the moment, the division of labor between the two seems to be taking on new forms. China prioritizes economic cooperation and the implementation of infrastructure projects, while Russia, as a military superpower, concentrates its actions in the field of security. This, however, does not mean a weakening of the economic activity of the Russian Federation in the countries of Central Asia or a decrease in the role of PRC in maintaining collective security.*

Russia does not plan to make commitments that could turn cooperation with China into an anti-American alliance but will continue to use all the levers, for example, the Shanghai Cooperation Organization, to strengthen the collective security system, while making efforts to improve harmonization between the two countries by connecting the EEU with the Chinese B&R initiative.

Keywords: EEU; B&R; harmonization; interfacing; Tumangan project; infrastructure project; accelerated modernization; strategic partnership; forest industry.

**Stepanov Nikita Sergeevich – Candidate of Economic Sciences,
Senior Researcher, Center of Institutions of Social
and Economic Development, Institute of Economics of the Russian Academy
of Sciences, Russia, Moscow. E-mail: stepanov720@inecon.ru
Web of Science Researcher ID: AAF-8010-2020**

Идея возникновения инициативы, называемой сейчас «Один пояс – один путь» (ОПОП), впервые была озвучена еще в 2013 г.

С той поры были подписаны соглашения о сотрудничестве по реализации данного проекта между КНР и 106 государствами и 29 международными организациями. Общая сумма инвестиций в страны, через которые пройдет маршрут, превысила, по последним данным, 80 млрд долл. Объемы торговли между Китаем и этими же странами достигли 6 трлн долл. Разумеется, не обошлось и без проблем, большинство которых были обусловлены либо недостаточным уровнем технической проработанности проектов и согласованности их с властями отдельных государств, либо с непониманием их руководителями (например, Киргизии или Туркмении) всех финансовых аспектов сотрудничества, когда китайские кредиты и инвестиции в рамках ОПОП воспринимались не только как возможность заткнуть свои бюджетные дыры, но и зачастую как способ присвоения средств в целях личного обогащения. Когда же пришло время отчитываться за потраченные суммы и рассчитываться по взятым займам, начались проблемы. В последнее время, взявшая изначально крутой старт инициатива ОПОП немного уменьшила свой напор, что не в последнюю очередь связано с переоценкой и пересмотром ряда наиболее значимых инфраструктурных замыслов в свете снижения расходов. Это позволяет сделать заключение о том, что повышенная активность, скорее напоминавшая агрессивность наступательно-захватнического толка, серьезно ослабла. Стал заметен переход от усилий по заключению новых соглашений о свободной торговле к оздоровлению инвестиционной политики и совершенствованию системы услуг.

Договор о создании международной организации Евроазиатского экономического сотрудничества (ЕАЭС) вступил в силу с 1 января 2015 г., но зародилась идея еще в марте 1994 г. в ходе первого официального визита в РФ президента Казахстана Н. Назарбаева.

С самого начала важной составной частью функций объединения считалось сопряжение с ОПОП. В настоящее время ЕАЭС стремится к тому, чтобы считаться ядром концептуальной региональной экономической интеграции. В действительности же ситуация выглядит не столь радужно. Сейчас оба проекта не конкурируют между собой, а пытаются дополнить друг друга. Можно даже говорить о своеобразном разделении труда. Так, КНР занимается преимущественно экономическими проблемами, инфраструктурными проектами и т.д. Россия же как военная сверхдержава больше сосредоточивается на

вопросах безопасности, в том числе через механизмы ОДКБ (Организации договора о коллективной безопасности). При этом и экономическое присутствие России в Центральной Азии сохраняется, а Китай вносит свою лепту в обеспечение коллективной безопасности. От первоначальных планов сдерживания деятельности КНР в Центральной Азии России пришлось отказаться и перейти к переговорам. То есть в случае возникновения конфликта интересов или противоречий стороны не используют угрозы и санкции, а начинают обмен мнениями по появившимся проблемам с тем, чтобы прийти к взаимоприемлемому решению. Китай активно делает капиталовложения в такие проекты, как СИБУР и «Ямал-СПГ», но эти начинания лишь опосредованно относятся к ОПОП. Сложившаяся реальность кажется неоднозначной на фоне заявлений руководителей обеих стран об углублении и развитии стратегического партнерства. Значительная часть планов в области инициативы на территории России начиная с 1992 г. действует, так как практически сразу после распада СССР железнодорожные пути нескольких стран от Германии до Китая были объединены в единую сеть, что позволило наладить прямое сообщение между КНР и Западной Европой. Составы идут от порта Ляньюньган через Казахстан, далее через Россию, Белоруссию и Польшу. Сейчас это – один из основных сухопутных путей, связывающий страны ЕС и КНР, грузопоток между которыми непрерывно растет [Михайленко 2017].

Тормозом в реализации совместных инфраструктурных проектов является отсутствие в России механизмов их рыночного финансирования и нехватка ресурсов для предоставления долгосрочных кредитов. Создается ситуация, когда китайский партнер выполняет быстро свои обязательства за счет долгосрочного, более дешевого кредитования, а финансирование строительства российского сегмента осуществляется только за счет бюджетных средств, которых оказывается недостаточно, и введение в строй объекта неоправданно затягивается.

Существуют и большие различия в теоретических обоснованиях сторон, что естественно приводит к трудноразрешимым противоречиям. Главное из них заключается в том, что идеология ОПОП подразумевает образование крупных зон свободной торговли, тогда как парадигма ЕАЭС строится на защите внутреннего рынка стран, входящих в это объединение.

Россия, через которую пройдет значительная часть трансевразийского грузового маршрута, может существенно выиграть не только за счет модернизации своего участка пути, но и развития прилегающих к нему территорий, а также увеличения поступлений от транзита грузов. Китайские инвесторы могли бы ускорить развитие восточных регионов РФ, например Сибири, Приморского края, Поволжья и т.д.

В ходе реализации инициативы ОПОП Россия может подвергнуться риску, связанному с уменьшением объема перевозок по Транссибирской магистрали

из-за того, что КНР использует и совершенствует железнодорожный маршрут через Казахстан, который является более привлекательным по протяженности и низким размером своих тарифных ставок. Именно поэтому участки Транссибирской магистрали, проходящие к востоку от Уральских гор, могут оказаться невостребованными по их прямому назначению, а именно для транзитных перевозок грузов [Министр ЕЭК... 2017].

Руководству нашей страны необходимо заранее побеспокоиться об обеспечении конкурентоспособности отечественного железнодорожного транспорта, в особенности на отрезке Урал – Владивосток.

Решением может стать строительство высокоскоростной магистрали «Транс-Евразия», которую планируется проложить несколько севернее БАМа с тем, чтобы напрямую соединить порт Находка с европейской частью РФ.

Определенные положительные результаты по осуществлению инициативы ОПОП можно наблюдать в самом Китае. Налажено высокоскоростное железнодорожное сообщение между Пекином и г. Урумчи (столица провинции Синьцзян), который по проекту должен стать основным транспортным хабом на сухопутных маршрутах в страны юго-западной Азии и Европы. В расчете на эти рынки возводятся многочисленные города-спутники, открываются технопарки, строятся логистические развязки и т.д.

Северо-западные провинции КНР издавна развивались медленнее, чем восточные районы, но сейчас именно работы по реализации проекта ОПОП обеспечивают ускоренное развитие этих традиционно отстающих территорий. Благодаря такому подходу решаются не только чисто экономические, но также этнические, демографические и социальные задачи.

Продолжается структурная реорганизация экономической модели КНР. Провозглашенный ранее переход к новым драйверам роста затянулся. К применяемым прежде рычагам относятся инвестиции из-за рубежа и массовый экспорт товаров, в первую очередь ширпотреба. К новым тенденциям можно отнести курс на удовлетворение и увеличение внутреннего спроса. Уже десятый год продолжается снижение темпов прироста экономических показателей. Снизились общие объемы внешней торговли (как импорта, так и экспорта). Экономические проблемы КНР обострились в связи с торговой войной, развязанной США и оказавшей негативное влияние на ожидания рынков по всему миру. Сейчас китайская власть продолжает использовать метод дозированного адресного стимулирования. Снова обострилась проблема избытка мощностей, грозящая началом кризиса перепроизводства. По мнению аналитиков, не было замечено серьезных прорывов в деле реформирования экономической системы КНР. Анонсированный ранее перечень мер по увеличению внешней открытости рынка, в том числе и финансового, с целью привлечения дополнительных инвестиций пока остается на уровне деклараций.

Китай твердо намерен уменьшить тарифы на операции по импорту для определенных товарных групп. С 1 июля 2018 г. для всех потенциальных торговых партнеров тарифная ставка была снижена для более чем 1500 наименований товаров. К ним относятся бытовая техника, одежда, обувь, спортивные и кухонные принадлежности, изделия пищевой промышленности и бытовая химия. Подобное уменьшение тарифных ставок является важным шагом, позволяющим укреплять и развивать многогранную экономическую систему, повышая благосостояние собственного населения. Еще одним позитивным фактором такой политики можно считать особый вклад в общее развитие мировой экономики.

Существует и ряд трудноразрешимых проблем на пути развития торговых и экономических отношений между КНР и РФ. С декларативной точки зрения все выглядит безоблачно. Стороны обмениваются комплиментами, провозглашают «стратегическое всеобъемлющее партнерство» и т.д., но при этом речи о создании полноценного союза не идет. В экономическом сотрудничестве ключевым событием 2019 г. стало успешное завершение строительства и ввод в строй газопровода «Сила Сибири».

Одной из наиболее очевидных проблем является усложненный перевод платежей между российскими и китайскими банками. Данные затруднения редко освещаются в СМИ. Например, представители китайской банковской системы по-своему интерпретируют введенные Западом санкции против России. Это приводит к тому, что определенные банки Китая задерживают платежи или вовсе могут отказаться от выполнения банковских операций, не указывая причины подобных решений. Существующие санкции не запрещают КНР проводить расчетные действия, но некоторые негласные указания руководства тормозят торговый процесс. Данный факт является вполне объяснимым, так как общий товарооборот Китая и США составляет 600 млрд долл., а КНР и России всего лишь 100 млрд долл. Ранее поставленную планку по увеличению товарооборота до 200 млрд долл. в 2020 г. пришлось скорректировать и перенести на 2024 г.

На сегодняшний день китайский бизнес на территории РФ заинтересован только в нескольких крупных проектах, которые касаются инвестиций в сфере нефтяной и газовой промышленности. Другие направления развития инновационных технологических решений пока не входят в сферу интересов китайской стороны. Специфическая ситуация сложилась в области лесного хозяйства, о чем более подробно будет сказано ниже. Сейчас основная масса расчетных операций между КНР и Россией осуществляется в долларах США. При таком положении Соединенные Штаты Америки могут постоянно контролировать все транзакции и валютные потоки, имея уникальную возможность манипулировать тарифной или санкционной политикой в одностороннем порядке [Djankov, Hendrix, Lowrence, Miner, Truman, Toohey 2016].

В последнее время около 20% общего товарооборота между КНР и Россией производится на основе платежей в национальных валютах. Объем экспортных и импортных операций практически идентичен при таких условиях. Данная тенденция указывает на то, что в определенной степени начинает применяться бартерная система, которая подразумевает взамен поставленного сырья из РФ предоставлять китайские товары на эквивалентную сумму. В таком случае дополнительных средств для обеспечения внешней торговли не требуется и можно игнорировать любые типы санкционных проявлений.

Разговоры о расчетных операциях в национальных валютах ведутся уже более четырех лет, но положительных сдвигов в этом направлении пока не наблюдается.

Россия прибегла к извлечению долларов из оборота при осуществлении платежей с торговыми партнерами еще более четырех лет назад, но особых успехов не достигла. В настоящее время этот процесс является более активным на фоне различных санкций. Типичным примером стала недавняя сделка группы компаний «АЛРОСА», выгодно продавшая в КНР алмазы, осуществляя денежные операции в рублях, которые проводились в рамках полномочий российского банка ВТБ.

Расчеты между партнерами в национальных валютах характеризуются тремя основными недостатками, к которым относятся:

- стоимость основных товарных групп на мировом рынке измеряется в долларах. Даже если алмазы были проданы посредством обмена китайской валюты на рубли, то их рыночная стоимость напрямую привязана к доллару;

- доллар является основополагающим фактором, определяющим конкретную стоимость остальных мировых валют. На сегодняшний день пока не существует аналогичного инструмента, который сможет выражать стоимость валюты определенной страны;

- при проведении расчетных операций в любой валюте в конечном счете появится необходимость купить товар, который продается исключительно за доллары. Китай, в силу собственной экономической мощи, сможет приобретать различное оборудование и технологии, прибегая к бартерной торговле, но остальные участники сделки будут нести дополнительные издержки.

Существующая в мире зависимость от доллара влечет за собой определенные проблемы при выходе партнеров на китайский рынок. Наличие развитой индустрии КНР создает значительную конкуренцию российским производителям. Пошлина на импортную продукцию в Китае составляет 12%. Чтобы снизить себестоимость поставляемых товаров, можно воспользоваться транспортным коридором со стороны Алтая, но особенность таможенного декларирования в КНР подразумевает определенные трудности, которые увеличивают время поставки и стоимость товара для конечного потребителя. Такие правила являются неприемлемыми для китайского рынка, где принято

осуществлять оплату сегодня, а получать товар уже завтра. Несоответствие такому порядку негативно сказывается на размере предполагаемой прибыли.

Эксперты и государственные структуры подталкивают бизнес к решительным действиям, но представители торговых компаний не ощущают полноценной поддержки с их стороны. Кроме того, на данный момент существует еще и валютный контроль, предусматривающий привлечение к уголовной ответственности за недополученную валютную выручку. Создается впечатление, что государство перекладывает с себя ответственность на бизнес за обеспечение работы межстрановых экспортных механизмов [Ansar 2016].

Для развития эффективной системы государственно-частного партнерства (ГЧП) требуется 1 трлн долл. При проведении детального анализа взаимодействия частных структур с государственными органами становится очевидным, что положительных примеров на сегодняшний день не существует.

Становится все более актуальным вопрос экономического развития Дальнего Востока. При отсутствии позитивных образцов для подражания среди частных промышленных компаний внутренний рынок региона не сможет успешно развиваться. Если государство не будет выстраивать эффективные производственные цепочки, то инвестиционная привлекательность за счет исключительно налоговых льгот не сможет продержаться долго во времени. Если у крупных компаний, таких как РУСАГРО и СОЛЛЕРС, уменьшатся шансы повышать собственную эффективность, то мелкие предприятия столкнутся с системными проблемами. При такой ситуации многие компании могут полностью отказаться от экспорта с Дальнего Востока. Именно поэтому необходимо оперативно преодолевать возникающие трудности, связанные с транспортными коридорами, таможенными пунктами, пошлинами.

Еще одной проблемой является непрофессиональная работа российских экспортных центров, основная деятельность которых связана с тем, чтобы помогать продвигать отечественные товары на китайский рынок. Сотрудники таких организаций способствуют их размещению в экспозиции тематических выставок. После демонстрации образцов никакого продвижения не наблюдается, в частности из-за особенностей этого вида деятельности в Китае. Отсутствие эффекта происходит не от многочисленности выставочных площадок, а из-за их недостаточно выраженной специализации. В Китае экспозиционный бизнес относительно молод по сравнению с другими странами. На сегодняшний день нет такого четкого деления по отраслям, как в западно-европейских странах или в России. Именно поэтому представитель развивающегося направления бизнеса может оказаться вместо выставки розничных продуктов питания на выставке «HoReCa». Название «HoReCa» происходит от первых двух букв в словах **H**otel, **R**estaurant, **C**afe / **C**atering [Herve de Treglode 2018]. Результатом такого подхода являются выброшенные деньги и потерянное время. Наименование выставки, как правило, ни о чем не

говорит. Китайцы, если их спросить, будут всегда соглашаться с представителями бизнеса, но на самом деле там нет того, что требуется для перспективного развития. Чтобы определить подходящую выставку, необходимо обратиться к российским коллегам, которые уже участвовали в аналогичных мероприятиях, получив реальную отдачу в виде продаж.

С китайскими бизнесменами достаточно сложно общаться не только из-за языкового барьера, так как подходы к делу и решению многих вопросов у них в большей степени бюрократизированы. К отправке каждой партии им нужно собрать пакет документов на 100 страниц. Они очень внимательны к мелочам и деталям, которые нашим гражданам кажутся несущественными и обычными. Многим представителям бизнеса приходится тратить время и средства на открытие представительств, чтобы решать административные вопросы. Кроме того, контрагенты компании, хотя и берут на себя обязательства по продвижению продукции, рассчитывают на значительные инвестиции в рекламу товара с российской стороны.

Непрофессиональная работа российских экспортных центров совместно с торговым представительством РФ в Китае также накладывает свой негативный отпечаток на продвижение оригинальной российской продукции на китайском рынке.

Что касается проблемы использования иностранной рабочей силы на территории РФ, то, на наш взгляд, возможность миграционной угрозы для Дальнего Востока, по мнению автора, сильно преувеличена. Российские чиновники манипулируют цифрами, смешивая проблемы различного характера для повышения масштаба опасности. Массовая миграция отмечалась в 90-х годах XX в., когда экономическая ситуация в Китае заставляла людей покидать родину. На сегодняшний день снижение курса рубля и повышение зарплат в Китае привели к снижению уровня мигрантов. Официальных данных по их количественному составу в рассматриваемом регионе нет, но прирост выходцев из Средней Азии на Дальнем Востоке заметен, поскольку их задействовали для осуществления строительных операций перед саммитом АТЭС в 2012 г.

Недостаточно хорошо организованная профессиональная деятельность федерального центра привела к сокращению рабочих мест и уровня доходов местных жителей. Отток населения, который в период с 2000 по 2009 г. сократился с 69 118 до 42 154 человек, снова вырос, демонстрируя показатели с 2012 по 2016 г. на уровне 81–88 тыс. человек в год.

По оценке некоторых высокопоставленных лиц РФ, сложившееся положение является серьезной угрозой Дальнему Востоку при росте миграции. Число иностранцев, которые были поставлены на миграционный учет в первой половине 2017 г., составило более 400 тыс. человек, что на 15% больше, чем за аналогичный период 2016 г. Такая ситуация может представлять угрозу

общественной безопасности, способствовать росту преступности и криминализации экономики. Нелегальная миграция и постоянный отток коренного населения оценивается цифрой порядка 2 млн человек за 20-летний отрезок времени.

Всеобщая глобализация выражается в сотрудничестве стран, которые обмениваются не только товарами и услугами, но и культурными ценностями. Китай предлагает совместную работу в рамках инициативы ОПОП, выступая за реализацию пяти основных мер. К ним относятся: политическая координация, взаимосвязь инфраструктуры, бесперебойная торговля, свободное передвижение капитала и укрепление связей между народами. Данные пять критериев взаимно дополняют и усиливают друг друга. Для достижения сбалансированных взаимовыгодных отношений между странами необходимо уважать, понимать и поддерживать партнеров, учитывая особенности культурного, исторического и экономического развития.

Существует возможность более масштабно раскрыть весь потенциал несырьевого экспорта со стороны России. Таким инструментом является эффективное использование выставок, например выставки «Евро» и других типов электронных платформ и площадок, которые будут продвигать оригинальные товары и услуги с маркой «Made in Russia». Другим ярким примером является прошедший Чемпионат мира по футболу, который позволил китайским потребителям более глубоко понять Россию. За время проведения чемпионата нашу страну посетили более 100 тыс. болельщиков из КНР, которые покупали российскую продукцию, открывая для себя потенциальные возможности будущих приобретений.

Наращивание экономических и торговых отношений между Россией и КНР необходимо осуществлять с применением всех существующих методов партнерства, которые затрагивают интересы В2 С, В2 В¹ и другие отличительные формы трансграничной электронной торговли для оперативного продвижения высококачественных российских товаров на китайском рынке.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об экспорте российского леса в КНР. В средствах массовой информации встречаются высказывания о том, что вся Сибирь и Приморье сданы в аренду китайцам, где идет крупномасштабная вырубка лесов, которая через десять лет может привести к опустошению упомянутой местности. Действительно, Китай является крупнейшим импортером древесины из нашей страны, в которой находится примерно 1/5 ее мировых запасов на общей площади 750 млн га, что больше чем у Канады, Швеции, Норвегии, США и Финляндии вместе взятых. В дополнение к этому

1. В2 С и В2 В – это два разных типа продаж. Первый относится к физическим лицам, второй применяется для нужд компаний.

не нужно забывать о наличии удобной сухопутной границы и качестве вывозимой продукции, так как не все типы древесины годятся для промышленной заготовки. Резервы РФ оцениваются в 30 млрд, что в 3 раза превосходит аналогичные показатели в Канаде и в США. По данным официальной статистики, экспорт лесопроductии из РФ в КНР составляет в год около 22 млн кубометров.

Вывоз леса в обход таможенного контроля практически невозможен и если существует, то в мизерных объемах. Однако остается вероятность махинаций на самой таможне с занижением объема экспорта. Примерный масштаб можно рассчитать исходя из потребностей Китая. Они составляют примерно 170 млн кубометров в год, около 100 из них покрывает сама КНР, а еще не менее 30 млн кубометров приходится на поставки из других стран. Получается, что если исходить из смелого предположения о том, что только в России поставщики занижают объемы вывоза, то в общей сложности мы продаем соседу 40 млн кубометров древесины в год.

Если допустить, что Китай будет покупать российский лес такими же темпами, что и сейчас, то даже с учетом рассчитанного нами черного экспорта на вывоз всех промышленных лесных ресурсов ему потребуется примерно 800 лет, чего просто не может произойти.

Во-первых, КНР наращивает собственное производство леса и через 10–15 лет намерена существенно сократить объемы импорта. Во-вторых, лес является возобновляемым ресурсом и при грамотном подходе практически неисчерпаемым. В-третьих, не мы одни работаем с Китаем, например Канада, Новая Зеландия, Финляндия, США и другие государства жестко конкурируют за право продажи лесопроductии в КНР.

Все вышеизложенное не снимает проблем, накопившихся в лесной промышленности России. В некоторых слоях общества нашей страны бытует ложное представление о том, что Сибирь и Приморье стонут от количества китайских лесорубов, ворующих и тайно вывозящих древесину к себе на родину. Подобная трактовка сложившейся ситуации далека от реального положения дел, так как лес, в том числе и незаконно, рубят для китайцев сами граждане России, и другой стороне не приходится подвергать себя неоправданному риску на территории чужого государства. Они лишь покупают и отправляют предложенную продукцию к себе домой, зачастую участвуя в незаконных сделках, которые невозможно заключить без российского партнера. Масштабы теневого бизнеса достаточно велики, но нельзя упускать из вида и тот факт, что вырубка производится варварскими способами, беспорядочно, с грубыми нарушениями норм и никто не задумывается о мерах по восстановлению леса.

Также вызывает беспокойство тот факт, что на местах вырубки образуются несанкционированные свалки, которые часто приводят к возгоранию.

Сегодня именно пожары губят гораздо больше леса, чем его незаконная рубка. Только в 2018 г. в России из-за них пострадало 4,5 млн га. Если бы это был только промышленный лес, то его вывозили бы в Китай, в течение 22 лет.

Говорить о том, что государство закрывает глаза на ситуацию было бы несправедливо. Первым делом была поставлена задача снизить вывоз необработанного круглого леса и простимулировать экспорт пиломатериалов. Поэтому еще в 2008 г. были введены заградительные таможенные пошлины на экспорт кругляка, что и привело к резкому сокращению вывоза лесного сырья и развитию собственной переработки.

Вместе с тем редкие и особо ценные лесные породы рубить запретили под угрозой уголовного наказания. В отношении леса стали применять систему ЕГАИС². В итоге каждое дерево отслеживается на всем пути его «коммерческой жизни» – от места, где оно было срублено, до пересечения границы. Как результат – в 6 раз возрос объем выявляемых нарушений и количество возбужденных уголовных дел.

На государственном уровне был поставлен вопрос о стимулировании глубокой переработки древесины с использованием сложных биохимических технологий. Для этого создаются отраслевые кластеры, проекты государственно-частного партнерства [Stronski, Ng 2018].

С 1 января 2019 г. вступил в силу закон об обязательном восстановлении вырубленных, погибших и поврежденных лесов, который позволит сохранить природные богатства России, и понятие «безвозвратные потери леса» должно исчезнуть. Этот законодательный акт предписывает использовать саженцы той же породы дерева, которая была вырублена. Другими словами, вместо сибирского кедра ольху теперь нельзя посадить. Работы должны быть выполнены не позднее, чем через один год после рубки. Упомянутым документом устанавливается принцип, согласно которому 1 га рубки леса равен 1 га его восстановления. Существует также возможность вносить равнозначную сумму в специализированный фонд, который занимается восстановлением леса самостоятельно.

Нельзя отрицать существование определенного сговора части китайских и российских теневых структур, которые в погоне за прибылью нарушают действующие юридические нормы. Только государственные органы соответствующего профиля способны навести порядок в лесной промышленности с помощью тарифных рычагов и ужесточения контроля за экспортом древесины. Можно ожидать, что подобные меры не вызовут одобрения у тех бизнесменов, которые используют теневые схемы, что может привести к протестным действиям и приданию политической окраски этой проблематике.

2. ЕГАИС – единая государственная автоматизированная информационная система.

В будущем нужно стремиться к тому, чтобы перейти от экспорта сырья и продукции первичной обработки к производству и вывозу мебели, бумаги, домокомплектов и т.д.

В 1995 г. было подписано многостороннее межправительственное соглашение о взаимодействии и экономическом сотрудничестве в районе реки Туманган. Его участниками стали КНР, РФ, Монголия и оба корейских государства.

В 1996 г. программа «Туманган» была преобразована в одноименный проект, географически охвативший территории южной части Приморского края РФ (включая Находку и Уссурийск), Северокорейскую провинцию Северный Хамген, АО Яньбянский в китайской провинции Цзилинь. Основная цель проекта состояла в достижении максимальной скорости экономического развития данных территорий с одновременным ростом благосостояния их населения. В качестве основного инструмента осуществления поставленных задач должен был служить резкий рост транзита через данные территории и развитие торговли, но противоречия в интересах государств – участников проекта привели к отсутствию должного уровня координации действий по его реализации.

В 2005 г. истек срок первоначально намеченных межгосударственных соглашений, в связи с чем они были пролонгированы. При этом была существенно усовершенствована законодательная база взаимодействия по проекту, а сама программа стала называться «Расширенной туманганской инициативой».

Что касается транспортной составляющей, не реализованной в первые годы действия программы, то она начала приносить плоды. Программа была разделена на конкретные проекты, которые в основном связаны с транспортной и логистической структурой стран северо-восточной Азии. Некоторые из них уже реализованы и действуют, а другие находятся на разных этапах выполнения. Так, с 2000 г. работает паромная линия, соединившая Зарубино (Россия) и Сокчо (Южная Корея). Позже, в 2002 г., этот маршрут был продолжен до Владивостока, а с 2009 г. – продлен до японского порта Ниигата. В 2012 г. была успешно завершена реконструкция порта Зарубино. С 2013 г. снова заработала железнодорожная линия, связывающая Махалино (Россия) и Хучунь (Китай).

Заслуживает внимания проект по соединению Транссиба с Транскорейской железнодорожной магистралью, реализация которого может занять около пяти лет и обойдется примерно в 3,5 млрд долл. Имеются планы по модернизации незамерзающего глубоководного порта с осадкой более 11 м Раджин (КНДР), а также другие намерения, например строительство моста через реку Туманная [Herve de Treglode 2018]. Отметим, что все они являются отдельными самостоятельными составляющими более глобального плана по созданию на стыке границ трех стран – РФ, КНДР, КНР – единого крупного транс-

портно-логистического узла. Реализация этого плана уже наблюдается. Например, значительно улучшилось состояние дорожной сети, в частности шоссейных магистралей, связавших территории севера КНР (Хуньчунь и Чанлинцзы) и РФ (Краскино и Славянка). Уже работает железнодорожная развязка, соединившая дорогу Тумэнь – Камышовая, станцию Хасан и Транс-сиб, по которой происходит транспортировка различных грузов в обоих направлениях.

КНР активно пользуется российскими портами южного Приморья, такими как Зарубино, Славянка, хотя и в относительно небольших по сравнению с общим товарооборотом объемах.

Еще в 2009 г. Госсовет КНР утвердил программу освоения реки Туманган, называемой по-китайски Тумэньцян, которая протекает через территорию КНР, РФ и КНДР, впадает в Японское море и является самым удобным водным путем в континентальные районы перечисленных стран. В рамках инициативы «Туманган» давно прорабатывается возможность строительства автотрассы «Цюаньхэ – Фанчуань», планируется создание еще одного пограничного пропускного пункта, состыкованного с местным шоссе в Россию. Есть планы по модернизации речного порта в г. Фанчуань, по реконструкции автотрассы Краскино – Подгорное. Рассматривается вопрос об открытии пограничного пропускного пункта в Подгорном, а также принятие мер по улучшению качества и повышению комфортности трансграничных пассажирских перевозок.

Руководство Южной Кореи энергично продвигает идею об организации зоны свободной торговли с ЕАЭС по образцу той, что уже существует, например с Вьетнамом. Однако страны, входящие в ЕАЭС, пока не готовы полностью открыть свои рынки для южнокорейских товаров, прежде всего – автомобилей, бытовой и компьютерной техники. При этом южнокорейское руководство не спешит увеличивать поток сельскохозяйственной продукции из ЕАЭС. Несмотря на разногласия, Россия и Южная Корея продолжают диалог по формированию и подготовке соглашения о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Южной Кореей.

РФ планирует сотрудничество с обоими корейскими государствами в трех сферах: 1) поставка газа по трубопроводу; 2) объединение электрических сетей; 3) модернизация систем железнодорожных перевозок. Уже на протяжении десятилетия ведутся переговоры о строительстве газопровода России в Южную Корею через территорию Северной Кореи, которые сейчас вышли на стадию обоснования экономической выгоды. Россия намерена использовать хозяйственные проекты для решения внешнеполитических задач, в частности усиления своего влияния в данном регионе. Однако необходимо быть готовыми к тому, что их реализация может затянуться на неопределенный период, поскольку вопросы финансирования пока до конца не решены.

Китай активно втягивает в свою экономическую орбиту страны, ранее входившие в состав СССР. Одним из основных инструментов, используемых КНР на постсоветском пространстве, является предоставление кредитов, в результате чего страны СНГ оказываются в долговой зависимости от КНР.

Интересы Китая в этом регионе не замыкаются только на ОПОП. Так как он нуждается в новых рынках сбыта, прежде всего стройматериалов, а именно стали и цемента, производство которых для внутренних нужд стало избыточным. Сверх этого, имея в своем составе весьма беспокойный Синьцзяно-Уйгурский автономный округ, КНР естественно рассматривает страны Центральной Азии, как союзников в противодействии распространению исламского радикализма. Не остается без внимания и сотрудничество в сфере обеспечения безопасности.

Киргизия за сравнительно короткий период нарастила объем своего долга КНР почти до 30% от ВВП. Согласно официальной статистике, сейчас она должна КНР 1,7 млрд долл., тогда как еще в 2008 г. сумма этого долга была меньше 10 млн долл.

КНР предоставляет Киргизии средства на осуществление масштабных энергетических и инфраструктурных проектов, таких как модернизация Бишкекской ТЭЦ, выполненная китайской фирмой ТВЕА за 386 млн долл., строительство электроподстанций «Кемин» и «Датка», а также соединяющей их ЛЭП на общую сумму в 400 млн долл., сооружения рассчитанного на переработку 800 тыс. т нефти в год НПЗ в г. Кара-Балта стоимостью в 250 млн долл. Китайский бизнес допущен к участию в разработке золотоносных месторождений, что вызывает протесты местного населения.

КНР активно предоставляет разнообразные гранты, например на развитие дорожной сети, археологические исследования и даже на совершенствование вооруженных сил. В 2017 г. сумма грантов составила 14 млн долл. Создаются с помощью этих средств учебные заведения: школа с интенсивным обучением китайскому языку, открытая в 2017 г., Бишкекский совместный университет «Нового шёлкового пути» филиал Северо-Западного университета КНР г. Кара-Балта (Чуйская область).

Республика Казахстан для Китая является крупнейшим торговым партнером в СНГ после России, а КНР для Казахстана – второй по значимости после РФ [Внешняя торговля 2017].

Характерным примером ситуации с экономическим проникновением КНР в Среднюю Азию может быть с. Хоргос на китайско-казахстанской границе. Именно его власти КНР наметили в качестве так называемого «сухого порта», или главного плацдарма для продвижения в этот регион, для реализации там инициативы ОПОП. Это вызывает беспокойство у руководства России, рассматривающей упомянутую территорию как сферу своего влияния.

По официальным данным, за время самостоятельного существования республики в нее из КНР поступило примерно 20 млрд долл. при общем объеме прямых зарубежных инвестиций в 330 млрд долл. По оценкам некоторых экспертов, вложения КНР в Казахстан составляют до 80 млрд долл., а казахская нефтегазовая промышленность уже на четверть принадлежит китайским компаниям. Продолжен газопровод, соединивший оба государства.

В апреле 2019 г. на очередном форуме ОПОП между странами был заключен договор об осуществлении 55 различных проектов на территории республики на общую сумму в 27,6 млрд долл.

Правда, проекты КНР в Казахстане пока остаются на уровне «протоколов о намерениях». Характерным примером здесь может служить с. Нуркент, близости от Хоргоса, которое должно было стать еще одним «сухим портом». По планам, его население должно было вырасти до 100 тыс. человек, которых предполагалось занять в совместных китайско-казахских проектах, но пока здесь проживают менее 2 тыс. человек.

В 2018 г. объединение «Казахские железные дороги» продало китайскому грузоперевозчику COSCO долю в 49% в Хоргосе. Это значит, что контрольный пакет остался у казахской стороны. Деловая активность КНР оценивается не всегда положительно. Например, предложенные властями республики изменения Земельного кодекса вызвали массовые протесты из-за опасений рядовых граждан, считающих, что новая редакция позволит китайским корпорациям просто покупать целые области.

Казахстан должен КНР примерно 12 млрд долл. Однако Китай, согласно официальной статистике, пока не является единственным его кредитором, нельзя забывать о Нидерландах (50 млрд долл.), Великобритании и США [Объем 2017].

В декабре 2013 г. главы государств КНР и Украины подписали договор о дружбе и сотрудничестве и совместную декларацию о дальнейшем углублении отношений стратегического партнерства, по которой Украина предполагала участие китайских корпораций в отраслевых проектах, например по сооружению электростанции, модернизации угольных шахт, совместному производству автомобилей. Еще до этого, в 2012 г. Украина получила от КНР кредит 3,6 млрд долл. под поставки зерновых, но не выполнила своих обязательств.

В 2016 г. между странами был подписан меморандум о сельскохозяйственном сотрудничестве, тогда же SOFCO быстро возвела и открыла в Николаеве терминал для перевалки зерна, который обошелся в 75 млн долл. Одновременно была согласована дополнительная кредитная линия на 3,6 млрд долл. для нужд «Нафтогаза Украины» [Green 2016].

В 2018 г. украинская сторона заявила о намерении получить дополнительные кредиты у КНР на 7 млрд долл., которые планировалось истратить на

различные инфраструктурные проекты, например на строительство автотрассы Кременчуг – Николаев через Одессу.

В июне 2019 г. был взят кредит в 10 млрд долл. Китайские компании (Xinwei Group и Skyrizon) попытались приобрести более половины предприятия «Мотор Сич» в оборонном секторе.

В Узбекистане с помощью кредитов, предоставленных КНР, реализуется свыше 50 крупных проектов, в частности строится железнодорожная магистраль, которая свяжет КНР с Киргизией через территорию Узбекистана. Это строительство должно обойтись примерно в 1,3–2 млрд долл. В текущем году страны приступили к созданию совместного инвестиционного фонда с капиталом в 1 млрд долл. Сейчас в Узбекистане зарегистрировано более 1000 фирм, частично или полностью принадлежащих китайскому бизнесу. В 2017 г. создана Ассоциация китайских предприятий в Узбекистане.

Долг Таджикистана КНР достигает 1,2 млрд долл., что составляет 50% от общей внешней задолженности страны. Китай проявляет интерес к таким отраслям, как энергетика и горнодобывающая промышленность. В 2018 г. китайской компании ТВЕА была предоставлена лицензия на освоение месторождения золота в Верхнем Кумарге, которая дана в счет погашения долга за работы по усовершенствованию ТЭЦ (Душанбе-2). Кроме того, Китай профинансировал и осуществил еще несколько крупных инфраструктурных проектов, например строительство таких объектов, как фабрика «Чунтай», тоннель Чдван – Вахдат и т.д. В 2019 г. было подписано соглашение о передаче месторождения серебра «Якчилва» инвесторам из Китая с условием освобождения от уплаты налогов на семь лет, отмены всех пошлин на импорт технического оборудования при договоренности найма на работу и обучении местных жителей. Месторождение находится на Памире на высоте 4500 м над уровнем моря.

В последнее время было замечено интенсивное увеличение военного присутствия КНР на территории Таджикистана в виде китайских боевых объектов. Существует также информация о подписании в 2019 г. секретного соглашения, предусматривающего строительство силами Китая около 40 блокпостов в местах прохождения таджикско-афганской границы, где проблемы безопасности стоят особенно остро, учитывая, не в последнюю очередь, ее протяженность и специфику горного рельефа.

Экономика Туркмении в основном базируется на добыче газа, 90% которого экспортируется в Китай.

В списке основных инвесторов в экономику Грузии КНР занимает лишь пятое место. С 2018 г. между странами действует договор о свободе торговли.

Для Армении Китай находится на втором месте после РФ по объему внешнеторгового оборота. Реализуется несколько совместных проектов.

Кроме того, компания Sinohydro привлечена к созданию участка логистического коридора «Север – Юг», проходящего через территорию Армении.

Замедление темпов роста экономики КНР вызывает беспокойство у руководства России. Это естественно, поскольку в отличие от прочих соседей Китая, усматривающих в данной тенденции свой шанс на занятие высвобождающихся ниш глобального рынка и перенаправление к себе инвестиций с Запада, на российской экономике проблемы в хозяйстве Китая могут сказаться только негативно. Сейчас КНР заняла место самого крупного экономического и торгового партнера РФ, ее доля в общем внешнеторговом товарообороте России выросла до 15,75%. С 2015 г. КНР стала самым крупным покупателем нашей нефти. На 2018 г. ее доля составила 27,7% от всего нефтяного экспорта РФ. Нужно учитывать и то обстоятельство, что именно Китай сейчас является основным поставщиком особенно важной для России высокотехнологичной продукции. Многие прогнозы относительно сотрудничества РФ с КНР после начала конфронтации с Западом пока не оправдываются, уровень стратегического партнерства как в экономике, так и в геополитике можно считать достаточно высоким и такому союзнику как КНР у сегодняшней России альтернативы нет.

Внутренние проблемы, существующие в Китае, выходят за рамки одного государства и должны привлекать внимание к их углубленному изучению в России. К ним прежде всего относится стагнация в экономике, которая может быть чревата следующими явлениями, например такими как:

- запал для фитиля мирового хозяйственного кризиса;
- передел сфер влияния крупнейших технологических компаний;
- усиление международной политической конфронтации;
- влияние на внутреннюю ситуацию в России.

По мнению экспертов, в КНР успешно реализуется модель стабильного роста при игнорировании западных демократических принципов. Именно положительным примером «технократического» управления экономикой КНР оправдывалась ползучая национализация и усиление роли государственного регулирования. Предположим, что в КНР разразится кризис и темпы роста экономики снизятся, например до 4%. Это вызовет обвальную серию банкротств, снижение уровня жизни, коллапс на рынках недвижимости и т.д. В результате неизбежно наступит разочарование в данной концепции развития, что может привести к политическим потрясениям уже внутри России.

На фоне общего сокращения объемов прямых зарубежных инвестиций в мире, которые в 2018 г. уменьшились на 19%, китайские прямые капиталовложения тоже начали следовать этой тенденции.

Россия за несколько последних лет оказалась в серьезной зависимости от внутренней ситуации в КНР, став, по сути дела, заложником китайских успехов. Если нынешняя система глобального экономического взаимодействия

будет разрушена, то наша страна, как и весь остальной мир, понесет весьма серьезные потери. Существующая система международного экономического сотрудничества несовершенна, но перестраивать ее следует очень осторожно и предельно мягко.

Нельзя не отметить проявление синофобских настроений в странах Центральной Азии. Их распространению способствуют активная экономическая экспансия КНР, коррупция собственных властей, экологические проблемы, которые неизбежно сопровождают реализацию крупных проектов, за каждым из которых стоит китайский капитал. Тем не менее китайский бизнес продолжает освоение Центральной Азии, увеличивает свои вложения в этот регион.

Не вызывает сомнения, что Россия будет продолжать активное использование всех внешнеполитических инструментов, включая международные организации, такие как ШОС, для продвижения своего плана по укреплению системы коллективной и глобальной безопасности и строго выполнять все ранее заключенные соглашения, активно развивать сотрудничество во всех сферах, но не станет принимать такие обязательства, которые превратят сотрудничество Китая и России в антиамериканский альянс. Будут предприниматься дальнейшие шаги по гармонизации и сопряжению деятельности ЕАЭС с китайской инициативой ОПОП.

Библиография

Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам и группам стран за январь-декабрь 2017 года // Федеральная таможенная служба: Официальный сайт. 2017. 14 марта. URL: http://old.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=26531:-2017-&catid=51:2011-01-24-16-27-51&Itemid=1977 (дата обращения: 12.09.2019).

Ларин В.Л. Российско-китайское трансграничье в контексте проектов евразийской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 60 (12). С. 69–81.

Ли Хуэй. Большая симфония для всех стран // Известия. 2017. 16 мая. URL: <https://iz.ru/news/705680> (дата обращения: 10.12.2019).

Михайленко А.Н. Перспективные внешние направления развития Евразийского экономического союза // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2017. № 1 (36). С. 122–138.

Министр ЕЭК Сергей Сидорский: «Формирование Большого Евразийского партнерства должно способствовать инновационному развитию реального сектора экономики стран Союза» // ЕЭК: Евразийская экономическая комиссия: Официальный сайт. 2017. 1 июня. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/1-06-2017.aspx> (дата обращения: 15.11.2019).

Объем китайских инвестиций в Казахстан вырос в семь раз // Kazinform: Международное информационное агентство. 2017. 26 янв. URL: https://www.inform.kz/ru/ob-emkitayskih-investiciy-v-kazakhstan-vyros-v-sem-raz_a2993009 (дата обращения: 05.11.2019).

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (2015). <http://kremlin.ru/acts/news/51129> // Президент России: Официальный сайт. 2015. 31 дек. (дата обращения: 05.11.2019).

Фролова И.Ю. Китайский проект «Экономический пояс Шёлкового пути»: развитие, проблемы, перспективы // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 38 (5). С. 47–67.

Ansar A., Flyvbjerg B., Budzier A., Lunn D. Does infrastructure investment lead to economic growth or economic fragility? Evidence from China // Oxford Review of Economic Policy. 2016. N 32 (3). P. 360–390.

Djankov S., Hendrix C.S., Lawrence R.Z., Miner S., Truman E.M., Toohey F. China's Belt and Road Initiative: Motives, Scope and Challenges // PIIE: Peterson Institute for International Economics. 2016. March. URL: <https://piie.com/publications/piiebriefings/chinas-belt-and-road-initiative-motives-scope-and-challenges> (дата обращения: 05.10.2019).

Green is gold: The strategy and actions of China's ecological civilization // Geneva: UNEP, 2016. URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/greenisgold_en_20160519.pdf (дата обращения: 15.11.2019).

Hervé de Tréglodé Will the European Union love China's Silk Routes? // China Plus. 2018. 26 December. URL: <http://chinaplus.cri.cn/opinion/opedblog/23/20180226/95116.html> (дата обращения: 07.11.2019).

Stronski P. Ng N. Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic / Carnegie Endowment for international peace. 2018. 28 February. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/02/28/cooperation-and-competition-russia-and-china-in-central-asia-russian-far-east-and-arctic-pub-75673> (дата обращения: 01.11.2019).

References

Ansar A., Flyvbjerg B., Budzier A., Lunn D. Does infrastructure investment lead to economic growth or economic fragility? Evidence from China. Oxford Review of Economic Policy. 2016. N 32 (3). P. 360–390.

Djankov S., Hendrix C.S., Lawrence R.Z., Miner S., Truman E.M., Toohey F. China's Belt and Road Initiative: Motives, Scope and Challenges. PIIE: Peterson Institute for International Economics. 2016. March. URL: <https://piie.com/publications/piiebriefings/chinas-belt-and-road-initiative-motives-scope-and-challenges> (date of access: 05.10.2019).

Ministr EEK Sergej Sidorskiy: «Formirovanie Bol'shogo Evrazijskogo partnerstva dolzhno sposobstvovat' innovacionnomu razvitiyu real'nogo sektora e'konomiki stran Soyuz» // EEK: Evrazijskaya e'konomicheskaya komissiya: Oficial'ny'j sajt [ECE Minister Sergei Sidorsky: «The formation of the Greater Eurasian Partnership should contribute to the innovative development of the real sector of the economy of the Union countries». ECE: Eurasian Economic Commission: Official website]. 2017. 1 June. URL: <http://www.eurasiancommission.org/en/nae/news/Pages/1-06-2017.aspx> (date of access: 11.15.2019). (In Russ.)

Vneshnyaya trgovlya Rossijskoj Federacii po osnovny'm stranam i gruppam stran za yanvar'-dekabr' 2017 goda. Federal'naya tamozhennaya sluzhba: Oficial'ny'j sajt [Foreign trade of the Russian Federation by major countries and groups of countries for January-December 2017. Federal Customs Service: Official website]. 2017. 14 March. URL: http://old.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=26531:-2017-&catid=51:2011-01-24-16-27-51&Itemid=1977 (date of access: 12.09.2019). (In Russ.)

Frolova I.Yu. Kitajskij proekt «E'konomicheskij poyas Shyolkovogo puti»: razvitie, problemy', perspektivy' // Problemy' nacional'noj strategii [Frolova I.Yu. The Chinese project «Economic belt of the Silk Road»: development, problems, prospects // Problems of the national strategy]. 2016. No. 38 (5). S. 47–67. (In Russ.)

Green is gold: The strategy and actions of China's ecological civilization. Geneva: UNEP, 2016. URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/greenisgold_en_20160519.pdf (date of access: 15.11.2019).

Hervé de Tréglodé Will the European Union love China's Silk Routes? // China Plus. 2018. 26 Dec. URL: <http://chinaplus.cri.cn/opinion/opedblog/23/20180226/95116.html> (date of access: 07.11.2019).

Larin V.L. Rossijsko-kitajskoe transgranich'e v kontekste proektov evrazijskoj integracii. Mi-rovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya [Russian-Chinese cross-border area in the con-text of Eurasian integration projects. World Economy and International Relations]. 2016. N 60 (12). P. 69–81. (In Russ.)

Li Xue'j. Bol'shaya simfoniya dlya vsekh stran [Li hui. Great symphony for all countries]. Izves-tiya. 2017. 16 May. URL: <https://iz.ru/news/705680> (date of access: 10.12.2019). (In Russ.)

Mikhailenko A.N. Perspektivny'e vneshnie napravleniya razvitiya Evrazijskogo e'konomi-cheskogo soyuza // Voprosy' nacional'ny'x i federativny'x otnoshenij [Prospective external directions of the development of the Eurasian Economic Union // Questions of national and federal relations]. 2017. N 1 (36). P. 122–138. (In Russ.)

Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii (2015) [National Security Strategy of the Russian Federation (2015)]. President of Russia: Official website. 2015. 31 Dec. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/51129> (date of access: 11.05.2019). (In Russ.)

Stronski P. Ng N. Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic / Carnegie Endowment for international peace. 2018. 28 Feb. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/02/28/cooperation-and-competition-russia-and-china-in-central-asia-russian-far-east-and-arctic-pub-75673> (date of access: 01.11.2019).

Ob'em kitajskix investicij v Kazaxstan vy'ros v sem` raz // Kazinform: Mezhdunarodnoe infor-macionnoe agentstvo [The volume of Chinese investment in Kazakhstan has grown seven times. Kaz-inform: International News Agency]. 2017. 26 Jan. URL: https://www.inform.kz/en/ob-emkitayskih-investiciy-v-kazahstan-vyros-v-sem-raz_a2993009 (date of access: 05.11.2019). (In Russ.)

Н.И. Васильева, И.А. Кашуро, Д.М. Мусиева

**РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В 2019–2020 гг.:
ОТ СТАГНИРУЮЩЕГО РОСТА
К ОБНОВЛЕННОМУ ИНВЕСТИЦИОННОМУ ЦИКЛУ**

***Аннотация.** В статье анализируются новые стратегические приоритеты экономического развития России на основе Послания Президента Федеральному собранию и бюджета страны на 2020–2022 гг. Достижение макроэкономической стабильности, низких темпов инфляции, внушительных размеров золотовалютных резервов и невысокого внешнего долга позволят переломить негативный демографический тренд, перезапустить инвестиционный цикл в экономике и добиться роста благосостояния народа. Авторы выделяют две группы факторов, которые привели к этой ситуации. Это – внешнее давление и сложная ситуация в инвестиционном и деловом климате страны, а также жесткая фискальная политика и рост налоговой нагрузки на бизнес. Собираемость налогов повышалась, но не сопровождалась увеличением расходов. В целом ситуация в российской экономике в 2019 г. оставалась стабильной благодаря сбалансированной макроэкономической политике. Инфляционное таргетирование и действующее бюджетное правило позволили сохранить устойчивость цен и валютного курса. Авторы выявляют проблемы, которые ставят под угрозу экономическую устойчивость России: преобладание топливно-энергетического экспорта; низкий уровень инвестиций в новые проекты по сравнению с другими странами; осложнение политических отношений с Западом и др. На решение этих проблем в среднесрочной перспективе направлены основные задачи экономического развития России. Это достижение значительных сдвигов в увеличении производительности труда на базе передовых технологий, рост квалификаций и новых компетенций; наращивание конкурентоспособных секторов экономики обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг; увеличение несырьевого экспорта и обновление инвестиционного цикла. В качестве инструментов экономического стимулирования обозначены вложения накопленных государственных резервов в окупаемые инфраструктурные проекты и в российские высокотехнологичные компании. Авторы отмечают, что экономическое развитие не может быть обеспечено государственными финансовыми вливаниями, что требуется создание соответствующего инвестиционного и законодательного климата.*

***Ключевые слова:** новые стратегические приоритеты; стагнирующий экономический рост; устойчивость бюджетной системы; новый инвестиционный цикл; национальные проекты; инфляционное таргетирование; финансовая стабильность; несырьевой экспорт; ловушка санкционного противостояния.*

Васильева Нина Ивановна – кандидат экономических наук,
доцент факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, Москва. E-mail: vasilieva-msu@yandex.ru

Кашуро Ирина Анатольевна – кандидат экономических наук,
старший преподаватель факультета глобальных процессов МГУ
им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва. E-mail: kashuro@fgp.msu.ru

Мусиева Джамиля Маллаевна – стажер-исследователь
кафедры глобалистики, аспирант факультета глобальных процессов
МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва. E-mail: musdjam@mail.ru

**Vasilieva N.I., Kashuro I.A., Musieva D.M. The Russian Economy in 2019–
2020: From Stagnant Growth to a Revitalized Investment Cycle**

Abstract. *The article analyzes the new strategic priorities of Russia's economic development on the basis of the President's Address to the Federal Assembly and the country's budget for 2020–2022. The achievement of macroeconomic stability, low inflation, an impressive size of gold and foreign exchange reserves and low external debt will help reverse the negative demographic trend, restart the investment cycle in the economy and improve the standards of living for the majority of population.*

The paper identifies two groups of factors that led to the current situation in the economy. Firstly, it's the external pressure resulting from a very high level of uncertainty. Secondly, the situation in the investment and business climate in the country continued to be complicated. Also, what's worth mentioning are a tough fiscal policy and increasing tax pressure on businesses. Tax collection improved, but it was not accompanied by an increase in spending. In general, the situation in the Russian economy in 2019 remained stable, owing to a balanced macroeconomic policy. Inflation targeting kept prices and the exchange rate stable enough.

Three problems, however, put Russia's economic sustainability at risk: the predominance of fuel and energy exports; low level of investment in new projects compared to other countries; complication of political relations with the West, and some others. The main tasks of Russia's economic development in the medium term are aimed at solving these problems, namely: achieving significant shifts in increasing labor productivity based on advanced technologies, growth of qualifications and new competencies; development of competitive sectors in manufacturing industries, in agriculture and services; increase in non-resource exports and revitalization of the investment cycle. In this context, investments of accumulated state reserves in major infrastructure projects and in Russian high-tech companies are indicated as instruments of economic stimulation. By way of conclusion, the authors emphasize that economic development cannot be ensured by state financial injections: it requires creation of an appropriate investment and legislative climate.

Keywords: *new strategic priorities; stagnant economic growth; budget system stability; new investment cycle; national projects; inflation targeting; financial stability; non-resource export.*

Vasilyevna Nina Ivanovna – PhD, Associate Professor,
Department of Global Processes, Moscow State University
M.V. Lomonosov, Russia, Moscow. E-mail: vasilieva-msu@yandex.ru

Kashuro Irina Anatolievna – PhD, Art. Lecturer, Department
of Global Processes, Moscow State University M.V. Lomonosov,
Russia, Moscow. E-mail: kashuro@fgp.msu.ru

Musieva Jamilya Mallaevna – Intern Researcher at the Department
of Global Studies, Graduate Student of the Department of Global
Processes, Moscow State University M.V. Lomonosov,
Russia, Moscow. E-mail: musdjam@mail.ru

Начало 2000-х годов для России сложилось экономически весьма удачно: импульс развитию экономики дали некоторые рыночные реформы, а после 2004 г. мировые цены, на пике достигшие 143,95 долл. за баррель, подкрепили этот импульс. В этих условиях активно развивались многие отрасли, увеличивались доходы госбюджета, бизнеса и населения. Но экономический подъем прервал мировой кризис 2008–2010 гг. Однако после окончания кризиса полного восстановления темпов экономического роста не произошло, несмотря на то что цены на сырьевые российские товары вернулись на вполне неплохой уровень.

Объяснение данной ситуации заключается, видимо, в следующем: экономический рост в начале 2000-х годов был сугубо восстановительным, шел с низкой стартовой базы, основывался на существенном увеличении потребительских расходов, обусловленных нефтяными сверхдоходами и экономией на инвестициях. Каждая следующая ступенька в экономическом развитии стала даваться труднее. После 2009–2010 гг. факторы, которые могли быть использованы для экономического роста, сыграли против России. Прежде всего речь идет о неготовности к индустриальному прорыву, объективной недостаточности человеческого капитала, а также о некоторых имперских комплексах, удерживавших страну от сотрудничества с ведущими экономическими центрами на вторых ролях. При этом относительно высокий уровень благосостояния, достигнутый к 2008 г., впоследствии не смог трансформироваться в устойчивый экономический рост. Российской экономике, которую отличают высокая концентрация капиталов в сырьевом секторе и растущее огосударствление экономики, нужна диверсификация. Но несырьевые отрасли, в которых работает большинство населения, не получают необходимых для развития инвестиций. А если и начинается слабый экономический рост, он не трансформируется в подъем прибылей и зарплат по всем направлениям. Большую часть доходов получают все те же сырьевые отрасли и предприятия, выполняющие госзаказы. Огромные средства, аккумулируемые в гос-

бюджете и в различных госфондах, не всегда расходуются эффективно. Некоторые эксперты назвали нынешнюю ситуацию с реальными доходами населения «ловушкой низких доходов» [Иноземцев 2019].

В такой ситуации ни рост финансирования отдельных сфер через национальные проекты, ни увеличение пособий бедным семьям не решают проблему. Рост доходов большинства населения начнется только вслед за фронтальным ростом экономики. А для этого необходимо ограничить господство монополий, снизить масштабы госсектора, реформировать судебную правовую систему. Возможно, пора создать более справедливый механизм перераспределения доходов через прогрессивный налог для физических лиц. Но при этом важно не просто дать больше денег всем, кто в них нуждается, а создать условия для справедливой конкуренции и реализации личной инициативы. Важно, чтобы каждый мог зарабатывать больше, опираясь на свои активность, таланты и знания.

С 2019 г. правительство приступило к выполнению национальных проектов, рассчитанных до 2024 г. Стоимость реализации нацпроектов – 25,7 трлн руб., в том числе 13 трлн руб. – из федерального бюджета. Для пополнения федерального бюджета правительство в 2019 г. повысило НДС с 18 до 20%, что пополнило федеральный бюджет на 600 млрд руб. Однако, по данным председателя Счетной палаты А.Л. Кудрина, правительство за 2019 г. не израсходовало свыше 1 трлн руб. бюджетных средств. При этом объем неизрасходованных бюджетных денег в последние годы растет высокими темпами: с 2016 по 2019 г. он увеличился примерно в 5 раз – с 220 млрд руб. до 1,12 трлн руб. в 2019 г. [Кудрин упрекнул чиновников 2020]. Кроме этого за 2019 г. аудиторы Счетной палаты выявили финансовых нарушений на 804 млрд руб. 2/3 этой суммы – нарушение бухучета и процедур закупок. Коррупционные преступления, связанные с хищением бюджетных средств, имеют высокую степень латентности, и реальное положение вещей в полном объеме выявить сложно [Хинштейн 2020].

По мнению Минэкономразвития России, проблемная реализация угрожает трем из 13 нацпроектов: 1) поддержка экспорта; 2) поддержка малого и среднего бизнеса; 3) стимулирование роста производительности труда. В макроэкономическом прогнозе на 2020–2022 гг. Минэкономразвития предупреждало, что в 2019 г. не удастся достигнуть национальных целей, таких как повышение реальных располагаемых денежных доходов на 0,5%, замедление сокращения населения [Основные параметры прогноза 2020].

Главный итог 2019 г. для экономики России – это стагнирующий экономический рост – 1,3% ВВП. Мы видим достаточно хорошие отдельно взятые макропоказатели, но очень слабую общую динамику. Объяснение кроется в двух факторах. Во-первых, внешнее давление из-за очень высокого уровня

неопределенности, связанной с торговыми войнами, с санкциями стран Запада против России, Brexit. Это отражалось как на глобальных рынках, так и на ситуации внутри России. Во-вторых, ситуация в инвестиционном и деловом климате в стране продолжала оставаться сложной. Кроме того, стоит отметить очень жесткую фискальную политику и рост налоговой нагрузки на бизнес. Собираемость налогов повышалась, но она не сопровождалась увеличением расходов и тем более ростом их эффективности. Однако в целом ситуация в российской экономике в 2019 г. оставалась стабильной во многом благодаря сбалансированной макроэкономической политике. Инфляционное таргетирование и действующее бюджетное правило позволили сохранить устойчивость цен и валютного курса. Банк России большое внимание уделял мерам, направленным на поддержание финансовой стабильности и предотвращение образования «пузырей» на рынке потребительского кредитования.

Как уже отмечалось выше, в начале 2019 г. была повышена ставка НДС до 20%, что привело к временному всплеску инфляции выше уровня 5% и замедлению темпов роста ВВП в первой половине года. Однако отрицательный эффект от повышения НДС оказался не таким сильным и длительным, как изначально ожидалось. Во втором полугодии темпы роста потребительских цен упали ниже целевого уровня в 4%, что позволило Банку России существенно снизить ключевую ставку до 6%.

Итак, основной тренд 2019 г. – экономическая стабильность. Западные санкции продолжают, их перечень расширяется, цена на нефть была относительно устойчивой, ВВП вырос на 1,3%, что в 2 раза ниже среднемировых темпов, реальные доходы населения продолжали топтаться на месте.

Россия в 2019 г. наконец присоединилась к глобальному тренду и приступила к повышению пенсионного возраста. Это связано с объективным фактором – общим старением населения в мире. Тем не менее в России это решение вызвало некоторую социальную напряженность как по причине больших расходов на другие цели (финансовая поддержка дружественных стран, субсидии нефтяным компаниям и госкорпорациям, расходы на некоторые государственные проекты и т.д.), так и в силу отсутствия роста реальных доходов населения.

Следует отметить неоднозначные результаты в сфере здравоохранения. Изменение образа жизни в сторону здорового образа жизни, меры государства по борьбе с употреблением алкоголя и табака, совершенствование медицинской помощи приносят плоды. Несмотря на сложную экономическую ситуацию, средняя продолжительность жизни в России достигла нового исторического максимума в 73,6 года. В то же время уникальные меры по поддержке рождаемости (федеральный и региональные материнские капиталы) не смогли предотвратить ее снижение, что было зафиксировано в 2019 г.

Борьба с бедностью – одна из важнейших целей майских указов 2012 г. Президента В.В. Путина. Однако следует вспомнить, что осенью 2008 г. правительство утвердило «Концепцию социально-экономического развития России до 2020 года», согласно которой реальные доходы населения к концу этого периода должны были вырасти на 70%, средний класс – составить более половины населения, а семья из трех человек – проживать в 100-метровой квартире [Концепция 2008].

В настоящее время правительство реализует национальный проект «Демография» к 2024 г., по которому уровень бедности должен снизиться в 2 раза, а средняя продолжительность жизни, напротив, увеличиться до 78 лет, реальные доходы населения при этом должны устойчиво расти. Если средняя заработная плата россиян увеличилась за 2000–2007 гг. в 8,8 раза в долларах по рыночному курсу, то за следующие 12 лет она практически не изменилась. Доля россиян, получающих доходы ниже прожиточного минимума за 2000–2007 гг., сократилась на 16%, за все последующие годы – лишь на 0,6%.

Реализация нацпроектов в 2019 г. шла непросто. По данным Счетной палаты, за январь–сентябрь 2019 г. было потрачено чуть больше половины средств, заложенных на нацпроекты, на некоторые из которых не удалось израсходовать даже четверти заложенных расходов (например, на нацпроект «Цифровая экономика»). За январь–сентябрь 2019 г. население России не выросло, а уменьшилось более чем на 230 тыс. человек, продолжительность жизни составила всего 73,6 года (цель – 78 лет), а уровень бедности вырос (цель – снижение на 6,6%) [Аудит 2020].

В 2020-й год экономика России входит в лучших условиях, чем входила в 2019-й. С точки зрения макроэкономических условий ситуация должна улучшаться. Но если большинство развивающихся экономик улучшит свои показатели в 2020 г. по сравнению с 2019 г., то российская экономика может показать сравнительно низкие темпы роста: даже сильная бюджетная политика и самая низкая среди развивающихся стран долговая нагрузка не компенсируют недостаток темпов роста.

По данным Минэкономразвития, в 2019 г. инвестиции в экономику России выросли только на 1,5% против 4,3% в 2018 г. И львиную долю вложений снова получила добыча нефти и газа. Эти отрасли привлекли столько же финансовых ресурсов, сколько вся обрабатывающая промышленность. Новые производства активно создаются лишь в небольшой группе несырьевых отраслей – там, где есть экспортный потенциал, и там, где спрос генерирует само государство. Например, российские компьютерные программы и телекоммуникационное оборудование находятся на уровне мировых, а компании, работающие в области информатизации и связи, по данным Росстата, за год увеличили капиталовложения в развитие на 34,5%. Химия и фармацевтика,

где проводится политика импортозамещения, нарастили инвестиции на 33,6%. Но вот спрос на автомобили падает. Заводы, выпускающие средства транспорта, уменьшили вложения на 8%. А пищевая промышленность, чей внутренний рынок уже перенасыщен, понизила инвестиции на 2,8%.

Опрос, проведенный ВЦИОМ в 2019 г., показал, что 71% предпринимателей считают условия ведения бизнеса в России неблагоприятными, каждый второй считает, что в ближайшие пять лет ситуация будет только ухудшаться. Частные компании не чувствуют себя в безопасности и сокращают инвестиции [Мониторинг 2019].

Но инвестиции жизненно необходимы экономике. Именно частные деньги составляют более 6 трлн руб., которые нужно привлечь для реализации нацпроектов. Но пока даже небольшой прирост вложений в основной капитал осуществляется за счет государственных вложений. Инвестиционную активность предприятий сдерживали общая макроэкономическая неопределенность и замедление роста потребительского спроса. Проблема спроса стала одной из основных тем дискуссий 2019 г.: нужно ли стимулировать спрос дешевыми деньгами, как решить его нехватку без структурных реформ? [Зайцев 2018; Тимофеев, Махмутов 2018]. Впрочем, этот вопрос относится вообще к состоянию нашей экономики. Компании не видят спроса ни внутреннего, ни внешнего. Грядущие государственные расходы более направлены на стимулирование предложения, чем спроса. Разорвать этот замкнутый круг можно, только изменив экономическую политику государства таким образом, чтобы увеличить доходы подавляющего большинства населения России. По оценке Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, если среднемесячные расходы всех домашних хозяйств увеличатся хотя бы на 5000 руб. на одного человека, то беднейшие семьи смогут направить на дополнительные потребительские расходы по 4200 руб., а все остальные – не менее 3500 руб. Это станет толчком к запуску экономического роста в стране, основанного не на продаже за рубеж нефти, а на внутреннем потреблении. А дальше последует рост частных инвестиций и будет обеспечена устойчивость экономического развития страны, т.е. возрастет уровень и качество жизни людей.

В постсоветской России всегда была высока концентрация доходов в группе, к которой принадлежат 10–20% наиболее благополучных семей, члены которых в разы больше других зарабатывают по найму или владеют высокодоходным бизнесом. Подлинного уровня доходов самых богатых граждан не знает никто, так как в опросах, на основе которых Росстат рассчитывает свои цифры, они не участвуют. Но и существующие данные, явно заниженные, показывают, что разрыв между благополучием и бедностью за прошедшее десятилетие только усилился. Если в 2008 г. на долю 20% наиболее

состоятельных домохозяйств приходилось 43,8% совокупных денежных доходов населения России, то в 2018 г. – уже 46,2%. При этом доля всех остальных семей упала. Если раньше разрыв между среднедушевым доходом 10% самых богатых и 10% самых бедных семей не превышал 10 раз, в 2019 г. он достиг 12 раз [Широв 2020].

В ноябре 2019 г. Госдума РФ рассмотрела и утвердила проект федерального бюджета России на 2020–2022 гг. Правительство, представляя бюджет, сделало заявление, что развитие России будет основываться на собственных силах с учетом возможности мирового экономического спада, который учтен во всех государственных программах.

По сравнению со многими странами, экономика России сегодня довольно устойчива: низкий государственный долг, отсутствие дефицита бюджета, хорошее состояние государственных финансов, а также высокий объем золотовалютных резервов. Последние на ноябрь 2019 г. составляли 542 млрд долл. Интерес представляет структура нынешних международных резервов РФ, доля доллара в которых снижается. Если в начале 1990-х годов она составляла 80–90%, то сейчас – 23%. На первое место вышел евро – 32%, 17% вложений приходится на золото, 14 – на юань, 6,5 – на британский фунт, 4% – на японскую йену, а остальное на канадский и австралийский доллары [Филлипов 2019]. Но есть проблемы, которые ставят под угрозу экономическую устойчивость России: преобладание топливно-энергетического экспорта; низкий уровень инвестиций в новые проекты по сравнению с другими странами; осложнение политических отношений с Западом; а также продолжающиеся экономические санкции против России со стороны США и стран ЕС.

Федеральный бюджет формируется на базе определенных цен на нефть, с учетом того, что валютные доходы государства от продажи нефти свыше установленной цены (41,6 долл. за баррель) идут в Фонд национального благосостояния. Если среднегодовая стоимость нефти не опустится ниже этой отметки, то угроз для бюджета страны не предвидится. В 2020 г. правительство обещает снижение инфляции до 3% с одновременным ростом экономики на 1,9%. На те же 1,9% вырастут расходы федерального бюджета. У нового бюджета меньше шансов на дополнительные доходы, чем в 2018–2019 гг. Правительство прогнозирует, что рост валютной выручки от экспорта нефти и газа может замедлиться. Главная цель бюджета – простимулировать экономический рост, сохранив устойчивость бюджетной системы. Постатейный анализ бюджета на 2020–2022 гг. показывает снижение уровня прозрачности, увеличение числа полузакрытых и закрытых статей расходов. Растет доля «оборонных» расходов в ВВП, в бюджете весомыми расходами являются субсидии юридическим лицам, госкорпорациям и т.п. (488 млрд руб. в 2020 и 551 млрд руб. в 2021 г.). Значительная часть этих расходов закрыта, причем в этой сфере теперь есть даже засекреченные трансферты регионам.

В бюджете прослеживается мощная социальная составляющая: растут расходы федерального бюджета на поддержку семей: 892 млрд руб. в 2020 г. и 925 млрд руб. в 2021 г. Правительственные приоритеты в этой сфере демонстрирует структура показателя: в 2020 г. треть расходов на семьи приходится на материнский капитал (316 млрд руб.), примерно шестая часть – на выплаты по рождению первого ребенка в семье (150 млрд руб., через регионы), 14% на образование (122 млрд руб.), 8 – на здравоохранение, 3 – на жилье, 2% на транспорт. Основной объем «семейных» трат бюджета ориентирован на демографию.

Происходит существенный рост расходов: в здравоохранении – на 9,3% в 2020 г., на нацпроект по жилью – на 11,2% в 2020 г., на 20,1% в 2021 и на 38,7% в 2022 г. В следующие три года государство сможет более свободно оперировать системой «материальной мотивации» чиновников, об этом есть прямое указание в бюджете. Речь идет о суммах около 200 млрд руб. в 2020 г. и почти 300 млрд руб. в 2021 г. – это зарплаты госаппарата, которые могут в ходе кадровой реформы стать больше, чем сейчас, при сокращении числа госслужащих [Федеральный закон 2019].

Правительство утвердило план приватизации на 2020–2022 гг. Будут проданы госпакеты крупных, стратегически важных компаний. План предполагает запуск процедуры приватизации акций 186 акционерных обществ (АО), 86 федеральных государственных унитарных предприятий (ФГУП), доли участия Российской Федерации в 13 обществах с ограниченной ответственностью (ООО), а также более 1 тыс. объектов иного имущества. Среди объектов, которые полностью или частично покинет государство, – банк ВТБ, Махачкалинский и Новороссийский порты, «Росспиртпром», «Алмазювелирэкспорт», Кизлярский коньячный завод, «Совкомфлот», «Союзмультфильм» [Липсиц 2020].

В ноябре 2019 г. в Москве состоялся 11-й инвестиционный форум ВТБ Капитал «Россия зовет!», на котором выступил Президент РФ В.В. Путин с заявлением, что несмотря на снижение темпов глобального экономического роста, в России сохраняется позитивная экономическая динамика, что является хорошей базой для наращивания объема инвестиций. Президент сказал, что снижение инфляции происходит быстрее, чем ожидало правительство, а также отметил наличие рисков стимулирования развития экономики и динамики совокупного спроса. В целом стабилизация цен стала большим достижением для России, что создало новые возможности не только для увеличения темпов роста, но и их качества. Президент в своем выступлении поставил следующие задачи экономического развития в среднесрочном периоде:

– достижение значительных сдвигов в увеличении производительности труда на базе передовых технологий, роста квалификаций и новых компетенций;

– наращивание добывающих комплексов, помимо оборонно-промышленных, конкурентоспособных секторов экономики обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг;

– увеличение несырьевого экспорта и обновление инвестиционного цикла, который обеспечит ежегодный объем вложений в основной капитал 25%, а также в перспективе – 27% ВВП [Выступление В.В. Путина 2019].

По прогнозу правительства, прирост инвестиций в 2020 г. должен составить 5%, а в 2021 г. – 6,5%, для чего имеются реальные основания. Динамика фондового рынка российских активов демонстрирует возросший интерес зарубежных инвесторов в отношении отечественных компаний. В 2019 г. был объявлен исторический максимум основного индекса Московской биржи. Капитализация российского рынка акций составила более 48 трлн руб., что соответствует 45% ВВП. Данные значения превышают аналогичные на рынках развивающихся стран. Тем не менее очень важен переход инвестиций в реальные активы, в развитие промышленности и открытие новых рабочих мест, а также в освоение перспективных ниш глобального рынка.

Эти и многие другие положения вошли в Послание президента Федеральному собранию (январь 2020 г.). Среди конкретных экономических задач президент в Послании выделил следующее.

В 2021 г. темпы роста ВВП России должны превысить мировые. Начиная с этого года ежегодный прирост инвестиций составит не менее 5%, а долю инвестиций в ВВП нужно увеличить с 21% в 2019 до 25% в 2024 г. Таким образом, президент уделяет значительное внимание инвестициям. Эти цели уже ставились в прошлом. По майскому указу 2012 г. увеличение объема инвестиций не менее чем до 25% внутреннего валового продукта должно было быть достигнуто к 2015 г., до 27% – к 2018 г. В 2019 г. прирост инвестиций составил 1,5%. При этом можно констатировать, что первый год реализации национальных проектов характеризовался спадом инвестиционной активности. Кроме того, основная доля частных инвестиций идет по-прежнему в нефтегазовые ресурсные регионы.

Нужно ускорить принятие пакета законопроектов о защите и поощрении капиталовложений. Налоговые условия для крупных проектов должны быть неизменны на срок до 20 лет, а требования и нормативы при строительстве производственных объектов должны быть зафиксированы на три года.

В 2020 г. необходимо завершить реформу контрольно-надзорной деятельности, сделав тем самым работу бизнеса удобнее и проще. Необходимо прекратить квалифицировать бизнес-компании как ОПГ на основании

уголовных дел. Правоохранительные органы обязаны доказать, что компания изначально действовала незаконно.

До конца 2020 г. не менее 80 из 300 крупнейших предприятий должны перейти на так называемые наилучшие доступные технологии, получить комплексные экологические разрешения, что означает последовательное сокращение вредных выбросов. К настоящему времени выдано только 16 таких разрешений.

Следует поддерживать высокотехнологичный экспорт и расширять спрос на инновации внутри страны. В связи с этим необходимо ускорить цифровую трансформацию реального сектора экономики. При этом нужно требовать, чтобы национальные проекты осуществлялись главным образом на основе программных продуктов отечественного производства.

Приоритетом должны стать окупаемые проекты, которые снимают инфраструктурные ограничения для территорий. Это, в том числе, автомобильные обходы крупных городов, магистрали между областными центрами, выходы на федеральные автотрассы. Такие проекты обязательно приведут к развитию малого бизнеса, туризма, социальной активности в регионах и на местах [Послание 2020].

Послание Президента Федеральному собранию – это расстановка приоритетов государственной власти не только на 2020 г., но и на несколько лет вперед. Президент дал развернутый ответ на вопросы о том, зачем государство все эти годы так активно боролось за макроэкономическую стабильность, профицит бюджета, низкую инфляцию, низкий внешний долг, а также не жалело средств на развитие армии и ВПК. Это все нужно было для того, чтобы создать условия, в которых внешние угрозы военного или экономического характера не могли бы помешать самому главному – внутреннему развитию страны, а также сбережению и приумножению народа России.

Президент указал на необходимость не только перелома негативного демографического тренда, но и перезапуска инвестиционного цикла в экономике. В качестве инструментов экономического стимулирования обозначены вложения накопленных государственных резервов в окупаемые инфраструктурные проекты, а также в российские высокотехнологичные компании. Впрочем, экономическое развитие не может быть обеспечено исключительно государственными финансовыми вливаниями: для него требуется создание соответствующего инвестиционного и законодательного климата, т.е. следует создать такие правовые и финансовые условия, чтобы как можно больше стартапов, новаторских команд могли стать сильными, успешными инновационными компаниями.

Путин также коснулся темы конституционных изменений, которые активно обсуждаются в обществе и в политической среде. Подчеркнув, что не видит необходимости в принятии новой конституции, глава РФ предложил

серию изменений в Основной закон. В частности, необходимо ввести четкий приоритет конституции над международным правом в России, закрепить в конституции запрет на иностранное гражданство или вид на жительство для губернаторов, сенаторов и депутатов Госдумы, премьер-министра, вице-премьеров и министров.

В Послании Федеральному собранию уделено большое внимание усилению социальной поддержки семей с детьми. Говорится о выплатах пособий для бедных семей с детьми до семи лет (сейчас ее получают только семьи с детьми до трех лет), о расширении программы материнского капитала (речь идет о введении выплат за первого ребенка и увеличении материнского капитала за второго), а также компенсированы две трети расходов регионов на инвестиционную льготу. В экономике такие предложения помогут преодолеть «ловушку слабого спроса». Все инновации, связанные с поддержкой семьи, материнства и детства – это значительные расходы бюджета, которые составят 0,5–0,8% ВВП страны – свыше 1 трлн руб. дополнительных расходов. Справедливо расценивать эти вложения не просто как дополнительные расходы, а как инвестиции в детей, демографию, по сути – в будущее страны.

Одна из важных целей экономического развития России – увеличение темпов роста несырьевого экспорта. Основной прирост несырьевого неэнергетического экспорта Россия получает за счет зерна, металлопродукции, продовольствия и химических товаров. Товарные группы несырьевого экспорта, по которым отмечен наибольший рост за последние два года, включает такие позиции, как металлы (алюминий и титан, металлический лист, плиты и готовые изделия), сталь и прокат: стальной лист и трубы, урановый концентрат для АЭС; минеральные удобрения (самые большие поставки по азотным удобрениям), синтетический каучук, автомобильные шины, пластмассы и синтетические смолы, платина, алмазы и искусственные сапфиры, российские лазеры, а также российские силовые установки [Товарная структура 2020].

Прирост несырьевого экспорта получен на рынках Китая, стран ЕАЭС (Казахстан, Белоруссия), Египта, Турции, США, Финляндии. Реализация соответствующего нацпроекта по развитию несырьевого экспорта в 2019 г. привела к росту вывоза продукции российского автомобилестроения, сельхозтехники и железнодорожного подвижного состава. У России устойчивое положение в лидирующей группе экспортеров вооружений. В 2019 г. Россия заняла второе место в мире после США по экспорту вооружений, объем которого составил 37,7 млрд долл. [Макиенко 2020].

Среди перспективных направлений несырьевого экспорта – многие виды гражданской машинно-технической продукции, нефте- и газотехника, фармацевтика, широкий круг продовольственных товаров, включая животноводческую и органическую продукцию, экологически чистые пищевые и лесные продукты и др. Большой потенциал имеет экспорт товаров и услуг атомного

комплекса, программного обеспечения и услуг по его разработке, различных технологических и креативных услуг, услуг в сфере образования и медицины.

Стимулирование несырьевого экспорта в течение продолжительного времени стоит на повестке у руководства страны. Основную роль в данной задаче уделяют профильным отраслевым министерствам, однако растет роль банков (преимущественно государственных, либо со значительным государственным участием), торговых представительств в других странах, торговых и промышленных палат, ассоциаций экспортеров, а также иных институтов, обеспечивающих страховую поддержку экспортных кредитов.

Потенциал экспортной политики в России огромен. Сегодня активных экспортеров в стране насчитывается только 22–24 тыс., а компаний малого и среднего бизнеса – более 200 тыс. Это значит, что только 10% компаний поставляют свою продукцию за рубеж. Технические инновации являются основной сферой, в которой появляются новые экспортеры, после нее на втором месте стоит автомобильная промышленность. Третье место занимает индустрия товаров для детей, а четвертое – машиностроение и производство электроники. Тем не менее лидером в несырьевом экспорте России является зерно [Доля несырьевого неэнергетического экспорта 2020].

Выполнение президентских целей по объемам несырьевого экспорта предполагает, что в течение пяти лет в стране должно быть инвестировано в модернизацию и создание новых глобальных конкурентоспособных производств 100–110 млрд долл., т.е. 7–8 трлн руб. Соответственно, для того чтобы бизнес вложил такие деньги, необходимы хорошие условия, выгодные предложения, грамотная промышленная и торговая политика. Очевидна необходимость поддержки экспорта готовой продукции, в частности инновационно-технологической с высокой долей добавленной стоимости. На уровне правительства и деловых кругов неоднократно звучали призывы к принятию мер по созданию благоприятной предпринимательской среды, поощрения конкуренции и взаимодействия для встраивания российского бизнеса в глобальные производственные цепочки.

В рамках «Основных направлений развития экспорта» обозначены основные цели в сфере стимулирования экспорта готовой продукции: создание ресурсно-инновационной модели международной специализации России с последующим ростом доли продукции завершающих стадий технологического цикла. Согласно базовому прогнозу Минэкономразвития России, экспорт в целом должен увеличиться к 2030 г. в 2,2–2,4 раза, в рамках которого несырьевая продукция увеличится в 1,4–1,45 раз. К 2020 г. доля несырьевого неэнергетического экспорта РФ выросла до 38,2% [Доля несырьевого неэнергетического экспорта 2020].

В России созданы развитая нормативно-правовая база и институциональная среда, направленная на развитие и совершенствование структуры россий-

ского экспорта. Однако политика создания новых и развитие действующих институтов поддержки внешнеэкономической деятельности пока не демонстрирует позитивных результатов. В частности, объемы финансирования на данных направлениях довольно низкие, что исключает возможность структурно-отраслевой переориентации экспорта. Помимо необходимости совершенствования системы поддержки экспорта ставится также задача изменения макроэкономической стратегии. Так, по мнению российских ученых, наиболее продуктивной идеологией для России сейчас является стратегия диверсификации, которая позволяет сбалансировать многочисленные риски в глобальной экономике и обеспечить оптимальное вовлечение в разнонаправленные и сложно прогнозируемые тенденции глобального развития [Кузнецова, Цедиллин 2018].

По предварительным итогам за 2019 г., излишняя сырьевая направленность российского экспорта не преодолена. По данным Росстата, топливно-энергетические товары в его структуре составляют свыше 60%. Страна сейчас располагает всем необходимым для увеличения несырьевого экспорта. Наличие системных проблем не мешает мощному мобилизационному и инновационному потенциалу России осуществлять экспансию на новые товарные ниши, а также рынки иностранных государств. Это требует критической оценки собственной практики и умелого использования международного опыта в сфере стимулирования экспорта. Однако отмечая положительные сдвиги в структуре экспорта России, необходимо отметить, что в основном представлены товары с невысокой степенью добавленной стоимости.

Как отмечалось выше, правительство России допускает возможное снижение доходов страны от экспорта нефтяных энергоресурсов. Основной причиной этого является вероятность очередного падения цен на энергетическое сырье в условиях роста конкурентной борьбы. На европейском нефтегазовом рынке у России в 2019 г. появился опасный конкурент – США, которые за год увеличили среднесуточную добычу нефти на 11,6% и по итогам года обогнали Россию в производстве сырой нефти и конденсата. Согласно прогнозам Международного энергетического агентства (IEA), США к 2023 г. увеличат вдвое поставки нефти на мировой рынок по сравнению с 2019 г., в то время как российский экспорт нефти и нефтепродуктов вырастет только на 2,8% [Oil 2019, 2020]. Причина уверенного роста добычи нефти и газа в США – технологическая революция, которую 17 лет назад на своем газовом месторождении в Техасе начала компания Devon Energy. Она и ее последователи научились зарабатывать на извлечении газа и нефти из твердых сланцев, что раньше считалось невыгодным. Но сегодня себестоимость подобных проектов такова, что сланцевая добыча стала выгоднее работы на шельфе и обеспечивает больше половины американского нефтегазового производства. Впервые за последние 60–70 лет в США появились углеводородные излишки,

которые вывозятся за рубеж и оказывают давление на мировые цены. По запасам углеводородов, содержащихся в сланцах, США не занимают лидирующего положения в мире. По запасам сланцевой нефти США занимают второе место (после России), а по запасам сланцевого газа – четвертое (первое место занимает Китай).

С 2013 г. эксперименты по разработке месторождений, аналогичных американским сланцевым, начала компания «Газпром нефть». Она ведет пробную добычу из пластов Баженовской свиты – огромного массива нефтесодержащих пород, залегающих в Западной Сибири на глубине 2–3 км. Эта работа получила статус национального проекта. Планируется, что к 2030 г. из Баженовской свиты будет добываться 15 млн т нефти в год. Но это лишь 2–3% общероссийской добычи. Чтобы начать активно разрабатывать сложные месторождения, важно запустить множество технологических стартапов, а не единичные проекты с господдержкой. По мнению специалистов нефтегазовой отрасли, начинать реализацию подобных проектов необходимо было в условиях стоимости нефти в размере 120–140 долл. за баррель на основе покупки зарубежных патентов и технологии добычи. Но в середине 2000-х годов, во времена нефтяных сверхдоходов, топ-менеджмент российского ТЭК стремился к наращиванию сиюминутной прибыли. Однако с истощением легкодоступных месторождений появилась задача извлекать нефть из труднодоступных недр, при этом импорт технологий запрещен санкциями Запада. Ввиду этого насущной необходимостью стали крупные инвестиции в модернизацию ТЭК.

За последние годы в России многое сделано для того, чтобы экспорт энергоресурсов не был ограничен нехваткой транспортных мощностей. К концу 2019 г. завершена часть газопровода «Турецкий поток», две ветки которого проходят практически 2000 км по дну Черного моря. В январе 2020 г. была запущена действующая магистраль. Первая нить трубопровода предназначена для потребителей в Турции, а вторая – для газоснабжения стран Южной и Юго-Восточной Европы. Наряду с этим введен в строй газопровод «Сила Сибири», призванный за счет поставок свыше 1 трлн м³ газа в течение 30 лет, обеспечить стране приток денежных средств в размере около 300 млрд долл. Президентом России, а также компанией Газпром было официально объявлено о продолжении строительства оставшихся 160 км газопровода «Северный поток-2» по дну Балтийского моря, общей протяженностью 1224 км и мощностью 50 млрд м³. В декабре 2019 г. министр энергетики Александр Новак заявил, что оставшиеся строительные работы способно осуществить судно «Академик Черский» до конца 2020 г. [Кудрин предупредил о росте числа безработных 2020].

Современные условия, вызванные санкциями стран Запада в различных сферах – военной, оборонно-промышленной, транспортной, инфраструктурной,

инвестиционной, энергетической, а также добывающей отрасли, – являются одной из причин неопределенности и ущерба для российской экономики.

Экономические санкции Запада оказали негативное влияние на деловой климат в стране наряду с внешнеэкономическим сотрудничеством во всех сферах. Российская экономика с 2014 г. лишилась части инвестиционных ресурсов, включая даже те, которые были инвестированы ранее. Усилия привлечь инвестиции из других стран, как например стран Азиатско-Тихоокеанского региона, не увенчались успехом. Доступ на финансовые рынки стран АТР оказался более сложным, чему также способствует высокая стоимость кредитных ресурсов [Зайцев 2018].

Наряду с прямыми негативными последствиями экономических санкций стоит выделить также косвенные, которые заключаются в росте неопределенности и недоверия во внешнеэкономических связях России с другими государствами. Следует отметить, что механизмы сотрудничества в сферах, не затронутых санкциями, также подверглись негативному влиянию: произошло сокращение числа иностранных компаний и проектов, ориентированных на сотрудничество с Россией.

Таким образом, общий итог негативных последствий экономических санкций в отношении России выражается в терминах спада и упущенного роста экономики и составляет около 2,4–2,8% ВВП. Это довольно значимые потери, но не катастрофичные, поэтому вряд ли можно говорить о влиянии как на общий потенциал российской экономики, так и на возможности достижения внешнеполитических целей [Тимофеев, Махмутов 2018].

Решение проблемы санкционного противостояния должно учитывать два важных обстоятельства. Во-первых, в среднесрочной перспективе (три-пять лет) никто из главных участников данного противостояния (США, ЕС и РФ) не способен оказать влияние на внешнеполитический курс своих противников посредством экономических инструментов. Известный принцип санкционной политики «ущерб-результат» не срабатывает ввиду того, что экономические потери от санкционного противостояния очевидны, а возможность пересмотра сторонами своего внешнеполитического курса на нанесение ущерба практически отсутствует. Во-вторых, способность России нанести симметричный санкционный удар по США значительно ограничена, так как это в большей степени негативно отразится на российских компаниях в их сотрудничестве с американскими партнерами.

При этом все больше политиков в Европе говорят о неэффективности и даже вреде санкций – прежде всего для экономик самих европейских стран. Такие голоса раздаются в Австрии, в Италии, в Чехии и т.п. Однако возникает вопрос: почему на встречах в Брюсселе представители этих стран покорно голосуют за продление антироссийских мер? Члены Европейского союза очень тесно связаны друг с другом разными обязательствами. По меньшей

мере пять-шесть стран заявляют о невыгодном для них характере введенных против России экономических санкций. Однако голосовать за их отмену, вопреки общей позиции ЕС, они не решаются. В особенности сейчас, когда начинает работу новая Европейская комиссия и полным ходом идут переговоры по новому бюджету на 2020–2021 гг. Любую страну – члена ЕС в первую очередь волнует тема финансирования, поэтому фрондировать по российскому вопросу, рискуя испортить отношения с основными донорами – Германией или Францией и потерять свои субсидии, ни одна страна ЕС не станет.

P.S. Работа над этой статьей была завершена в феврале 2020 г., за месяц до того, как вспышка коронавируса COVID-19 в Китае в декабре 2019 г. переросла в пандемию в марте 2020 г. и за пять месяцев охватила 210 стран. Пандемия COVID-19 повлекла за собой катастрофические последствия (на 31 мая 2020 г., по данным РИА Новости, заболевших – 6,3 млн человек, смертей – более 370 тыс. человек), которые в начале года никто не мог спрогнозировать.

Пандемия вызвала не только серьезные человеческие потери во всем мире и кризис здравоохранения, но и значительным образом оказывает негативное влияние на экономическую деятельность стран мира, мировую торговлю, на развитие международного бизнеса. Согласно прогнозам МВФ, в результате пандемии, мировая экономика сократится в среднем на 3% в 2020 г., что намного хуже, чем во время финансового кризиса 2008–2009 гг. Причем сокращение ВВП в Еврозоне ожидается примерно на 7,5%, а в России на 5,5%. В настоящее время ведущие экономисты России высказывают серьезную обеспокоенность по поводу последствий пандемии COVID-19 для экономики страны. Их оценки говорят о возможном снижении ВВП страны на 10–20% в случае негативного сценария, а также прогнозируется, что цена на нефть в 2020 г. не превысит отметки в 25 долл. за баррель. На экономику Российской Федерации с февраля-марта 2020 г. практически одновременно оказали влияние ряд негативных факторов, к которым относятся распространение коронавируса, падение цен на нефть и усиление волатильности курса рубля. В отечественной экономике есть ряд пострадавших отраслей, но есть и ряд отраслей, которые потенциально имеют возможность развиваться на фоне пандемии и самоизоляции граждан. Так, например, к «проигравшим» отраслям относятся: транспортно-логистическая инфраструктура, внешняя торговля, туризм, гостиницы и рестораны, офлайн-сервисы услуг (парикмахерские, салоны красоты, кино, фитнес и т.д.), а к открывшим новые возможности относятся: локальная e-commerce, онлайн-развлечения, фармацевтический сектор, ИТ-сектор и некоторые продуктово-розничные торговые сети, например X5 Retail Group, которые успели отрегулировать систему бесконтактной оплаты и доставки продуктов.

В результате развития эпидемии национальной экономике России предстоит столкнуться и со многими другими вызовами. Так, например, серьезно пострадал сектор малого и среднего бизнеса. Многим предприятиям пришлось начать процедуру банкротства и увольнять наемных сотрудников. По прогнозам председателя Счетной палаты А.Л. Кудрина, «в период этого кризиса в России с 2,5 млн до 8 млн увеличится число безработных» [Кудрин предупредил о росте числа безработных 2020]. В данный момент никто не может точно утверждать, как долго будет распространяться и развиваться пандемия нового коронавируса, сколько еще жизней она унесет и каковы будут ее последствия. Невозможно провести точный анализ и рассчитать урон, который будет нанесен экономике России.

Появление новой глобальной проблемы – пандемии COVID-19 – должно было побудить все страны мира к оказанию взаимной помощи и поддержки. Последствия пандемии, по оценкам экспертов, приведут к серьезнейшим последствиям для мировой экономики. Согласно прогнозам, ущерб будет больше, чем от мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Хотя в апреле этого года в Генеральной Ассамблее ООН и появились заявления о необходимой кооперации стран, конкретных мер и предложений по оказанию взаимной помощи не последовало. Россия подала резолюцию, в которой предложила снять все односторонние санкции, но предложение заблокировали США, ЕС, Великобритания, Украина и Грузия. Эти страны не готовы отодвинуть свои национальные интересы на второй план даже перед глобальным бедствием современности.

Библиография

Аудит нацелей и нацпроектов // Счетная палата РФ. Официальный сайт. 2020. URL: <http://www.ach.gov.ru/audit-national/> (дата обращения: 06.02.2020).

Выступление В.В. Путина на 11-м инвестиционном форуме ВТБ Капитал «Россия зовет!» 20.11.2019 г. // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-vladimira-putina-na-investicionnom-forume-rossija-zovyot-20-11-2019.html> (дата обращения: 10.02.2020).

«Газпром» назвал сроки запуска «Северного потока-2» // РБК. 2020. 11 февр. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/02/2020/5e42cb0e9a794747787058c5> (дата обращения: 06.02.2020).

Доля несырьевого неэнергетического экспорта России выросла до 38,2% // Российский экспортный центр. 2020. URL: <https://www.exportcenter.ru/news-letter/dolya-nesyrevegoneenergeticheskogo-eksporta-rossii-vyroslo-do-38-2/> (дата обращения: 06.02.2020).

Зайцев Ю.К. Воздействие санкционного режима на прямые иностранные инвестиции в Российской Федерации // Вестник РУДН. 2018. Серия: Экономика. № 4. С. 760–772.

Иноземцев В. Никакой ловушки: почему Россия осталась страной со средними доходами // РБК. 2019. 06 нояб. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/06/11/2019/5dc137119a7947b13b6ec496> (дата обращения: 06.02.2020).

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от

17 ноября 2008 г. № 1662-р. // Правительство России. Официальный сайт. URL: <http://government.ru/info/6217/> (дата обращения: 06.02.2020).

Кудрин предупредил о росте числа безработных в России в три раза // РБК. 2020. 13 апр. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/04/2020/5e9425fa9a794785f7eee788> (дата обращения: 22.04.2020).

Кузнецова Г., Цедилин Л. Стимулирование несырьевого экспорта: международный опыт и российская практика // МЭиМО. 2018. № 5. С. 72–79.

Липсиц И. Кому выгодна новая распродажа государственной собственности? // Аргументы и факты. 2020. № 3. 17 января. URL: https://aif.ru/money/economy/komu_vygodna_novaya_gasprodazha_gossobstvennosti (дата обращения: 06.02.2020).

Макиенко К. Обошел ли Китай Россию по торговле оружием? // Аргументы и факты. 2020. № 5. 29 янв. URL: https://aif.ru/money/economy/oboshyol_li_kitay_rossiyu_po_torgovle_oruzhiem (дата обращения: 06.02.2020).

Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены // АЛБМАНАХ-2019. М.: ВЦИОМ, 2019. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/books/Almanac_2019_book_2print_color.pdf (дата обращения: 06.02.2020).

Основные параметры прогноза социально-экономического развития на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов // Минэкономразвития РФ. Официальный сайт. 2020. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/osnovnye_parametry_proгноza_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_na_2020_god_i_na_planovyy_period_2021_i_2022_godov.html (дата обращения: 06.02.2020).

Послание Президента Федеральному Собранию 15 января 2020 года // Президент России. Официальный сайт. 2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 10.02.2020).

Тимофеев И., Махмутов Т. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты // Российский совет по Международным делам. Официальный сайт. 2018. URL: https://russiancouncil.ru/library/library_rsm/politika-sanktsiy-tseli-strategii-instrumenty/ (дата обращения: 06.02.2020).

Товарная структура экспорта // ФТС РФ. Официальный сайт. 2020. URL: <http://customs.ru/folder/519> (дата обращения: 06.02.2020).

Федеральный закон от 02.12.2019 № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» // Министерство финансов РФ. Официальный сайт. 2020. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=129199-federalnyi_zakon_ot_02.12.2019_380-fz_o_federalnom_byudzhete_na_2020_god_i_na_planovyi_period_2021_i_2022_godov (дата обращения: 06.02.2020).

Филлипов О. Зачем Россия покупает американские гособлигации // Аргументы и факты. 2019. № 52. 25. дек. URL: https://aif.ru/money/economy/zachem_rossiya_pokupaet_amerikanskie_gosobligacii (дата обращения: 06.02.2020).

Шигарева Ю., Макурин А., Деревяшкина Е., Новицкий С., Плахова Н., Пономарёв Ф., Шнайдер М. «Пашем, а в кошельке пусто». Достигнут ли зарплаты человеческого размера? // Аргументы и факты. 2020. № 3. 15 янв. URL: https://aif.ru/money/mymoney/dooptimizirovalis_kogda_zhe_zarplaty_dostignut_chelovecheskogo_razmera (дата обращения: 06.02.2020).

Хинштейн А. Сколько миллиардов воруют из бюджета? // Аргументы и факты. 2020. № 4. 22 января. URL: https://aif.ru/society/law/skolko_milliardov_voruyut_iz_byudzheta (дата обращения: 06.02.2020).

Широв А.А. Макроэкономический прогноз и стратегическое управление экономикой // Бюджет. 2019. Т. 193. № 1. С. 75–79.

Oil 2019 // IEA: International Energy Agency. 2020. URL: <https://www.iea.org/reports/market-report-series-oil-2019> (дата обращения: 06.02.2020).

References

- Audit naczcelej i naczproektov [Audit of national goals and national projects]. Accounts Chamber of the Russian Federation. Official Website. 2020 (date of access: 06.02.2020). (In Russ.)
- Dolya nesy'r'evogo nee'nergeticheskogo e'ksporta Rossii vy'roslo do 38,2% [The share of non-primary non-energy exports of Russia rose to 38,2%. Russian Export Center. 2020. URL: <https://www.exportcenter.ru/news-letter/dolya-nesyrevogo-neenergeticheskogo-eksporta-rossii-vyroslo-do-38-2/> (date of access: 06.02.2020). (In Russ.)
- «Gazprom» nazval sroki zapuska «Severnogo potoka-2» [Gazprom announced the launch date for Nord Stream-2]. RBK. 2020. 11 February. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/02/2020/5e42cb0e9a794747787058c5> (date of access: 02.06.2020). (In Russ.)
- Hinshtein A. Skol'ko milliardov voruyut iz byudzheta? [How many billions are stolen from the budget?]. Argumenty i Fakty. 2020. No. 4. Jan. 22. URL: https://aif.ru/society/law/skolko_milliardov_voruyut_iz_byudzheta (date of access: 02.06.2020). (In Russ.)
- Inozemcev V. Nikakoj lovushki: pochemu Rossiya ostalas' stranoy so srednimi doxodam [No trap: why Russia has remained a country with average incomes]. RBK. 2019. Nov. 06. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/06/11/2019/5dc137119a7947b13b6ec496> (date of access: 06.02.2020). (In Russ.)
- Koncepciya dolgosrochnogo social'no-e'konomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda: utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 17 noyabrya 2008 g. N 1662-r. [The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2020: approved by order of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 N 1662-r.]. Government of the Russian Federation. Official Website. URL: <http://government.ru/info/6217/> (date of access: 02.06.2020). (In Russ.)
- Kudrin predupredil o roste chisla bezrabotny'x v Rossii v tri raza [Kudrin warned of a threefold increase in the number of unemployed in Russia]. RBK. 2020. 2020. 13 Apr. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/04/2020/5e9425fa9a794785f7eee788> (date of access: 04.22.2020). (In Russ.)
- Kuzneczova G., Cedilin L. Stimulirovanie nesy'r'evogo e'ksporta: mezhdunarodny'j opyt i rossijskaya praktika [Stimulation of non-resource exports: international experience and Russian practice] MEiMO. 2018. No 5. P. 72–79. (In Russ.)
- Lipsicz I. Komu vy'godna novaya rasprodazha gosudarstvennoj sobstvennosti? [Who benefits from the new sale of state property?]. Arguments and Facts. N 3. 2020. Jan. 17. URL: https://aif.ru/money/economy/komu_vygodna_novaya_rasprodazha_gossobstvennosti (date of access: 02.06.2020). (In Russ.)
- Makienko K. Oboshyol li Kitaj Rossiyu po trgovle oruzhiem? [Has China Bypassed Russia in Arms Trade?]. Arguments and Facts. No 5. 2020. Jan. 29. URL: https://aif.ru/money/economy/oboshyol_li_kitaj_rossiyu_po_torgovle_oruzhiem (date of access: 02.06.2020). (In Russ.)
- Monitoring obshhestvennogo mneniya. E'konomicheskie i social'ny'e peremeny' [Monitoring of public opinion. Economic and social changes]. Moscow: VCIOM, 2019. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/books/Almanac2019_book_2print_color.pdf (date of access: 06.02.2020). (In Russ.)
- Oil 2019 // IEA: International Energy Agency. 2020. URL: <https://www.iea.org/reports/market-report-series-oil-2019> URL: <https://www.iea.org/reports/market-report-series-oil-2019> (date of access: 02.06.2020).
- Osnovny'e parametry' prognoza social'no-e'konomicheskogo razvitiya na 2020 god i na planovy'j period 2021 i 2022 godov [The main parameters of the forecast of socio-economic development for 2020 and for the planning period 2021 and 2022]. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Official Website. 2020. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/osnovnye_parametry_prognoza_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_na_2020_god_i_na_planovyj_period_2021_i_2022_godov.html (date of access: 06.02.2020). (In Russ.)

Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 15 yanvarya 2020 goda [Message from the President to the Federal Assembly on January 15, 2020]. President of Russia. Official Website. 2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (date of access: 10.02.2020). (In Russ.)

Shigareva Yu., Makurin A., Derevyashkina E., Noviczkiy S., Plaxova N., Ponomaryov F., Shnajder M. «Pashem, a v koshel'ke pusto». Dostignut li zarplaty`chelovecheskogo razmera? [«We work and the wallet's empty». Will human-sized wages be achieved?]. Arguments and Facts. No. 3. Jan. 15. URL: https://aif.ru/money/mymoney/dooptimizirovalis_kogda_zhe_zarplaty_dostignut_chelovecheskogo_razmera (date of access: 06.02.2020). (In Russ.)

Shirov A.A. Makroe`konomicheskij prognoz i strategicheskoe upravlenie e`konomikoj [Macroeconomic forecast and strategic management of the economy]. Budget. 2019. Vol. 193. No. 1. P. 75–79.

Timofeev I., Maxmutov T. Politika sankcij: celi, strategii, instrumenty` [The policy of sanctions: goals, strategies, tools]. Russian Council on Foreign Affairs. Official Website. 2018. URL: https://russiancouncil.ru/library/library_rsmd/politika-sanktsiy-tseli-strategii-instrumenty/ (date of access: 06.02.2020). (In Russ.)

Tovarnaya struktura e`ksporta [Commodity structure of exports]. FCS of the Russian Federation. Official Website. 2020. URL: <http://customs.ru/folder/519> (date of access: 02.06.2020). (In Russ.)

Vy`stuplenie V.V. Putina na 11 investicionnom forume VTB Kapital «Rossiya zovet!» 20.11.2019 g. [Speech by VV Putin at the 11th VTB Capital Investment Forum «Russia is Calling!» November 20, 2019]. President of Russia. Official Website. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystupleniya-vladimira-putina-na-investicionnom-forume-rossija-zovyot-20-11-2019.html> (date of access: 10.02.2020). (In Russ.)

Zajcev Yu.K. Vozdejstvie sankcionnogo rezhima na pryamy`e inostranny`e investicii v Rossijskoj Federacii [The impact of the sanctions regime on foreign direct investment in the Russian Federation]. Vestnik RUDN. 2018. Series: Economics. N 4. P. 760–772. (In Russ.)

О.Н. Новикова

ПОСЛЕ «ХАЛИФАТА». УГРОЗЫ ТЕРРОРИЗМА В ЕВРОПЕ

***Аннотация.** После военного поражения «Исламского государства»¹ его филиалы и сторонники пытаются проводить операции за пределами Сирии и Ирака. В свою очередь «Аль-Каида»² проявила жизнестойкость и по-прежнему является серьезной угрозой для европейских стран, особенно для их интересов за рубежом. Благодаря широкомасштабным контртеррористическим мероприятиям в Европе были пресечены крупные нападения террористов, однако самоподжиги и вооруженные нападения на гражданские незащищенные цели, вдохновленные или организованные ИГИЛ, очевидно, будут продолжаться. Изменив тактику, террористы используют ножи, стрелковое оружие, примитивные самодельные взрывные устройства, грузовики для убийства пешеходов. ИГИЛ привлекло иностранных боевиков, в том числе из Европы, и они по-прежнему будут представлять значительную угрозу для европейских государств. После основания «халифата» пугающе большое число европейских граждан и постоянно проживающих в Европе направились в Сирию и Ирак. Позднее Европу накрыла волна возвращающихся иностранных боевиков-террористов, одни разочаровавшиеся, другие – с целью осуществления нападений в Европе. В статье уделяется внимание подходам Франции, Германии и Великобритании к репатриантам из Сирии и Ирака. Но особо отмечается, что потенциальную угрозу, связанную с возвращением иностранных боевиков-террористов, не нужно преувеличивать, возвращение иностранных боевиков привело к секьюритизации проблемы. Между тем идеология ИГИЛ все еще вдохновляет своих приверженцев в Европе. Развитие технологий, вероятно, поможет террористам вести пропаганду, собирать финансовые средства, вербовать новых членов, проводить кампании по дезинформации, планировать и организовывать нападения. Террористы-одиночки, вероятно, будут продолжать спорадически осуществлять теракты. Как показано в статье, на террористов оказывают неоднозначное влияние транснациональные диаспоры. Подчеркнуто, что террористические нападения в Европе были спровоцированы военными операциями, проводимыми европейскими государствами за границей.*

1. Деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации.

2. Деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: ИГИЛ; иностранные боевики-террористы; транснациональные диаспоры; террористы-одиночки; репатрианты.

Новикова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук,
зав. отделом Европы и Америки, Институт научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Россия, Москва.
E-mail: inionnovikovagmail.com

Novikova O.N. Post-«Caliphate». Terror Threats in Europe

Abstract. *After the military defeat of the Islamic State, its branches and grassroots supporters attempt to conduct operations beyond Syria and Iraq. Al Qaeda, for its part, is resilient and remains a serious threat to the European countries, especially to their interests overseas. Massive counterterrorism operations in Europe curbed large-scale attacks but suicide bombings and armed assaults against soft, civilian targets, inspired or organized by IS are likely to continue. The terrorists changed the tactics. Now they use knives, small arms, rudimentary improvised explosive devices, trucks to kill pedestrians. The IS also drew in foreign fighters, including some from Europe and they will still pose a significant threat on the continent. Alarming large number of citizens and residents of the European states have traveled to Syria and Iraq. Later there has been a wave of return of the foreign fighters, some disillusioned, others – with plans to carry out attacks in Europe. The article draws our attention to the policy approaches of France, Germany and Great Britain towards returnees from Syria and Iraq. It is specially noted, that the potential threat posed by returning FFs should not be overly exaggerated. The returning FFs has encouraged a reactive securitization of the problem. It is reported in the article that the IS possesses an ideology that still has followers and inspired individuals in Europe. The development of technology will likely help terrorists to distribute propaganda, raise funds, recruit new members, conduct disinformation campaigns, plan and orchestrate attacks. Lone-wolf terrorists are likely to continue perpetrating sporadic attacks. It is shown in the article that transnational diaspora communities ambiguously affect the affiliated terrorists. The article goes on to say that that terrorist attacks in Europe were inspired by military campaigns abroad, led by the European states.*

Keywords: *IS; foreign fighters; transnational diaspora communities; lone-wolf terrorists; returnees.*

Novikova Olga Nikolayevna – Candidate of Historical Sciences,
Head of the Department of Europe and America,
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Russia, Moscow.
E-mail: inionnovikovagmail.com

**ИГИЛ и «Аль-Каида» –
все еще главные угрозы терроризма в Европе**

Исламистские организации выбрали Европу для проведения актов уст-
рашения еще в середине 1990-х годов, когда вооруженная исламская группа
провела серию терактов во Франции. В 2000-х годах инициатива проведения
террористических нападений перешла к «Аль-Каиде». Раздались взрывы
в Париже и Лондоне. В 2014 г. заявило о себе «исламское государство Ирака
и Леванта» (ИГИЛ). Начиная с 2014 г. и вплоть до 2018 г. террористические
атаки были так или иначе связаны с «исламским государством», но в соответ-
ствии с данными Европола, в 2018 г. число предотвращенных, неудачных и
реализованных джихадистских нападений значительно уменьшилось по
сравнению с 2017 г. [European Union terrorism 2019, p. 14]. Это было связано
с военным поражением, которое потерпело «исламское государство», но не
только. Дело в том что в статистике, отражающей количество террористиче-
ских нападений, довольно часто указываются лишь состоявшиеся теракты и
не отражаются те, которые были предотвращены спецслужбами. Если же
учитывать их, то выяснится, что, например, в 2018 г. на территории Западной
Европы терактов было больше, чем в любом году до 2015 г. [Nesser 2019 a,
p. 16]. К тому же некоторые предотвращенные теракты были крупными,
с применением взрывчатых веществ и автоматического оружия, например
в Нидерландах осенью 2018 г. [Netherlands police 2018]. Число предотвра-
щенных терактов сейчас зачастую превосходит число реализованных. Связа-
но это с тем, что насильственный экстремизм на религиозной почве в послед-
ние годы находится в центре внимания западных спецслужб, поэтому
значительное количество потенциально масштабных терактов с большим
числом жертв было предотвращено или сорвано. В то же время относительно
высокие показатели предотвращения терактов спецслужбы объясняют тем,
что после военного поражения ИГИЛ испытывает трудности с заброской
своих боевиков в Европу, и теракты стали осуществлять живущие в европей-
ских странах граждане, разделяющие идеологию джихадистов. Но они не
имеют соответствующего опыта, и их операции срываются спецслужбами на
стадии подготовки. Эффективность работы спецслужб, т.е. количество предот-
вращенных терактов меняет наше представление об активности террористов
в той или иной стране. На первый взгляд, Франция представляется самой час-
той целью террористов. Напрашивается вывод о неэффективности и, возмож-
но, ошибочности модели интеграции мусульман во французское общество,
модели, основанной на ассимиляции. Однако выясняется, что высокий уро-
вень террористической угрозы связан также и с тем, что Франция лишь более
уязвимая цель, там предотвращаются только 41% терактов, в то время как
в Великобритании – 74% [Nesser 2019].

После военного поражения ИГИЛ встает вопрос, какая организация представляет для Европы большую опасность: ИГИЛ или «Аль-Каида»? В документах ООН 2019 и 2020 гг. указывается, что «исламское государство» продолжает оставаться главной структурой, инспирирующей исламский терроризм в Европе [Двадцать третий доклад 2019; Двадцать четвертый доклад 2019; Двадцать пятый доклад 2020]. Преступники или действуют под его идеологическим влиянием, или связаны с его сетями в Европе, в том числе по Интернету. Прием ИГИЛ инициирует не только мелкие нападения, но и крупномасштабные террористические акты.

Потерпев военное поражение, ИГИЛ было уже не в состоянии вести активную пропаганду, которая была довольно «успешной», пока велись интенсивные боевые действия. Теперь же исламистский проект опирается на множество проигиловских СМИ, ведущих пропаганду не из зоны вооруженного конфликта, как ранее, а из «аутлетов». Эти СМИ принадлежат не собственно ИГИЛ, а их сторонникам. «Аутлеты» ИГИЛ, в попытке поддержать «бренд» ИГИЛ, демонстрируют свою сплоченность, проводя общие кампании в телеграмм-канале. Еще одно мероприятие – выпуски журнала «Молодежь Халифата», спонсируемые Абдель-аль-Факир Фаундейшн. Однако СМИ, поддерживающие ИГИЛ, все же испытывают трудности и вынуждены были публиковать старые материалы. Так, в 2018 г. в этих СМИ были размещены материалы, относящиеся к 2016 г., например речи бывшего пресс-секретаря ИГИЛ Абу Мохаммада аль-Аднани.

Что же касается «Аль-Каиды», то эта террористическая организация продолжает публиковать свои материалы на регулярной основе. «Аль-Каида» сейчас пытается самостоятельно себя позиционировать, подчеркивает прагматичность своих нынешних подходов, сконцентрировавшись не на глобальном джихаде, а на текущих проблемах. Ограничения «Аль-Каиды» в планировании международных операций связаны как с военным давлением на организацию, так и с нежеланием в настоящее время выделять ресурсы на такого рода деятельность. Эта организация стала в большей мере опираться на свои первичные ячейки, ее обличительные речи в отношении Запада стали более нюансированными, хотя они по-прежнему отождествляют «крестоносцев» с «христианами». Но если раньше пропаганда «Аль-Каиды» концентрировалась на обличении вырождения западной культуры в целом, то сейчас акцент сделан на разоблачении несправедливой и хищнической политики западных правительств. Лидеры этой организации призывают к джихаду в Африке, к борьбе с «захватнической» политикой западных стран. В действительности в Сахеле, Сомали, Йемене и на северо-западе Сирийской Арабской Республики организации, аффилированные с «Аль-Каидой» сильнее, чем ИГИЛ [Двадцать пятый доклад 2020, с. 8]. Документ ООН делает вывод, что

«Аль-Каида» сохраняет жизнеспособность и представляет собой растущую угрозу [Двадцать пятый доклад 2020, с. 8].

Иностранные боевики-террористы – реальная угроза для безопасности Европы

Если говорить об общем количестве иностранных боевиков-террористов, вступивших в отряды ИГИЛ, то их насчитывалось приблизительно 40 000 человек. Считается, что 25% из них погибли, 15% пропали без вести. Значит, от 24 тыс. до 30 тыс. боевиков еще живы и представляют реальную угрозу [Двадцать четвертый доклад 2019, с. 25], притом несопоставимо большую, чем иностранные боевики-террористы, связанные с «Аль-Каидой» после 2002 г. Известно, что из Европы в Сирию и Ирак прибыли до 6 тыс. боевиков-террористов. Предполагается, что из них 75% стали воевать на стороне ИГИЛ. Около 40% из них погибли, а 10–15% попали в места заключения в разных странах мира. Считается, что 10–15% ИБТ – это перемещающиеся боевики (relocators), а 30–40% – возвращающиеся (returnees) в Европу [Двадцать четвертый доклад 2019, с. 17]. Возвратившиеся из Сирии и Ирака боевики, обладая военным опытом и авторитетом, вполне могут быть инструкторами и организаторами террористических операций в странах их постоянного проживания на территории Европы. Особую опасность представляют те из них, кто страдает посттравматическим синдромом. После военного разгрома ИГИЛ считалось, что самую большую потенциальную угрозу представляют террористы, возвратившиеся в Европу из зон конфликтов. Парадоксально, но не меньшая угроза исходит и от тех добровольцев, поездку которых в зоны конфликтов удалось предотвратить; они вполне могут вести террористическую деятельность в Европе. Существует еще угроза противоположного свойства. Хотя только немногие из возвратившихся из зон конфликтов могут быть вовлечены в террористическую деятельность, страх перед ними может мешать усилиям властей по интеграции бывших боевиков в общество, что может способствовать их дальнейшей радикализации.

Впервые в зоне конфликтов в мусульманских странах значительную долю добровольцев-иностранцев составляли граждане европейских стран, которые или принимали непосредственное участие в вооруженной борьбе, или обеспечивали логистическую поддержку. Европа пережила несколько волн возвращающихся из зон боевых действий. Первая волна приходится на весну 2013 г. Возвращались те, кто был разочарован тем, что там происходило. Спецслужбы только пытались разобраться в мотивации рекрутов и в том, что происходит на территориях, подконтрольных террористическим организациям. Реакция местных властей в европейских странах отличалась осторожностью и снисходительностью. Вторая волна репатриантов накрыла Европу летом

2014 г. и особенно в 2015 г. Террористы, которые оставались в зонах боевых действий в течение долгого времени, иногда годами, совершали там убийства, привыкли к проявлению крайнего насилия. Их мотивация для возвращения отличалась от мотивации первых волн репатриантов, которые покидали халифат в период его относительного благополучия. Решение второй волны репатриантов возвратиться основано не на разочаровании в идеологии и практике джихадизма, а на желании выжить в условиях деградации халифата. Эти бойцы, похоже, не откажутся от своей идеологии и от насильственных действий.

Политика властей европейских государств заметно ужесточилась, когда пришло понимание, что «возвращенцы» включились в организацию террористических нападений на территории Европы. Показательно нападение на Еврейский музей в Брюсселе, когда преступник специально вернулся из зоны конфликта для проведения теракта. Затем были террористические атаки в Париже.

Во время первых волн репатриантов женщины рассматривались как жертвы или как люди, занимавшиеся исключительно логистикой и считались в общем безобидными. Поэтому они не преследовались в судебном порядке. Потом пришло более четкое и более глубокое понимание роли, которую женщины играли во время конфликта. Женщины и несовершеннолетние дети вели разведывательную деятельность, работали связными, организовывали быт боевиков. Были изменены антитеррористические законы, предусматривающие ответственность за предоставление поддержки боевикам. С 2016 г. женщины стали преследоваться по закону наряду с мужчинами. Именно привлечение некомбатантов стало отличительной особенностью данного проекта рекрутирования иностранных боевиков. Европейцам непостижимым кажется тот факт, что под знамена халифата встали женщины, жившие в Европе, хотя считается, что в исламском государстве права женщин жестко ограничены по сравнению с их правами в Европе. Тем не менее каждый пятый доброволец в халифате – это женщина. В лагере беженцев аль-Холь весной 2019 г. находились 73 тыс. человек, 94% из них женщины и дети [В лагере 2019]. Неожиданным для европейцев оказался факт наличия на территории халифата большого числа несовершеннолетних. Потенциальной угрозой можно считать возможное существование «спящих ячеек» в переполненных лагерях беженцев.

Еще одна угроза – это выход на авансцену европейского терроризма террористов-одиночек

С 2006 до начала 2015 г. 70% всех убийств в результате террористической активности были осуществлены террористами-одиночками. Остальные

не идентифицированы или осуществлены группами более трех человек [Global Terrorism 2015, p. 5]. В целом на Западе до начала 2015 г. 80% террористов-одиночек были причислены к правым экстремистам, националистам, антиправительственным элементам и носителям других форм политического экстремизма, а не к экстремизму с религиозными корнями [Global Terrorism 2015, p. 3]. Необходимо отметить, что предотвратить нападения террористов-одиночек значительно труднее, чем групповые нападения. Террористы-одиночки используют самое примитивное оружие, главным образом ножи. Они сейчас значительно меньше чем ранее используют взрывные устройства, подготовка к изготовлению которых могла бы вызвать подозрение полиции. Террористы-одиночки часто просто угоняют грузовики для совершения наездов на пешеходов. Было выявлено, что в период с 2014 по 2016 г. число нападений террористов-одиночек приблизительно равнялось терактам, совершенным преступными группами [Nesser, Stenersen 2016]. В 2018 г. все нападения джихадистов были осуществлены в Европе «одинокими волками», а не группами (хотя и редко в полной изоляции) [European Union terrorism 2019, p. 32]. Естественно, что усилия спецслужб направлены прежде всего на выявление и предотвращение терактов организованных групп, поскольку они, как правило, имеют более разрушительные последствия. Установлено, что из нападений террористов-одиночек не предотвращено было 57%, а из групповых нападений – всего 26% [European Union terrorism 2019, p. 32].

Терроризм и диаспоры

Рассуждая о причинах устойчивого существования террористической угрозы в Европе, нужно также указать на проблемы интеграции мигрантов в европейское общество. В условиях сегрегации и исключения из европейского общества они вполне могут выбрать путь, который, как они полагают, поможет им сохранить достоинство и уважение. Они могут отвергнуть гражданскую идентичность и искать другую – в религии. Они объединяются в анклавах, и здесь риск радикализации высок [Hekmatpour, Burns 2019, p. 2157–2158].

Существует целый массив исследований, посвященных диаспорам в Европе, в частности мусульманским. Но они не освещают такой важный вопрос, как связь диаспор с проблемами терроризма. Интересная разработка этой темы принадлежит американским авторам Дж. Пьяцца и Г. ЛаФри. Результаты их исследований позволяют сделать вывод о том, что террористические нападения, осуществленные религиозно мотивированными преступниками, сопровождаются большим числом жертв, но авторы не подтверждают гипотезу о том, что нападения исламистов отличаются самыми большими жертвами. Исследователи также пришли к заключению, что исламистские группы,

связанные с диаспорами, менее жестоки в своей деятельности. Выяснилось, что в последние 50 лет усилия диаспор были направлены на то, чтобы снизить уровень насилия при осуществлении нападений с религиозной мотивацией. Очевидно, что террористы исламистского толка, происходящие из диаспор, опасались возможной ответной реакции государства в отношении диаспор после проведения насильственных действий неизбирательного характера [Piazza, LaFree 2019].

Было подмечено, что террористические организации, пользующиеся поддержкой диаспоры из-за рубежа, долговечнее, чем те, которые связаны с местными родственными этническими группами, живущими не диаспорой, а разрозненно. Притом наилучшим образом выживают те террористические организации, которым их диаспоры обеспечивают материальную поддержку в виде оружия или финансовых вливаний, поскольку это несколько сокращает асимметрию в распределении сил между государством и террористической организацией. Вопреки ожиданиям, предоставление диаспорами *политической* поддержки, что встречается, кстати, нечасто, не оказывает большого влияния на продолжительность и успешность существования террористической организации. Возможно, это связано с тем, что оказание политической поддержки влияет не прямым образом, а опосредованно. И все же, поддерживая цели террористической организации политическими и пропагандистскими методами, диаспора обращает внимание общества на поднятые проблемы и пытается вызвать симпатию у части людей, что может повлечь за собой увеличение финансирования со стороны диаспоры, а это продлит существование террористической организации. Необходимо отметить, что если террористической организации обеспечивается поддержка какого-либо государства, то это уменьшает шансы на прекращение деятельности этой организации на 38–39% [Piazza 2018]. Но если какое-либо государство предоставляет «тихую гавань» для террористической организации, это не способствует выживанию данной организации, как доказывает в своей работе Д. Картер, доцент Университета Вашингтона в Сент-Луисе [Carter 2012, p. 149]. Объясняется это тем, что убежища террористов, скорее всего, будут уничтожены полицейскими или вооруженными силами.

Довольно высокие проценты выживаемости и устойчивости демонстрируют террористические организации религиозного толка и те, которые выдвигают территориальные требования. Однако если террористические организации функционируют в странах с высоким ВВП на душу населения или там, где государства в состоянии мобилизовать значительные контртеррористические ресурсы, существует реальная перспектива прекращения деятельности террористической организации [Piazza 2018]. В то же время очевидно, что если террористическая организация имеет внешнюю материальную поддержку от диаспоры, маловероятно, что она прекратит свое существование

путем участия в политическом процессе, особенно в условиях слабой государственной власти.

В каких странах Европы террористические угрозы больше и почему

Итак, угроза терроризма связана с проблемами диаспор. А связаны ли террористические угрозы с беженцами и с уровнем миграции? Можно предположить, что чем выше уровень миграции, тем больше угроза. Однако если мы будем исходить из уровня иммиграции в Европу из стран с мусульманским большинством, то можно было бы ожидать, что самая большая активность террористов должна наблюдаться в Италии и Швеции, но это не так.

Может быть, решающее значение имеет модель интеграционной политики? Но у Великобритании и Франции, стран с самым высоким уровнем террористической угрозы в Европе, интеграционные модели в корне различаются. Во Франции упор сделан на ассимиляцию мигрантов, а в Великобритании была введена политика мультикультурализма.

Что касается этих двух государств, то можно утверждать, что особенно высокий уровень террористической угрозы здесь связан с вооруженными интервенциями этих стран на Ближнем и Среднем Востоке. К возмездию за них призывали лидеры как «Аль-Каиды», так и ИГИЛ, и такое возмездие террористы считали справедливым и законным.

А как же с Германией? Она не столь активно участвовала в международных коалициях западных стран. Дело в том, что террористы ведут свою деятельность там, где у них есть для этого большие возможности. Именно в Германии террористические организации преуспели в рекрутировании значительного числа боевиков-террористов для ведения боевых действий в зонах конфликтов. Четыре из пяти граждан (81%), поехавших в Сирию, происходят из иммигрантских семей. В Гамбурге «Аль-Каиде» удалось создать тренировочную базу для образованных мусульман-иммигрантов, были созданы руководящие кадры для операции «Святой вторник» (11 сентября 2001 г.). Германия была превращена в базу для финансирования, индоктринации и вербовки террористов [Celso 2019, p. 25]. Создание халифата радикализировало значительную часть германских салафитов. И хотя поток добровольцев в зоны конфликтов в 2015 г. несколько замедлился, влияние джихадистской идеологии в Германии не ослабевало. В феврале 2016 г. руководитель Федерального ведомства по охране конституции (BfV) Ханс-Георг Маасен заявил, что в Германии 1600 салафитов, проповедующих насильственный экстремизм [Heinke 2017, p. 19]. Из Германии в Сирию воевать в качестве иностранных боевиков-террористов уехали 800 человек, среди них 20% женщин. И 96% из тех граждан Германии, кто поехал в Сирию, были связаны с салафитским

сообществом, пользующимся особым влиянием в некоторых городах и районах ФРГ. Отличие процесса радикализации германских граждан от особенностей радикализации в других странах заключалось в том, что он происходил не столько под влиянием исламистской пропаганды в Интернете, сколько под воздействием непосредственного салафитского окружения.

В Германии существует долгая процедура перед принятием решения о задержании заподозренного в терроризме лица. Сначала собираются доказательства того, что данное лицо точно участвовало в боевых действиях на территории Сирии и Ирака. Далее проводится сложная работа по выявлению, в какой именно террористической группировке этот человек состоял. Затем надо доказать, что данная организация является террористической. И только после этого принимается решение о задержании подозреваемого. Таким образом, сотни людей в Германии находятся под подозрением, за ними ведется наблюдение, но они не арестовываются. Такое осторожное поведение спецслужб связано с общей миграционной политикой А. Меркель.

Что касается Великобритании, то там с 2015 г. велась работа по противодействию поездок граждан Великобритании в Ирак и Сирию. Проводились встречи с отдельными гражданами и их семьями с целью убедить их отказаться от поездки. Дела передавались в суды по делам семьи, чтобы воспрепятствовать поездкам детей. Но наблюдается и другая тенденция. Всё же лица, замеченные в экстремизме, имеют в Великобритании легальное право покинуть страну, однако после отъезда их въезд обратно запрещен (министр внутренних дел воспользовался королевской прерогативой аннулировать паспорта отдельных лиц), у них будет отобран паспорт, и тогда они вынуждены будут ехать в какую-нибудь другую европейскую страну. Поскольку британцы не информируют о своих подозрениях в отношении этих лиц, получается, что «тихо выдавливая» людей с экстремистскими взглядами из своей страны, они игнорируют интересы своих европейских союзников.

Все эти меры привели к значительному уменьшению потока граждан европейских стран в зоны конфликтов. Однако они привели к непредвиденным побочным результатам. Резко возросло недовольство действиями властей тех, кто хотел поехать и не получил такую возможность, и это повлекло за собой рост угрозы со стороны оставшихся в Европе потенциальных террористов. Не стоит сбрасывать со счетов призывы лидеров ИГИЛ к своим сторонникам оставаться в Европе и совершать теракты там.

Интересно отметить неоднозначную политику европейских государств по отношению к *потенциальным* возвращенцам, т.е. тем их гражданам, которые все еще воюют в Сирии и Ираке. Очевидно, что все правительства не желали их возвращения. Премьер-министр Нидерландов однажды неосторожно высказался в том духе, что предпочел бы, чтобы боевики – граждане Голландии погибли на поле боя, а не возвратились на родину [Dutch 2015]. В Бельгии

и Германии поостереглись высказываться на сей счет. А что касается руководства Франции и Великобритании, то они распорядились прицельно уничтожать воюющих на стороне ИГИЛ граждан своих стран [Renard, Coolsaet 2018, p. 74]. Кроме того, власти европейских стран не предпринимали усилий для помощи или репатриации заключенных граждан своих стран, содержащихся в лагерях на территории Сирии и Ирака.

В целом страны Европы мобилизовались, чтобы встретить опасность со стороны «возвращенцев» из зон конфликтов. И со временем центр их внимания переместился на проблемы, связанные с возвращением из Сирии и Ирака детей³, а также на вопросы радикализации и вербовки террористов в тюрьмах. Потеряв свои основные территориальные завоевания, ИГИЛ стало в большей мере рассчитывать на своих *бывших* членов, включая тех, кто находится в заключении. Террористические сети стали появляться в европейских тюрьмах. Например, в октябре 2018 г. было выявлено, что 25 осужденных из 17 различных испанских тюрем образовали террористическую сеть. Одни были осуждены за преступления террористического характера, а другие оказались под стражей за уголовные преступления, но подверглись радикализации исламистского толка в тюрьме. Среди них один заключенный участвовал в теракте 11 марта 2004 г. в Мадриде, другие оказались репатриированными иностранными боевиками-террористами, а также новообращенными. В Италии также идет процесс радикализации мусульман в тюрьмах, растет число заключенных, демонстрирующих свою поддержку ИГИЛ, которая проявляется в угрозах сотрудникам охраны, провокациях и знаках неуважения по отношению к женскому тюремному персоналу и мусульманам умеренных убеждений [European Union terrorism 2019, p. 33].

Заключение

Опасность, исходящая от террористических ячеек в Европе, будет сохраняться. Ячейки могут быть организованы как доморощенными экстремистами, так и возвратившимися иностранными боевиками, которые, имея боевой опыт, могут работать не только исполнителями терактов, но и вербовщиками, а также инструкторами. Нужно отметить, что в эти ячейки могут входить не только маргинализированные индивиды европейского общества, но и благополучные люди, попавшие под влияние джихадистской пропаганды. Вербовка по-прежнему в основном будет происходить по Интернету и могут быть вовлечены граждане, которые были до этого вне поля зрения спецслужб.

Хотя в последние годы увеличилось количество нападений, осуществленных с помощью примитивных средств – ножей и пистолетов, – которые

3. Эти проблемы рассмотрены в статье: [Новикова 2019].

трудно выявлять и предотвращать, а также террористами-одиночками, это не может исключить будущее применение взрывчатых веществ при организации масштабных терактов.

Террористическая активность в Европе с разной степенью интенсивности будет продолжаться до тех пор, пока европейские государства ведут интервенционистскую политику на Ближнем и Среднем Востоке.

Большую тревогу у европейцев вызывает угроза захвата и применения террористами химического или бактериологического оружия. Ввозить его из-за рубежа представляется слишком сложной и трудновыполнимой задачей, а вот создать химическое отравляющее вещество из подручных материалов до сих пор кажется возможным. Как известно, германская полиция обнаружила химические вещества и другие ингредиенты для создания бомбы в центре для беженцев [Cafarella, Zhou 2017, p. 5]. Но в целом страхи в отношении захвата террористами оружия массового поражения оказались преувеличенными. Напротив, направленные на уничтожение символов «морального разложения Запада» вполне смогут сформировать новый тренд.

Многие прогнозы в отношении угрозы, исходящей от иностранных боевиков-террористов, не сбылись, и многие оценки европейских исследователей последних двух лет оказались алармистскими. Перемещение иностранных боевиков-террористов в другие места зависели от различных факторов: существующих террористических сетей, цели, сложности процесса перемещения, языка и культуры. В результате боевики перемещались в основном в рамках территорий Сирии и Ирака. В настоящее время незаметно, чтобы какие-то значительные группы иностранных боевиков-террористов покидали территории Сирии и Ирака и формировали новый «халифат». Однако участие европейских граждан в движении иностранных боевиков – долговременная тенденция и ее постоянное изучение – насущная необходимость.

Библиография

В лагере беженцев аль-Холь в Сирии находятся около 73 тысяч человек // РИА Новости. 2019. 17 мая. URL: <https://ria.ru/20190517/1553587282.html> (дата обращения: 2.03.2020).

Двадцать пятый доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, представленный во исполнение резолюции 2368 (2017) по ИГИЛ (ДАИШ), «Аль-Каиде» и связанным с ними лицам и организациям // Совет Безопасности ООН. S/2020/53, 2020. 20 January. 30 с. URL: <https://undocs.org/ru/S/2020/53> (дата обращения: 2.03.2020).

Двадцать третий доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, представленный во исполнение резолюции 2368 (2017) по ИГИЛ (ДАИШ), «Аль-Каиде» и связанным с ними лицам и организациям // Совет Безопасности ООН. S/2019/50, 2019. 15. Jan. 32 с. URL: <https://undocs.org/ru/S/2019/50> (дата обращения: 2.03.2020).

Двадцать четвертый доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, представленный во исполнение резолюции 2368 (2017) по ИГИЛ (ДАИШ), «Аль-

Каиде» и связанным с ними лицам и организациям // Совет Безопасности ООН. S/2019/570. 2019. 15 July. 33 с. URL: <https://undocs.org/ru/S/2019/570> (дата обращения: 2.03.2020).

Новикова О.Н. Дети халифата // Россия и современный мир. 2019. № 2. С. 141–158.

Cafarella J., Zhou J. ISIS'S expanding campaign in Europe // ISW: Institute for the Study of War. 2017. 18. Sep. 9 p. URL: <http://www.understandingwar.org/sites/default/files/ISIS%20in%20Europe%20Update%20September-2017.pdf> (дата обращения: 16.03.2020).

Carter D. A Blessing or a curse? State support for terrorist groups. International Organization. 2012. January. Vol. 66, Iss. 1. P. 129–151. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/international-organization/article/blessing-or-a-curse-state-support-for-terrorist-groups/E0A5E7C986897FD476AB89D1D14003B6> (дата обращения: 26.03.2020).

Celso A.N. The jihadist threat to Europe: From Al Qaeda to the Islamic state // International Journal of Political Science (IJPS). 2019. Vol. 5. Iss. 1. P. 22–40. URL: https://www.researchgate.net/publication/331592000_The_Jihadist_Threat_to_Europe_From_Al_Qaeda_to_the_Islamic_State (дата обращения: 26.03.2020).

Dutch PM would rather have foreign fighters die than return // EUOBSERVER. 2015. 6 Mar. URL: <https://euobserver.com/tickers/127899> (дата обращения: 4.03.2020).

European Union terrorism situation and trend report 2019 // European Union agency for law enforcement cooperation. 2019. 27 June. 80 p. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/terrorism-situation-and-trend-report-2019-te-sat> (дата обращения: 10.02.2020).

Global Terrorism Index 2015. Sydney, New York, NY and Mexico: Institute for Economics and Peace, 2015. 108 p. URL: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/11/Global-Terrorism-Index-2015.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).

Heinke D.H. German Foreign Fighters in Syria and Iraq: The Updated Data and its Implications CTC Sentinel, 2017. March. Vol. 10. Iss. 3. P. 17–22. URL: <https://ctc.usma.edu/german-foreign-fighters-in-syria-and-iraq/> (дата обращения: 26.03.2020).

Hekmatpour P., Burns Th.J. Perception of Western governments' hostility to Islam among European Muslims before and after ISIS: the important roles of residential segregation and education // The British Journal of Sociology 2019. Vol. 70. Iss. 5. P. 2133–2165. URL: https://www.researchgate.net/publication/332540656_Perception_of_Western_governments'_hostility_to_Islam_among_European_Muslims_before_and_after_ISIS_the_important_roles_of_residential_segregation_and_education (дата обращения: 25.03.2020).

Nesser P. Foiled plots: the untapped data resource in terrorism studies // UiO: Universiti of Oslo. 2019. 20 Sep. URL: <https://www.sv.uio.no/c-rex/english/news-and-events/right-now/2019/foiled-plots-the-untapped-data-resource.html> (дата обращения: 21.02.2020).

Nesser P. Military Interventions, Jihadi Networks and Terrorist Entrepreneurs: How the Islamic State Terror Wave Rose So High in Europe // CTC Sentinel March 2019 a. Vol. 12. Iss. 3. P. 15–21. URL: <https://ctc.usma.edu/military-interventions-jihadi-networks-terrorist-entrepreneurs-islamic-state-terror-wave-rose-high-europe/> (дата обращения: 24.03.2020).

Nesser P., Stenersen A., Ofteidal E. Jihadi Terrorism in Europe: The IS-Effect // Perspectives on terrorism. 2016. Vol. 10. N 6. URL: www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/553/html (дата обращения: 10.02.2020).

Netherlands police arrests foil 'major terrorist attack' // BBC News. 2018. 27 Sep. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-45673221> (дата обращения: 28.02.2020).

Piazza J.A., LaFree G. Islamist terrorism, diaspora links and casualty rates Perspectives on terrorism // Universiteit Leiden. 2019. October. Vol. 13. N 5. P. 2–21. URL: <https://www.universiteitleiden.nl/binaries/content/assets/customsites/perspectives-on-terrorism/2019/issue-5/1--piazza-and-lafree.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).

Piazza J.A. Transnational ethnic diasporas and the survival of terrorist organizations // *Security Studies*. 2018. Vol. 27. Iss. 4. P. 607–632.

Renard Th., Coolsaet R. Returnees: Who are they, why are they (not) coming back and how should we deal with them? // *EGMONT: Royal Institute for International Relations*. Brussels. Egmont Paper 101. February 2018. 79 P. URL: http://www.egmontinstitute.be/content/uploads/2018/02/egmont.papers.101_online_v1-3.pdf?type=pdf (дата обращения: 13.03.2020).

References

Cafarella J., Zhou J. ISIS'S expanding campaign in Europe // *ISW: Institute for the Study of War*. 2017. 18. Sep. 9 p. URL: <http://www.understandingwar.org/sites/default/files/ISIS%20in%20Europe%20Update%20September-2017.pdf> (date of access: 16.03.2020).

Carter D. A Blessing or a curse? State support for terrorist groups. *International Organization*. 2012. January. Vol. 66. Iss. 1. P. 129–151. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/international-organization/article/blessing-or-a-curse-state-support-for-terrorist-groups/E0A5E7C986897FD476AB89D1D14003B6> (date of access: 26.03.2020).

Celso A.N. The jihadist threat to Europe: From Al Qaeda to the Islamic state // *International Journal of Political Science (IJPS)*. 2019. Vol. 5. Iss. 1. P. 22–40. URL: https://www.researchgate.net/publication/331592000_The_Jihadist_Threat_to_Europe_From_Al_Qaeda_to_the_Islamic_State (date of access: 26.03.2020).

Dutch PM would rather have foreign fighters die than return // *EUOBSERVER*. 2015. 6 Mar. URL: <https://euobserver.com/tickers/127899> (date of access: 4.03.2020).

Dvadcat' chetvertiy doklad Gruppy po analiticheskoy podderzhke i nablyudeniyu za sankciyami, predstavlenyy vo ispolnenie rezolyucii 2368 (2017) po IGIL (DAISH), «Al'-Kaide» i svyazannym s nimi licam i organizaciyam [Twenty-fourth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2368 (2017) on ISIL (Da'esh), Al-Qaida and associated individuals and entities]. UN Security Council. S/2019/570. 2019. 15 July. 33 S. URL: <https://undocs.org/ru/S/2019/570> (date of access: 2.03.2020). (In Russ.)

Dvadcat' pyatyy doklad Gruppy po analiticheskoy podderzhke i nablyudeniyu za sankciyami, predstavlenyy vo ispolnenie rezolyucii 2368 (2017) po IGIL (DAISH), «Al'-Kaide» i svyazannym s nimi licam i organizaciyam [The twenty-fifth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team, submitted pursuant to resolution 2368 (2017) on ISIL (Da'esh), Al-Qaida and related individuals and organizations Sovet Bezopasnosti OON]. UN Security Council. S/2020/53. 2020. 20 January. 30 S. URL: <https://undocs.org/ru/S/2020/53> (date of access: 2.03.2020). (In Russ.)

Dvadcat' tretiy doklad Gruppy po analiticheskoy podderzhke i nablyudeniyu za sankciyami, predstavlenyy vo ispolnenie rezolyucii 2368 (2017) po IGIL (DAISH), «Al'-Kaide» i svyazannym s nimi licam i organizaciyam [Twenty-third report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team, submitted pursuant to resolution 2368 (2017) on ISIL (Da'esh), Al-Qaida and related individuals and organizations]. UN Security Council. S/2019/50. 2019. 15 January. 32 S. URL: <https://undocs.org/ru/S/2019/50> (date of access: 2.03.2020). (In Russ.)

European Union terrorism situation and trend report 2019 // *European Union agency for law enforcement cooperation*. 2019. 27 June. 80 p. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/terrorism-situation-and-trend-report-2019-te-sat> (date of access: 10.02.2020).

Global Terrorism Index 2015. Sydney, New York, NY and Mexico: Institute for Economics and Peace, 2015. 108 p. URL: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/11/Global-Terrorism-Index-2015.pdf> (date of access: 25.03.2020).

Heinke D.H. German Foreign Fighters in Syria and Iraq: The Updated Data and its Implications CTC Sentinel, 2017. March. Vol. 10. Iss. 3. P. 17–22. URL: <https://ctc.usma.edu/german-foreign-fighters-in-syria-and-iraq/> (date of access: 26.03.2020).

Hekmatpour P., Burns Th.J. Perception of Western governments' hostility to Islam among European Muslims before and after ISIS: the important roles of residential segregation and education // The British Journal of Sociology 2019. Vol. 70. Iss. 5. P. 2133–2165. URL: https://www.researchgate.net/publication/332540656_Perception_of_Western_governments'_hostility_to_Islam_among_European_Muslims_before_and_after_ISIS_the_important_roles_of_residential_segregation_and_education (date of access: 25.03.2020).

Nesser P. Foiled plots: the untapped data resource in terrorism studies // UiO: Universiti of Oslo. 2019. 20 Sep. URL: <https://www.sv.uio.no/c-rex/english/news-and-events/right-now/2019/foiled-plots-the-untapped-data-resource.html> (date of access: 21.02.2020).

Nesser P. Military Interventions, Jihadi Networks, and Terrorist Entrepreneurs: How the Islamic State Terror Wave Rose So High in Europe // CTC Sentinel March 2019 a. Vol. 12. Iss. 3. P. 15–21. URL: <https://ctc.usma.edu/military-interventions-jihadi-networks-terrorist-entrepreneurs-islamic-state-terror-wave-rose-high-europe/> (date of access: 24.03.2020).

Nesser P., Stenersen A., Oftedal E. Jihadi Terrorism in Europe: The IS-Effect // Perspectives on terrorism. 2016. Vol. 10. N 6. URL: www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/553/html (date of access: 10.02.2020).

Netherlands police arrests foil 'major terrorist attack' // BBC News. 2018. 27 Sep. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-45673221> (date of access: 28.02.2020).

Novikova O.N. Deti halifata [Children of the Caliphate]. Russia and the contemporary world. 2019. N 2. P. 141–158. (In Russ.)

Piazza J.A., LaFree G. Islamist terrorism, diaspora links and casualty rates Perspectives on terrorism // Universiteit Leiden. 2019. October. Vol. 13. N 5. P. 2–21 URL: <https://www.universiteitleiden.nl/binaries/content/assets/customsites/perspectives-on-terrorism/2019/issue-5/1--piazza-and-lafree.pdf> (date of access: 25.03.2020).

Piazza J.A. Transnational ethnic diasporas and the survival of terrorist organizations // Security Studies. 2018. Vol. 27. Iss. 4. P. 607–632.

Renard Th., Coolsaet R. Returnees: Who are they, why are they (not) coming back and how should we deal with them? // EGMONT: Royal Institute for International Relations. Brussels. Egmont Paper 101. February 2018. 79 P. URL: http://www.egmontinstitute.be/content/uploads/2018/02/egmont.papers.101_online_v1-3.pdf?type=pdf (date of access: 13.03.2020).

V lagere bezhencev al'-Hol' v Sirii nahodyatsya okolo 73 tysyach chelovek [There are about 73 thousand people in the al-Hol refugee camp in Syria]. RIA Novosti. 2019. 17 May. URL: <https://ria.ru/20190517/1553587282.html> (date of access: 2.03.2020). (In Russ.)

Н.У. Ханалиев

**РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА**

***Аннотация.** На современном этапе глобализации понятие «национальная» безопасность расширяет свои контуры и приобретает более широкий охват сегментированных элементов. Зачастую эти элементы проникают в самые различные области общественных отношений и влекут за собой череду вызовов и угроз, которым подвержены государства Центральной Азии. Важнейшие вызовы национальной безопасности отдельных центральноазиатских государств обусловлены влиянием ряда причин, основной из которых является интеграция ближневосточной нестабильности в регионе. В статье рассматривается влияние ближневосточного кризиса на государства Центральной Азии. Для центральноазиатских государств любая исходящая с Ближнего Востока военная угроза, гражданские войны, конфликты и террористические атаки являются серьезным поводом для беспокойства. Из-за проницаемости границ центральноазиатские государства становятся уязвимыми перед потоком радикальных идей, террористов и вербовщиков, которые устремляются с Ближнего Востока в Центральную Азию, а оттуда в Россию и Европу. Особое внимание автор уделяет историческим связям Центральной Азии и Ближнего Востока, а также специфике проявления религиозного радикализма в государствах Центральной Азии. Автор ставит своей задачей выявление интеграционных процессов ближневосточной нестабильности в Центрально-Азиатском регионе. Автор считает, что ситуация, складывающаяся на международной арене ближневосточного противостояния, значительным образом отражается на внутривнутриполитических процессах государств Центральной Азии. Цель статьи предопределила выбор методологии, в основе которой лежат институциональный, системный и исторический методы, позволяющие выявить и проанализировать динамику интеграции нестабильности. Научная новизна статьи состоит в том, что ситуация, сложившаяся на Ближнем Востоке, проецируется на Центрально-Азиатский регион. В таких условиях важно определить источники угроз и понять закономерность динамики их миграции.*

***Ключевые слова:** Центральная Азия; Ближний Восток; Россия; интеграция; терроризм; религиозный экстремизм; социально-кризисные явления.*

Ханалиев Нурадин Умарпашаевич – кандидат политических наук,
Первый секретарь Департамента по вопросам новых вызовов
и угроз Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Россия, Москва. E-mail: nur.han.mid@gmail.com
Web of Science Researcher ID: AAH-2517-2020

Khanaliyev N.U. Regional Security Through the Prism of Historic Relations between Central Asia and the Middle East

Abstract. *At the present stage of globalization, the concept of national security expands its contours and encompasses various elements, previously unconnected. Often these elements penetrate the most diverse areas of public relations and entail a series of challenges and threats to which the states of Central Asia are extremely vulnerable. The most important national security challenges in individual Central Asian states stem from a number of factors, the principal one being the widespread instability in the region. The article analyzes the impact of the Middle East crisis on the states of Central Asia. For Central Asian states, any military threat emanating from the Middle East, i.e. civil wars, conflicts, and terrorist attacks are a serious cause for concern. Due to the permeability of borders, Central Asian states are becoming vulnerable to the inflow of radical ideas, terrorists and recruiters, who head from the Middle East towards Central Asia, and from there to Russia and Europe. Special attention in the text is paid to the historic ties of Central Asia and the Middle East as well as the specifics of religious radicalism in Central Asian states.*

The author believes that the situation in the Middle East exerts a massive impact on the internal political processes in Central Asian states. The methodology of the article includes institutional, systemic and historical methods that allow us to identify and analyze the dynamics of political processes in the region. It is concluded that the situation in the Middle East is projected onto the Central Asian region, therefore it is important to identify the sources of threats and understand the pattern of their dynamics.

Keywords: *Central Asia; the Middle East; Russia; integration; terrorism; religious extremism; social crisis phenomena.*

Khanaliyev Nuradin Umarpashaevich – Candidate of Political Sciences,
First Secretary, the Department for New Challenges and Threats
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Russia, Moscow. E-mail: nur.han.mid@gmail.com
Web of Science Researcher ID: AAH-2517-2020

Внутриполитическое обострение в Сирии переросло в гражданскую войну и сейчас представляет собой одну из главных проблем современной международной безопасности. По сути, сирийский кризис зародился из незначительного локального конфликта, который перерос в конфликт международный. Главной проблемой в сложившейся ситуации является то, что сирийский конфликт оказывает влияние не только на Ближневосточный регион, но и на регион Центральной Азии и России.

Первоначально оппозиционные силы Сирии выступили против безграничной власти, правящей партии БААС во главе с президентом Башаром Асадом. Подобное социально-кризисное явление возникло в ходе «арабской весны» и является ее частью, но обладает особой спецификой и индивидуальностью. В отличие от Туниса, Египта, Йемена, где причиной социального кризиса, в которых послужили внутренние факторы, в Сирии главной причиной кризиса стало проявление внешнего фактора [Ханалиев 2019, с. 154–168].

Это подтверждает тот факт, что о поддержке сирийской оппозиции, объединившейся с Национальной коалицией сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС), официально объявили США, Турция, страны Европейского союза, Саудовская Аравия и Катар. Последние два государства признали НКСРОС законным представителем сирийского народа. Перешедший на международный уровень конфликт создал благоприятные условия для формирования и укрепления на Ближнем Востоке такой международной террористической организации, как ИГИЛ¹ [Вызовы 2013, с. 150].

В сложившихся на Ближнем Востоке условиях ИГИЛ заняло свою нишу, превзойдя Аль-Каиду² и Талибан³. Идейная привлекательность, а также широкое территориальное присутствие в Ираке и Сирии дали возможность ИГИЛ выйти за рамки обычной террористической организации посредством использования феномена насилия для изменения общества. С ИГИЛ объединились свыше 30 так называемых исламистских экстремистских группировок, действующих по всему миру, в том числе и в Центральной Азии.

В связи с этим на протяжении уже практически десятилетия граждане Центральной Азии направляются на Ближний Восток, где пополняют ряды ИГИЛ. Мотивы вступления на путь религиозного экстремизма у новоиспеченных адептов могут быть различными. Однако их всех объединяет устоявшаяся протестная активность по отношению к светской власти в пользу так называемого радикального ислама. В этом случае ИГИЛ привлекает не только желающих повоевать, но и тех, кто является приверженцем религиозных и идеологических установок ИГИЛ – того, как экстремисты идеализируют жизнь по шариату, обещая справедливость, мир и счастье, которого зачастую не хватает в светской действительности. Этот фактор создает реальную угрозу национальной безопасности государствам Центральной Азии, поскольку большинство этих радикалов со временем вернутся из зоны боевых действий

1. Деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации.

2. Деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации.

3. Деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации.

в Центрально-Азиатский регион, где будут инициировать конфликты и проецировать экстремистскую идеологию. Обострение ситуации в Центральной Азии, и без того испытывающей серьезные проблемы в социальной, экономической и политической сферах, таким образом, – неизбежно [Чуфрин 2010, с. 220].

В то время как в Сирии, Ираке и Афганистане продолжается вооруженный конфликт, государства Центральной Азии являющиеся, по сути, исламскими республиками, проводят свою светскую политику, зачастую противоречащую друг другу, не подозревая, что их история имеет огромный потенциал для мусульманского мира в целом и вполне может послужить образцом для укрепления мира между конфликтующими сторонами на Ближнем Востоке.

Ближний Восток принято считать источником радикально настроенных и террористических организаций, использующих флаг ислама. Значение Мекки, Медины, Каира и Иерусалима как мусульманских святынь всегда оправдывало тот факт, что в этом регионе велась борьба за завоевание умов и сердец верующих в исламские ценности по всему миру.

Однако в течение почти тысячи лет Центральная Азия была тем местом, где пересекались торговые пути и великие культуры Ближнего Востока, Европы, Индии и Китая. Никто не обладал лучшими возможностями для изучения и совершенствования идей, изобретений и передовых технологий производства, чем люди, жившие вдоль Великого шёлкового пути.

Таким образом, на протяжении многих веков и Центральная Азия, и Ближний Восток были интеллектуальным и политическим центром мусульманского мира. Так, одна из священных книг ислама (разумеется, после «Корана») – «Слова Пророка» – была написана Мухаммадом аль-Бухари – богословом из Бухары (территория нынешнего Узбекистана) [Ansar 2012]. Именно в таких местах, как Казахстан, Таджикистан и Узбекистан, мощное философское движение ислама, суфизм, нашло своих величайших учителей, и именно оттуда суфизм распространился по всему мусульманскому миру. А среди средневековых богословов немногие мыслители стояли выше, чем Абу Хамид аль-Газали из города Тус на границе между Ираном, Туркменистаном и Афганистаном, который оказал определенное влияние на работы выдающегося католического философа Фомы Аквинского.

Многие величайшие представители средневековой науки и философии – выходцы из Центральной Азии. Так, кодификатор алгебры был из Хваразма (современный Узбекистан). Он дал свое имя (Аль-Хваразми) алгоритмам, которые лежат в основе современной информатики. Также родом из Узбекистана был Ибн Сина, известный на Западе как Авиценна, чей великий «Канон медицины» дал начало медицинским наукам на Ближнем Востоке, в Европе и Индии. Другой великий мыслитель, Аль-Фараби, который возродил и

значительно дополнил логику Аристотеля и написал величайшее средневековое исследование музыки, был родом из нынешнего Казахстана. А новаторский астроном Абу-Махмуд Ходжанди был родом из Худжанда (Таджикистан).

Правда, все эти люди писали по-арабски. Но, как говорит известная поговорка, «русский, который пишет на английском, не англичанин». Все они – и многие другие мыслители мусульманского мира, которых все привыкли считать арабами, – принадлежат к разным центральноазиатским народам.

Сегодня государства, являющиеся наследниками старого Шёлкового пути, пытаются возродить свое влияние. Задача не из легких. Многих восточных лидеров привлекает политический авторитаризм. Народ Центральной Азии не имеет серьезного исторического демократического опыта, этническая напряженность сохраняется. Все же эти государства остаются светскими государствами и более терпимы к другим религиям, чем большинство государств Ближнего Востока [Центральная Азия... 2010, с. 169].

Однако экономика ближневосточных государств неуклонно растет, и они приняли современное светское образование, отправив десятки тысяч молодых людей учиться за границу. Ближневосточные государства развивают новые собственные университеты, в основном по западному образцу. Многие используют английский в качестве языка обучения. Сформировалось целое поколение людей, тянущихся к идеалам открытого общества.

В то же время растущее благосостояние усиливает давление на правительства в Ближневосточном регионе, чтобы ослабить государственный контроль и сделать его более демократичным. Однако большая свобода представляет большую ответственность и опасность, как это печально продемонстрировала «арабская весна». Тем не менее в среднесрочной перспективе кризис может произойти именно в государствах Центральной Азии с «юным» суверенитетом, а не на Ближнем Востоке, который опираясь на свой багаж исторического опыта, определил грань, разделяющую свободу от вседозволенности.

В целом угрозы региональной безопасности Центральной Азии обусловлены как воздействием внешних факторов, так и внутренними проблемами. Приоритетной угрозой безопасности Центрально-Азиатского региона выступает обострение обстановки в Афганистане. Наличие на его территории очагов терроризма и экстремизма оказывает негативное воздействие на Центральную Азию. Сложной остается ситуация на севере Афганистана, где помимо движения талибов, действуют боевики и пропагандисты афганской ветви ИГИЛ – «Вилаят Хорасан», а также иностранные террористы: арабы, пакистанцы, граждане государств Центральной Азии, что может привести к переносу их деятельности на территорию сопредельных центральноазиатских государств. Так, по данным Антитеррористического центра государств –

участников СНГ, в приграничной с Таджикистаном провинции Бадахшан в настоящее время дислоцируются около 4 тыс. боевиков, принадлежащих различным террористическим и экстремистским группировкам. Из них более 1,5 тыс. человек – иностранные наемники. В настоящее время в афганский Бадахшан идет активная переброска членов террористических формирований из Пакистана (Северного Вазирстана).

Влияние афганских экстремистских сил четко прослеживается в Центрально-Азиатском регионе в деятельности таких организаций, как «Исламская партия Туркестана»⁴ (бывшее «Исламское движение Узбекистана» – ИДУ), «Союз исламского джихада» (СИД), «Джамаат Ансаруллах», «Джунд аль-Халифат», «Исламское движение Восточного Туркестана» (ИДВТ), «Хизб-ут-Тахрир»⁵.

В странах Центральной Азии «исламские» радикалы делают акцент на работе в Ферганской долине, Раштской зоне (Таджикистан), Ошской и Джалал-Абадской областях (Киргизия). Они создают нелегальные структуры, пытающиеся распространить влияние на остальные районы центральноазиатских государств. ИГИЛ ведет активную деятельность по созданию на территории государств Центральной Азии своих ячеек.

Трудностей с финансированием ИГИЛ не испытывает. Основная часть средств, по оценкам экспертов ООН, поступает к террористам из арабских государств Персидского залива через Пакистан, который сейчас делает ставку и на ИГИЛ, и на движение «Талибан».

Наибольшее число приверженцев радикальных течений экстремистского толка в Казахстане фиксируется в южных районах, где высок уровень безработицы среди молодежи и отмечается в целом неблагоприятный социально-экономический фон, что способствует распространению идеологии салафизма [Центральная Азия 2010, с. 169].

Распространение радикальных группировок исламского толка в Казахстане объясняется также тем, что наряду с усугублением социально-экономических проблем в стране заметно увеличилось число трудовых мигрантов из Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. Осложняет ситуацию множество прибывающих на юг Киргизии репатриантов – оралманов (этнические узбеки), у которых нет социальных связей в этой стране и более низкий уровень образования.

Возрастающий уровень радикализации населения в Киргизии наблюдается не только в Ферганской долине, но и в северном регионе страны. Наи-

4. Деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации.

5. Деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации.

большую опасность для Киргизии представляют деструктивные организации исламского толка, в основу идеологии которых заложен радикальный экстремизм. Организации данного характера отличаются высокой агрессивностью к другим религиозным течениям, в том числе и к распространенному ханафитскому мазхабу. Серьезные угрозы для национальной безопасности Киргизии возникли в связи с возвращением из стран Ближнего Востока выходцев из Киргизии (в Сирию и Ирак выехали от 800 до 2000 граждан Киргизии), воевавших на стороне ИГИЛ, «Джебхат Андор Нусры», других международных террористических организаций.

Существует устойчивая связь местных радикальных ячеек с крупными международными террористическими организациями, которые осуществляют помощь в вербовке. Продолжается активная работа на территории Киргизии эмиссаров движения «Хизб-ут-Тахрир». Осложняется ситуация и свободой действий организации «Таблиги Джамаат».

Практически во всех регионах Таджикистана под влиянием кризисных явлений в экономике, безработице, пропагандистской деятельности оппозиции и зарубежных исламистских структур среди населения усиливаются протестные настроения. Проживающая там молодежь, в подавляющем большинстве не имеющая образования и ясных жизненных перспектив, становится все более восприимчивой к экстремистским идеям.

Нарастает напряженность на таджикско-афганской границе, где было зафиксировано несколько десятков вооруженных столкновений пограничников с группами контрабандистов и мелкими отрядами международных террористических организаций при их попытке проникнуть на территорию Таджикистана. Имели место случаи скрытного перехода групп боевиков на таджикскую территорию, в том числе через острова на реке Пяндж в обход погранзастав, и захвата в заложники граждан Таджикистана.

По мнению научного сотрудника института Международных исследований МГИМО Ш. Содикова, нынешнее правительство Афганистана показало, что реальная власть в приграничных районах с Таджикистаном и Узбекистаном принадлежит не действующим властям, а талибам.

Туркменистан официально заявляет об отсутствии на своей территории террористических организаций и их отдельных членов, но в последнее время туркменские граждане все более подвергаются воздействию радикальной идеологии. С сопредельных с Туркменистаном афганских провинций Фарьяб и Бадгис имели место неоднократные проникновения эмиссаров ИГИЛ на туркменскую территорию, где среди населения приграничных районов велось зондирование его отношения к приходу «халифата» в республику. Силловые структуры Туркменистана задержали в Ахалском велаяте четырех туркменских граждан, подозреваемых в связях с ИГИЛ, которые нарушили госграницу на стыке рубежей Ирана, Туркменистана и Афганистана. Кроме того, была

обезврежена группа террористов, готовивших взрыв на морском пароме, следовавшем из порта Туркменбаши.

Несмотря на относительную внешнюю стабильность и успехи в пресечении на национальной территории деятельности террористического подполья в лице сторонников «Исламское движение Узбекистана», в Узбекистане сохраняются вызовы в сфере безопасности. Главным очагом распространения исламского экстремизма по-прежнему считаются узбекские районы Ферганской долины, где степень радикализации населения и популярность идеологии ИГИЛ очень высока.

Таким образом, действия террористических организаций способствуют формированию очагов нестабильности в Центральной Азии. Власти стран Центрально-Азиатского региона предпринимают превентивные меры с целью исключить возможность возникновения кризисных ситуаций.

Крайне нестабильная политическая ситуация в большинстве государств Ближнего Востока создает благоприятные условия для укрепления позиций террористов и экстремистов. Это обусловлено, прежде всего, вакуумом власти на обширных территориях, прозрачностью границ, значительным масштабом бесконтрольного оборота оружия и нищетой населения. Центральная Азия связана множеством исторических нитей с Ближним Востоком. Сегодня регион Центральной Азии выступает и как объект, и как субъект глобальной политики во всех ее проявлениях. От того, как будет складываться ситуация в Центральной Азии, зависит очень многое и в самом регионе, и за его пределами.

Если говорить о подъеме радикализма как о конфликтогенном факторе, то поразив Ближний Восток, он все больше задевает Центральную Азию. Несмотря на отсутствие единого командования, ИГИЛ продолжает представлять реальную угрозу. Действующие в Сирии, Ираке и других странах разрозненные группировки «присоединяются» к ИГИЛ на идеологической основе, продолжают вербовку молодежи, в том числе с использованием интернет-ресурса, засылают своих эмиссаров в различные регионы и, в особенности, страны Центральной Азии.

Благодаря многостороннему военному натиску в настоящее время террористические формирования в Сирии и Ираке практически полностью утратили возможность регулярно пополнять свой «бюджет».

Россия неоднократно привлекала внимание к данному фактору на различных международных площадках. Однако, как показало последующее обсуждение соответствующих инициатив по оставшимся отрядам террористов и экстремистов, главными препятствиями на пути сплочения мирового сообщества вокруг общей задачи нанести сокрушительный удар по террористическому злу остаются все еще не изжитые конъюнктурные подходы и порожаемые ими «двойные стандарты», а также стремление отдельных стран

использовать террористические и экстремистские формирования для решения своих политических и геополитических задач в регионе.

Библиография

Вызовы безопасности в Центральной Азии. Рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2013. 150 с.

Ханалиев Н.У. Роль ИГИЛ в контексте шиитско-суннитского противостояния на Ближнем Востоке // PolitBook. 2019. № 1. С. 154–168.

Центральная Азия: актуальные акценты международного сотрудничества. Сб. докл. М.: МГИМО, 2010. 169 с.

Чуфрин Г.И. Россия в Центральной Азии: Алматы: Казах. институт страт. иссл., 2010. 220 с.

Сахих аль-Бухари // Википедия: Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B0%D1%85%D0%B8%D1%85_%D0%B0%D0%BB%D1%8C-%D0%91%D1%83%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B8 (дата обращения: 21.11.2018).

Хиджази А.Т. Имам Бухари – основатель хадисоведения // Ансар.Ру: информационно-аналитический канал. 2012. 14 мая. URL: <http://www.ansar.ru/rightway/imam-buhari-osnovatel-hadisovedeniya> (дата обращения: 2018).

Аль-Хорезми // Википедия: Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D1%8C-%D0%A5%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%BC%D0%B8> (дата обращения: 13.11.2019).

References

Security Challenges in Central Asia. hands. Project: A.A. Dynkin, V.G. Baranovsky. M.: IMEMO RAN, 2013. 150 p. [Vy'zovy' bezopasnosti v Central'noj Azii. Ruk. proekta: A.A. Dy'nkin, V.G. Baranovskij]. Moscow: IME'MO RAN, 2013. 150 p. (In Russ.)

Khanaliev N.U. The role of ISIS in the context of the Shiite-Sunni confrontation in the Middle East [Rol' IGIL v kontekste shiitsko-sunnitskogo protivostoyaniya na Blizhnem Vostoke]. Moscow: PolitBook. 2019. N 1. P. 154–168. (In Russ.)

Central'naya Aziya: aktual'ny'e akcenty' mezhdunarodnogo sotrudnichestva. Sb. dokl. [Central Asia: current emphasis on international cooperation. Collection of reports]. Moscow: MGIMO, 2010. 169 p. (In Russ.)

Chufrin G.I. Rossiya v Central'noj Azii [Russia in Central Asia]. Almaty: Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, 2010. 220 p. (In Russ.)

Sahih al-Bukhari // Wikipedia: Free Encyclopedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B0%D1%85%D0%B8%D1%85_%D0%B0%D0%BB%D1%8C-%D0%91%D1%83%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B8 (date of access: 11.21.2018). (In Russ.)

Hijazi A.T. Imam Buxari – osnovatel' xadisovedeniya [Imam Bukhari – founder of hadithology]. Ansar.Ru: information and analytical channel. 2012. 14 May. URL: <http://www.ansar.ru/rightway/imam-buhari-osnovatel-hadisovedeniya> (date of access: 13.11.2019). (In Russ.)

Al-Khwarizmi // Wikipedia: Free Encyclopedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D1%8C-%D0%A5%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%BC%D0%B8> (date of access: 13.11.2019). (In Russ.)

А.С. Сидоров

**АФРИКАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА МИРА
И БЕЗОПАСНОСТИ И КОНФЛИКТ В САХЕЛЕ**

***Аннотация.** Статья посвящена проблемам становления африканской системы безопасности в условиях борьбы с терроризмом на континенте. Анализируются условия создания и взаимодействия структур Африканского союза, Региональных экономических сообществ, Координационных механизмов и региональных структур *ad hoc*. Показаны их эволюция и трудности, подчеркнута необходимость сопряжения усилий для предотвращения угрозы распространения терроризма на соседние страны и регионы. Сравниваются подходы, особенности и возможности участников регионального процесса поддержания мира и безопасности, противодействия экстремизму и джихадистским вооруженным группировкам. Показано, что финансовые расходы на проведение африканскими партнерами операций вмешательства недостаточны для обеспечения безопасности в Сахельском регионе и в прилегающих к нему странах. В условиях нарастающей дестабилизации ситуации в Мали и регионе в целом отмечается невысокая эффективность структур ООН, местных вооруженных сил в противодействии вооруженным террористическим группировкам на фоне постоянно увеличивающихся расходов на операции западных партнеров из США, Франции и ЕС. В статье выделена роль крупных региональных игроков, в частности Алжира, для обеспечения устойчивости африканской системы безопасности в Сахаро-Сахельском регионе. В связи со скептицизмом в отношении концепции ООН и Африканского союза по поддержанию мира возрастает количество субрегиональных (Аккрская инициатива, Нуакиотский процесс и др.) и двусторонних инициатив по стабилизации обстановки и противодействию угрозе джихадизма. Сделан вывод о критическом значении Франции в военном противостоянии исламистскому терроризму в Сахеле и нарастающей нехватке ресурсов для сдерживания и усиления военного давления на противника.*

Ключевые слова: безопасность; Сахель; конфликт; Мали; Франция; джихадисты; Африканские силы постоянной готовности.

Сидоров Александр Сергеевич – научный сотрудник
Отдела Европы и Америки, Институт научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Россия, Москва.
E-mail: alexandres.sidorov@gmail.com
Web of Science Researcher ID: Y-8061–2018;
Scopus Author ID: 57203414166

Sidorov A.S. The African Peace and Security Architecture and the Sahel Conflict

Abstract. *The article deals with the emerging African security system in the context of struggle against terrorism on the continent. In the focus are the modalities for the establishment and interaction of such structures as the African Union, regional economic communities, coordinating mechanisms and ad hoc arrangements. Highlighted are the evolution of and difficulties in the functioning of these organizations, the perceived need for joining efforts in order to prevent the spread of terrorism to neighboring countries and regions. The author draws detailed comparisons of approaches, features and capabilities of participants in the regional process of maintaining peace and security, aimed at achieving the stated goals in countering extremism and jihadist armed groups. Based on quantitative estimates of the financial costs of interventions, the text exposes inconsistency of efforts made by the African partners in improving the security environment in the Sahel and adjacent countries. With the growing destabilization of the situation in Mali and the region as a whole, the UN structures and local armed forces are not sufficiently effective in countering armed terrorist groups amid constantly increasing costs for operations of Western partners from the USA, France and the EU. Underlined is the role of large regional players – notably, Algeria – in enhancing sustainability of the African security system in the Sahel region as well as the difficulties of involving this state in the collective security system. Amidst the growing skepticism about the concept of the UN and the African Union's peacekeeping missions, there has been an increase in the number of subregional (the Accra initiative, the Nouakchott process, et al.) and bilateral initiatives to stabilize the situation and counter the threat of jihadism. By way of conclusion, underlined are the critical importance of France in combatting terrorism in the Sahel and the growing lack of resources for increasing military pressure on the terroristic groups there.*

Keywords: Security; Sahel; conflict; Mali; France; jihadists; African Standby Force.

Sidorov Alexander Sergeevitch – Researcher,
Department of Europe and America, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Russia, Moscow. E-mail: alexandres.sidorov@gmail.com
Web of Science Researcher ID: Y-8061–2018;
Scopus Author ID: 57203414166

В 2000-е годы терроризм наиболее быстро развивался в Западной Африке и Сахеле¹. Сахаро-Сахельский регион – своего рода «стратегическая пустота» в Африканской архитектуре мира и безопасности (ААМБ)², геополитическое

1. Группа G5 Sahel или «сахельская пятерка» – Буркина Фасо, Мавритания, Мали, Нигер, Чад.

2. ААМБ – совокупность структур, целей, принципов и ценностей, предназначенных для предотвращения, урегулирования, разрешения кризисов и конфликтов, а также восстановления и постконфликтного развития на континенте [Architecture 2012].

пространство, нечеткие очертания которого включают территории слабых, бедных, в разной степени нестабильных государств; пространство, где совпали проблемы климата, демографии, плохого управления, зачастую небезупречной легитимности правящих режимов.

Относительно геополитических контуров Сахеля существуют различные мнения. В Евросоюзе (ЕС) принято узкое толкование региона в составе Мавритании, Мали, Нигера в качестве трех основных государств Сахеля [Simon, Mattelaer 2012, p. 9], включая южные регионы Алжира и Ливии, а также северные районы Буркина Фасо и Чада. Эта огромная географическая зона из-за неспособности образующих ее государств и ААМБ обеспечить безопасность и контроль стала базой различных джихадистских и антиправительственных движений, втягивает в свою орбиту все новых участников. Вот почему именно там наиболее интенсивно развивалось трансграничное международное сотрудничество по борьбе с терроризмом, в частности в рамках Африканского союза (АС) и иных региональных структур безопасности. Реализацию адекватного ответа на этот феномен осложняет, кроме прочего, отсутствие общепринятого, согласованного определения понятия «терроризм» [La lutte 2019, p. 9, 22; Pérouse de Monclos 2018, p. 14–16].

В военно-политическом плане ситуацию в Сахеле целесообразно рассматривать в рамках региональной системы безопасности, где взаимодействуют и конкурируют многие внутренние и внешние акторы, различного рода негосударственные участники и квазиполитические структуры. Значительная часть территорий государств Сахеля после получения ими независимости находятся вне контроля государственных органов, причем отсутствие там управления воспринимается большинством государств Сахеля, включая Мали, скорее как «неудобство», чем серьезная угроза для их политико-экономических центров [Simon, Mattelaer 2012, p. 10]. Это заблуждение, как показало развитие событий, им дорого обошлось.

В статье рассматривается, в основном, проблематика операций в поддержку мира, предполагающих мобилизацию необходимых ресурсов, получение мандата и развертывание сил. Мы опускаем попытки посредничества и усилия в рамках превентивной дипломатии – важной части арсенала ААМБ на предконфликтной стадии – по причине резкого обострения ситуации в Мали к концу 2012 г. 7 января 2013 г., прервав переговоры с правительством Мали, проходившие при посредничестве Алжира, мятежники возобновили наступление на юг и, не встретив сопротивления деморализованной малийской армии, 10 января атаковали и заняли г. Кона, создав угрозу быстрого продвижения на юг страны в направлении столицы Бамако. Рассчитывая на нерешительность международных и региональных структур безопасности,

джихадисты начали неожиданное для многих наблюдателей и региональных организаций (АС, ЭКОВАС³, Евросоюз и др.) наступление⁴.

По мнению Б. Адама, основателя европейского аналитического центра *GRIP*⁵, общим на тот момент просчетом крупных региональных игроков – ООН, АС, Региональных экономических сообществ (РЭС) и др. – была недооценка необходимости размещения достаточно крупных сил разъединения на границе между Севером и Югом Мали. Французские военные считали предпочтительным вмешательство африканских сил ЭКОВАС в поддержку малийской армии, подготовленной и обученной европейскими специалистами [Adam 2013, p. 5, 12]. Французские силы в этом случае играли бы роль мобильного резерва, находясь во втором эшелоне.

Начав наступление, джихадисты совершили «стратегический промах» [Servent 2019, p. 426], сконцентрировали силы по образцу единой армии [Gros-Verheyde 2013], облегчив тем самым работу французской авиации. Они увидели «окно возможностей» до вмешательства африканских сил, которое не было еще должным образом подготовлено, но не учли, что Франция способна ускорить *свое* военное вмешательство. В результате взаимного наложения ошибок в оценках, допущенных всеми участниками конфликта, ситуация вышла из-под контроля.

Решение о начале французской военной операции «Сервал» в Мали было принято 11 января 2013 г. президентом Ф. Олландом за несколько минут [Hollande 2018, p. 50]: первые авиаудары по джихадистам последовали всего лишь через пять часов после его распоряжения [Evgu 2015, p. 22]. Массированное применение авиации и боевых вертолетов в сочетании с активными и решительными действиями высококомобильных сухопутных подразделений позволили достаточно быстро и с минимальными потерями восстановить законную власть государства на всей территории Мали [Goysa 2013, p. 161, 163]. Действия Франции, по мнению генерала П. де Вилье, фактически представляли собой «оборону на передовых рубежах», напрямую связанную с безопасностью Европы [Villiers 2019, p. 12].

Эффективность и военные успехи, наряду с человеческим фактором, имеют свою цену. По данным Счетной палаты Франции, перерасход средств, выделенных только на операцию «Сервал» в Мали, составил в 2013–2014 гг.

3. Экономическое сообщество западноафриканских государств.

4. С военно-стратегической точки зрения не представлялось возможным захватить и удержать контроль над южной частью Мали силами 2–3 тыс. боевиков в условиях враждебного отношения многочисленного населения [Pérouse de Monclos 2018, p. 106].

5. *Groupe de recherche et d'information sur la paix et la sécurité* – Группа исследований и информации по вопросам мира и безопасности, Бельгия.

938 млн евро из общего перерасхода 2368 млн (в текущих ценах) на проведение всех внешних операций Франции [Les opérations 2016, p. 132].

Стоимость только военных перевозок за первый месяц операции оценивается в 50 млн евро; а всего французское участие за тот период, по данным Министерства обороны Франции, – 70 млн евро [Guillermard 2013]. Эти цифры дают представление об уровне затрат на осуществление подобных акций. Запомним эти данные, оценивая возможности развития событий по иному – «африканскому» – сценарию, в соответствии с декларируемым АС принципом «решения африканских проблем самими африканцами».

Показательно, что в 2014–2015 гг. вклад АС в проведение миротворческих операций едва достигал 25 млн евро, а финансовые затраты ЕС на те же цели – 717,9 млн евро [Rapport 2016, p. 6]. Весь Фонд мира – главный финансовый инструмент ААМБ для поддержки миротворческих операций – составлял в 2017 г. около 56 млн долл., в 2018 – 75 млн долл., а в 2021 г., по расчетам АС, должен достичь 400 млн долл. [Le Conseil 2018].

В некоторых ситуациях именно африканские структуры безопасности должны были бы наилучшим образом отвечать специфике локальных конфликтов, в частности в Мали и в Сахаро-Сахельском регионе. Для Африки главной организацией по поддержанию мира и урегулированию кризисов выступает АС. Ситуация на континенте в 1990-е – начале 2000-х годов развивалась так, что вынудила АС дополнить принцип невмешательства во внутренние дела принципом «неравнодушия», о чем пишут эксперты ECDPM⁶ [Desmidt, Nauck 2017, p. 4]. В ст. 4(h, j) Учредительного акта АС было закреплено его право «вмешиваться в дела государства-члена в соответствии с решением Ассамблеи в связи с серьезными обстоятельствами, а именно, военными преступлениями, геноцидом и преступлениями против человечности», а также «право государств-членов просить вмешательства со стороны Союза в целях восстановления мира и безопасности» [Acte 2000]. Последний пункт имеет непосредственное отношение к ситуации в Мали в 2012–2013 гг. Эти же положения Акта воспроизводятся в Протоколе об учреждении Совета мира и безопасности (СМБ) Африканского союза.

Для реализации провозглашенных целей в 2003 г. была создана ААМБ. Согласно ст. 2(1) Протокола, ААМБ осуществляет свои функции под эгидой действующего на постоянной основе СМБ, принимающего решения для предупреждения, управления и урегулирования конфликтов [Protocole 2002, p. 4]. Фактически СМБ сочетает систему коллективной безопасности и систему раннего предупреждения, призванную быстро и эффективно реагировать на конфликтные и кризисные ситуации в Африке. В функции СМБ,

6. Европейский центр по изучению политики в области развития (European Centre for Development Policy Management), Нидерланды.

наряду с «ранним предупреждением и превентивной дипломатией», входят, согласно ст. 6(b, d), операции «по поддержанию мира и вмешательство». В ст. 7(g) предусмотрено введение санкций каждый раз, когда в стране – члене АС происходит антиконституционная смена правительства [Protocole 2002, p. 8, 9]. Важнейшим силовым компонентом ААМБ выступают Африканские силы постоянной готовности (АСПГ) в составе смешанных контингентов быстрого развертывания.

АСПГ в соответствии со ст. 13(c) Протокола задействуются на территории государства-члена при определенных серьезных обстоятельствах или по просьбе государства-члена для восстановления мира и безопасности. В п. 3(d) статьи предусмотрено их превентивное развертывание для снятия остроты конфликта, недопущения его распространения на прилегающие районы или соседние государства. В ст. 16 определяется порядок субординации и характер партнерства СМБ с региональными механизмами, которые в соответствии с п. 1 являются неотъемлемой частью ААМБ [Protocole 2002, p. 18, 22].

Крупным изъяном данной системы является порядок финансирования военных операций: оно осуществляется за счет стран, предоставляющих воинские контингенты, с последующей компенсацией в течение 180 дней. Таким образом, отсутствует постоянное, стабильное авансовое финансирование операций вмешательства, что, в свою очередь, ставит проведение таких операций в зависимость от внешних источников и доноров [Tardy 2009, p. 247]. На этом фоне возрастает роль мощных крупных государств и региональных экономических структур, что зачастую приводит к системной неустойчивости всей ААМБ. Тем не менее СМБ и его структуры (по крайней мере на бумаге) отвечают всему спектру угроз на Африканском континенте, включая террористические.

Анализ готовности АСПГ (особенно применительно к ситуации в Мали и в Сахеле в целом) свидетельствует о существующей до сих пор несбалансированности подходов к формированию и функционированию данных сил. Во многом это связано с неравенством экономического развития разных регионов Африки и, соответственно, зависимостью от внешних источников в военно-техническом, логистическом и финансовом отношении. Степень такой зависимости в сложных обстоятельствах Сахеля становится настолько критической, что иногда вынуждает передавать на уровень ООН миссии, начатые под руководством АС или РЭС [Bassou 2017, p. 7–8], или де-факто уступать от решения африканских проблем. Так, в 2013 г. АС впервые решил профинансировать миротворческую миссию МИСМА⁷ в объеме 50 млн долл. –

7. MISMA: *Mission internationale de soutien au Mali* – Миссия поддержки Мали под африканским руководством.

сумма, которая могла покрыть лишь малую часть бюджета, оцениваемого приблизительно в 1 млрд долл. [Ambrosetti, Esmenjaud 2014]. Это стало одной из причин подключения ООН к операции в Мали, ее реформатированию (МИНУСМА⁸) с согласия ЭКОВАС и АС и перехода в дальнейшем под контроль и руководство ООН.

Отношения между АС, РЭС и Координационными механизмами (КМ)⁹, непосредственно влияющие на эффективность ААМБ, были введены в рамки подписанным в 2008 г. Протоколом, имеющим обязывающий характер (ст. II). В ст. III отмечается важность более тесного партнерства между АС и РЭС. Термин «партнерство» означает равноправный характер взаимоотношений. Однако в ст. IV среди принципов, на которых строится взаимодействие, выделяется, с одной стороны, «признание *главной ответственности* Союза по поддержанию и продвижению мира, безопасности и стабильности в Африке» (п. ii), а с другой – «уважение принципов субсидиарности, взаимодополняемости, использования сравнительных преимуществ» (п. iv) сторон «для оптимизации *партнерства*» между АС, РЭС и КМ в целях продвижения и поддержания мира, безопасности и стабильности (выделено мною. – А. С.). В конце документа, в ст. XX (1) вновь подчеркнута «главная ответственность» АС за реализацию этих целей [Protocole 2008, p. 3, 4, 10].

Особенности такого взаимодействия раскрывает п. 4 ст. XX, согласно которому РЭС и КМ, по решению СМБ, предоставляют в его распоряжение свои региональные бригады для развертывания в рамках операции по поддержанию мира *вне зоны их юрисдикции* (выделено мною. – А. С.). Очевидно, в рамках ААМБ был разработан общий подход к разрешению кризисных ситуаций. Применительно же к конкретным случаям «на местах», как в Мали, разработанные теоретические построения, во многом скопированные с постулатов ООН, показали свою недостаточную эффективность. Эти универсальные процедуры должны были, по замыслу создателей, работать, но, добавим, с одной оговоркой: при наличии политической воли и надлежащего финансирования. Процедуры работают частично благодаря усилиям отдельных системообразующих стран, которые вкладывают в реализацию этих планов финансовый и человеческий капитал.

Новые африканские механизмы и инициативы безопасности. С учетом недостаточной эффективности общеафриканской системы безопасности получили развитие региональные и субрегиональные механизмы и структуры *ad hoc*. Одной из них в рамках оформляющихся процессов субрегиональной

8. MINUSMA: *Mission Multidimensionnelle Intégrée des Nations Unies pour la Stabilisation au Mali* – Многопрофильная комплексная миссия ООН по стабилизации в Мали.

9. Координационные механизмы региональных бригад Восточной и Северной Африки.

интеграции стала запущенная в 2017 г. Аккрская инициатива (АИ), включая Буркина Фасо, Бенин, Кот-д'Ивуар, Гану, Того.

АИ представляет собой механизм коллективной безопасности, действующий на основе сотрудничества по трем основным направлениям: обмен разведданными; подготовка сил безопасности, проведение совместных силовых *трансграничных* операций [Kwarkye, Abatan 2019]. В 2019 г. к АИ в качестве наблюдателей присоединились Мали и Нигер. Выдвижение АИ было вызвано осознанием угрозы переноса террористической активности сахельских джихадистов на районы, примыкающие к прибрежным государствам Западной Африки. К преимуществам АИ можно отнести «незабюрократизированную» структуру, облегчающую управление и коммуникации между участниками; относительную финансовую независимость от внешних источников; сочетание военного подхода с акциями гуманитарного характера с учетом религиозно-конфессиональной специфики региона.

Главным вызовом, который не позволяет в полной мере реализовать совокупный потенциал АИ, является недостаток финансирования, учитывая, что в ее рядах нет мощных региональных держав типа Алжира, Нигерии или Эфиопии, способных материально поддержать ее действия. В результате военные операции не носят постоянного наступательного и длительного характера, оказывают лишь частичное воздействие на противника.

Важность Сахеля для Европы. Сахаро-Сахельский регион, как определяют бельгийские исследователи, представляет собой «геополитическую границу крайнего юга Европы» [Simon, Mattelaer 2012, p. 5]. Нестабильность там может распространиться на страны Северной Африки, примыкающие к Европе со стороны южного Средиземноморья. Последние, в свою очередь, играют ключевую роль в поставках в Европу энергоносителей, в управлении миграционными потоками, в борьбе против терроризма и незаконного оборота наркотиков, оружия и т.д. Именно поэтому ЕС не может допустить проекции нестабильности на весь регион с риском ее выхода из-под контроля.

Сахель крайне нуждается во внешней поддержке, и ЕС способен такую поддержку эффективно оказать, что соответствует его стратегическим интересам¹⁰. Однако не все государства в ЕС в равной степени единодушны в признании стратегической важности Сахеля, налаживании сотрудничества с таким важным геополитическим игроком, как Алжир, использовании уже имеющихся европейских механизмов сотрудничества (боевые группы ЕС) для оказания силовой поддержки странам региона.

10. Стратегия по Сахелю, разработанная Европейской службой внешних связей, одобрена Советом по иностранным делам и политике безопасности ЕС 21 марта 2011 г. [Principaux 2011, p. 13–14].

На уровне Африканского континента Алжир играет активную роль в разработке и функционировании региональных механизмов сотрудничества в области безопасности и борьбы с терроризмом. При этом его приоритетом остается обеспечение безопасности национальной территории, и борьба с терроризмом стала важнейшей задачей его вооруженных сил.

Современная военная доктрина Алжира запрещает прямое участие Национальной народной армии (ННА) в любых военных акциях за пределами территории страны, что, впрочем, не мешает Алжиру в случае необходимости проводить скрытые военные операции с пересечением границы. На официальном уровне Алжир не подвергает сомнению принцип невмешательства. Он выступает за политическое решение кризиса в Мали, за урегулирование конфликтов путем переговоров, подчеркивая точечный характер трансграничных операций (когда их не удастся скрыть).

В алжирских военно-дипломатических кругах, однако, наблюдаются расхождения, связанные с поколенческим прочтением военной доктрины. Более молодые представители военно-политической элиты выступают за адаптацию (в отдельных случаях) военной доктрины к реалиям [Ammour 2019]. Это придает позиции Алжира дополнительную гибкость. Так, в ходе малийского кризиса 2012–2013 гг., несмотря на неоднократные призывы государств Сахеля, ННА не вмешалась в противостояние с джихадистами на севере Мали. Но в мае 2014 г. 4-й парашютно-десантный полк ННА в полном составе (3,5 тыс. человек) с подразделениями поддержки, при участии армейской авиации был развернут на приграничной территории в Ливии для ведения операции против АКИМ («Аль-Каида» в исламском Магрибе) и уничтожения инфраструктуры террористов рядом с границей Алжира.

Вмешательство на территории Ливии проводилось в тесном взаимодействии с Силами специальных операций (ССО) Франции и США [Kharief 2014] на глубину до 120 км, что, однако, на официальном уровне в Алжире отрицалось [Mandraud 2014]. В данном случае Алжир продемонстрировал возможности развернуть за пределами своих границ в сжатые сроки военный контингент, сопоставимый по объему с операцией «Сервал» на пике ее военного противостояния с джихадистами в январе–марте 2013 г. В ходе маневров на своей территории ННА показала способность проекции силы на глубину до 600–1300 км.

Алжир де-факто поддерживает, когда считает это необходимым, инициативы безопасности с участием западных государств¹¹. Он также является

11. В Африке южнее Сахары помощь США в борьбе с терроризмом выросла с 327 млн долл. в 2011–2014 гг. до 1 млрд долл. в 2015–2018 гг., а помощь странам G5 Sahel за 2017–2018 гг. почти удвоилась: с 60 млн долл. до 111 млн долл. ЕС на борьбу против терроризма и организованной преступности выделил Совместным силам G5 Sahel еще большую сумму в 116 млн долл [Dieng 2019].

одним из основателей глобального форума по борьбе с терроризмом – запущенной в сентябре 2011 г. в Нью-Йорке инициативы, в которой участвуют 29 стран (включая Марокко) из различных регионов, плюс международные (ООН) и региональные (ЕС, АС) структуры. Этот форум, прагматически обобщающий лучший опыт борьбы с терроризмом, в организационном плане представляет собой многостороннюю платформу неформального, гражданского характера. Подчеркнем, что решения форума не носят обязывающего характера [Lancement 2011, p. 4–5].

К пику кризиса в Мали (к декабрю 2012 г.), спустя почти год после очередного (январь 2012 г.) восстания туарегов на севере страны, основные африканские акторы подошли подготовленными не лучшим образом. Запланированное на 2010 г. создание АСПГ АС в составе пяти региональных бригад не было реализовано. Применительно к ситуации в Мали особое значение могли бы иметь Западная (под эгидой ЭКОВАС) и Северная бригады. Создание последней по разным причинам затянулось (свою роль сыграли исторические разногласия между Алжиром и Марокко из-за Западной Сахары). Между тем именно североафриканские страны – Алжир, Марокко, Египет – располагают наиболее оснащенными и закаленными вооруженными силами, позволяющими в случае необходимости быстро сформировать многонациональную бригаду [Esmenjaud 2011].

Помимо названных выше проблем финансового порядка проявились проблемы согласования усилий и взаимодействия африканских участников АС и ЭКОВАС. Стремление «африканизировать» урегулирование кризиса в Мали [Mvé Ella 2013, p. 137] выявило, кроме всего прочего, военнотехническую неспособность региональных участников решить задачу самостоятельно, без привлечения ООН – особенно на фоне французской операции «Сервал», продемонстрировавшей недостижимый для ААМБ уровень командования, логистики и управления войсками.

Уже после вмешательства Франции, осознав, что сахельское направление «не перекрыто» общими структурами безопасности, в марте 2013 г. по инициативе АС был запущен Нуакшотский процесс (НП) – военно-политический механизм, направленный на усиление сотрудничества в области безопасности и создание ААМБ в Сахаро-Сахельском регионе в составе 11 стран, включая Алжир и пять стран Сахеля. Одним из проявлений НП, отражающим его определенную самостоятельность по отношению к АС и РЭС, своеобразной реакцией на фактический провал оперативного развертывания МИСМА в Мали, стало создание в мае 2013 г. Африканских сил немедленного реагирования на кризисы (*Capacité africaine de réponse immédiate aux crises, CARIC*) – временной, до окончательного формирования АСПГ, структуры безопасности, созданной по инициативе ЮАР и Алжира в составе 14 стран разных регионов Африки [Diallo 2018, p. 4].

CARIC, в отличие от региональных бригад, является структурой исключительно военной (основная единица – тактическая группа немедленного реагирования в 1,5 тыс. человек), не имеет в своем составе гражданского и полицейского компонентов. Одно из преимуществ *CARIC* – относительная финансовая независимость от АС и РЭС. Предполагается, что расходы по развертыванию тактической группы в первый месяц будут покрываться за счет предоставляющих контингенты стран-участниц, без привлечения ресурсов АС.

Отметим, что ни бригады АСПГ, ни тактические группы *CARIC*, несмотря на неоднократные учения и формально признанные боеготовыми, так и не приняли участия в противостоянии джихадистским группировкам в Сахеле, чем-то повторяя на африканской почве судьбу европейских тактических групп в рамках Общей политики безопасности и обороны. Существование *CARIC* и подобных субрегиональных структур свидетельствует о незавершенности и неустойчивости АСПГ: они оттягивают ресурсы, несут риск дублирования усилий в сфере безопасности. Не случайно задача интеграции *CARIC* в АСПГ была выделена в качестве главной на заседании СМБ АС в феврале 2019 г.

Различные инициативы в области безопасности, создание и поддержание сил *ad hoc* (*FMM*, *FMTS*, *FC-G5 S*¹² и др.) для компенсации дефицита реального военного сотрудничества отражают недоверие африканских стран к собственным региональным (ЭКОВАС) и континентальным (АС) структурам ААМБ. Последние показали неспособность обеспечить безопасность без помощи извне. Наблюдается скептицизм и в отношении концепций ООН по поддержанию мира, которые оказались не приспособленными к асимметричному конфликту в Мали, терроризму в регионе.

С начала операции «Сервал» в Мали и ее последующего реформирования в региональную операцию «Бархан» прошло восемь лет, но основную тяжесть военного противостояния продолжает нести на себе Франция. Несмотря на присутствие сил МИНУСМА, активность ССО Франции, действий региональных сил *ad hoc* ситуация в Сахеле продолжает ухудшаться. Ж.-И. Ле Дриан, министр иностранных дел (экс-министр обороны) Франции на 74-й сессии ГА ООН в контексте запуска инициативы «Партнерство для безопасности и стабильности в Сахеле» (*P3 S*)¹³ подчеркнул, что борьба с терроризмом не может больше быть ограничена лишь территорией внутри

12. Многонациональные смешанные силы (*Force multinationale mixte, FMM*); Чадско-суданские смешанные силы (*Force mixte tchado-soudanaise, FMTS*); Объединенные силы Сахельской группы пяти (*Force Conjointe du G5 Sahel, FC-G5 S*).

13. «*Partenariat pour la sécurité et la stabilité du Sahel*», где три S означает безопасность, сотрудничество, Сахель.

пяти стран Сахельского региона. Чтобы помешать расползанию терроризма, он призвал распространить эту борьбу на соседние страны, усилить региональную координацию [Intervention 2019].

Противостояние в Сахеле также показало, что до сих пор ни один из видов разведки не способен помешать террористам планировать и осуществлять широкомасштабные комбинированные операции, где задействованы сотни боевиков, десятки транспортных средств, тяжелое вооружение. Как следствие – огромные деморализующие потери вооруженных сил Мали, Нигера, Буркина Фасо к концу 2019 г., сокращение физического присутствия войск на местах, в пограничных районах Мали и Буркина Фасо, вывод полиции из ряда населенных пунктов.

Франция, имея возможность оказывать влияние, в основном, на военно-силовую составляющую конфликта в Мали и регионе в целом, не располагая ресурсами для усиления давления на террористические группировки (при неэффективности АС и АСПГ), сама вынуждена обращаться за военной помощью. Предполагается, что эта помощь может быть оказана по двум направлениям.

С африканской стороны – Чадом с целью усиления присутствия его войск в центральных районах Мали; Сенегалом и Кот-Д'Ивуаром, которые де-факто участвуют в *FC-G5 S*, разворачивают свои батальоны в пограничных с Сахелем регионах, чтобы дать передышку вооруженным силам Мали, Буркина Фасо и Нигера.

Со стороны ЕС – предполагаемое в 2020 г. развертывание Сил спецопераций стран ЕС «Такуба»¹⁴ для сопровождения местных вооруженных сил в военных операциях пока не получило необходимой поддержки. Скорее всего в 2020 г. в Сахеле будет обострение противостояния, которое, независимо от его исхода, может продвинуть процесс политического урегулирования в Мали, альтернативы которому нет.

Библиография

Acte Constitutif de l'Union Africaine. Lomé (Togo). 2000. Juillet 11. 20 p. URL: https://au.int/sites/default/files/pages/34873-file-constitutive_act_french-1.pdf (дата обращения: 24.12.2019).

Adam B. Mali: de l'intervention militaire française à la reconstruction de l'état. Rapport du GRIP. Bruxelles. 2013. N 3. 28 p.

Ambrosetti D., Esmenjaud R. Le financement des opérations de paix africaines: quatre types d'arrangements et leurs enjeux politiques / L'Architecture de paix et de sécurité en Afrique. P.: L'Harmattan, 2014. P. 135–154.

Ammour L.A. La stratégie algérienne de lutte anti-terroriste: entre impératifs de sécurité intérieure et recherche de stabilité régionale // Bulletin de Documentation. P., 2019. N 22. Octobre.

14. Такуба означает «Меч туарегов».

URL: <https://cf2r.org/documentation/la-strategie-algerienne-de-lutte-anti-terroriste-entre-imperatifs-de-securite-interieure-et-recherche-de-stabilite-regionale/> (дата обращения: 24.12.2019).

Architecture africaine de paix et de sécurité (APSA) // African Union peace and security. 2012. 02.09. URL: <http://www.peaceau.org/fr/topic/the-african-peace-and-security-architecture-apsa> (дата обращения: 24.12.2019).

Bassou A. Architecture Africaine de Paix et de Sécurité: Pertinence dans la conception et difficultés dans les réalisations // Policy Brief. Rabat, 2017. Mars 06. 10 p.

Desmidt S., Hauck V. Gestion des conflits dans le cadre de l'Architecture africaine de paix et de sécurité (APSA) // Document de réflexion ECDPM. Maastricht, 2017. N 211. X+37 p.

Diallo O. L'Architecture africaine de paix et de sécurité dans le Sahel: entre adaptation et compétition face aux menaces régionales // Bulletin Franco-Paix. Montréal, 2018. Vol. 3. N 5–6. Mai-Juin. 13 p.

Dieng M. Lutte contre le terrorisme en Afrique: des armées mieux équipées contrôlent et répriment les populations // The Conversation. Melbourne, 2019. October 29. URL: <https://theconversation.com/lutte-contre-le-terrorisme-en-afrique-des-armees-mieux-equipees-controlent-et-repriment-les-populations-125099> (дата обращения: 24.12.2019).

Esmejaud R. Force africaine en attente // Réseau de recherche sur les opérations de paix (ROP). Montréal, 2011. 16.05. URL: <http://www.operationspaix.net/53-resources/details-lexique/force-africaine-en-attente.html> (дата обращения: 24.12.2019).

Evry A. de. L'opération Serval à l'épreuve du doute: vrais succès et fausses leçons // Focus stratégique. P., 2015. No 59. Juillet. 53 p.

Goya M. La guerre de trois mois: l'intervention française au Mali en perspectives // Politique étrangère. P., 2013/2 (Été). P. 157–168.

Gros-Verheyde N. Mali: jouer l'effet de surprise (général Saint-Quentin) // Le blog de l'Europe politique. Bruxelles, 2013. 26.04. URL: <https://www.bruxelles2.eu/2013/04/general-saint-quentin/> (дата обращения: 24.12.2019).

Guillermard V. France a dépensé 70 millions d'euros dont 50 millions pour «projeter» hommes et matériels sur place // Le Figaro. P., 2013. 07.02. URL: <https://www.lefigaro.fr/conjoncture/2013/02/07/20002-20130207ARTFIG00507-mali-la-france-a-deja-depense-70-millions-d-euros.php> (дата обращения: 24.12.2019).

Hollande F. Les leçons du pouvoir. P.: Stock, 2018. 406 p.

Intervention de M. Jean-Yves Le Drian, Ministre de l'Europe et des Affaires étrangères. 74ème session de l'Assemblée générale des Nations unies, 25 septembre 2019. URL: <https://onu.delegfrance.org/Le-nouveau-Partenariat-pour-la-securite-et-la-stabilite-au-Sahel-est-ambitieux> (дата обращения: 24.12.2019).

Kharief A. Libye: L'Algérie a commencé les opérations commando // El Watan. Alger, 2014. 06.06. URL: <https://www.elwatan.com/edition/actualite/libye-lalgerie-a-commence-les-operations-commando-06-06-2014> (дата обращения: 24.12.2019).

Kwarkye S., Abatan E.J., Matongbada M. L'Initiative d'Accra peut-elle prévenir le terrorisme dans les États côtiers de l'Afrique de l'Ouest? // Institut d'études de sécurité (ISS), 2019. 30.09. URL: <https://issafrica.org/fr/iss-today/linitiative-daccra-peut-elle-prevenir-le-terrorisme-dans-les-etats-cotiers-de-lafrique-de-louest> (дата обращения: 24.12.2019).

La lutte contre le terrorisme en Afrique: Acte de bienveillance ou prétexte géostratégique? / M. Dieng, Ph. Onguny, I.K. Souaré (dir.). Montréal: Presses de l'Université de Montréal, 2019. 232 p.

Lancement officiel du Forum mondial de lutte contre le terrorisme. Déclaration politique. N.Y., 2011. 22.09. 5 p. URL: https://www.thegctf.org/Portals/1/Documents/Foundational%20Documents/GCTF-Political-Declaration_FRE.pdf (дата обращения: 24.12.2019).

Le Conseil de sécurité débat du financement des opérations de paix de l'Union africaine. N.Y. 2018. 06.12. URL: <https://www.un.org/press/fr/2018/cs13609.doc.htm> (дата обращения: 24.12.2019).

Les opérations extérieures de la France 2012–2015. Communication à la commission des finances du Sénat. P.: Cour des comptes. 2016. Octobre. 160 p.

Mandraud I. L'armée algérienne aurait franchi la frontière avec la Libye // *Le Monde*. P., 2014. 10.06. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2014/06/10/l-armee-algerienne-aurait-franchi-la-frontiere-avec-la-libye_4435282_3210.html (дата обращения: 24.12.2019).

Mvé Ella L. Le rôle des organisations africaines dans la crise malienne // *Civitas Europa*. Nancy, 2013. N 31. P. 123–144.

Pérouse de Monclos M.-A. L'Afrique, nouvelle frontière du djihad? P.: La Découverte, 2018. 239 p.

Principaux résultats du Conseil de l'Union européenne. 3078 ème session. Affaires étrangères. Bruxelles, 2011. 21.03. 22 p. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/press-data/FR/foraff/120188.pdf (дата обращения: 24.12.2019).

Protocole d'accord de coopération dans le domaine de la paix et de la sécurité entre l'Union africaine, les Communautés économiques régionales et les mécanismes de coordination des brigades régionales en attente de l'Afrique de l'Est et de l'Afrique du Nord, 2008. 12 p. URL: <http://www.peaceau.org/URLoads/mou-au-recs-fr.pdf> (дата обращения: 24.12.2019).

Protocole relatif à la création du Conseil de paix et de sécurité de l'Union Africaine. Durban, 2002. 09.07. URL: <http://www.peaceau.org/URLoads/psc-protocol-fr.pdf> (дата обращения: 24.12.2019).

Rapport sur les opérations de soutien de la paix – engagement de l'Union européenne vis-à-vis des Nations unies et de l'Union africaine. Bruxelles, 2016.28.4. 19 p.

Servent P. Les présidents et la guerre. P.: Perrin, 2019. 513 p.

Simon L., Mattelaer A., Hadfield A. Une stratégie cohérente de l'UE pour le Sahel. Bruxelles: Parlement européen, 2012. Mai. 42 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2012/433778/EXPO-DEVE_ET\(2012\)433778_FR.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2012/433778/EXPO-DEVE_ET(2012)433778_FR.pdf) (дата обращения: 24.12.2019).

Tardy Th. Gestion de crise, maintien et consolidation de la paix. Acteurs, activités, défis. Bruxelles: De Boeck, 2009. 286 p.

Villiers P. de. «La société française souffre d'une crise de l'autorité». Entretien // *Le Monde*. P., 2019.21.12. P. 12.

References

Acte Constitutif de l'Union Africaine. Lomé (Togo). 2000. Juillet 11. 20 p. URL: https://au.int/sites/default/files/pages/34873-file-constitutive_act_french-1.pdf (date of access: 24.12.2019).

Adam B. Mali: de l'intervention militaire française à la reconstruction de l'état. Rapport du GRIP. Bruxelles. 2013. N 3. 28 p.

Ambrosetti D., Esmenjaud R. Le financement des opérations de paix africaines: quatre types d'arrangements et leurs enjeux politiques. L'Architecture de paix et de sécurité en Afrique. P.: L'Harmattan, 2014. P. 135–154.

Ammour L.A. La stratégie algérienne de lutte anti-terroriste: entre impératifs de sécurité intérieure et recherche de stabilité régionale. Bulletin de Documentation. P., 2019. N 22. Octobre. URL: <https://cf2r.org/documentation/la-strategie-algerienne-de-lutte-anti-terroriste-entre-imperatifs-de-securite-interieure-et-recherche-de-stabilite-regionale/> (date of access: 24.12.2019).

Architecture africaine de paix et de sécurité (APSA). African Union peace and security. 2012. 02.09. URL: <http://www.peaceau.org/fr/topic/the-african-peace-and-security-architecture-apsa> (date of access: 24.12.2019).

Bassou A. Architecture Africaine de Paix et de Sécurité: Pertinence dans la conception et difficultés dans les réalisations. Policy Brief, Rabat, 2017. Mars 06. 10 p.

Desmidt S., Hauck V. Gestion des conflits dans le cadre de l'Architecture africaine de paix et de sécurité (APSA). Document de réflexion ECDPM. Maastricht, 2017. N 211. X+37 p.

Diallo O. L'Architecture africaine de paix et de sécurité dans le Sahel: entre adaptation et compétition face aux menaces régionales. Bulletin Franco-Paix. Montréal, 2018. Vol. 3. N 5–6. Mai-Juin. 13 p.

Dieng M. Lutte contre le terrorisme en Afrique: des armées mieux équipées contrôlent et répriment les populations. The Conversation. Melbourne, 2019. October 29. URL: <https://theconversation.com/lutte-contre-le-terrorisme-en-afrique-des-armees-mieux-equipees-controlent-et-repriment-les-populations-125099> (date of access: 24.12.2019).

Esmenjaud R. Force africaine en attente. Réseau de recherche sur les opérations de paix (ROP). Montréal, 2011. 16.05. URL: <http://www.operationspaix.net/53-resources/details-lexique/force-africaine-en-attente.html> (date of access: 24.12.2019).

Evry A. de. L'opération Serval à l'épreuve du doute: vrais succès et fausses leçons. Focus stratégique. P., 2015. No 59. Juillet. 53 p.

Goya M. La guerre de trois mois: l'intervention française au Mali en perspectives. Politique étrangère. P., 2013/2 (Été). P. 157–168.

Gros-Verheyde N. Mali: jouer l'effet de surprise (général Saint-Quentin). Le blog de l'Europe politique. Bruxelles, 2013. 26.04. URL: <https://www.bruxelles2.eu/2013/04/general-saint-quentin/> (date of access: 24.12.2019).

Guillermard V. France a dépensé 70 millions d'euros dont 50 millions pour «projeter» hommes et matériels sur place. Le Figaro. P., 2013. 07.02. URL: <https://www.lefigaro.fr/conjoncture/2013/02/07/20002-20130207ARTFIG00507-mali-la-france-a-deja-depense-70-millions-d-euros.php> (date of access: 24.12.2019).

Hollande F. Les leçons du pouvoir. P.: Stock, 2018. 406 p.

Intervention de M. Jean-Yves Le Drian, Ministre de l'Europe et des Affaires étrangères. 74ème session de l'Assemblée générale des Nations unies, 25 septembre 2019. URL: <https://onu.deleg-france.org/Le-nouveau-Partenariat-pour-la-securite-et-la-stabilite-au-Sahel-est-ambitieux> (date of access: 24.12.2019).

Kharief A. Libye: L'Algérie a commencé les opérations commando. El Watan. Alger, 2014. 06.06. URL: <https://www.elwatan.com/edition/actualite/libye-lalgerie-a-commence-les-operations-commando-06-06-2014> (date of access: 24.12.2019).

Kwarkye S., Abatan E.J., Matongbada M. L'Initiative d'Accra peut-elle prévenir le terrorisme dans les États côtiers de l'Afrique de l'Ouest? Institut d'études de sécurité (ISS), 2019. 30.09. URL: <https://issafrica.org/fr/iss-today/initiative-daccra-peut-elle-prevenir-le-terrorisme-dans-les-etats-cotiers-de-lafrique-de-louest> (date of access: 24.12.2019).

La lutte contre le terrorisme en Afrique: Acte de bienveillance ou prétexte géostratégique? M. Dieng, Ph. Onguny, I.K. Souaré (dir.). Montréal: Presses de l'Université de Montréal, 2019. 232 p.

Lancement officiel du Forum mondial de lutte contre le terrorisme. Déclaration politique. N.Y., 2011. 22.09. 5 p. URL: https://www.thegctf.org/Portals/1/Documents/Foundational%20Documents/GCTF-Political-Declaration_FRE.pdf (date of access: 24.12.2019).

Le Conseil de sécurité débat du financement des opérations de paix de l'Union africaine. N.Y. 2018. 06.12. URL: <https://www.un.org/press/fr/2018/cs13609.doc.htm> (date of access: 24.12.2019).

Les opérations extérieures de la France 2012–2015. Communication à la commission des finances du Sénat. P.: Cour des comptes. 2016. Octobre. 160 p.

Mandraud I. L'armée algérienne aurait franchi la frontière avec la Libye. *Le Monde*. P., 2014. 10.06. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2014/06/10/l-armee-algerienne-aurait-franchi-la-frontiere-avec-la-libye_4435282_3210.html (date of access: 24.12.2019).

Mvé Ella L. Le rôle des organisations africaines dans la crise malienne. *Civitas Europa*. Nancy, 2013. N 31. P. 123–144.

Pérouse de Monclos M.-A. L'Afrique, nouvelle frontière du djihad? P.: La Découverte, 2018. 239 p.

Principaux résultats du Conseil de l'Union européenne. 3078ème session. Affaires étrangères. Bruxelles, 2011. 21.03. 22 p. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/press-data/FR/foraff/120188.pdf (date of access: 24.12.2019).

Protocole d'accord de coopération dans le domaine de la paix et de la sécurité entre l'Union africaine, les Communautés économiques régionales et les mécanismes de coordination des brigades régionales en attente de l'Afrique de l'Est et de l'Afrique du Nord, 2008. 12 p. URL: <http://www.peaceau.org/URLoads/mou-au-recs-fr.pdf> (date of access: 24.12.2019).

Protocole relatif à la création du Conseil de paix et de sécurité de l'Union Africaine. Durban, 2002. 09.07. URL: <http://www.peaceau.org/URLoads/psc-protocol-fr.pdf> (date of access: 24.12.2019).

Rapport sur les opérations de soutien de la paix – engagement de l'Union européenne vis-à-vis des Nations unies et de l'Union africaine. Bruxelles, 2016.28.4. 19 p.

Servent P. Les présidents et la guerre. P.: Perrin, 2019. 513 p.

Simon L., Mattelaer A., Hadfield A. Une stratégie cohérente de l'UE pour le Sahel. Bruxelles: Parlement européen, 2012. Mai. 42 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2012/433778/EXPO-DEVE_ET\(2012\)433778_FR.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2012/433778/EXPO-DEVE_ET(2012)433778_FR.pdf) (date of access: 24.12.2019).

Tardy Th. Gestion de crise, maintien et consolidation de la paix. Acteurs, activités, défis. Bruxelles: De Boeck, 2009. 286 p.

Villiers P. de. «La société française souffre d'une crise de l'autorité». Entretien. *Le Monde*. P., 2019.21.12. P. 12.

В.А. Яковенко

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Н.А. СЕМАШКО (1918–1928 гг.)*

***Аннотация.** Деятельность первого народного комиссара здравоохранения Николая Александровича Семашко довольно подробно представлена в историографии. Но никто из исследователей не изучал участие Семашко в формировании стратификации населения Советской России. В статье проанализировано как Н.А. Семашко создавал социальную стратификацию в своей публицистике в 1918–1928 гг. Источниками исследования выступают брошюры и статьи Семашко. Автор статьи выделяет в публицистике наркома такие категории, как коммунисты, красноармейцы, пролетарии, рабочие, крестьяне, служащие, инвалиды, дети, молодежь, учащиеся, трудящиеся, нэпманы, спекулянты и паразиты. Показано, что Семашко опирался на медицинский и партийный дискурсы. Нарком использовал наработки социальной гигиены и других медицинских дисциплин. Одновременно с этим Семашко задействовал партийную лексику, делал ссылки на В.И. Ленина. Он обогащал медицинское политическим и применял гибридные понятия, такие как «пролетарская болезнь» и «советская изношенность». Поэтому социальная стратификация, которую конструировал Семашко, отличалась от той, что предлагали его соратники по партии. Исследование демонстрирует, что за делением населения на социальные группы по разным критериям скрывались биополитическая забота о группах населения и отношение к ним как к ресурсу и объекту медицинского контроля; наделение категорий населения субъектностью; доступ социальных групп к медицинским благам. Автор также указывает, что в публицистике Семашко существовали различные степени доступа к медицинским ресурсам и субъектности. Причем степень субъектности могла меняться с течением времени.*

***Ключевые слова:** советская медицина; Н.А. Семашко; социальная стратификация; биополитика; социальная гигиена; санитарное просвещение.*

**Яковенко Владислав Алексеевич – аспирант
Школы исторических наук, стажер-исследователь ИГИТИ
им. А.В. Полетаева факультета гуманитарных наук,
НИУ «Высшая школа экономики», Россия, Москва.**

** Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, грант № 19-48-04110.*

E-mail: v0395@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: AAC-5543-2020

Yakovenko V.A. The Health of Population and Social Stratification in N.A. Semashko's Publicistic Writing (1918–1928)

Abstract. *The life of Nikolai Alexandrovich Semashko is quite well studied in historiography. However, the researchers have not paid much attention to the fact that Semashko participated in the works pertaining to the stratification of population in the Soviet Russia. The present article analyzes the approach of the first People's Commissar of Public Health to the issues of social stratification, covering the period from 1918 to 1928. The paper draws on brochures and articles by Semashko. In his works, Semashko identified such categories of population as communists, Red Army soldiers, proletarians, workers, peasants, white-collars, the disabled, children, youth, students, laborers, nepmans, speculators and parasites. In doing so, he built upon both medical and party discourses as well as the sources on social hygiene and other branches of medicine. One may also notice his frequent recourse to the party vocabulary and references to V.I. Lenin. As a result, Semashko's works present a rich mixture of political and medicinal approaches. Interesting are such hybrid notions devised by him as «a proletarian disease» and «the Soviet wear on». Semashko's theory was quite different from the views maintained by his party comrades. There were three criteria for his division of population into social groups, namely, «a biopolitical care» for various population groups, which were seen as a resource and object of a medical control; their representation as rightful subjects; admittance of social groups to medicinal public goods.*

Keywords: *Soviet Medicine; N.A. Semashko; Social Stratification; biopolitics; social hygiene; sanitary enlightenment.*

Yakovenko Vladislav Alekseevich – PhD Student of the School of History, Research Assistant of Poletaev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities (IGITI), Faculty of Humanities, National Research University «Higher School of Economics», Russia, Moscow. E-mail: v0395@yandex.ru Web of Science Researcher ID: AAC-5543-2020

Николай Александрович Семашко – первый глава Народного комиссариата здравоохранения (НКЗ) и один из организаторов советской медицины. После революции его статьи печатались в крупнейших изданиях, брошюры с его именем на обложке расходились тысячными и даже десятитысячными тиражами, а программные тексты за его авторством переиздавались несколько раз за короткое время. Деятельность Николая Семашко представляет собой обстоятельно и разносторонне изученный вопрос. В многочисленных публикациях по теме изучены разные аспекты работы первого наркома здравоохранения: его роль в организации советской медицины, его международные контакты, работа по охране материнства и детства, усилия по устройству

санаторно-курортной системы и т.д. [см., например: Арсентьев, Решетников 2018; Егорышева, Морозова, Поддубный 2017, с. 76; Касимовская, Несвижский, Решетников 2014; Мирский 2005, с. 355–409]. Однако никто из исследователей не уделял внимания тому, что Семашко, как и другие представители советского руководства, участвовал в формировании стратификации населения Советской России. Между тем анализ этой проблематики позволяет глубже понять раннюю советскую медицину и ее взаимодействие с политикой и расширить наши представления о дискурсе советской медицины. В ходе исследования автор постарается показать, как конструировалась социальная стратификация в публицистике Н.А. Семашко, а также какие глобальные темы стояли за разговорами о различных категориях населения. В качестве точки отсчета был выбран 1918 год, когда Семашко стал наркомом. Окончить анализ предлагается 1928-м годом, когда вектор развития советской системы, в том числе и социальной политики, сменился в связи с переходом к первой пятилетке. Источником исследования выступает публицистика Семашко за соответствующий период, а именно – его статьи и брошюры.

Мертвые наркомы и здоровье коммунистов

Смерть политических руководителей в любом государстве сопровождается оглаской и советские наркомы в этом смысле не были исключением. Одним из первых советских руководителей в 1920 г. скончался нарком почт и телеграфов В.Н. Подбельский. Его смерть была отмечена в «Известиях» и «Правде» достаточно скромно: появилось несколько кратких заметок за авторством партийных лидеров. Но спустя три года в «Известиях» была опубликована статья Н.А. Семашко «Охрана здоровья коммунистов», начинавшаяся с указания на нелепость смерти Подбельского: по официальной версии, она наступила от того, что истощенный перенапряжением организм комиссара не смог справиться с царапиной, полученной на воскреснике [Семашко 1923 в]. Семашко отмечал, что коммунисты – это не все население, и не обладатели партийного билета, но «авангард революции», переживший «пять лет непосильной работы». Это отсылает одновременно к работе В.И. Ленина «Государство и революция», а также в целом к советскому политическому дискурсу периода 1920–1930 гг., в котором революционный опыт занимал важное место [Ленин, 1969, с. 26]. Коммунисты, по Семашко, были исключительны и заслуживали особых санаториев для лечения нервных болезней [Семашко, 1923 в].

Впрочем автор уравнивал коммунистов с остальным населением, патетически заявляя, что нервные болезни и переутомление – профессиональные болезни коммунистов: «Каждый работающий имеет право на защиту от этих “вредностей”»: печатник – от пыли, литейщик – от жары; точно так же, как

коммунист – от непрерывного труда, нервно-напряженной работы и результатов 5-летнего горения в огне революции» [Семашко 1923 в]. В качестве еще одного аргумента Семашко использовал материалы вскрытия тела В.И. Ленина. Семашко объяснял: «“Уязвимым” местом у Владимира Ильича был головной мозг: он постоянно был в напряженной работе, он систематически переутомлялся, вся напряженная деятельность и все волнения ударили прежде всего по мозгу» [Семашко 1924 а]¹.

Нервные заболевания и перенапряжение закрепились в публицистике главы Наркомздрава как специфическая проблема коммунистов. А вот риторика революционной борьбы со временем сменилась разговором о «советской изношенности» партийных работников, вызванной «усиленной советской работой» по строительству социализма². В качестве примеров Н.А. Семашко приводил покойных наркома финансов И.И. Скворцова-Степанова и своего коллегу по комиссариату З.П. Соловьева, одного из основателей советской медицины [Семашко 1928 б].

Красные воины под опекой красных медсестер

Революция вершилась не только элитами, руководившими кровопролитием, но и теми, кто эту кровь непосредственно проливал. Поэтому важной темой для Семашко было здоровье красноармейцев. Он утверждал, что «красный персонал», в том числе и медсестры, работает лучше любого другого. Этот персонал в годы Гражданской войны, естественно, обслуживал красноармейцев или, как их иногда называл Семашко, «красных воинов». Нарком указывал, что красноармейцы – это рабочие и крестьяне, но не все, а лишь те, кто «кровью своей отстоял неприкосновенность Советской Республики от врагов» [Семашко 1920 а].

После окончания Гражданской войны рабочие и крестьяне, служившие в армии, вернулись к мирной деятельности. В 1924 г. в контексте разговора о санаторном лечении красноармейцы уже четко отделялись Семашко от этих двух групп, но стояли рядом с ними [Семашко 1924 б, с. 20–21]. Это сохранялось и к 1928 г., причем красноармейца нарком считал более здоровым и про-

1. Теория профессиональных заболеваний активно разрабатывалась в России в первой четверти XX в. Ее наиболее известными представителями можно считать санитарного статистика С.М. Богословского (Москва), специалиста по социальному страхованию Н.А. Вигдорчика (Ленинград, Иркутск) и др. Работавшие в этой области изучали влияние условий труда на здоровье представителей различных групп населения.

2. Изначально концепт «советской изношенности» был предложен медиком и «старым большевиком» А.А. Богдановым, который в 1926–1928 гг. был главой Института переливания крови в Москве [Семашко 1928 б].

свещенным, чем гражданское население – красный воин сам спешил к врачу при обнаружении симптомов венерических заболеваний [Семашко 1928 а].

**Пролетарии: Крестьянин как союзник рабочего,
рабочий как шеф крестьянина**

Одной из наиболее распространенных публикаций Н.А. Семашко была санитарно-просветительская брошюра «Пролетарская болезнь (туберкулез)», выдержавшая с 1920 по 1928 г. несколько изданий. Ее модифицированная версия «Чихотка – бич крестьян» вышла в 1925 г. и была дважды переиздана. Название оригинальной брошюры определило ее потенциальную аудиторию, в качестве которой Семашко видел пролетариат. Но кого нарком под ним понимал? Поначалу речь идет лишь о рабочих, но уже под заголовком есть посвящение «всем сознательным рабочим и крестьянам» [Семашко 1920 б, с. 3]. Отсылка к ленинской идее содружества рабочего и крестьянина содержала два важных аспекта.

Во-первых, Ленин вводил понятия «городской пролетариат» и «сельский пролетариат», тождественные бедному крестьянству и рабочим [Ленин 1967, с. 341–346]. Семашко в 1919 г. говорил, что «советская власть, это – власть пролетариев города и деревни», которые должны быть субъектом, а не объектом управления [Семашко 1919, с. 11]. Спустя три года руководитель Наркомздрава употреблял понятие «городской пролетариат», тем самым имплицитно указывая на наличие «сельского» [Семашко 1922, с. 518]. Между ними должен был образовываться альянс, говоря словами тех лет – смычка [Семашко 1926, с. 12].

Во-вторых, Ленин утверждал, что более сознательному рабочему надо вести за собой крестьянина, быть его «шефом». Руководитель Народного комиссариата здравоохранения также транслировал эту идею, прямо ссылаясь в своей статье на вождя. Семашко сообщал о «культурном шефстве рабочих (города) над крестьянами (деревней)», частью которого должна была быть санитарная помощь [Семашко 1923 а]. Представление о более высоком уровне знаний рабочего отражено и в названиях брошюр: для рабочих используется более современное слово «туберкулез», для крестьян – традиционное наименование «чихотка» [Семашко 1920 б; Семашко 1925].

Отдельно следует отметить, что хотя Семашко в основном оперировал категориями «рабочий» и «крестьянин», он хорошо понимал их внутреннюю гетерогенность. Например, среди крестьян он выделял как минимум три подгруппы: занимающиеся исключительно сельским хозяйством, кустари и отходники [Семашко 1925, с. 7–11]. Рабочих нарком делил по профессиям –

упоминались печатники, литейщики, металлисты и т.д. [Семашко 1927 а, с. 12–13]³.

Служащие как «неудобная» группа

Подводя в 1922 г. промежуточные итоги существования советского здравоохранения, Н.А. Семашко указывал, что оно создавалось в интересах рабочих и крестьян [Семашко 1922, с. 519]. Понятно, что далеко не все население Советской России входило в эти социальные группы. В брошюре о туберкулезе обнаруживается категория «городской житель», идущая рядом с рабочими и крестьянами [Семашко 1920 б, с. 15]. Следуя за Шейлой Фитцпатрик, которая указывала, что категория «служащий» в 1920-х годах напоминала сословие мещан в Российской империи, я склонен расценивать это словосочетание как осторожное упоминание служащих [Фитцпатрик 2003, с. 144–145].

В тексте наркома о курортах, датированном 1924 г., служащие упоминаются уже прямо. Н.А. Семашко сообщал, что бесплатные места в государственные санаторно-курортные учреждения давались в основном рабочим, крестьянам и красноармейцам, а также «ответственным и партийным работникам». Те из рабочих, крестьян и красноармейцев, кому не хватило бесплатных мест, попадали на платные, но получали существенную скидку. Служащие же платили всегда, для них никаких льгот не предусматривалось [Семашко 1924 б, с. 20–21].

К 1927–1928 гг. в своих текстах о социальной гигиене и профилактике руководитель Наркомздрава говорил о восьмичасовом рабочем дне, введенном в Советской России, и утверждал, что такое положение дел приносит пользу для «всего рабочего и всего служащего населения», а также сообщал об «оздоровлении труда рабочих и служащих» [Семашко 1927 б, с. 139; Семашко 1928 в, с. 178].

Недавно переведенная на русский язык классическая работа Т. Шанина о российском крестьянстве в 1910–1925 гг. в отечественном издании озаглавлена «Неудобный класс» [Шанин 2019]. Можно предположить, что в представлениях руководителя Наркомздрава такой «неудобной» группой были служащие. Они не были классом в традиционном марксистском понимании, что усложняло попытки расположить их в системе координат советского общества. Эта группа была многочисленна и хотя не принадлежала к буржуазии в прямом смысле, в понимании Ленина, но несла с собой дореволюционное «буржуазное» прошлое и привычки [Ленин 1970 а, с. 102]. Отношение к этой группе усложняло еще и то, что формально вся партийная верхушка оказыва-

3. Это снова отсылает нас к теории профессиональных заболеваний.

лась в числе служащих, хотя Семашко упорно выделял партийцев в самостоятельную группу.

Смена статуса через инвалидность

До этого речь шла в основном о категориях, тесно связанных с большевистской идеологией и марксистским понятийным аппаратом, правда в медицинском преломлении. Особое место занимали инвалиды, поскольку это в первую очередь была категория медицинская. В качестве самостоятельной группы инвалиды обнаруживаются в публицистике Н.А. Семашко не позднее 1920 г. [Семашко 1920 б, с. 15].

Как отмечала американская писательница Сьюзан Зонтаг: «Каждый из родившихся имеет два паспорта – в царстве здоровых и в царстве больных» [Зонтаг 2016, с. 7]. С утратой трудоспособности человек терял старый статус, но приобретал новый и определялся в публицистике Н.А. Семашко уже как инвалид. В 1924 г. нарком здравоохранения с гордостью писал: «Эти пониженные цены (на курортное обслуживание. – В. Я.) стали доступны многим трудящимся, и таким образом не одна тысяча больных рабочих, крестьян, инвалидов получила себе помощь на курортах за свой счет» [Семашко 1924 б, с. 21]. Впрочем, возможность возвращения в старую группу не исключалась: «Каждый инвалид физического или умственного труда сейчас же нашел бы приют-санаторий, который восстановит его трудоспособность, а не оставит его калекой, живущим и себе, и государству в тягость» [Семашко 1920 б, с. 15].

Дети как «живые ресурсы», молодежь как двигатель оздоровления

Молодые люди занимали важное место в советском дискурсе, частью которого был Н.А. Семашко. В публицистике главы Наркомздрава были две категории населения, которые соотносились с юностью: дети и молодежь. Дети, согласно Семашко, не обладали самостоятельностью, легко заболевали и требовали заботы о себе как «живые ресурсы» Советской России [Семашко 1967, с. 291–292]. При этом они очень витальны и выздоравливают быстрее, чем взрослые: «Детский организм тем отличается от взрослого, что в благоприятных условиях он скорее, чем взрослый, излечивает свои поражения (травмы)» [Семашко 1923 б].

О молодежи Семашко писал как о двигателе построения нового социалистического государства в целом и символе здорового быта, в частности. В «крестьянском» варианте брошюры о туберкулезе Семашко отмечал: «Особенно (готова к новой жизни. – В. Я.) крестьянская молодежь, которая вот уже восемь лет живет свободной, сознательной жизнью – она легче пере-

строит этот (ведущий к болезням. – В. Я.) быт. <...> Крестьянская молодежь получает знание, а знание – прямой путь к здоровью» [Семашко, 1925, с. 38]. Молодежь оказывалась группой населения, которая созрела для действия, была осведомлена лучше старших и имела меньше отрицательного дореволюционного опыта.

В брошюре о курортах упоминается еще одна, связанная с юностью группа – учащиеся, стоявшие в одном ряду с детьми, рабочими, крестьянами и т.д. [Семашко 1924 б, с. 20]. Учащиеся представляли собой часть детей и молодежи, связанную с учебными заведениями: «Большого внимания заслуживают предупредительные меры в школах. Надо иметь в виду, что дети особенно легко заболевают испанкой» [Семашко 1927 а, с. 20].

Трудящиеся и заразные болезни

В цитате об инвалидах было упомянуто слово «трудящиеся» [Семашко 1924 б, с. 21]. Этой категорией нарком старался объединить многообразие групп населения, фигурировавших в его публицистике. К концу текста о туберкулезе Н.А. Семашко писал, что эта болезнь – враг трудящихся, уточнив: «Нужно это дело (устройство туберкулезных санаториев. – В. Я.) поставить так широко, чтобы каждый труженик – рабочий, крестьянин, городской житель, – надорвавший свое здоровье, подправил его» [Семашко 1920 б, с. 15–16]. Этому вторил «крестьянский» вариант брошюры: «Борьба с туберкулезом будет успешна только тогда, когда и крестьяне будут проводить на деле основное правило советской медицины: “охрана здоровья трудящихся есть дело самих трудящихся”» [Семашко 1925, с. 39].

Подобные обороты Семашко использовал в контексте борьбы с испанским гриппом в 1927 г., расширяя границы категории «трудящийся» указанием-лозунгом: «Не должно быть ни одной школы, ни одного красноармейца, даже ни одного рабочего и, по возможности, ни одного крестьянина, который не знал бы о грозящей опасности (испанском гриппе. – В. Я.). <...> “Испанка” встретит стальную стену отпора со стороны трудящихся» [Семашко 1927 а, с. 21–22].

Нэпманы и медицинская стигма

С введением в 1921 г. новой экономической политики в Советской России появились нэпманы, «советские буржуа», которых довольно быстро обложили сверхналогом. Эту меру как бы объяснял Семашко: «С нэпманов мы брали (за место в санатории. – В. Я.) гораздо дороже (иногда вдвое и втрое), “стригли” их пониже, чтобы этой прибылью доплачивать за несостоятельных больных» [Семашко 1924 б, с. 21]. По Семашко, нэпман имел право на пользование благами советской медицины, но должен был платить за эти услуги

больше остальных. Если служащие были «неудобной» группой, то нэпманы открыто подвергались дискриминации.

В одном ряду с нэпманами стояли спекулянты и паразиты⁴. Семашко с гордостью писал о них: «Паразиты, спекулянты, нэпманы ни одной из государственных (курортных. – В. Я.) коек не воспользовались» [Семашко 1924 б, с. 20].

Заключение

Публицистика Н.А. Семашко была интертекстуальна и интердискурсивна. Глава Наркомздрава инкорпорировал в нее предшествовавшие высказывания из двух областей. Как профессиональный врач и глава медицинского ведомства, Семашко отсылал к медицинскому дискурсу. Нарком опирался на работы социальной гигиены, эпидемиологии, физической культуры и теории профессиональной заболеваемости. Одновременно с этим, как «старый большевик», он использовал партийную лексику, делал прямые и скрытые ссылки на В.И. Ленина, употреблял слово «уклон» в одном из текстов о физкультуре [Семашко 1967 а, с. 267]⁵. На представленном материале хорошо видно, как Семашко использовал интердискурсивные медико-политические гибриды: «пролетарская болезнь», «советская изношенность». Обогащаемым высказыванием здесь обычно являлось медицинское, к которому присоединялось политическое. Гибридизация и дискурсивное двухголосие делали стратификацию, которую конструировал глава Наркомздрава, отличной от той, что предлагали его соратники по партии [см., например: Бугров 2018].

Сортируя население по социальным «ячейкам», Семашко использовал разные критерии: революционный опыт, имущественное положение, отношение к средствам производства, возраст, санитарную специфику труда и т.д. Такой подход кажется довольно несвязным и хаотичным, особенно с учетом проницаемости границ категорий, которая видна на примере возможности включения в категории инвалиды или красноармейцы и исключения из них.

4. Изначально нейтральное слово «спекулянт» в годы Гражданской войны, когда подобная деятельность была запрещена и осуждается, приобрело однозначно негативный смысл, закрепленный Лениным [Ленин 1970 б, с. 207–208]. Если категория спекулянтов имела экономическую генеалогию, то паразиты происходили уже из медико-биологической лексики и были в исследуемую эпоху синонимом для «групп-эксплуататоров».

5. При этом похоже, что в изучаемый период Семашко практически избегал ссылок, во всяком случае прямых, на других представителей политической верхушки. Мне удалось найти лишь одну явную ссылку на другого партийного деятеля. Это цитирование Семашко высказывания о вреде водки и самогона, которое якобы произнес Л.Д. Троцкий [Семашко 1927 б, с. 19].

По-видимому, речь шла о трех взаимопроникающих сюжетах. Первое, о чем необходимо сказать, – это биополитическая забота о населении. Пример тому красноармейцы, которые в Гражданскую войну постоянно рисковали жизнью и здоровьем и требовали опеки медсестер. Еще ярче эта тема проявляется в случае с детьми – Семашко призывал заботиться об этих «живых ресурсах» Советского государства. Характерно, что речи о стариках нарком не вел, а инвалиды для него возникали в контексте их возвращения к труду. Образно говоря, он рассматривал население как ресурс и объект медицинского контроля. Кроме того, Семашко также наделял группы субъектностью и прямо призывал пролетариев быть не объектом, а субъектом управления. При этом крестьяне обладали меньшей степенью субъектности, чем рабочие. Красноармейцы с течением времени переходили из первой категории в последнюю, что очень хорошо демонстрирует изменение языка публицистики наркома. Если в 1920 г. об этой группе заботились, то к 1928 г. ее представители уже обращались за помощью по своей инициативе. Само население, будучи ресурсом государства, тоже нуждалось в ресурсах, но медицинских. Когда глава Наркомздрава писал об отдельных санаториях для коммунистов, скидках для рабочих и крестьян, отсутствии таковых для служащих, переплате нэпманов, он говорил об уровнях доступа разных категорий населения к медицинским благам. Вопрос о том, как и в какой мере публицистика Н.А. Семашко влияла на дискурсы и практики советского здравоохранения остается открытым для дальнейших исследований.

Библиография

- Арсентьев Е.В., Решетников В.А. К биографии Н.А. Семашко: деятельность первого наркома здравоохранения в 1920–1925 гг. // История медицины. 2018. № 3. С. 217–229.
- Бугров К.Д. Социальная инженерия советской власти // Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования. СПб.: Алетей, 2018. С. 265–314.
- Егорышева И.В., Морозова А.В., Поддубный М.Ю. Международное сотрудничество Наркомата здравоохранения в период 1920–1930 годов // Вестник современной клинической медицины. 2017. Т. 10. Вып. 5. С. 74–78.
- Зонтаг С. Болезнь как метафора. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 176 с.
- Касимовская Ю.В., Несвижский Ю.В., Решетников В.А. Н.А. Семашко – теоретик и организатор здравоохранения // История медицины. 2014. № 3. С. 24–29.
- Ленин В.И. Государство и революция: учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 1–120.
- Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. М.: Политиздат, 1970 а. С. 1–104.
- Ленин В.И. О продовольственном налоге // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. М.: Политиздат, 1970 б. С. 205–245.
- Ленин В.И. Пролетариат и крестьянство // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. М.: Политиздат, 1967. С. 341–146.
- Мирский М.Б. Медицина России X–XX веков. М.: РОССПЭН, 2005. 632 с.

- Семашко Н.А. Берегись гриппа. М.: Госиздат, 1927 а. 24 с.
- Семашко Н.А. Борьба за культуру в деревне // Известия. 1923 а. № 83. С. 1.
- Семашко Н.А. Здоровье Красной Армии // Известия. 1928 а. № 47. С. 3.
- Семашко Н.А. Итоги и перспективы научной работы по физической культуре // Семашко Н.А. Избр. произв. М.: Медицина, 1967 а. С. 267–269.
- Семашко Н.А. Как отдыхать летом. М.: Госиздат, 1926. 15 с.
- Семашко Н.А. Красный воин и красная сестра // Правда. 1920 а. № 250. С. 5.
- Семашко Н.А. К неделе беспризорного и больного ребенка // Известия. 1923 б. № 53. С. 3.
- Семашко Н.А. Народный комиссариат здравоохранения // Пять лет власти Советов. М.: ВЦИК, 1922. С. 518–530.
- Семашко Н.А. На борьбу с пьянством. М.: Госиздат, 1927 б. 24 с.
- Семашко Н.А. На борьбу с советской изношенностью // Известия. 1928 б. № 273. С. 7.
- Семашко Н.А. Основы советской медицины. М.: Наркомздрав, 1919. 20 с.
- Семашко Н.А. Охрана здоровья коммунистов // Известия. 1923 в. № 35. С. 3.
- Семашко Н.А. Политика советской власти и социальная гигиена // Семашко Н.А. Избранные произведения. М.: Медицина, 1967 б. С. 135–144.
- Семашко Н.А. Пролетарская болезнь (туберкулез). М.: Наркомздрав, 1920 б. 16 с.
- Семашко Н.А. Профилактическое направление в лечебной медицине // Семашко Н.А. Избранные произведения. М.: Медицина, 1967 в. С. 174–181.
- Семашко Н.А. Пять лет борьбы за мать и ребенка // Семашко Н.А. Избранные произведения. М.: Медицина, 1967 г. С. 291–292.
- Семашко Н.А. Чихотка – бич крестьян. М.: Наркомздрав, 1925. 40 с.
- Семашко Н.А. Что дало вскрытие тела Владимира Ильича // Известия. 1924 а. № 20. С. 1.
- Семашко Н.А. Что такое курорты и как на них лечиться. М.: Госиздат, 1924 б. 32 с.
- Фитцпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Россия и современный мир. 2003. № 2. С. 133–151.
- Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925. М.: Дело, 2019. 408 с.

References

- Arsent'ev E.V., Reshetnikov V.A. K biografii N.A. Semashko: deyatel'nost' pervogo narkoma zdravooxraneniya v 1920–1925 gg. Istoriya mediciny' [Arsentyev E.V., Reshetnikov V.A. To the biography of N.A. Semashko: the activities of the first People's Commissar of Health in 1920–1925. History of medicine]. 2018. N 3. P. 217–229. (In Russ.)
- Bugrov K.D. Social'naya inzheneriya sovetskoj vlasti. Granicy i markery' social'noj stratifikacii Rossii XVII–XX vv.: vektory' issledovaniya [Social engineering of the Soviet government. Borders and markers of social stratification of Russia of the XVII–XX centuries: research vectors]. St. Petersburg: Aletheia, 2018. P. 265–314. (In Russ.)
- Egory'sheva I.V., Morozova A.V., Poddubny'j M. Yu. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo Narkomata zdravooxraneniya v period 1920–1930 godov. Vestnik sovremennoj klinicheskoy mediciny' [International cooperation of the People's Commissariat of Health in the period 1920–1930. Bulletin of modern clinical medicine]. 2017. V. 10. Vol. 5. P. 74–78. (In Russ.)
- Fitzpatrick Sh. «Pripisyvanie k klassu» kak sistema social'noj identifikacii. Rossiya i sovremenny'j mir [«Attribution to the class» as a system of social identification. Russia and the contemporary world]. 2003. N. 2. P. 133–151. (In Russ.)

Kasimovskaya Yu.V., Nesvizhskij Yu.V., Reshetnikov V.A. N.A. Semashko – teoretik i organizator zdravooxraneniya. Istoriya mediciny' [N.A. Semashko – theorist and organizer of health care. History of medicine]. 2014. No. 3. P. 24–29. (In Russ.)

Lenin V.I. Gosudarstvo i revolyuciya: uchenie marksizma o gosudarstve i zadachi proletariata v revolyucii. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [Lenin V.I. State and revolution: the doctrine of Marxism on the state and the tasks of the proletariat in the revolution. Lenin V.I. Full composition of writings]. Vol. 33. Moscow: Politizdat, 1969. P. 1–120. (In Russ.)

Lenin V.I. Detskaya bolezнь «levizny'» v kommunizme. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [Children's disease of «leftism» in communism. Lenin V.I. Full composition of writings]. Vol. 41. Moscow: Politizdat, 1970 a. P. 1–104. (In Russ.)

Lenin V.I. O prodovol'stvennom naloге. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [About the food tax. Lenin V.I. Full composition of writings]. Vol. 43. Moscow: Politizdat, 1970 b. P. 205–245. (In Russ.)

Lenin V.I. Proletariat i krest'yanstvo. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [The proletariat and the peasantry. Lenin V.I. Full composition of writings]. Vol. 9. Moscow: Politizdat, 1967. P. 341–146. (In Russ.)

Mirskij M.B. Medicina Rossii X–XX vekov [Medicine of Russia X–XX centuries]. Moscow: ROSSPEN, 2005. 632 p. (In Russ.)

Semashko N.A. Beregis' grippa. [Beware of the flu]. Moscow: State Publishing House, 1927 a. 24 p. (In Russ.)

Semashko N.A. Bor'ba za kul'turu v derevne [The struggle for culture in the villag. Izvestiya. 1923 a. N 83. P. 1. (In Russ.)

Semashko N.A. Zdorov'e Krasnoj Armii [Health of the Red Army]. Izvestiya. 1928 a. N 47. P. 3. (In Russ.)

Semashko N.A. Itogi i perspektivy' nauchnoj raboty' po fizicheskoj kul'ture. Semashko N.A. Izbranny'e proizvedeniya [Results and prospects of scientific work in physical culture. Semashko N.A. Selected works. Moscow: Medicine, 1967 a. P. 267–269. (In Russ.)

Semashko N.A. Kak otdy'xat' letom [How to relax in the summer]. Moscow: State Publishing House, 1926. 15 p. (In Russ.)

Semashko N.A. Krasny'j voin i krasnaya sestra [Red warrior and red sister]. Pravda. 1920 a. N 250. P. 5. (In Russ.)

Semashko N.A. K nedele besprizornogo i bol'nogo rebenka [By the week of a homeless and sick child]. Izvestiya. 1923 b. N 53. P. 3. (In Russ.)

Semashko N.A. Narodny'j komissariat zdravooxraneniya. Pyat' let vlasti sovetov [People's Commissariat of Health. Five Years of Council Power]. Moscow: VTsIK, 1922. P. 518–530. (In Russ.)

Semashko N.A. Na bor'bu s p'yanstvom [On the fight against alcoholism] Moscow: Gosizdat, 1927 b. 24 p. (In Russ.)

Semashko N.A. Na bor'bu s sovetskoj iznoshennost'yu [On the fight against Soviet deterioration]. Izvestiya. 1928 b. N 273. P. 7. (In Russ.)

Semashko N.A. Osnovy' sovetskoj mediciny' [Foundations of Soviet medicine]. M.: Narkom-zdrav, 1919. 20 p. (In Russ.)

Semashko N.A. Oxrana zdorov'ya kommunistov [Health Protection of the Communists]. Izvestiya. 1923 v. N 35. P. 3. (In Russ.)

Semashko N.A. Politika sovetskoj vlasti i social'naya gigiena. Semashko N.A. Izbranny'e proizvedeniya [Politics of Soviet power and social hygiene. Semashko N.A. Selected works]. Moscow: Medicine, 1967 b. P. 135–144. (In Russ.)

Semashko N.A. Proletarskaya bolezнь (tuberkulez) [Proletarian disease (tuberculosis)]. Moscow: Narkomzdrav, 1920 b. 16 p. (In Russ.)

Semashko N.A. Profilakticheskoe napravlenie v lechebnoj medicine. Semashko N.A. Izbranny'e proizvedeniya [Preventive direction in medical medicine. Semashko N.A. Selected works]. Moscow: Medicine, 1967. P. 174–181. (In Russ.)

Semashko N.A. [Pyat' let bor'by' za mat' i rebenka. Semashko N.A. Izbranny'e proizvedeniya [Five years of struggle for mother and child. Semashko N.A. Selected works]. Moscow: Medicine, 1967. P. 291–292. (In Russ.)

Semashko N.A. Chaxotka – bich krest'yan [Consumption – the scourge of the peasants]. Moscow: Narkomzdrav, 1925. 40 p. (In Russ.)

Semashko N.A. Chto dalo vskry'tie tela Vladimira Il'icha [What gave the autopsy of the body of Vladimir Ilyich]. Izvestia. 1924 a. N 20. P. 1. (In Russ.)

Semashko N.A. Chto takoe kurorty' i kak na nix lechit'sya [What are resorts and how to treat them]. Moscow: Gosizdat, 1924 b. 32 p. (In Russ.)

Shanin T. Neudobny'j klass: politicheskaya sociologiya krest'yanstva v razvivayushhemsya obshchestve: Rossiya, 1910–1925 [An Inconvenient Class: The Political Sociology of the Peasantry in a Developing Society: Russia, 1910–1925]. Moscow: Delo, 2019. 408 p. (In Russ.)

Zontag S. Bolezn' kak metafora. [Disease as a metaphor]. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. 176 p. (In Russ.)

Н.В. Шабельник

**ПОДГОТОВКА ПАРТИЗАНСКИХ КАДРОВ
В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

***Аннотация.** Статья посвящена малоизученной теме – организации системы обучения партизанских кадров в годы Великой Отечественной войны. В своей работе автор затрагивает вопрос организации процесса обучения партизан в Ленинградской области, показывает, с какими трудностями столкнулись организаторы и каких успехов они достигли.*

Подготовка партизанских кадров велась в течение всего периода существования партизанского движения в Ленинградской области. С первых дней войны были организованы сборные и учебные пункты партизан с их краткосрочным обучением. Партизаны осваивали советское и трофейное оружие, огневую и строевую подготовку, основы тактики партизанской борьбы. Была организована подготовка отдельных групп радистов, связистов, разведчиков. Особое внимание уделялось подготовке командиров партизанских отрядов.

В 1942 г. сформированные партизанские школы и учебные пункты были укомплектованы военными служащими и вольнонаемными кадрами на штатной основе. В них осуществлялась подготовка командного и рядового состава для партизанских отрядов и диверсионных групп. Подготовка кадров проводилась по программам обучения по различным военным специальностям.

После тяжелых потерь партизан зимой 1941–1942 гг. в партизанских бригадах была проведена проверка уровня подготовки партизан. С целью устранения выявленных недостатков в партизанских отрядах были организованы усиленные краткосрочные занятия, а также внесены изменения в программы обучения в партизанских спецшколах и учебных пунктах.

В статье использованы материалы архива Ленинградской области, многие из которых впервые введены в научный оборот.

***Ключевые слова:** партизанские кадры; подготовка партизан; краткосрочные курсы; специальные занятия; учебные пункты.*

Шабельник Наталия Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, Россия, Санкт-Петербург. E-mail: natashabelnik@yandex.ru

Shabelnik N.V. The Training of Partisans in the Leningrad Region During the Great Patriotic War

***Abstract.** The article addresses a little-studied theme – the system of training partisan personnel during the Great Patriotic War. Partisans were trained throughout the entire period of the existence of the partisan movement in the Leningrad region. From the first days of the war, partisan teams and training centers were set up, providing short-term training for their participants. In the process, partisans mastered Soviet and captured weapons, had fire and drill training, studied the basics of guerrilla warfare tactics. There was organized the training of certain groups of radio operators, signalmen, and scouts. Particular attention was paid to the training of guerrilla unit commanders.*

In 1942, the partisan camps and training centres were staffed with military and civilian personnel on a regular basis. They trained command and enlisted personnel for partisan detachments and sabotage groups. Personnel training was carried out in accordance with training programs on various military specialties.

After severe casualties that the partisans suffered in the winter of 1941–1942, there was organized a system meant to regularly examine the combat skills of the partisans. In order to eliminate the detected shortcomings in the partisan units, the Command launched intensive short-term courses and modified training programs in the partisan special schools and training centers.

The article draws upon materials from the archive in the Leningrad Region, many of which were introduced into scientific circulation for the first time.

***Keywords:** partisan cadres; partisan training; short-term courses; special classes; training centers.*

Shabelnik Natalia Vyacheslavovna – Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of History and Philosophy
Military Space Academy Named after A.F. Mozhaisky,
Russia, Saint Petersburg. E-mail: natashabelnik@yandex.ru

В исторической литературе тема подготовки партизан к борьбе в тылу врага в годы Великой Отечественной войны практически не изучена, количество публикаций по данному вопросу незначительно. Работы, затрагивающие этот вопрос, стали появляться лишь в последние десятилетия. Среди исследований, в которых содержится материал о подготовке партизан в годы войны, следует отметить труды Е.С. Завражной, К.В. Чеченкова, А.Р. Дюкова [Завражная 2007; Чеченков 2012; Дюков 2012]. В отечественной историографии наиболее полная информация об обучении и подготовке советских партизан встречается в сборниках документов и материалов [Великая Отечественная 1998; Партизанское движение 2015; Партизанское движение 1969; Партизанское движение 1969 а; Партизанское движение 1982; В тылу врага 1979; В тылу врага 1981; В тылу врага 1983; В тылу врага 1985]. Ценным источником

по теме являются мемуары И.Г. Старинова, П.К. Пономаренко и др. [Старинов 1997; Старинов 1999; Пономаренко 1986].

Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью более полного освещения вопросов истории партизанского движения, в частности на территории Ленинградской области в период Великой Отечественной войны.

Основы подготовки советских партизан начали закладываться в годы Гражданской войны. В первые годы советской власти руководство страны особое внимание уделяло вопросу организации партизанского движения, в качестве идеологического обоснования ориентируясь на ленинское положение о том, что «партизанские выступления не месть, а военные действия». По инициативе В.И. Ленина в Москве была создана специальная школа по подготовке партизанских кадров с целью борьбы в тылу иностранных интервентов и белогвардейцев. Всех командиров и специалистов по борьбе в тылу врага готовили так же, как и кадровый состав Красной армии. Но в 1934 г. подготовка к ведению партизанской войны стала свертываться и уже в 1937 г. все партизанские школы были ликвидированы. «Это не могло не сказаться на ходе войны», – отмечает историк и публицист А.Р. Дюков. «При сохранении результатов подготовки к партизанской борьбе, которая была к началу 1935 года, – продолжает Дюков, – партизанские отряды и многочисленные диверсионные группы, располагавшие нужными средствами, вполне могли бы парализовать коммуникации противника в первые недели войны и тогда гитлеровские армии оказались бы без боеприпасов и горюче-смазочных материалов, так как по воздуху их снабжать не было возможности» [Дюков 2012, с. 235]. Из-за отсутствия подготовленных кадров и утраты навыков работы 1920–1930-х годов по организации партизанского движения эту работу пришлось начинать практически сначала. В 1942 г., после организации Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД), в стране стала возрождаться система обучения партизанских кадров, были созданы специальные школы и учебные пункты по подготовке партизан. Подготовка проводилась не только в спецшколах, учебных и сборных пунктах, но и непосредственно в партизанских отрядах.

Ленинградская область – одна из первых оккупированных территорий, на которой возникло партизанское движение. Подготовка партизан началась с первых дней войны и велась в течение всего периода партизанской борьбы в области. Подготовкой и обучением партизан одновременно занимались штаб партизанского движения Ленинградского обкома ВКП (б), командование фронтов и армий, органы НКВД.

В первые месяцы войны начальник Ленинградского штаба Партизанского движения (ЛШПД) М.Н. Никитин организовал сборные и учебные пункты партизан на железнодорожных станциях Ленинградской области Кавлогово и Хвойная. В Ленинграде в здании Института физической культуры

им. П.Ф. Лесгафта, в здании бывшего Центрального клуба железнодорожников на ул. Тамбовской, 63 и др. были организованы сборные пункты партизанских отрядов, где проводилось краткосрочное обучение [Боевая подготовка 2016]. Комплектованием и подготовкой новых партизанских отрядов занимались также и оперативные группы ЛШПД, созданные в городах Колпино, Ораниенбаум, Кингисепп, Сясьстрой и др. Активно занимались подготовкой партизан и оперативные группы Штаба партизанского движения при фронтах и армиях, действовавшие в Ленинграде, Валдае, Малой Вишере, Волхове.

Занятия проводились на объектах военного и гражданского ведомств, приспособленных для проведения учебных занятий и занятий по военной подготовке в условиях военного времени. Учебные пункты партизан, сформированные в Валдае, Хвойной, располагали общежитием, столовой, учебными аудиториями, специальными местами для проведения практических занятий [Докладная записка, л. 27].

В первые дни войны подготовка партизан была краткосрочной и сводилась к освоению оружия как советского, так и трофейного: винтовок, гранат, охотничьих ружей, личного оружия, а также основ партизанской тактики. Занятия были организованы командованием фронтов и армий. Были созданы специальные группы по обучению партизан, состоящие из кадровых офицеров.

Крайне остро стоял вопрос о подготовке квалифицированных радистов и связистов. Уже в июле 1941 г. разведотдел Северного фронта организовал занятия по подготовке радистов с одновременной подготовкой 40–45 человек [Доклад начальника, л. 6]. К концу июля 1941 г. на аэродроме в Чудове была создана специальная база для подготовки парашютистов. Ежедневно на базе проходили обучение 15–20 человек. В то же время в Кавголово Ленинградской области разведотдел Северного фронта организовал лагерь для подготовки партизанских отрядов численностью от 300–350 человек. В этих же целях в Охтинских казармах была создана учебно-материальная база на 200–250 человек.

В конце июля 1941 г. начальник разведотдела штаба Северного фронта комбриг П.П. Евстигнеев докладывал Военному совету: «На северных участках фронта разведорганами разведывательного отдела штаба Северного фронта и армий организуются и перебрасываются в тыл белофинских и немецких войск диверсионные и партизанские группы численностью от 5 до 15 человек.

...Имеющийся резерв подготовленных и заканчивающих подготовку партизанских групп и отрядов:

- а) два отряда парашютистов в количестве 123 человек полностью подготовлены;
- б) три группы парашютистов... в количестве 20 человек;
- в) партизанский отряд в составе 62 человек, подготовка закончена;

г) вновь сформированный и находящийся на подготовке партизанский отряд в количестве 80 человек, срок окончания подготовки – 1.8.41 г.» [Доклад начальника, л. 13].

В первые месяцы войны 10-м отделом Политуправления Северо-Западного фронта были организованы занятия в партизанских отрядах, действовавших в прифронтовой зоне. Особое внимание на занятиях уделяли обучению партизан-подрывников, истребителей танков, разведчиков.

Политуправлением СЗФ с целью подготовки партизан к диверсионным и боевым действиям в тылу немцев уже осенью 1941 г. были разработаны и высланы в отряды инструкции с подробным приложением приемов и методов партизанской борьбы [Доклады, обзоры, л. 100].

В партизанских бригадах, сформированных в тылу (Малая Вишера, Вышний Волочек, Валдай, Бологое), шла подготовка партизан для переброски в тыл противника на временно оккупированную территорию Ленинградской области. Так, например, во всех пяти отрядах 8-й Вышневолоцкой бригады к концу октября 1941 г. были налажены и ежедневно проводились двухчасовые занятия по изучению винтовок, пулемета, гранат, велась подготовка подрывников [Доклады, докладные записки, л. 154, 161].

Особое внимание в процессе обучения уделялось подготовке командиров партизанских отрядов. В основном отряды, организованные на оккупированной территории или в прифронтовой зоне, возглавляли их политработники местных партийных организаций и государственных учреждений, председатели колхозов. Не имея военной подготовки и, соответственно опыта, такие командиры часто принимали неуверенные и ошибочные решения особенно по организации засад, налетов и других диверсионных действий отрядов. Это поставило вопрос о необходимости срочной подготовки командного состава партизанских отрядов.

По инициативе Политуправления СЗФ, в сентябре 1941 г. были организованы сборы по военной подготовке руководителей отрядов. Сборы были краткосрочными, проходили в течение трех дней. Программа обучения составляла 32 учебных часа. Основной упор делался на тактическую подготовку командиров, а также партийно-политическую работу в отрядах и среди населения в оккупированных районах [Доклады, обзоры, л. 100].

Неудачи боевой деятельности партизан в конце 1941 – начале 1942 г. требовали их серьезного анализа. Особое внимание ЛШПД и оперативные группы по руководству партизанским движением при Военных советах фронтов уделяли вопросу подготовки партизанских кадров и устранению недостатков обучения.

3 августа 1942 г. в Военный совет СЗФ поступила докладная записка начальника 10 отдела Политуправления СЗФ полкового комиссара А.Н. Асмолова, в которой содержались результаты проверки и подготовки отрядов 3-й

партизанской бригады (командир бригады капитан А.В. Герман, начальник штаба лейтенант И.В. Крылов) для отправки в тыл противника. В отчете приводилась сводная таблица [табл. 1] с показателями по каждому партизанскому отряду 3-й бригады [Доклады, справки, л. 61]:

Таблица 1

<i>№ отрядов</i>	<i>Всего стреляли</i>	<i>Отлично</i>	<i>Хорошо</i>	<i>Посредственно</i>	<i>Плохо</i>
1-й отряд	14	6	3	4	1
2-й отряд	93	20	18	18	37
3-й отряд	15	4	3	4	4
4-й отряд	72	16	11	21	24
минометчики	8 расчет	1	6	–	1

«Как выяснилось, – отмечалось в докладе А.Н. Асмолова, – многие никогда в жизни не стреляли или если и стреляли, то никогда не попадали», «...многие командиры групп, а тем более команд не разбираются в топографических картах, путают озеро с болотом, железную дорогу с рекой, не умеют водить по азимуту» [Доклады, справки, л. 61].

В отрядах были организованы и проведены краткосрочные курсы по строевой и огневой подготовке. Итоги их также были отражены в докладной записке: «После усиленных занятий в течение 5 дней результаты значительно улучшились. Так, во 2-м отряде только 2 плохо выполнили задачу (раньше 37)» [Доклады, справки, л. 61]. С командирами партизанских групп проводились специальные занятия, организованные батальонным комиссаром Н.С. Касьяном, также командиру бригады капитану А.В. Герману было поручено «в процессе марша организовать командирскую учебу и тренировочное учение» [Доклады, справки, л. 61].

Среди недостатков в процессе обучения партизан особо отмечалась отсутствие навыков использования лыж, что сказалось на потерях и мобильности партизан зимой 1941–1942 гг. Интенсивное обучение партизан ходьбе на лыжах (например, на 20.03.1942 г. около 50% личного состава 2-й партизанской бригады были поставлены на лыжи) [Доклады, справки, л. 45] стало существенным фактором активизации боевой деятельности партизан в области.

В 1942 г. из Центральной спецшколы партизан в Ленинградскую область стали прибывать подготовленные группы для ведения партизанской борьбы. В основном это были радисты, подрывники, саперы. По данным отчета начальника отдела кадров ЛШПД капитана П. Матвеева, на укомплектование партизанских отрядов из ЦШПД прибыли 286 человек и батальон командира Ф. Гульона – 120 человек [В тылу врага 1985, с. 334].

Подготовка партизанских кадров в Ленинградской области активно продолжалась. Так, летом 1942 г. в учебных пунктах ЛШПД были организованы

краткосрочные курсы спецподготовки партизан для отправки в тыл противника. Курс обучения пять-десять дней проходил рядовой состав с целью пополнения отрядов по специальностям: подрывники, разведчики, радисты, бойцы (по общей программе). Командиров партизанских отрядов, диверсионных (отдельно действующих) групп, комиссаров, а также разведчиков, радистов и медсестер готовили от 15 дней до одного месяца. По архивным документам за 1942 г. видно, что обучение длительностью семь-десять дней прошли 3100 человек рядового состава, а по программе от 15 дней до месяца – 677 человек [В тылу врага 1985, с. 334–335].

Занятия, включенные в программу обучения в партизанских школах и учебных пунктах, учитывали результаты проверок партизанских бригад и выявленные недостатки в процессе подготовки партизан. Больше внимания стали уделять занятиям по тактике, лыжному и подрывному делу, топографии, радиосвязи и т.д. [Докладная записка, л. 27].

В начале августа 1942 г. начальник ЛШПД М. Никитин и 4-го отдела Ленинградского штаба партизанского движения батальонный комиссар Л. Матвеев докладывали в ЦШПД об итогах деятельности школы по подготовке партизанских кадров при ЛШПД на ст. Кавголово. Они сообщали, что школа успешно действует, постоянный штат ее утвержден в составе 17 военнослужащих и семи вольнонаемных, а необходимое учебное оружие получено. По состоянию на 5 августа, в школе проходили обучение командиры партизанских отрядов, руководители диверсионных групп, радисты, а также бойцы партизанских отрядов и диверсионных групп общим количеством 276 человек. В течение августа планировалась подготовка командного и рядового состава десяти диверсионных групп. Кроме этого, авторы документа просили Центральный штаб партизанского движения дать санкцию на открытие двух филиалов школы в опергруппах Волховского и Северо-Западного фронтов, «так как поступающие партизанские резервы на эти фронты в Ленинград переправлять крайне трудно и нецелесообразно» [В тылу врага 1981, с. 143–144].

Партизанские формирования продолжали пополняться и кадровыми военными. В мае 1943 г. командующим войсками СЗФ генерал-майором Коновым был подписан список, включавший 36 кадровых офицеров-командиров, слушателей курсов усовершенствования начсостава СЗФ на укомплектование штатных должностей по разведке в партизанских бригадах, полках и отрядах, действовавших в Ленинградской области [Списки личного состава, л. 52–60].

С 1943 г. подготовка партизанских кадров в основном стала сосредотачиваться непосредственно в самих партизанских формированиях. И по мере освобождения оккупированной территории области деятельность по обучению

партизан сворачивалась. В мае 1944 г. Ленинградский штаб партизанского движения был расформирован.

В заключение надо отметить, что процесс организации и подготовки партизанских кадров для борьбы с врагом в тылу противника являлся одним из ключевых вопросов в процессе формирования партизанского движения в Ленинградской области и по стране в целом. Практически с первых дней войны Ленинградский штаб партизанского движения, оперативные группы при фронтах и армиях смогли организовать учебные занятия по подготовке партизан в спецшколах, в учебных пунктах, а также непосредственно в партизанских отрядах. В жестких условиях временной оккупации части области, в условиях прифронтовой зоны и ведения боевых действий, несмотря на многочисленные трудности – суровые природно-климатических условия, недостаточное материально-техническое обеспечение, в том числе вооружением, слабое медицинское обеспечение, – им удалось создать достаточно эффективную систему обучения и подготовки партизанских кадров для ведения борьбы в тылу врага.

Изучение вопроса подготовки и обучения партизан во время Великой Отечественной войны дает возможность по-новому посмотреть на деятельность партизанских формирований на территории Ленинградской области. Недостаточная изученность темы вызывает неподдельный интерес для дальнейшего научного исследования.

Библиография

Боевая подготовка и снабжение партизан // В фотообъективе – ленинградские партизаны. СПб., 2016. URL: https://spbarchives.ru/partisan_2.1 (дата обращения: 26.01.2020).

В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области: сборник документов в 4 ч. Л.: Лениздат, 1979. Ч. 1: 1941. 302 с.

В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области: сборник документов: в 4 ч. Л.: Лениздат, 1981. Ч. 2: 1942. 359 с.

В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области: сборник документов в 4 ч. Л.: Лениздат, 1979. Ч. 3: 1943. 391 с.

В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области: сборник документов в 4 ч. Л.: Лениздат, 1985. Ч. 4: 1944. 335 с.

Великая Отечественная. М.: ТЕРРА, 1998. Т. 20 (9): Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. 668 с. (Русский архив).

Доклад начальника разведывательного отдела Штаба Северного фронта начальнику штаба фронта о состоянии партизанского движения в полосе Северного фронта на 22 июля 1941 года. 22.07.1941 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. О-116. Оп. 12. Д. 10. 12 л.

Докладная записка, информационные сводки и справки ЛШПД командующему войсками Северо-Западного фронта о создании ЛШПД, деятельности партизанских подразделений и разведывательных данных о противнике. 01.06.42–31.12.42 // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. О-116. Оп. 12. Д. 135. 44 л.

Доклады, докладные записки, справки, донесения, выписки из донесений и рапорты работников Партизанского отдела Политуправления Северо-Западного фронта начальнику отдела об организации и деятельности партизанских подразделений в районах Ленинградской области. 13.07.41–31.12.41 // ЦГАИПД СПб. Ф. О-116. Оп. 12. Д. 80. 218 л.

Доклады, обзоры, справки, сводки и сведения Политуправления и партизанского отдела Политуправления Северо-Западного фронта командованию фронта о положении на территории, оккупированной противником, состоянии партийно-политической работы среди оккупированного населения, организации и деятельности партизанских подразделений, существовании Советского района в тылу противника. 10.07.41–31.01.42 // ЦГАИПД СПб. Ф. О-116. Оп. 12. Д. 28. 280 л.

Доклады, справки, сводки, рапорты Партизанского отдела Политуправления Северо-Западного фронта командованию фронта об организации партизанского движения, руководстве им и деятельности партизанских подразделений в полосе фронта. 21.01.42–03.08.42 // ЦГАИПД СПб. Ф. О-116. Оп. 12. Д. 308. 63 л.

Дюков А.Р. Кто командовал советскими партизанами. Организованный хаос. М.: Вече, 2012. 304 с.

Завражная Е.С. Партизанское сопротивление оккупантам на территории Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг.: дис... канд. ист. наук. СПб., 2007. 211 с.

Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. М.: Историческая литература, 2015. 692 с. (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945): Сб. док. и мат. [в 3 вып.] М.: Изд-во МГУ, 1969. Вып. 1: Зарождение и развитие партизанского движения в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 – ноябрь 1942 гг.). 182 с.

Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945): Сб. док. и мат. [в 3 вып.] М.: Изд-во МГУ, 1969 а. Вып. 2: Всенародная борьба в тылу врага в период коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 – 1943 год). 159 с.

Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945): Сб. док. и мат. [в 3 вып.] М.: Изд-во МГУ, 1982. Вып. 3: Наивысший подъем партизанского движения в год решающих побед Красной Армии (1941–1945). 174 с.

Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941–1944. М.: Наука, 1986. 474 с.

Списки личного состава диверсионных групп Доценко и Корунова, учебной группы радистов, партизан и радистов, выбывших в тыл противника, находившихся в резерве Оперативной группы, направленных в распоряжение Оперативной группы ЛШПД при Военном Совете Волховского фронта, прибывших в Оперативную группу из отдела кадров Северо-Западного фронта и другие списки. 04.01.43–31.12.43 // ЦГАИПД.Ф. О-116. Оп. 12. Д. 505. 185 л.

Старинов И.Г. Записки диверсанта. М.: Альманах «Вымпел», 1997. 348 с.

Старинов И.Г. Мины замедленного действия. М.: Альманах «Вымпел», 1999. 288 с.

Чеченков К.В. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны: проблемы организации как фактор боеспособности: по материалам Западного региона РСФСР: дис... канд. ист. наук. Калуга, 2012. 230 с.

References

Boevaya podgotovka i snabzhenie partizan // V fotoob'ektive – leningradskie partizany [Partisan combat training and supply. In the photo lens are Leningrad partisans]. Saint-Petersburg, 2016. URL: https://spbarchives.ru/partisan_2.1 (date of access: 26.01.2020). (In Russ.)

Chechenkov K.V. Partizanskoe dvizhenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: problemy organizacii kak faktor boespособnosti: po materialam Zapadnogo regiona RSFSR [Partisan movement during the Great Patriotic War: problems of organization as a factor of combat effectiveness: based on materials from the Western region of the RSFSR]. Kaluga, 2012. 230 p. (In Russ.)

Doklad nachal'nika razvedyvatel'nogo otdela Shtaba Severnogo fronta nachal'niku shtaba fronta o sostojanii partizanskogo dvizhenija v polose Severnogo fronta na 22 ijulja 1941 goda. 22.07.1941 g. CGAIPD SPb. [Report of the head of the intelligence department of the Headquarters of the Northern Front to the chief of staff of the front on the state of the partisan movement in the strip of the Northern Front on July 22, 1941. 07/22/1941–07/22/41. TsGAIPD SPb]. F. O-116. Inv. 12. F. 10. 12 p. (In Russ.)

Dokladnaja zapiska, informacionnye svodki i spravki LShPD komandujushhemu vojskami Severo-Zapadnogo fronta o sozdanii LShPD, dejatel'nosti partizanskih podrazdelenij i razvedyvatel'nyh dannyh o protivnike. 01.06.42–31.12.42. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (CGAIPD SPb). [Memorandum, informational summaries and information of the LSPHP to the Commander of the North-Western Front on the creation of the LSPH, the activities of partisan units and reconnaissance data on the enemy. 06.01.42–12.31.42. Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb)]. F. O-116. Inv. 12. F. 135. 44 p. (In Russ.)

Doklady, dokladnye zapiski, spravki, donesenija, vypiski iz donesenij i raporty rabotnikov Partizanskogo otdela Politupravljenija Severo-Zapadnogo fronta nachal'niku otdela ob organizacii i dejatel'nosti partizanskih podrazdelenij v rajonah Leningradskoj oblasti. 13.07.41–31.12.41. CGAIPD SPb. [Reports, memos, notes, reports, extracts from reports and reports of the employees of the Partisan department of the Political Administration of the North-Western Front to the head of the department on the organization and activities of partisan units in the regions of the Leningrad Region. 07.13.41–31.12.41. TsGAIPD SPb]. F. O-116. Inv. 12. F. 80. 218 p. (In Russ.)

Doklady, obzory, spravki, svodki i svedenija Politupravljenija i partizanskogo otdela Politupravljenija Severo-Zapadnogo fronta komandovaniju fronta o polozhenii na territorii, okkupirovannoj protivnikom, sostojanii partijno-politicheskoj raboty sredi okkupirovannogo naselenija, organizacii i dejatel'nosti partizanskih podrazdelenij, sushhestvovanii Sovetskogo rajona v tylu protivnika. 10.07.41–31.01.42. CGAIPD SPb. [Reports, reviews, references, summaries and information of the Political Administration and the partisan department of the Political Administration of the North-Western Front to the front command about the situation in the territory occupied by the enemy, the state of party and political work among the occupied population, the organization and activities of partisan units, the existence of the Soviet district behind enemy lines. 10.07.41–31.01.42. TsGAIPD SPb]. F. O-116. Inv. 12. F. 28. 280 p. (In Russ.)

Doklady, spravki, svodki, raporty Partizanskogo otdela Politupravljenija Severo-Zapadnogo fronta komandovaniju fronta ob organizacii partizanskogo dvizhenija, rukovodstve im i dejatel'nosti partizanskih podrazdelenij v polose fronta. 21.01.42–03.08.42. CGAIPD SPb. [Reports, references, summaries, reports of the Partisan department of the Political Administration of the North-Western Front to the front command about the organization of the partisan movement, its leadership and the activities of partisan units in the front line. 01.21.42–03.08.42. TsGAIPD SPb]. F. O-116. Inv. 12. F. 308. 63 p. (In Russ.)

Dyukov A.R. Kto komandoval sovetskimi partizanami. Organizovannyj kaos [Who commanded the Soviet partisans. Organized chaos]. Moscow: Veche, 2012. 304 p. (In Russ.)

Partizanskoe dvizhenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Partisan movement during the Great Patriotic War]. Editor-in-Chief S.V. Kudryashov]. Moscow: Historical literature, 2015. 692 p. (Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation). (In Russ.)

Partizanskoe dvizhenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Sojuza (1941–1945): Sb. dok. i mat. [v 3 vyp.] [Partisan movement during the Great Patriotic War of the Soviet Union (1941–1945): Collection of documents and materials. Vol. 1–3]. Moscow: Moscow State University, 1969. Vol. 1: Zarozhdenie i razvitie partizanskogo dvizheniya v pervyj period Velikoj Otechestvennoj vojny (iyun' 1941 noyabr' 1942 gg.) [The origin and development of the partisan movement in the first period of the Great Patriotic War (June 1941 November 1942)]. 182 p. (In Russ.)

Partizanskoe dvizhenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Sojuza (1941–1945): Sb. dok. i mat. [v 3 vyp.] [Partisan movement during the Great Patriotic War of the Soviet Union (1941–1945): Collection of documents and materials. Vol. 1–3]. Moscow: Moscow State University, 1969 a. Vol. 2: Vsenarodnaya bor'ba v tylu vruga v period korennoogo pereloma v hode Velikoj Otechestvennoj vojny (noyabr' 1942 – 1943 god) [Nationwide struggle behind enemy lines during a radical turning point during the Great Patriotic War (November 1942–1943)]. 159 p. (In Russ.)

Partizanskoe dvizhenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Sojuza (1941–1945): Sb. dok. i mat. [v 3 vyp.] [Partisan movement during the Great Patriotic War of the Soviet Union (1941–1945): Collection of documents and materials. Vol. 1–3]. Moscow: Moscow State University, 1982. Vol. 3: Naivysshij pod'em partizanskogo dvizheniya v god reshayushchih pobed Krasnoj Armii (1941–1945) [The highest rise of the partisan movement in the year of decisive victories of the Red Army (1941–1945)]. 174 p. (In Russ.)

Ponomarenko P.K. Vsenarodnaya bor'ba v tylu nemecko-fashistskih zahvatchikov. 1941–1944 [Popular struggle in the rear of the Nazi invaders. 1941–1944]. Moscow: Nauka, 1986. 474 p. (In Russ.)

Spiski lichnogo sostava diversionnyh grupp Docenko i Korunova, uchebnoj gruppy radistov, partizan i radistov, vybyvshih v tyl protivnika, nahodivshijsja v rezerve Operativnoj gruppy, napravlennyh v rasporyazhenie Operativnoj gruppy LShPD pri Voennom Sovete Volhovskogo fronta, pribyvshih v Operativnuju grupp iz otdela kadrov Severo-Zapadnogo fronta i drugie spiski. 04.01.43–31.12.43. CGAIPD [Lists of personnel of sabotage groups of Dotsenko and Korunov, a training group of radio operators, partisans and radio operators who left behind enemy lines, were in the reserve of the Operational group, sent to the disposal of the LSPD Task Force at the Military Council of the Volkhov Front, who arrived in the Operational Group from the personnel department of the North-West front and other listings. 01.04.43–12.31.43. TsGAIPD]. F. O-116. Inv. 12. F. 505. 185 p. (In Russ.)

Starinov I.G. Miny zamedlennogo dejstviya [Mines delayed action]. Moscow: Vypel Almanac, 1999. 288 p. (In Russ.)

Starinov I.G. Zapiski diversanta [Notes of a saboteur]. Moscow: Vypel Almanac, 1997. 348 p. (In Russ.)

V tylu vruga. Bor'ba partizan i podpol'shchikov na okkupirovannoj territorii Leningradskoj oblasti [Behind Enemy Lines. The struggle of partisans and underground workers in the occupied territory of the Leningrad Region]. Collection of documents in 4 volumes. Leningrad: Lenizdat, 1979. Vol. 1: 1941. 302 p. (In Russ.)

V tylu vruga. Bor'ba partizan i podpol'shchikov na okkupirovannoj territorii Leningradskoj oblasti [Behind Enemy Lines. The struggle of partisans and underground workers in the occupied territory of the Leningrad Region]. Collection of documents in 4 volumes. Leningrad: Lenizdat, 1981. Vol. 2: 1942. 359 p. (In Russ.)

V tylu vruga. Bor'ba partizan i podpol'shchikov na okkupirovannoj territorii Leningradskoj oblasti [Behind Enemy Lines. The struggle of partisans and underground workers in the occupied

territory of the Leningrad Region]. Collection of documents in 4 volumes. Leningrad: Lenizdat, 1983. Vol. 3: 1943. 391 p. (In Russ.)

V tylu vraga. Bor'ba partizan i podpol'shchikov na okkupirovannoj territorii Leningradskoj oblasti [Behind Enemy Lines. The struggle of partisans and underground workers in the occupied territory of the Leningrad Region]. Collection of documents in 4 volumes. Leningrad: Lenizdat, 1985. Vol. 4: 1944. 335 p. (In Russ.)

Velikaya Otechestvennaya [The Great Patriotic War]. Moscow: TERRA, 1998. T. 20 (9): Partizanskoe dvizhenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. Dokumenty i materialy [War the partisan movement during the Great Patriotic War of 1941–1945: Documents and materials]. 668 p. (Russian archive). (In Russ.)

Zavrazhnaya E.S. Partizanskoe soprotivlenie okkupantam na territorii Leningradskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1944 gg.: dis... kand. ist. nauk. [Partisan resistance to the invaders in the territory of the Leningrad region during the Great Patriotic War of 1941–1944]. Saint-Petersburg, 2007. 211 p. (In Russ.)

Д.М. Фельдман, Д.А. Щербаков

**МАСТЕР ИГРЫ: ПОЛИТИКА И РИТОРИКА
В РОМАНЕ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?»
(ИЗ РАССКАЗОВ О НОВЫХ ЛЮДЯХ)»**

Аннотация. Статья посвящена анализу причин, обусловивших специфику рецепции самого знаменитого романа Чернышевского, впервые напечатанного журналом «Современник» в 1863 г. Учитывая множество опубликованных мнений об этой книге – от безоговорочного отрицания ее литературной ценности до восхищения, – авторы исследования поэтапно рассматривают полемику, которая сразу же развернулась и не прекращается до наших дней. Рассмотрены также особенности политического и литературного контекстов каждого из этапов.

В статье доказывается, что роман был ориентирован прежде всего на актуальный контекст европейской политической истории рубежа 1850–1860-х годов. Он задан не только недавними поражениями революций, но и победой итальянского национально-освободительного движения, воспринятой левыми радикалами еще и в качестве алгоритма подготовки и проведения социальных революций. Идея эта эмблематизировалась именами трех героев-лидеров: идеолога конспиративной партии «Молодая Италия» Дж. Мадзини, военного руководителя восстаний Дж. Гарибальди и монархота Ф. Орсини.

Авторами исследования уделено особое внимание характеристике риторических приемов, использованных Чернышевским. Демонстрируется, что в романе предложены комплексы так называемых ролевых моделей, и каждая из них задана посредством художественных образов, а не только прямой дидактики. Соответственно, доказывается: романист предоставил читателям возможность самостоятельно выбрать сильный вариант социальной реализации, причем набор эталонов предложен и мужчинам, и женщинам, ориентирующимся на престижный статус «новых людей».

В статье демонстрируется, что со временем деактуализировался подразумевавшийся Чернышевским политический контекст, соответственно и визуализированные «ролевые модели». Однако полемика о романе постольку оставалась весьма ожесточенной, поскольку он ассоциировался с актуальными примерами самовоспитания и формирования ценностных систем.

Ключевые слова: Н.Г. Чернышевский; А.И. Герцен; Г.В. Плеханов; В.И. Ленин; публицистика; риторика; ролевая модель; революция; партия.

Фельдман Давид Маркович - доктор исторических наук,
профессор, Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, Москва. E-mail: dmfeld@inbox.ru
Web of Science Researcher ID: AAS-5321-2020;
Scopus Author ID: 57212138973

Щербаков Дмитрий Андреевич – аспирант
факультета журналистики Российского государственного
гуманитарного университета, Россия, Москва.
E-mail: scherbakov.dmitri@gmail.com

**Feldman D.M., Scherbakov D.A. The Gamemaster: Politics and Rhetoric
in the Novel «What Is to Be Done? (from the Stories about the New People)»
by N.G. Chernyshevsky**

Abstract. *The article explores the causes that had led to specific reception of the most famous Chernyshevsky's novel, which was originally published by the «Sovremennik» journal in 1863. Taking into account a great variety of printed opinions about the book – from complete denial of its literary merits to admiration – the authors provide a step-wise review of the polemic, which started right after the publication of the novel and which doesn't stop up to the present day. At that, analyzed is the specific political and literary context of each stage.*

The authors argue that the novel was first and foremost oriented on the contemporary context of the European political history of 1850–1860s. This context was set up not only by the earlier defeats of the revolutions but also by the victory of the Italian national revolutionary movement, which was perceived by the radical left as an algorithm for carrying out social revolution. This algorithmization was emblemized in the names of the three hero-leaders: the ideolog of the conspiracy organization «The Young Italy», G. Mazzini, the war leader of the uprisings, G. Garibaldi, and the monarchomach, F. Orsini.

Particular attention is paid to the analysis of rhetoric devices used by Chernyshevsky. We demonstrate that in the novel one can find a complex of the so-called role models, and each of these models is presented by means of the imagery, not only by didactics. Thus it's argued that the author of the novel presented to the reader the freedom to choose the best suitable option of social behaviour, and the choice of the etalon was available to both men and women, as long as they were aspiring to become «the new people».

As time passed, the political context in Chernyshevsky's book was de-actualized, and so were the «role models» visualized in it. However, the polemics surrounding the novel remained quite fierce, since over the years it became associated with the new paradigms of self-discipline and value systems.

Keywords: *N.G. Chernyshevsky; A.I. Herzen; G.V. Plekhanov; V.I. Lenin; journalism; rhetoric; role model; the revolution; the party.*

Feldman David Markovich – Doctor of Historical Sciences,
Professor, Russian State University for the Humanities (RGGU),
Russia, Moscow. E-mail: dmfeld@inbox.ru

Web of Science Researcher ID: AAS-5321–2020;

Scopus Author ID: 57212138973

Scherbakov Dmitry Andreevich – PhD student,
Russian State University for the Humanities (RGGU),
Russia, Moscow. E-mail: scherbakov.dmitri@gmail.com

Полемика о Чернышевском, как известно, продолжается более полутора столетий. Общепринятого мнения относительно характера писателя, его личной жизни, философского и литературного наследий пока нет, и оно вряд ли будет сформировано.

В центре полемики – роман «Что делать? (Из рассказов о новых людях)». Споры о нем начались сразу же после его первой публикации журналом «Современник» в 1863 г. [Чернышевский 1863].

Примечательно, что спецификой рецепции главной книги Чернышевского было сразу же задано и осмысление деятельности автора как литератора, философа, наконец, революционера. В целом. Эта ситуация порою менялась в течение полутора столетий, но, можно сказать, по кругу: не раз возвращалась к исходному состоянию.

В полемику сразу же вступили политические оппоненты писателя. Так, 27 мая 1863 г. «Северная пчела» опубликовала статью Ф.М. Толстого «Лже-мудрость героев Чернышевского». Роман был characterized как «безобразнейшее произведение русской литературы».

На том рецензент не остановился. По его словам, роман Чернышевского еще и «полон отвратительной грязи» [Ростислав 1863].

Вступился за романиста В.С. Курочкин. Статью его – «Проницательные читатели» – опубликовал в летнем номере 1863 г. сатирический еженедельник «Искра». Азартному рецензенту из «Северной пчелы» была инкриминирована неуклюжая попытка издеваться над автором книги, даже не дочитав ее [Пр. Знаменский 1863, с. 421–429].

За романиста вступились и читатели «Северной пчелы». Соответственно, редакция принесла извинения и спустя четыре дня поместила статью Н.С. Лескова. Проблематику обозначал заголовок: «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе “Что делать?”».

Констатировалась неслыханная популярность романа. О нем, по словам рецензента, говорили везде, причем «не шепотом, не тишком, – но во всю глотку в залах, на подъездах».

Мнения, по Лескову, полярные. Чередовались такие характеристики, как «гадость», «прелесть», «мерзость» и т.п. – все на разные тоны».

Недостатки, согласно Лескову, обусловлены своего рода антиэстетизмом Чернышевского. Потому и роман его «со стороны искусства ниже всякой критики; он просто смешон».

Этически тоже не все благополучно. Прежде всего Лесков отверг суждения Чернышевского о браке. Но роман – при всех недостатках – «явление очень смелое, очень крупное и в известном отношении очень полезное» [Лесков 1863].

Характерно свидетельство педагога и литератора Е.Н. Водовозовой, тогда – недавней выпускницы Смольного института благородных девиц. По ее словам, осенью 1863 г. в так называемых интеллигентских кружках повсеместно «шли толки о романе Чернышевского “Что делать?”» [Водовозова 1911, с. 572].

Водовозова и сама в полемике участвовала. Это был ее дебют: благожелательную рецензию на роман Чернышевского опубликовал журнал «Библиотека для чтения» в сентябрьском номере 1863 г. [Ц-ская 1863, с. 1–19].

Специфично примечание к этой публикации. Редакция заявила, что рецензия – лишь «искреннее слово женщины, сказанное очень кстати» [От редакции, с. 1].

Даже в «интеллигентских кружках» единого мнения не было. Так, в десятом номере «Отечественных записок» опубликован однозначно негативный отзыв. Чернышевский, по мнению рецензента, опубликовал лишь «неудавшуюся диссертацию в форме романа» [Дудышкин 1863, с. 205].

К 1864 г. комплект стандартных обвинений в адрес Чернышевского был сформирован. Речь шла о литературной беспомощности вообще, антиэстетизме, в частности, еще и лживости, а также пропаганде разврата.

Противникам романиста возразил М.Е. Салтыков-Щедрин. Его статья – из цикла «Наша общественная жизнь» – опубликована в третьем номере «Современника» за 1864 г.

Авторитетный публицист не утверждал, будто упреки в адрес Чернышевского беспочвенны. Но подчеркнул: опубликован «роман серьезный, проводивший мысль о необходимости новых жизненных основ».

Отмечено, что не все суждения Чернышевского формулируются удачно. При этом «всякий разумный человек, читая упомянутый выше роман, сумеет отличить живую и разумную его идею от сочиненных и только портящих дело подробностей. Но вислоухие понимают дело иначе; они обходят существенное содержание романа и приударяют насчет подробностей».

Весьма резкой была данная словно бы невзначай характеристика агрессивных противников Чернышевского – «вислоухие». Следовательно, псы цепные, набросившиеся по команде владельца на того, кто не мог защитить себя – в силу обстоятельств, современникам известных.

Но автор статьи не сообщил, в чем же «существенное содержание романа», какова «живая и разумная его идея». Подразумевалось, что это и так видят сторонники Чернышевского [Салтыков-Щедрин 1965, с. 324].

Безоговорочно позитивные отзывы были единичными. Так, хрестоматийно известна статья Д.И. Писарева «Мыслящий пролетариат», напечатанная журналом «Русский вестник» в первом номере 1865 г.

Все инвективы агрессивных рецензентов Писарев объявил не имеющими отношения к сделанному Чернышевским как писателем для общественной жизни России. Акцентировал, что опубликовано «произведение в высшей степени оригинальное и, с какой бы точки зрения вы ни взглянули на него, во всяком случае чрезвычайно замечательное. Достоинства и недостатки этого романа принадлежат ему одному» [Писарев 1865, с. 1–42].

Пропагандистский эффект романа оценил в 1865 г. П.И. Капнист, тогда чиновник Главного управления по делам печати. Оценки аргументированы в «Собрании материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие».

Судя по статье Капниста, на эффекте публикации Чернышевского не сказались усилия правительственных инстанций, препятствовавших распространению журнального тиража. Акцентировано, что роман «имел большое влияние даже на внешнюю жизнь некоторых недалеких и нетвердых в понятиях о нравственности людей, как в столицах, так и в провинциях».

Имелись в виду практические результаты. По словам Капниста, были случаи, когда «дочери покидали отцов и матерей, жены – мужей, некоторые даже решались на все крайности, отсюда вытекающие; появилась попытка устройства на практике коммунистического общежития в виде каких-то общин и ремесленных артелей» [Капнист 1865, с. 194].

Таким образом, единственная публикация романа небольшим журнальным тиражом обусловила весьма значительные общественные последствия, что и опровергало все сказанное о бездарности Чернышевского как писателя. Но тогда возникало противоречие: очевидная пропагандистская эффективность содержания при явной литературной беспомощности формы.

Противоречие это попытался снять Н.Н. Страхов – в статье «Счастливые люди». Она была опубликована в июльско-августовском номере «Библиотеки для чтения» за 1865 г.

Страхов подчеркнул: Чернышевский рассказывал о «новых людях», явлении недавнем и еще не вполне осмысленном. Тематика выбрана удачно, потому роман «останется в литературе».

По Страхову, агрессивное отрицание писательской одаренности Чернышевского обусловлено полемическим азартом рецензентов. Соответственно, подчеркивалось, что «не было в последние годы ни одного произведения, в котором было бы слышно такое напряжение вдохновения».

Однако Страхов тут же и оговорку сделал. Не без иронии отметил: «Какого рода это вдохновение – это другой вопрос».

Если верить Страхову, были у Чернышевского удачи. При этом читатель не может не констатировать «отсутствие художественного умения».

Получилось, что роман «останется в литературе», хоть у Чернышевского и не было «художественного умения». Снять противоречие Страхов не сумел [Страхов 1865, с. 142–166].

Не один Страхов пытался устранить такое противоречие. Это не удавалось никому. Если уж в качестве очевидного постулируется отсутствие писательского дарования, то всегда невинны объяснения причин успеха.

Популярность романа по-прежнему росла, его обсуждали и за границей. В этом аспекте интересна эволюция оценок, данных А.И. Герценом.

Он поначалу характеризовал роман со злой иронией. Так, в письме Н.П. Огареву 17 июля 1867 г. формулировались претензии к литературной компоненте: все «гнусно написано, сколько кривлянья ... что за слог! Какое дрянное поколение, которого эстетика этим удовлетворена» [Герцен 1963, с. 157].

Некоторые суждения Чернышевского одобрены Герценом, но при этом он высмеял хваливших роман как таковой. Допустимо, что важную роль сыграли конфликты с друзьями автора.

Однако в следующем письме Огареву формулировалась иная оценка. Герцен отметил, что в романе Чернышевского есть и «бездна хорошего» [Герцен 1963, с. 159].

Похвала относилась не к литературным достоинствам. В письме сыну Герцен подчеркнул, что важно умение романиста «ставить житейские вопросы» [Герцен 1963, с. 160].

Затем и общая оценка изменилась. Герцен утверждал, что роман Чернышевского – «очень замечательная вещь» [Герцен 1963, с. 167] https://e.mail.ru/mailruanchor_ftn5.

Критерий новой оценки Герцен обозначил. По его словам, роман – удивительный комментарий к событиям начала 1860-х годов [Герцен 1963, с. 185].

Через много лет тему эту конкретизировал П.А. Кропоткин. Он подчеркнул, что книга писателя, за свои убеждения пошедшего на каторгу, стала для молодежи 1860-х годов «своего рода откровением и превратилась в программу, сделалась своего рода знаменем» [Кропоткин 1907, с. 306].

Понятно, что зная – политическая цель. Необходимая для ее достижения совокупность действий, т.е. средств, названа программой.

Великая цель – общество справедливости. Чернышевский описывал и ее саму, пусть аллегорически, и целесообразные поведенческие модели. Именно это акцентировал Кропоткин.

Поведенческие модели Чернышевский демонстрировал средствами литературы, а не прямой дидактики. Приводил конкретные примеры – как «ставить

житейские вопросы» и решать их. Это была своего рода игра символами, сориентированная на актуальный политический контекст начала 1860-х годов.

Знамена и программы

События европейской истории определили тогда актуальный политический контекст. Отношение к ним Герцен выражал неоднократно. Наиболее же подробно анализировал в книге «Былое и думы».

Как рубеж воспринял Герцен парижские события 1848–1851 гг., обусловившие его длительный мировоззренческий кризис. Можно сказать, фронтальную переоценку идеологических установок, соотнесенных с историей Великой французской революции.

Если точнее, герценовские идеологические установки были соотнесены с так называемой исторической мифологией Великой французской революции. Она, как известно, формировалась стараниями либеральных европейских историографов, причем к 1820-м годам откровенно апологетический дискурс стал доминирующим (см. подробнее: [Одесский, Фельдман 2012, с. 115]).

Герцен, по его словам, чуть ли не с детских лет стал апологетом пресловутого якобинизма. Именно якобинских лидеров и считал настоящими революционерами, т.е. бесстрашными и бескомпромиссными сторонниками идеи общества справедливости ([Герцен 1963, с. 64]; см. подробнее: [Туниманов 1994]).

Якобинский террор Герцен не оправдывал. Лишь признавал такую политику обусловленной течением неблагоприятных обстоятельств, а жертвы – издержками борьбы с противниками революции.

Издержек, по мнению герценовских единомышленников, можно избежать, когда победит грядущая революция. Террор не понадобится, не будет и бонапартизма, а также реставрации монархии – в итоге.

Февральские события 1848 г. в Париже были восприняты Герценом с энтузиазмом. Очевидным казалось продолжение традиций Великой французской революции: группа радикалов, называвших себя преемниками якобинцев, опираясь на сформированные в столичных предместьях отряды рабочих, вынудила короля отречься, после чего заявила о созыве Учредительного собрания для создания республиканской конституции.

В июне парижская ситуация изменилась. Новое правительство не решило экономические проблемы, и вскоре предместья столицы опять восстали. Однако восстание рабочих жестоко и быстро подавили войска, применившие артиллерию на улицах, не обошлось и без массовых расстрелов пленных. В декабре неоякобинцы проиграли выборы, а выиграл их обещавший вернуть так называемый золотой век империи наполеоновский племянник. Четырех

лет не минуло, и президент, монополизировав власть, объявил себя императором – Наполеоном III.

Поражение революции можно было вновь объяснять стечением неблагоприятных обстоятельств. Но в 1852 г. очевидной казалась закономерность: преемники якобинцев ликвидируют монархию, санкционируют массовые убийства, т.е. террор, после чего к власти приходит наследник Бонапарта, а итог – реставрация монархии.

Конечно, масштаб событий иной. Однако на уровне символов повторялась история, и это был даже не тупик, а порочный круг: Деспотизм-Якобинцы-Республика-Террор-Бонапарт-Реставрация.

Многими интеллектуалами такое совпадение было осмыслено как идеологическая катастрофа. Что еще и усугублялось поражением всех европейских революций 1848–1849 гг. Порочный круг с необходимостью подразумевал отсутствие перспективы. Бездна.

От надежд все же не отказались. Потому что отторжение якобинизма не подразумевало с необходимостью отказ от революционной идеологии в целом.

Как известно, левые радикалы, включая российских, занялись выяснением причин, обусловивших порочный круг. В итоге признали виноватой пресловутую буржуазию, возложив также вину за террор на прежних лидеров революционного движения – в качестве носителей «буржуазного сознания» (см., напр.: [Бакунин 1989, с. 232–233]).

На уровне гипотез выглядел разорванным порочный круг. Многим казались тогда очевидными причины былых конечных неудач.

Постулировалось, что прежние революции совершались большинством, но в интересах меньшинства, т.е. буржуазии, под ее руководством, а когда она достигала свои цели, применяла террор, подавляя массовое революционное движение. Вот почему не было создано общество справедливости.

Отсюда следовало, что новые революции – антибуржуазные – должны совершаться по-прежнему большинством, но только в его интересах, подавлять тогда придется незначительное меньшинство, и террор не понадобится. В итоге же удастся создать общество справедливости.

Террор был признан орудием реакции, применяемым для подавления большинства меньшинством, буржуазией. Но оставалось неясным, какой же инструмент позволит истинным революционерам обойтись без массового кровопролития в ситуациях захвата и удержания власти (см., напр.: [Одесский Фельдман 2012, с. 115–120]).

Решение подсказывал опыт. В первую очередь – деятельность Ф.М. Буонаротти, публициста якобинского толка, бывшего комиссара Конвента, создателя ряда конспиративных революционных организаций (см., напр.: [Eisenstein 1959; Далин 1963; Черткова 2003]).

До поры такой опыт не считался актуальным, но отношение к нему изменилось на рубеже 1850–1860-х годов, когда многолетняя борьба завершилась победой итальянского национально-освободительного движения. Именно тогда образцом стала централизованная конспиративная организация, изначально получившая название «Молодая Италия». Позже название менялось, идеологом же и руководителем оставался Дж. Мадзини [Кирова 1981].

Герцен им восхищался. Акцентировал, что тот буквально покрыл всю итальянскую территорию сетью тайных организаций, чью деятельность финансировали сочувствующие национально-освободительному движению – аристократы, торговцы, в общем добровольные помощники. Сам лидер жил в эмиграции, оставаясь недостижимым для противников, а вездесущие эмиссары «Молодой Италии» контролировали подполье, руководили его деятельностью, готовили восстания, подчиняясь указаниям Мадзини, «руководимого старцем Буонаротти» [Герцен 1956, с. 66–67].

Значительных удач восстания не принесли, однако национально-освободительное движение ширилось, и незыблемым оставался авторитет идеолога. Ближайшим его соратником был, как известно, Дж. Гарибальди, прозванный «народным полководцем».

Его признали героем даже враги. Сравнение с ним, по словам В.Г. Короленко, революционеры 1860-х годов считали особенно лестным [Короленко 1954, с. 192].

Другим эталонным героем борьбы за независимость и объединение Италии считался Ф. Орсини, предпочитавший, в отличие от «народного полководца», действовать индивидуально. Учитывая, что подавлению итальянских восстаний способствовала политика Франции, поддерживавшей Австрию, он совершил в 1858 г. покушение на французского императора. Для этого использовал три начиненные порохом гранаты, что привело к многочисленным жертвам среди прохожих, сам покушавшийся был ранен, однако Наполеон III остался невредим [Раске 1957, р. 38].

Вскоре Орсини разыскала и арестовала полиция, он был осужден и гильотинирован. Перед казнью отправил письма Наполеону III, призывая французского императора отказаться от поддержки Австрии, содействовать освобождению и объединению Италии [Орсини 1934, с. 488].

Мужеством и непреклонностью Орсини восхищались многие французы, даже Наполеон III. Итальянского героя восторженно характеризовал и Герцен.

Но тут не только в мужестве и непреклонности дело. После казни инсургента полутора лет не минуло, как он был признан не только героем-мучеником, а еще и победителем: Франция поддержала итальянское национально-освободительное движение, повстанцы, наконец, победили, и Наполеон III публично объяснил, что Орсини убедил его в правоте итальянцев.

Обществом было принято объяснение, полемика же об истинной мотивации французского императора вряд ли уместна. Существенно, что мадзиниевская организация к 1859 г. оказалась такой силой, какую стоило поддержать уже по соображениям политической целесообразности.

Имена прославленных лидеров итальянского национально-освободительного движения стали тогда символами, причем уже революционными. По совокупности они характеризовали инструментарий успешного восстания: Мадзини–Гарибальди–Орсини – это массовая, но жестко централизованная конспиративная организация с недостижимым для противников руководством за границей, ядром из профессиональных эмиссаров, «народным полководцем», всегда готовым возглавить повстанцев, и героем, взрывом бомбы меняющим ход истории.

Такая концепция революционного инструментария была воспринята как средство, позволяющее разорвать порочный круг. Появился и соответствующий термин – «партия мадзиниевского типа».

Она предназначалась не для парламентской борьбы. Ей надлежало стать инструментом захвата и удержания власти. Кроме того, «партия мадзиниевского типа» – школа административного персонала, среда его обучения и воспитания. Навыки управления должна была формировать деятельность профессионального революционера, воспитывали же опасности и лишения подпольной работы. Подразумевалось, что прошедшие испытания подпольем докажут таким образом свое бескорыстие, преданность идее.

Итальянский опыт рассматривался как образец, при этом специфика национально-освободительного движения игнорировалась. Так, в 1862 г. П.Г. Заичневский нелегально выпустил прокламацию нового революционного сообщества, обозначив прагматику заголовком: «Молодая Россия» (см., напр.: [Балагуров 1972, с. 202–205]).

Как известно, создать такую организацию Заичневскому не удалось, да и сам он не отрицал якобинскую практику. Существенна же данная в заглавии документа ссылка на итальянский опыт профессионализации, неважно с какой целью – революционной или национально-освободительной.

В среде русской эмиграции Герцена и Огарева прочили на роль идеологов новой партии – «мадзиниевской». Оба, как свидетельствует их единомышленник, долго не решались принять такой статус, несмотря на уговоры. Но в 1862 г., наконец, согласились (см., напр.: [Кельсиев 1989, с. 375–376; Одесский, Фельдман 2012]).

Уместно вновь подчеркнуть: сама идея партии с организационным ядром революционеров-профессионалов стала популярной на рубеже 1850–1860-х годов, ее эффективность признали и якобинисты, и антиякобинисты, социалисты и анархисты. Эмблематизировалась же она своего рода триадой имен-символов: Мадзини–Гарибальди–Орсини.

Эталоны в ассортименте

Единомышленники Чернышевского увидели в его романе, можно сказать, проекцию «мадзиниевского» опыта на русскую действительность. Однако важен был не только актуальный политический контекст. Еще и литературное его отражение.

Как известно, отражением социальных тенденций считался роман И.С. Тургенева «Отцы и дети». Впервые опубликованный журналом «Русский вестник» в 1862 г., вскоре он вышел отдельным изданием [Тургенев 1862, с. 473–663].

Исследователями не раз указана преемственная связь романов. Чернышевский ее акцентировал.

Так, Базаров и Кирсанов – студенты Военно-хирургической академии. Учатся там и два героя романа Чернышевского.

Один из них, соответственно, Кирсанов. Фамилия другого – Лопухов – аллюзия на суждение Базарова, подчеркнувшего, что не собирается жертвовать собой только ради улучшения жизни крестьянина: «Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; ну, а дальше?»

Характерно, что выбор Базарова не противоречит его социальному положению. Внук крестьянина и сын лекаря, выслужившего дворянство, он повторяет отцовский путь. Кирсанов же – из аристократической, пусть и несколько обедневшей семьи, где медицина считалась занятием, не подобающим дворянину. Но в конце 1850-х годов ситуация изменилась. Крымская война выявила катастрофический дефицит инженеров, врачей, да и вообще специалистов в естественно-научных областях. Значительно вырос престиж соответствующих профессий, они стали модными. Эту тенденцию и отразил тургеневский роман.

По словам Кирсанова, друг его станет выдающимся ученым-медиком. Но также отмечено, что это не главное в жизни Базарова.

Целеполагание Базарова обозначено в романе. Речь идет о разрушении, без которого невозможно строительство. Но прямо не сказано, что же намерен построить будущий медик.

О своем целеполагании он лишь проговаривается, когда объясняет сокурснику, почему их пути непременно разойдутся. Кирсанов решил обзавестись семьей, у него появилась другая цель, значит не создан он для жизни «горькой, бобыльной».

Ключевое слово в этой характеристике – «бобыльной». Семья помешает достижению главной жизненной цели. Кирсанов выбирает другой путь, что и констатирует Базаров: «В тебе нет ни дерзости, ни злости, а есть молодая смелость да молодой задор; для нашего дела это не годится».

Дело Базарова характеризуется как «наше», однако тут нужны другие товарищи. В их число не входят подобные Кирсанову: «Вы, например, не деретесь – и уж воображаете себя молодцами, – а мы драться хотим».

Политический контекст рубежа 1850–1860-х годов подсказывал, с кем намерены драться Базаров и его истинные товарищи. Они ставят политическую цель, ради нее всем готовы жертвовать, вот и жизнь у них «бобыльная». Таких намеков хватало, пока итальянский контекст был актуален. Со временем они стали туманными.

Ясным оставалось только, что в романе Базаров не занят своим главным делом. Умирая от заражения крови, он в бреду осмысляет жизненную цель: «Я нужен России... Нет, видно, не нужен».

Споры о подтексте базаровских суждений продолжаются. Но анализ интерпретаций не входит в нашу задачу. Применительно к ней важно, что Чернышевский использовал, можно сказать, инерцию популярности тургеневского романа. Обозначив преемственность, указал, к чему должны стремиться «новые люди», какого рода соображениями руководствоваться.

Конечно, в подцензурном издании не могло быть упоминаний о революционной «партии мадзиниевского типа». Но вполне распознаваемыми оказались, если пользоваться современной терминологией, «ролевые модели».

Прежде всего, «новые люди» минимизируют свою зависимость от правительства на уровне социально-экономическом. Для этого выбирают соответствующую область деятельности – медицину.

Вполне очевидна прагматика: находящийся на российской государственной службе всегда зависим от начальства. Медик же может, выйдя в отставку, заняться частной практикой. Наконец, в социалистическом будущем профессия врача тоже останется востребованной. Так обозначено «что делать» на уровне алгоритма.

Объяснено и как делать – применительно к профессии, выбранной Лопуховым и Кирсановым. Чтобы стать высококвалифицированным медиком, нужно читать специальную литературу на французском и немецком языках, поэтому методы их быстрого освоения характеризуются в романе.

Лопухов сносно владеет французским, а для освоения немецкого нанимает жилье в семье немцев, где по-русски почти не говорят. Такой метод позже назовут погружением в языковую среду.

Немецким сносно владеет Кирсанов. Для освоения же французского использует перевод на этот язык Нового завета, многократно перечитывая с детских лет знакомую книгу. Такой метод позже назовут заучиванием параллельных текстов.

Кстати, знание иностранных языков требовалось не только для обучения профессии врача. Актуальным политическим контекстом подразумевались

международные связи революционной партии. Ее эмиссаром и становится Лопухов, уехав за границу.

Самый яркий пример «ролевой модели» – Рахметов. Не случайно он характеризуется повествователем как «особенный человек».

Читатели угадывали в Рахметове одного из лидеров грядущей революции. Идейное лидерство не исключалось, но прежде всего обозначались качества, традиционно приписывавшиеся Гарибальди и Орсини: непреклонная воля, непрекращаемый авторитет, способность переносить лишения, отвага и удивительная физическая сила.

Чернышевский указал и способы формирования таких качеств. На уровне алгоритмов демонстрировал, «что делать» и каким образом.

Рахметов начинает с формирования теоретического багажа, обязательного для лидера. Читает сутками, буквально валясь от усталости, возобновляя работу после коротких перерывов. Требуемый объем теоретических знаний получен за полгода, срок не такой уж малый, если учесть интенсивность подготовки.

Неважно, в какой мере такой метод реализуем. Важно, что определен принцип теоретической подготовки: концентрация.

Затем Рахметов воспитывает непреклонную волю. Для проверки результата использует экстремальные средства, воспроизводя популярный номер ярмарочных фокусников: подолгу лежит на доске, из которой торчат по всей поверхности острия множества гвоздей.

Неважно, в какой мере такой метод контроля реализуем – без специальной подготовки. Важно, что определен алгоритм. Это вынуждение: боль от впившихся в тело гвоздей требует прекратить самоистязание, но воля подчиняет себе тело.

Следующая задача – добиться непрекращаемого авторитета в среде так называемых народных масс. Принято было считать, что простонародье уважает физическую силу, соответственно Рахметов ее развивает. Алгоритм тот же – вынуждение.

Чернышевский обозначал связь с общеизвестным контекстом российской культуры. Развивать силу посредством регулярных упражнений традиционно вменялось в обязанность военным, для этого им предоставлялось соответствующее оборудование, большинство же читателей романа о «новых людях» были избавлены от физического труда и не имели навыков самостоятельного развития мышц. Вот почему Рахметов становится бурлаком, грузчиком, т.е. вынуждает себя переносить тяжелейшие мышечные нагрузки постоянно и в течение длительного срока.

Характерно, что опять дан практический совет. Чтобы ускорить развитие мышц Рахметов ест преимущественно говядину. В современной терминологии – держит «белковую диету».

Жизнь Рахметова можно характеризовать именно как «бобыльную». Перспектива создания семьи лишь обозначена – в неопределенно далеком будущем. До поры этот герой принципиально одинок.

Следуя риторическим традициям, Чернышевский не утверждал в сознании читателей-современников единственно достойную «ролевую модель», а предлагал своего рода комплекс эталонов. Каждому читателю предоставлялась возможность самостоятельно выбрать посильный.

Для тех, кто счел бы непосильной «ролевую модель» Рахметова, – лопуховская. Не лидер, а лишь профессиональный эмиссар революционной «партии мадзиниевского типа».

Такой вариант тоже не всем по силам. Но опять выбор остается: кирсановская «ролевая модель». Друг Лопухова – семьянин, преуспевающий врач, ученый, ему не приходится непосредственно решать политические задачи, он лишь помощник эмиссаров партии.

Женские «ролевые модели» в романе тоже визуализированы. Разумеется, с учетом актуальной правовой специфики.

По Чернышевскому, спутницей Рахметова может стать лишь его помощница в главном деле. Значит, она тоже профессиональный революционер, «особенный человек».

Более доступный вариант – «ролевая модель» Веры Павловны. Она указывает престижную форму женской социальной реализации вне семьи.

Это актуальная проблема в условиях Российской империи начала 1860-х годов. Поскольку женские права ограничены законодательно, постольку женщина практически лишена возможности получить образование, позволяющее обрести профессию, которой обеспечивалась бы экономическая независимость. Вот почему героиня Чернышевского, выбрав предпринимательство как сферу деятельности, организует сеть швейных мастерских. Это и доходное предприятие, и своего рода кооператив, где совместный труд воспитывает работниц, а также предоставляет им социальные гарантии.

Неважно, в какой мере была реализуема сама идея швейных мастерских. Важно, что Вера Павловна выбрала интеллектуальную деятельность, стала организатором, доказав таким образом, что в этой сфере женщина – даже при законодательном ограничении ее прав – конкурентоспособна.

Если и такая «ролевая модель» не по силам, выбор остается. Это подруга Веры Павловны, тоже вовлеченная в социальную деятельность, но как исполнитель, а не организатор и руководитель.

Судьба Веры Павловны – в центре романа. Закономерно, что именно о ней и рассуждали оппоненты романиста, инкриминируя ему проповедь разврата. Чернышевский же посредством визуализации «ролевых моделей» характеризовал алгоритмы самовоспитания и создания ценностных систем.

По Чернышевскому, худшая женская участь – жить продажей своего тела, причем неважно, какова социальная роль: проститутка, содержанка богатого офицера или жена нелюбимого мужа. На уровне модели прагматика все равно сводима к проституции.

Героиня романа отвергает навязываемые матерью роли содержанки богача и жены нелюбимого мужа. Лопухов же, не претендуя на Веру Павловну, предоставляет ей возможность посредством фиктивного брака избавиться от родительской власти.

Неважно, реалистично ли описание их совместной жизни. Важно, что такова модель отношений «новых людей»: мужчина помогает женщине, уважая ее права.

Чернышевский по-семинарски обстоятельно, визуализируя каждый аргумент, доказывает: Вера Павловна влюбилась в Кирсанова не из-за того, что Лопухов ее ожиданиям не соответствовал. На уровне быта и спальни к мужу никаких претензий нет, а героиня полюбила другого.

Сама постановка такой проблемы считалась тогда скандальной. В романе же Рахметов объясняет героине, что ее интенции не противоречат этике «новых людей»: безнравственно сохранять брак, если нет любви.

Однако развод по инициативе жены – задача, решавшаяся тогда в исключительных случаях, например если речь шла о преступнике, а инициированная мужем процедура всегда подразумевала унижение женщины. Соответственно, Лопухов инсценирует самоубийство.

Драматический эффект минимизирован. Читатель сразу узнает: мнимый самоубийца позаботился, чтобы в его гибели чужие не сомневались, а свои были заранее извещены о благополучном исходе.

Неважно, в какой мере описание ситуации реалистично. Важно, что алгоритм обозначен: мужчина жертвует своими личными интересами ради соблюдения прав женщины. Опять же, для Лопухова инсценированное самоубийство подразумевает не социальное небытие, а переход к новой «ролевой модели».

Своего рода идеологическую платформу «новых людей» Чернышевский тоже обозначил. Это пресловутая «теория разумного эгоизма».

Чернышевский учитывал, что название может быть сочтено плеоназмом. Соответственно, изменил телеологическую конструкцию: если счастье – не богатство и слава, а душевная гармония, достигаемая посредством уменьшения зла в мире, значит следующий этой установке лишь кажется альтруистом, тогда как на самом деле он эгоист, но разумный.

Такая этическая концепция оригинальной, конечно же, не была. Это не раз отмечалось исследователями [Плеханов 1910, с. 111–112].

Но романист и не маскировал заимствования. В частности, когда аллегорически описывал будущее общество справедливости. Указав, «что делать»

и каким образом, Чернышевский визуализировал конечный результат, буквально играя символами.

По кругу

Со временем популярность романа не уменьшалась, хотя первая журнальная публикация оставалась единственной до революции 1905 г. Цензурной установкой переиздания были исключены.

Как известно, оппоненты Чернышевского вели полемику и на уровне литературы. Появился даже ставший общепотребительным термин «антиингилистические романы» [Thorstensson 2013, p. 19–21].

Инструментарий же критики почти не менялся. Так, в спор вступил М.Н. Катков, чью статью в июне 1879 г. опубликовала газета «Московские ведомости».

Стандартным был набор инвектив. Катков пытался еще и высмеять результаты публикации романа, заявив, что «новые люди разошлись или сами собою, или разосланы на казенный счет по градам и весям...».

Здесь ключевые слова – «разосланы на казенный счет», т.е. в ссылки и тюрьмы. Но констатировалось и появление новых поколений читателей, увлеченных, по мнению критика, не столько идеями нового общества, сколько новизной сказанного о Чернышевском браке, что Катков иронически характеризовал как «философию скотоподобия».

Ирония оставалась единственным действенным аргументом. Соответственно, Катков утверждал: «Как мусульмане чтут Коран, так читается поклонниками “нового слова” роман Чернышевского “Что делать?”» [Катков 1879].

В этом аспекте примечательно суждение В.Н. Фигнер. Она утверждала, что не была увлечена философскими аспектами романа, из героев же заинтересовал «только Рахметов, его аскетизм» (цит. по: [Красовский 1982, с. 354]).

Имелась в виду «ролевая модель». Судя же по биографическому контексту, не только рахметовская. Как известно, Фигнер выбрала профессию врача, училась и за границей, вела пропагандистскую работу, на исходе 1870-х годов стала одним из лидеров партии «Народная воля», участвовала в подготовке нескольких покушений на царя и высокопоставленных администраторов.

Катковская ирония оказалась неуместной, когда речь шла о народолюбцах, проявивших рахметовское упорство, отвагу и жертвенность. Гибель Александра II вновь напомнила о бомбах Орсини.

Эффект выглядел даже более масштабным – сначала. Орсини не убил императора, а народолюбцы свой план реализовали.

Но в обоих случаях убийство монарха было не целью, а средством. При этом Орсини считался победителем, народолюбцы же не победили: террором

не удалось дестабилизировать империю, планировавшаяся волна крестьянских мятежей так и не поднялась, режим самодержавия сохранился.

Значительно уменьшилась тогда популярность ранее культового романа. Прогнозы Чернышевского не сбылись, они многими, даже его прежними адептами, характеризовались как несбыточные.

Традиционно 1880-е годы считаются периодом реакции. Очередным и наиболее значительным – после декабристского поражения и полной неудачи так называемого хождения в народ. Разочарование в методах подготовки революции обусловило кризис революционной идеологии.

Но и этот период нельзя характеризовать однозначно. Росло количество интеллектуалов, увлеченных социалистическими концепциями, труды К. Маркса и Ф. Энгельса в оригинале и переводах изучали участники многочисленных «кружков самообразования».

Чернышевский вновь стал авторитетным писателем. Вопреки распространенному мнению смерть его не осталась незамеченной в 1889 г. Печатались некрологи, а затем журнал «Русская старина» опубликовал статью, где автор культового романа характеризовался как «новатор во взглядах на искусство и общественные вопросы» [Смирнов 1890, с. 449–465].

В начале 1890-х годов его имя стало уже своего рода символом не только стойкости, верности убеждениям, но и писательского успеха. Об этом в цикле опубликованных за границей статей рассуждал Г.В. Плеханов (см., напр.: [Плеханов 1892, с. 144–194]).

Он не отвергал сказанное про «отсутствие художественного умения». Но, по обыкновению защитников Чернышевского, акцентировал противоречие: романист бездарен, а роман неслыханно популярен.

Споры о романе продолжались с большей или меньшей интенсивностью, сообразно изменению политического контекста. Общеизвестная аллюзия на них – заглавие изданной в 1902 г. за границей брошюры В.И. Ленина: «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» [Ленин 1902].

17 октября 1905 г., как известно, императорским манифестом была отменена предварительная цензура. Фактически она стала нефункциональной гораздо раньше, и М.Н. Чернышевский – сын писателя – опубликовал собрание сочинений отца, куда вошел и культовый роман. Десятитысячный тираж в две недели раскуплен, следующий тоже реализован с необычайной скоростью [Манова 2007, с. 89].

Успех констатировали не только рецензенты в периодике. Так, В.С. Соловьев, характеризовал автора культового романа как «мудрого и справедливого человека» [Соловьев 1908, с. 282].

Поражение революции 1905–1907 гг., конечно же, сказалось на популярности романа Чернышевского. Но вскоре читательский интерес оказался вновь на прежнем уровне.

Восторженно характеризовал и роман, и автора В.Е. Чешихин-Ветринский, чья статья «Литературно-критическое движение шестидесятых годов» опубликована в пятитомной «Истории русской литературы XIX века». Примечательно же, что это издание, подготовленное известными филологами под редакцией академика Д.С. Овсянко-Куликовского, не попало в список официально рекомендованных для средних и высших учебных заведений Российской империи [Чешихин-Ветринский 1909, с. 71–159].

Такова была официальная концепция на исходе 1900-х годов. Игнорирование. К этому времени изменения политического контекста обусловили и другой подход к роману. Можно сказать, критику в иной плоскости. Наиболее ярко это демонстрировал Ю.И. Айхенвальд в предисловии к очередному переизданию откровенно полемической книги «Силуэты русских писателей».

Айхенвальд утверждал, что и после отмены предварительной цензуры критерии оценки художественного произведения ориентированы, как прежде, на политическую борьбу. В аспекте же эстетики очевидно: «С романом Чернышевского “Что делать?” русской литературе нечего делать...».

Разумеется, Айхенвальд не отрицал уместность политической борьбы в прошлом и настоящем. Но утверждал, что роман Чернышевского интересен лишь историку общественной мысли и социологу [Айхенвальд 1911, с. IV].

Установка эта отражала тенденцию. Ее возникновение закономерно: деактуализировались в Российской империи легендарные европейские образцы, появился, можно сказать, отечественный пантеон героев-революционеров, потому вне политического контекста 40-летней давности, памятного уже многим, утратили актуальность и «ролевые модели», визуализированные Чернышевским.

В 1910-е годы некогда культовый роман быстро теряет популярность. Остается своего рода инерция почитания. Ну а вскоре события Первой мировой войны радикально изменили политический и литературный контексты.

Почти не изменилась эвристическая ситуация и с началом советской эпохи. Гражданская война актуализовала иные литературные образцы, пополнился своего рода пантеон героев-революционеров, среди них оказался Чернышевский, но – и только.

Формирование очередной концепции осмысления романа Чернышевского началось уже во второй половине 1920-х годов. Это была идеологическая установка советского правительства.

Реализовать ее пытался А.В. Луначарский, возглавлявший Народный комиссариат просвещения. Он утверждал, что автора культового романа следует восстановить в правах именно как писателя [Луначарский 1928, с. 17–40].

У наркома были и авторитетные оппоненты в партийной элите. Н.К. Крупская, например, заявила в печати о восхищении мужа романом

писателя-революционера, но при этом саму книгу характеризовала как «малохудожественную, наивную» ([Крупская 1983, с. 97]; ср.: [Крупская 1927]).

Однако в итоге утвердилась предложенная Луначарским парадигма. Установление советского режима пропагандистски интерпретировалось как логическое завершение дела жизни Чернышевского. Началась своего рода канонизация культового романа и его автора.

Чернышевский был официально признан классиком русской литературы, его роман включен в обязательную программу средней школы. Полемика исключалась в такой ситуации (см., напр.: [Абрамович, Брайнина, Еголин 1939]).

В честь писателя-революционера называли города и улицы, речные и морские суда. Учебные заведения тоже: с 1922 г. Саратовский университет – имени Чернышевского, аналогично и созданный через девять лет Московский институт философии, литературы и истории.

Но в феврале 1956 г. доклад Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС обозначил изменение пропагандистского инструментария. Под угрозой оказались ранее неоспоримые авторитеты.

Соответственно, в августе 1957 г. журнал «Вопросы литературы» опубликовал фрагмент воспоминаний эмигранта о Ленине. По словам мемуариста, лидер большевиков утверждал, что «недопустимо называть примитивным и бездарным роман “Что делать?”» Под его влиянием сотни людей делали революционерами. Могло ли это быть, если бы Чернышевский писал бездарно и примитивно? Он, например, увлек моего брата, увлек и меня. Он меня всего глубоко перепахал» (цит. по: [Валентинов 1957, с. 132]; ср. [Валентинов 1953, с. 103]).

Так был вновь задан официальный дискурс. Но 30 лет спустя опять начались изменения. В качестве предтечи большевиков Чернышевский объявлен актуальным идеологическим противником. С началом постсоветской эпохи установка на забвение его наследия стала официальной, роман из школьной программы исключен [Обязательный минимум 1999].

Вузовские программы тоже отразили политические изменения. Для большинства российских школьников и студентов знаменитая книга оказалась вне истории литературного процесса, значит, без осмысления осталась и полемика о романе, в которой участвовали классики русской литературы XIX–XX вв. Попытки оспорить такую установку были единичными [Елифеева 2007, с. 239–248; Вдовин 2009, с. 415].

Однако ситуация опять менялась. Характерный пример дискредитации официальной установки – опубликованная журналом «Дилетант» в первом номере за 2012 г. статья Д.Л. Быкова «Тайна Чернышевского».

Поначалу Быков чуть ли не солидаризовался с оппонентами Чернышевского. Так, заявил: «Сколько читаю “Что делать?” – столько пытаюсь понять: что, собственно, там глубоко перепахало Ленина...».

Далее же демонстрируется, что по модулю агрессивное деканонизирование тождественно азартному канонизированию. Плюс ли, минус ли, в любом случае научный анализ исключен: «Чернышевский представляет собою загадку почти неразрешимую – если не отрешиться от взглядов на него, внушенных нам советской тупой интерпретацией, и не посмотреть на его взгляды и творчество так же, как смотрели современники “Современника”. Тогда вместо скучнейшей фигуры перед нами окажется таинственнейшая, далеко еще не понятая».

Согласно Быкову, роман – не констатация и не прогноз. Чернышевский рассуждает о самовоспитании: «пусть “новых людей” еще нет, но они будут, и вот романист показывает, какими, с его точки зрения, им надлежит быть».

Такова, по Быкову, главная идея романа. Вопрос Чернышевским формулируется в заглавии, читателю же нужно уяснить, как действовать «в безвременье, что вообще делать, когда делать нечего? Ответ элементарен, в нем четыре буквы: СЕБЯ».

По Быкову, на этот вопрос Чернышевский и себе ответил. Итог самовоспитания – «не нигилист, а герой, мученик и неплохой писатель».

Так был дан ответ на вопрос, поставленный Быковым в начале статьи, – о причинах, обусловивших специфическое отношение к роману. Агрессивное отрицание наряду с восхищением.

Быков не анализировал «ролевые модели» в аспекте риторической техники. Не ставил такого рода задачи. Однако на уровне прагматики их постановка в статье обозначена [Быков 2012, с. 86–92].

Полемика с идеологией советского режима постепенно утратила прежнюю актуальность, задача же изучения риторической игры в романе Чернышевского по-прежнему актуальна. Мы попытались лишь формализовать один из возможных подходов к решению.

Библиография

Абрамович Г.Л., Брайнина Б.Я., Еголин А.М. Русская литература: Учебник для 9 класса средней школы. М.: Учпедгиз, 1939. Часть 2. 208 с.

Айхенвальд Ю.И. Предисловие к третьему изданию // Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерова и К°, 1911. Изд. 3-е. С. I–L.

Бакунин М.А. Кнуто-германская империя и социальная революция // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. С. 188–290.

Балагуров Я.А. Автор «Молодой России» (О Петре Григорьевиче Заичневском) // Вопросы истории. 1972. № 7. С. 202–205.

Быков Д.Л. Тайна Чернышевского // Дилетант. 2012. № 1. С. 86–92.

Валентинов Н.В. Встречи с Лениным. Нью-Йорк: Chalidze, 1953. 356 с.

- Валентинов Н.В. Из книги «Встречи с В.И. Лениным // Вопросы литературы. 1957. № 8. С. 126–134.
- Вдовин А. XXX Международная конференция «Чернышевский и его эпоха» (Саратов, 23–24 октября 2008 г.) // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 415–419.
- Водовозова Е.Н. Среди петербургской молодежи шестидесятых годов. СПб.: Типография 1-й СПб. труд. артели, 1911. Ч. 3. С. 570–608.
- Герцен А.И. Письма 1867–1868 годов. Кн. 1 // Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 29. 391 с.
- Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 10. 536 с.
- Далин В.М. Комментарии // Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства. М.: АН СССР, 1963. Т. 2.
- [Дудышкин С.С.] Литературная летопись // Отечественные записки. 1863. № 10. С. 202–218.
- Елиферова М. Что делать с Чернышевским? // Вопросы литературы. 2007. № 5. С. 232–251.
- Капнист П. Роман, повесть и рассказ // Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие. СПб., 1865. С. 181–198.
- Катков М. Нигилизм: по брошюре проф. Цитовича «Что делали в романе “Что делать?”» // Московские ведомости. 1879. № 153 [от 16 июня].
- Кельсиев В.И. Из «Исповеди» // Н.П. Огарев в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1989. С. 374–383.
- Кирова К.Э. Жизнь Джузеппе Мадзини. М.: Наука, 1981. 184 с.
- Короленко В.Г. История моего современника // Короленко В.Г. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1954. Т. 6. Кн. 2. 327 с.
- Красовский Ю.А. Женщина русской революции (Литературные и психологические аспекты архива Веры Фигнер) // Встречи с прошлым. М.: Советская Россия, 1982. Вып. 4. С. 330–363.
- Кропоткин П.А. Чернышевский и «Современник» // Кропоткин П.А. Идеалы и действительность в Русской литературе [курс лекций]. СПб.: Изд. тов. «Знание», 1907. С. 305–307.
- Крупская Н.К. Что нравилось Ильичу из художественной литературы. 1926 г. // О Ленине. М.: Политиздат, 1983. С. 97–101.
- Крупская Н.К. Что нравилось Ильичу из художественной литературы // Удар [альманах]. М.: Новая Москва, 1927. Кн. 1. С. 124–128.
- Ленин В.И. Что делать?: Наболевшие вопросы нашего движения // Ленин Н. [Сочинения]. Stuttgart: J.H.W. Dietz Nachf., 1902. 144 с.
- Лесков Н. Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» // Северная пчела. 1863. СПб. № 142 [31 мая].
- Луначарский А. Чернышевский как писатель // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 30. С. 17–40.
- Манова Е.Н. «...Сделать это издание я считал своим долгом» (к истории создания первого собрания сочинений Н.Г. Чернышевского) // Известия Саратовского университета. Сер.: История. Международные отношения. 2007. Т. 7. № 2. С. 89–95.
- Обязательный минимум содержания среднего (полного) общего образования. Приложение к приказу Минобразования России от 30.06.1999 № 56 // Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/58860453> (дата обращения: 05.07.2019).
- Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика власти. Тираноборчество. Революция. Террор. М.: РОССПЭН, 2012. 263 с.
- [От редакции] Что мешает женщине быть самостоятельной? (По поводу романа Чернышевского «Что делать?») // Библиотека для чтения. 1863. Сентябрь. С. 1.

- Орсини Ф. Воспоминания. М.; Л.: Academia, 1934. 551 с.
- Писарев Д. Мыслящий пролетариат // Русское слово. 1865. № 1. Отд. 3. С. 1–42.
- Плеханов Г.Н. Н.Г. Чернышевский // Социал-демократ: Литературно-политическое обозрение. Женева, 1892. Кн. 4. С. 144–194.
- Плеханов Г.В. Н.Г. Чернышевский. СПб.: Изд. «Шиповник», 1910. 537 с.
- Пр. Знаменский [Курочкин В.С.]. Проницательные читатели (из рассказов о старых людях) // Искра. 1863. № 32. С. 421–429.
- Ростислав [Толстой Ф.М.] Лжемудрость героев Чернышевского // Северная пчела. 1863. СПб. № 138 [27 мая].
- Салтыков-Щедрин М.Е. Наша общественная жизнь // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. в 20 т. М.: Художественная литература, 1965. Т. 6. С. 7–380.
- Смирнов А. Николай Гаврилович Чернышевский // Русская старина. 1890. Т. 66. С. 449–465.
- Соловьев В.С. Из литературный воспоминаний. Н.Г. Чернышевский // Соловьев В.С. Письма. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908. Т. 1. С. 271–282.
- Страхов Н. Счастливые люди // Библиотека для чтения. 1865. № 7–8. С. 142–166.
- Туниманов В.А. А.И. Герцен и русская общественно-литературная мысль XIX в. СПб.: Наука, 1994. 215 с.
- Тургенев И.С. Отцы и дети // Русский вестник. 1862. № 2. С. 473–663.
- Ц-ская [Водовозова Е.Н.] Что мешает женщине быть самостоятельной? (По поводу романа Чернышевского «Что делать?») // Библиотека для чтения. 1863. Сентябрь. С. 1–19.
- Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях // Современник. 1863. № 3–5.
- Черткова Г.С. От Бабефа к Буонаротти: Движение во имя равенства, или Заговор равных? М.: МГУ 2003.
- Чешихин-Ветринский В.Е. Литературно-критическое движение шестидесятых годов // История русской литературы. М.: Мир, 1909. Т. 3. С. 71–159.
- Eisenstein E. The First Professional Revolutionist: Filippo Michele Buonarroti (1761–1837). Harvard, 1959. 215 p.
- Packe M.S.J. The Bombs of Orsini. Warburg, 1957. 313 p.
- Thorstensson V. The Dialog with Nihilism in Russian Polemical Novels of the 1860s–1870s: dissertation. University of Wisconsin-Madison, 2013. 501 p.

References

- Abramovich G.L., Brajnina B. Ya., Egolin A.M. Russkaya literatura: Uchebnik dlya 9 klassa srednej shkoly' [Russian literature: course book for 9th grade of middle school]. Moscow: Uchpedgiz, 1939. Part 2. 208 p. (In Russ.)
- Ajxenval'd Yu.I. Predislovie k tret'emu izdaniyu. Ajxenval'd Yu.I. Silue'ty' russkix pisatelej. [Preface to the third edition. Ajxenval'd Yu.I. The silhouettes of Russian writers]. Moscow: Tip. Kushnereva, 1911. Ed. 3. P. I–L. (In Russ.)
- Bakunin M.A. Knuto-germanskaya imperiya i social'naya revolyuciya. Bakunin M.A. Filosofiya. Sociologiya. Politika [Whip-German empire and the social revolution. Bakunin M.A. Philosophy. Sociology. Politics]. Moscow: Truth, 1989. P. 188–290. (In Russ.)
- Balagurov Ya.A. Avtor «Molodoj Rossii» (O Petre Grigor'eviche Zaichnevskom). Voprosy istorii [The author of «Young Russia» (on Peter G. Zaichnevsky. The Questions of history)]. 1972. N 7. P. 202–205. (In Russ.)
- By'kov D.L. Tajna Cherny'shevskogo. [Mystery of Chernyshevsky]. The Diletant. 2012. N 1. P. 86–92. (In Russ.)

Cherny'shevskij N.G. Chto delat'? Iz rasskazov o novy'x lyudyax. Sovremennik [What is to be done? From the tales about the new people. The Contemporary]. 1863. N 3–5. (In Russ.)

Chertkova G.S. Ot Babefa k Buonarroti: Dvizhenie vo imya ravenstva ili Zagovor ravny'x? [From Babeuf to Buonarroti: The movement for equality or Conspiracy of the equal?]. Moscow: MGU, 2003. (In Russ.)

Cheshixin-Vetrinskij V.E. Literaturno-kriticheskoe dvizhenie shestidesyaty'x godov. Istoriya russkoj literatury' [The Literary-critical movement of the sixties. The history of Russian literature]. Moscow: World, 1909. Vol. 3. P. 71–159. (In Russ.)

Cz-skaya [Vodovozova E.N.] Chto meshaet zhenshhine by't' samostoyatel'noyu? (Po povodu romana Cherny'shevskogo «Chto delat'?»). Biblioteka dlya chteniya [What prevents women from being independent? (On the novel «What is to be done?» by Chernyshevsky). The Library for reading]. 1863. September. P. 1–19. (In Russ.)

Dalin V.M. Kommentarii. Buonarroti F. Zagovor vo imya ravenstva [Dalin V.M. Commentary. Buonarroti F. Conspiracy in the name of equality]. Moscow: Academy of sciences of USSR, 1963. Vol. 2. (In Russ.)

[Dudy'shkin S.S.] Literaturnaya letopis. Otechestvenny'e zapiski [The literary chronicle. The Annals of Fatherland]. 1863. N 10. P. 202–218. (In Russ.)

Eisenstein E. The First Professional Revolutionist: Filippo Michele Buonarroti (1761–1837). Harvard, 1959. 215 p.

Eliferova M. Chto delat' s Chernyshevskim? Voprosy literatury [What is to be done with Chernyshevsky? The Questions of literature]. 2007. N 5. P. 232–251. (In Russ.)

Gercen A.I. Byloe i dumy. Gercen A.I. Sobr. soch. v 30 t. [The past and the thoughts. Gercen A.I. Collection of works in 30 vol.]. Moscow: Academy of sciences of USSR, 1956. Vol. 10. 536 p. (In Russ.)

Gercen A.I. Pis'ma 1867–1868 godov. Kn. 1 [Letters of 1867–1868. Book 1. Gercen A.I. Collection of works in 30 vol.]. Moscow: Academy of sciences of USSR, 1963. Vol. 29. 391 p.

Kapnist P. Roman, povest' i rasskaz. Sobranie materialov o napravlenii razlichny'x otraslej russkoj slovesnosti za poslednee desyatiletie [The novel, the novelette, the short story. Collection of materials about trends in Russian literature of past decade]. Saint Petersburg, 1865. P. 181–198. (In Russ.)

Katkov M. Nihilizm: po broshyure prof. Citovicha «Chto delali v romane “Chto delat'?”». Moskovskie vedomosti [The nihilism: on the brochure of prof. Citovich «What were they doing in the novel What is to be done?» The Moscow news]. 1879. N 153. [from July 16]. (In Russ.)

Kel'siev V.I. Iz «Ispovedi». N.P. Ogarev v vospominaniyax sovremennikov [From the «Confessions». N.P. Ogarev in the memories of his contemporaries]. Moscow: Fiction literature, 1989. P. 374–383. (In Russ.)

Kirova K.E'. Zhizn' Dzhuzeppe Madzini [The life of Dzhuzeppe Madzini]. Moscow: Nauka, 1981. 184 p. (In Russ.)

Korolenko V.G. Istoriya moego sovremennika. Korolenko V.G. Sobr. soch.: V 10 t [The history of my contemporary. Korolenko V.G. Collection of works in 10 vol.]. Moscow: Goslitizdat, 1954. Vol. 6. Book 2. 327 p. (In Russ.)

Krasovskij Yu.A. Zhenshhina russkoj revolyucii (Literaturny'e i psixologicheskie aspekty' arxiva Very' Figner). Vstrechi s proshlym [The women of Russian revolution (the literary and psychological aspects of the archive of Vera Figner). The meetings with the past]. Moscow: Soviet Russia, 1982. Iss. 4. P. 330–363. (In Russ.)

Kropotkin P.A. Cherny'shevskij i «Sovremennik». Kropotkin P.A. Idealy' i dejstvitel'nost' v Russkoj literature [kurs lekciy] [Cherbyshevsky and the «Contemporary». Kropotkin P.A. Ideals and reality in Russian literature]. Saint Petersburg: «Knowledge», 1907. P. 305–307. (In Russ.)

Krupskaya N.K. Chto nrazilos Il'ichu iz xudozhestvennoj literatury. 1926 g. O Lenine [What Ilyich liked from fiction. 1926. About Lenin]. Moscow, 1983. P. 97–101. (In Russ.)

Krupskaya N.K. Chto nrazilos Il'ichu iz xudozhestvennoj literatury. Udar [al`manax] [What Ilyich liked from fiction. The strike [almanac]]. Moscow: New Moscow, 1927. Book 1. P. 124–128. (In Russ.)

Lenin V.I. Chto delat'? Nabolevshie voprosy` nashego dvizheniya. Lenin N. [Sochinenia] [What is to be done? The most painful questions of our movement. Lenin N. [Writing]]. Stuttgart: J.H.W. Dietz Nachf., 1902. 144 p. (In Russ.)

Leskov N. Nikolaj Gavrilovich Cherny'shevskij v ego romane «Chto delat'»? Severnaya pchela [Nikolay Gavrilovich Chernyshevsky in his novel «What is to be done?». Northern bee]. 1863. Saint Petersburg. N 142 [May 31]. (In Russ.)

Lunacharskij A. Chernyshevskij kak pisatel. Vestnik Kommunisticheskoy akademii [Chernyshevsky as a writer. The messenger of the communist academy]. 1928. N 30. P. 17–40. (In Russ.)

Manova E.N. «...Sdelat' eto izdanie ya schital svoim dolgom» (k istorii sozdaniya pervogo sobraniya sochinenij N.G. Cherny'shevskogo). Izvestiya Saratovskogo universiteta [«... To do it I considered my duty» (to the history of creation of the first collection of works by N.G. Chernyshevsky. The messenger of Saratov university). Series: History. International relations. 2007. Vol. 7. N 2. P. 89–95. (In Russ.)

Obyazatel'ny'j minimum sodержaniya srednego (polnogo) obshhego obrazovaniya. Prilozhenie k prikazu Minobrazovaniya Rossii ot 30.06.99 N 56. [The compulsory minimum content of middle (full) universal education. Supplement for the decree of Russian ministry of education from 30 June 1999 N 56] The code. Electronic collection of legal and regulatory and technical documentation [Online resource]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/58860453> (date of access: 05.07.2019). (In Russ.)

Odessky M.P., Feldman D.M. Poe'tika vlasti. Tiranoborchestvo. Revolyuciya. Terror. [The poetics of power. Tyranny fighters. Revolution. Terror]. Moscow: ROSSPEN, 2012. 263 p. (In Russ.)

Orsini F. Vospominaniya [Memories]. Moscow, Leningrad: Academia, 1934. 551 p. (In Russ.)

[Ot redakcii] Chto meshaet zhenshhine by't' samostoyatel'noyu? (Po povodu romana Cherny'shevskogo «Chto delat'?»). Biblioteka dlya chteniya [What prevents women from being independent (On the novel «What is to be done?» by Chernyshevsky). The Reader's Library]. 1863. September. P. 1. (In Russ.)

Packe M.S.J. The Bombs of Orsini. Warburg, 1957. 313 p.

Pisarev D. My'slyashhij proletariat. Russkoe slovo [The thinking proletarians // The Russian word]. 1865. N 1. Section 3. P. 1–42. (In Russ.)

Plexanov G.N. N.G. Chernyshevskij. Social-demokrat: Literaturno-politicheskoe obozrenie [N.G. Chernyshevsky. The social-democrat: Literary and political review]. Geneva, 1892. Book 4. P. 144–194. (In Russ.)

Plexanov G.V. N.G. Cherny'shevskij [N.G. Chernyshevsky]. Saint Petersburg: Shipovnic, 1910. 537 p. (In Russ.)

Pr. Znamenskij [Kurochkin V.S.]. Proniczatel'ny'e chitateli (iz rasskazov o stary'x lyudyax). Iskra [Insightful readers (from the tales about the new people). Spark]. 1863. N 32. P. 421–429. (In Russ.)

Rostislav [Tolstoj F.M.]. Lzhemudrost' geroev Cherny'shevskogo. Severnaya pchela [Fake-wisdom of the Chernyshevsky heroes. The Northern Bee]. 1863. N 138 [May 27]. (In Russ.)

Saltykov-Shedrin M.E. Nasha obshhestvennaja zhizn'. Saltykov-Shedrin M.E. Sobr. soch. v 20 t. [Our social life. Saltykov-Schedrin M.E. Collected works in 20 vol.]. Moscow: Fiction literature, 1965. Vol. 6. P. 7–380. (In Russ.)

Smirnov A. Nikolaj Gavrilovich Cherny'shevskij. Russkaya starina [Nikolay Gavrilovich Chernyshevsky. The Russian antiquities]. 1890. Vol. 66. P. 449–465. (In Russ.)

Solov'ev V.S. Iz literaturny'j vospominanij. N.G. Cherny'shevskij. Solov'ev V.S. Pis'ma [From the literary memoirs. N.G. Chernyshevsky. Solov'ev V.S. The letters]. Saint Petersburg: Printing house of the Partnership «Public benefit», 1908. Vol. 1. P. 271–282. (In Russ.)

Straxov N. Schastlivy'e lyudi. Biblioteka dlya chteniya [The happy people. The library for reading]. 1865. N 7–8. P. 142–166. (In Russ.)

Thorstensson V. The Dialog with Nihilism in Russian Polemical Novels of the 1860s–1870s: the dissertation. University of Wisconsin-Madison, 2013. 501 p.

Tunimanov V.A. A.I. Gercen i russkaya obshhestvenno-literaturnaya my'sl' XIX v. [A.I. Herzen and the Russian social-literary thought of 19 century]. Saint Petersburg: Nauka, 1994. 215 p. (In Russ.)

Turgenev I.S. Otcy i deti. Russkij vestnik [Fathers and sons. The Russian messenger]. 1862. N 2. P. 473–663. (In Russ.)

Valentinov N.V. Iz knigi «Vstrechi s V.I. Leniny'm. Voprosy' literatury' [From the book «Meeting V.I. Lenin». The Questions of literature]. 1957. N 8. P. 126–134. (In Russ.)

Valentinov N.V. Vstrechi s Leniny'm [Meeting Lenin]. New York: Chalidze, 1953. 356 p. (In Russ.)

Vdovin A. XXX Mezhdunarodnaya konferenciya «Chernyshevskij i ego e'poxa» (Saratov, 23–24 oktyabrya 2008 g.). Novoe literaturnoe obozrenie [International conference «Chernyshevsky and his epoch» (Saratov, 23–24 October 2008). The new literary review]. 2009. N 96. P. 415–419. (In Russ.)

Vodovozova E.H. Sredi peterburgskoj molodezhi shestidesyaty'x godov [Among the Petersburg youth of the sixties]. Saint Petersburg: Tipography of 1st Petersburg labour artel. 1911. Part 3. P. 570–608. (In Russ.)

С.Б. Брилёв

ЗАГАДКА ГЕНОССЕ «ГОРЕЛОВА».

**Реакция немецкой научной общественности на публикацию
о загадочном советском агенте-немце из числа участников
англо-советской операции «Тоник» (1943 г.)**

Аннотация. Данное исследование уточняет выводы статьи «Операция “Эверест”» (1944 г.). К истории выжившей советской разведгруппы – участницы схемы «Ледоруб», опубликованной автором в журнале «Россия и современный мир» (2020. № 1. С. 165–186). Встречные предположения германских ученых и документалистов в ответ на публикацию о советских агентах, парашютированных из Британии над «рейхом» в феврале 1943 г., позволили идентифицировать того из них, кто до сих пор был известен только по своим псевдонимам и позывным и проходил лишь, как «Горелов» в документах британской службы диверсий и саботажа SOE и пересказе документов ГРУ в книгах российских исследователей. Идентификация агента «Горелова», как ветерана Гражданской войны в Испании коммуниста-немца Эрнста Бойтке, позволяет добавить важные штрихи к тому, как совместная операция SOE и разведуправлений НКВД / НКГБ включала и «квоту» для Разведуправления Генерального штаба Красной армии (позже ГРУ). Впрочем, дополнительной интригой является то, что он, казненный гестапо во время войны, якобы был замечен в послевоенной Москве.

Ключевые слова: Эрнст Бойтке; Эльза Хоффке; «Красная капелла»; операция «Тоник»; схема «Ледоруб»; Вторая мировая война.

Брилёв Сергей Борисович – кандидат исторических наук, заместитель генерального директора телеканала «Россия», ведущий программы «Вести в субботу» (телеканалы «Россия-1» и «Россия-24»), Россия, Москва. E-mail: sbrilev@yahoo.com

Brilev S.B. The Mystery of Genosse «Gorelov». The Reaction by the German Academic Community to the Publication about the Mysterious German Participant of the Anglo-Soviet Operation «Tonic» (1943)

Abstract. This study clarifies the conclusions of the article «Operation “Everest”» (1944). To the History of the Members of the Surviving Soviet Intelligence Group That Was Part of the «Pickaxe Scheme», published in the journal «Russia and the contemporary

world» (2020. No. 1). The assumptions of German academics and documentary filmmakers put forward after this journal published an article about Soviet agents parachuted from Britain over the Reich in February 1944 have made it possible to identify the agent who hitherto has only been known under his aliases as «Gorelov» from the files of Britain's Special Operations Executive (SOE) and books on Russia's military intelligence known as GRU. The identification of agent «Gorelov» as a German communist and a veteran of the Spanish civil war named Ernst Beuthke allows to add important details as to how the joint operation of SOE and the Intelligence directorates of Soviet NKVD / NKGB also included a «quota» for the Intelligence directorate of the General Staff of the Red Army (a.k.a. GRU). An additional intrigue, though, lies in the rumor that «Gorelov», despite solid information on his execution by Gestapo during the war, was reportedly sighted in postwar Moscow.

Keywords: Ernst Beuthke; Elsa Noffke; «Red Orchestra»; Operation «Tonic»; Pickaxe scheme; WW2.

**Brilev Sergey Borisovich – Candidate of Historical Sciences,
Deputy Director and Anchor of the TV Channel «Russia»,
Russia, Moscow. E-mail: sbrilev@yahoo.com**

Эта статья оказалась поистине неожиданным для автора поворотом в исследовании операции «Тоник», в рамках которой в феврале 1943 г. НКГБ СССР и британская служба саботажа и диверсий *Special Operations Executive* (SOE) забросили в Германию двух агентов Разведуправления Генштаба Красной армии (ГРУ) – мужчину и женщину. Казалось, имя агента-мужчины навсегда останется тайной. Однако после публикации предыдущей статьи на эту тему [Брилёв 2020] произошел настоящий прорыв.

Предыстория вопроса

Стоит напомнить, что, как следует из материалов британских Национальных архивов (TNA), во время войны в Лондоне не знали настоящих имен советских агентов, прибывавших в Соединенное Королевство кораблями северных конвоев для последующей переброски в «рейх» британскими самолетами, кораблями и даже подлодками. Впрочем, имя женщины – участницы операции «Тоник» удалось расшифровать уже довольно давно.

Британской стороне она была известна, как советская гражданка «Елена Никитина», которая на время пребывания в Англии была снабжена легендой 34-летней Керсти Поски, незамужней стенографистки из эстонского Хаапсалу [Pickaxe operations]. Допросив после войны гестаповцев, которые ее арестовали и казнили, в Лондоне пришли к выводу, что на самом деле это была коммунистка Эльза Нoffsке [O'Sullivan 2010, p. 86]. Предположив, что не только она, но и другие агенты – участники англо-советской схемы могли быть рекрутированы в Коминтерне, автор провел сравнение материалов SOE

из TNA и фонда «Коминтерн» Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Сегодня можно быть на 100% уверенным: советская гражданка «Никитина» / эстонка «Поска» из TNA – совершенно точно Эльза Ноффке [Личное дело Ноффке].

«Елена Никитина» из фондов TNA – Эльза Ноффке из фондов РГАСПИ

Подтверждением этой версии стали присланные автору после предыдущей публикации снимки из семейного архива германского кинодокументалиста Инги Вольфрам, отец которой был женат на Эльзе первым браком.

Эльза с мужем Эрнстом (архивные фото)

Ранее изучивший дело Ноффке в архиве ГРУ российский исследователь Владимир Лота пришел к выводу, что ее главным заданием было восстановить связь Центра с ценным берлинским источником «Альтой» [Лота 2005, с. 438–439], Ильзой Штёбе¹ из «Красной капеллы». Однако кем же был ее напарник?

Напарник. Вводные

Оба агента были сброшены в ночь с 24 на 25 февраля 1943 г. с самолета британских Королевских ВВС у немецкого Фрайбурга неподалеку от границы со Швейцарией [Pickaxe operations]. Последнее было важно в плане поддержки со стороны работавших в Германии агентов швейцарской сети «Красной капеллы». Действительно, и руководитель этой сети Шандор Радо, и его радист Александр Фут вполне определенно пишут в своих мемуарах о содействии, которое оказали этой группе. Эльзу Ноффке оба называют «Инге», а Радо – и настоящим именем [Радо 1973, с. 209–216; Foote 2011, p. 108–111].

На первый взгляд, ответить на вопрос о личности напарника Ноффке просто. Радо считал, что это был агент «Франц» (Генрих Кёнен) [Радо 1973, с. 209]. Однако по объективным причинам Радо не видел рассекреченное в Британии только в ХХI в. фото этого человека, который никак не похож на Кёнена.

Британцам этот человек был известен, как «Горелов» [Pickaxe operations]. Так же его называет и В. Лота, отмечая, что это – явно вымышленное имя [Лота 2005, с. 420]. Еще одна «личность» во время пребывания «Горелова» в Англии – не немец, а 37-летний эстонец Отто Улноти, холостой торговец древесиной из Рафлы [Pickaxe operations]. При этом, как объяснили создатели интернет-портала эстонского «Мемориала», в Эстонии нет такой фамилии «Улноти». Когда уже после войны британцы допросили гестаповцев, аресто-

1. Ильзе Штёбе родилась 17 мая 1911 г. в Берлине в семье рабочих. Начинала, как стенографистка, затем стала журналистом. Сотрудничала с советской разведкой с 1931 г. После прихода к власти Гитлера для конспирации вступила в НСДАП. Участвовала в вербовке сотрудника МИДа Рудольфа фон Шелиа (оперативный псевдоним «Ариец»). Благодаря протекции Шелиа в марте 1940 г. получила место в пресс-службе МИД «рейха». Ещё в конце декабря 1940 г. первой передала в Москву информацию о разработке в Германии плана вторжения в СССР «Барбаросса». Благодаря данным радиоперехватов в 1942 г. гестапо вышло на след Штёбе и арестовало ее в день помолвки с журналистом Карлом Хельфрихом 12 сентября (как раз тогда, когда Эльза Ноффке и ее напарник отбывали в Британию из Архангельска). 14 декабря 1942 г. года предстала перед судом. Несмотря на пытки, Штёбе никого не выдала и была гильотинирована. В 1969 г. посмертно награждена орденом Боевого Красного Знамени.

вавших и допросивших «Горелова» и других советских агентов, то узнали, что при допросе в «рейхе» этот человек назвал себя немецким именем Георг Титце [O'Sullivan 2010, p. 85].

«Горелов» из фондов TNA

Проблема состоит в том, что в отличие от большинства других «ледорубов», человека с таким именем и / или псевдонимом нет ни в РГАСПИ, ни у Службы внешней разведки. В последнем случае у автора имеется ответ СВР на запрос ВГТРК.

Однако недавно в книге британского исследователя Стивена Тайаса, повторно изучившего допросы гестаповцев, мелькнуло еще одно имя «Горелов»: *Ernst Beutge* [Tyas 2017, p. 79].

Эрнст Бойтге и другие Эрнсты

Если произносить эту фамилию по правилам немецкого языка, то она звучит, как «Бойтге» (это важно, так как база данных РГАСПИ существует на кириллице). Но и в этом случае никаких совпадений в базе данных Коминтерна не обнаружилось.

Впрочем, в списках коминтерновцев нашлись два человека по имени Эрнст. Хотя фамилии их не упоминаются, можно было предположить, что речь идет об интересующих нас «ледорубах».

Первый – некий «Эрнст из Гамбурга» [Личное дело Эрнст II, л. 1]. Фигура явно непростая. Например, его дело – одно из тех, где есть дыры. Причем дыры в прямом смысле: маникюрными ножничками из машинописного текста на папиросной бумаге аккуратно вырезано имя одного его контакта в Германии в 1933 г. Всё, что осталось – кавычки перед началом имени. При этом эти кавычки в машинописный текст вставлены карандашом [Личное дело Эрнст II, л. 3]. Иными словами, в и без того засекреченный текст был внесен псевдоним контакта этого Эрнста, который не полагалось знать даже кадровикам ИККИ. Судя по всему, этот Эрнст участвовал в какой-то *весьма* деликатной операции, по-видимому, разведывательного характера.

В самом начале автобиографии этот Эрнст пишет: «С 10 до 15 лет (1929 г.) я был активным членом молодежной организации» [Личное дело Эрнст II, л. 1]. Формулировка, согласимся, несколько невнятная. Но даже если предположить, что в 1929 г. ему было уже 15 лет, то даже тогда ему никак не могло быть в районе 45, как тому «Горелову»-«Улноти», кого описывали офицеры SOE [Pickaxe operations].

Еще один бесфамильный Эрнст из фонда «Коминтерн» в РГАСПИ – человек, чье личное дело состоит вообще из одного листа [Личное дело Эрнст]. Дата не проставлена, но судя по состоянию и содержанию бумаги документ относится, скорее, к 20-м годам XX в. Такому Эрнсту в середине войны как раз могло быть от роду что-то около 45 лет, когда еще актуальными были навыки... кавалериста:

«Товарищ Эрнст.

Политически хорошо подготовлен, имеет опыт в политической жизни, заинтересован в образовании.

Хорошо усвоил военно-тактический курс, несмотря на то, что в начале не имел никаких познаний. По всем остальным военным предметам все в порядке. Сможет развиваться. Все домашние задания добросовестно выполнял и всегда активно участвовал в занятиях.

Партийно-дисциплинирован, спокоен, имеет влияние на остальных товарищей, хотя не стремится к тому, чтобы влиять на них.

Езда верхом с уздечками – удовлетворительно (зачеркнуто). Вписано от руки: хорошо.

Стрельба – также (зачеркнуто). Вписано от руки: удовлетворительно.

В общем: очень хороший товарищ с большим потенциалом развития. Очень конкретное мышление.

Обязателен» [Личное дело Эрнст, л. 1].

Он или не он?! Этого определить не удалось, так как в упомянутых делах в РГАСПИ отсутствовали фотографии.

Бойтке, он же Граап

После выхода предыдущей статьи об операции «Тоник» [Брилёв 2020] упомянутая выше Инга Вольфрам познакомила автора с группой берлинских историков, среди которых оказался и сотрудник Мемориала немецкого Сопротивления Андреас Хербст. Он собрал самую большую коллекцию фото активистов довоенной КПП, к которым, по всем косвенным данным, мог принадлежать «Горелов»—«Улноти»—«Титце»—«Бойтге».

Но даже не глядя на фотографию «Горелова», Андреас Хербст, прямо-таки воскликнул в своем письме: Ernst Beutge – это, наверное, Ernst Beuthke, т.е. Бойтке! На первый взгляд, странно, что автору не удалось найти его в РГАСПИ самостоятельно: первые буквы фамилии все равно совпадают. Но, как оказалось, в РГАСПИ Бойтке «зарыт» под еще одним псевдонимом: Грапп или / и Граап.

Но это, конечно, один и тот же человек, что изображен на фотокарточке в полупрофиль в файлах SOE в TNA. Особенно разительное сходство – с фото в РГАСПИ времен его пребывания в интербригадах в Испании.

Но, установив личность «Горелова», нельзя не удивиться тому, как же расходятся данные о нем в РГАСПИ с тем, что опубликовано на Западе.

Итак, Эрнст Бойтке родился 3 марта 1903 г. [Личное дело Граап Пауль, л. 56] в такой берлинской семье, которая в любом случае вошла в историю. Как считают в Германии, именно его отец, Рихард Бойтке, в ноябре 1918 г. провозгласил революцию перед ратушей Рейникендорфа и вообще запомнился яркими речами в берлинском Совете рабочих и солдат. Потом он торговал

табаком, но оставался членом КПП, куда привел и трех своих сыновей [Ernst (GustavPhilip) Beuthke].

Младший – Фриц – сварщик, средний – Вальтер – механик. Про старшего – Эрнста в Германии до сих пор считалось, что он был единственным, кто «не изучал профессии», подрабатывая на складе компании «Сименс» [Ernst (GustavPhilip) Beuthke]. Но, во-первых, как будет показано ниже, возможно, на складе «Сименса» занимались чем-то еще. Во-вторых, записи в архиве Коминтерна дают несколько иную картину раннего периода жизни Эрнста. Точнее, образование его ограничилось восемью классами народной школы [Личное дело Граап Пауль, л. 13–14]. Но что касается его профессиональной принадлежности, то в документах на русском языке Эрнст обозначен как водопроводчик [Личное дело Граап Пауль, л. 33], а на немецком – *Rohrleger*, «трубоукладчик». Это – все-таки профессия.

Как бы то ни было, все трое сыновей жили в берлинском округе Рейникендорф Борсигвальде, а центром жизни семьи стал участок «Друзья по саду» (Gartenfreunde), также известный как «Маленькая Москва». Дело в том, что из примерно 600 членов товарищества 80% были коммунистами. Товарищество было не просто местом отдыха: многие здесь и *проживали*. Именно туда Эрнст привел молодую жену Эллу, с которой у них потом родилась дочь Дорис. Правда, в 1941 г. последовал развод: Элла узнала, что в СССР у Эрнста появился ребенок от другой женщины [Ernst (GustavPhilip) Beuthke]. Но это мы забежали вперед.

Насыщенной была и его политическая жизнь. В 1927 г. он примкнул к Союзу красных фронтовиков, боевой организации коммунистов, которая в последние годы Веймарской республики вела ожесточенные уличные бои с штурмовиками СА. В одном из таких боев в районе сегодняшней улицы Генерал-Барби-Штрассе / Шарнвеберштрассе (по разным данным) в 1932 [Личное дело Граап Пауль, л. 4] или 1933 г. [Ernst (GustavPhilip) Beuthke] Бойтке получил серьезное огнестрельное ранение.

Его отвезли в знаменитую больницу «Шарите», где ему спасли жизнь, и откуда его тайно вывезли товарищи по партии [Ernst (GustavPhilip) Beuthke; Sandvoss 2003, S. 162–163]. После выздоровления Эрнст «работал по обучению актива (КПП. – С. Б.) военному делу и одновременно ведал складом оружия» [Личное дело Граап Пауль, л. 7]. Не о складе ли «Сименса» идет речь?

Но на него донесли [Личное дело Граап Пауль, л. 4] и через Щецин (Штеттин) [Sandvoss 2003, S. 162] он бежал в Советский Союз [Loeffel 2012, p. 42]. По документам Коминтерна он прибыл в Россию в 1934 г. [Личное дело Граап Пауль, л. 4]. Исходя из этих данных германские исследователи полагают, что из Германии он должен был бежать в конце 1933 г., потому что его дочь Дорис родилась в августе 1934 г. [Ernst (GustavPhilip) Beuthke].

Бойтке, действительно, быстро освоился в Советском Союзе, выучил язык, перешел в советское гражданство и поселился на Симоновском валу, дом 1, кв. 68. Новая жена – Евгения Федоровна Столбунова. Родив ребенка и ухаживая за больной матерью, она не работала, но получала от Коминтерна 350–400 руб. [Личное дело Граап Пауль, л. 13–14, 34, 4, 24].

Дело в том, что весной 1936 г. уже и без того опытного в военных делах Бойтке отправили на Рязанские пехотные курсы [Личное дело Граап Пауль, л. 37] (ныне Рязанское училище ВДВ). 10 мая было принято решение о его командировании «по гр. “А”», т.е. в воюющую Испанию. Согласно «Акту об отправке», Бойтке получил на руки австрийский паспорт, 250 долл. и 250 французских фр. В Испании он служил «в качестве механика походной мастерской танковой части, где показал себя хорошим специалистом» [Личное дело Граап Пауль, л. 23, 32, 4].

Несмотря на это, с началом Великой Отечественной войны, вернувшийся в СССР Бойтке был как немец депортирован в Караганду. Но «в конце 1941 г. или начале 1942 г. возвратился в Москву и по вольному найму стал работать в Министерстве обороны» [Личное дело Граап Пауль, л. 4]. Подстрочный перевод последней фразы понятен: Эрнста Бойтке привлекли к работе на ГРУ и стали готовить к отправке в «рейх».

В Германии

Напомним, что по приземлении Эльза Ноффке «не смогла найти ни своего спутника, ни двух чемоданов» [Agents of the Russian Intelligence Service]. Ее скоро арестовали, а он смог добраться до Берлина.

Его приняла у себя активист движения Сопротивления Элла Требе [Sandvoss 2003, S. 162]. Но он повел себя очень неразумно, объявившись у родственников в товариществе «Друзья по саду». Очевидно, он хотел повидать дочь Дорис... Много лет спустя она рассказала, что в 1943 г. к ней подошел и поцеловал странный мужчина. Затем ей объяснили, что ее отец [Ernst (GustavPhilip) Beuthke].

Донос не заставил себя ждать... Всего было арестовано более 30 человек, большинство из которых позже были расстреляны [Sandvoss 2003, S. 163]. Эрнста задержали не позже 18 мая, когда арестовали уже и его родителей Анну и Рихарда. Среди других арестованных – приютившая его Элла Требе, его братья Вальтер и Фриц, жена последнего Шарлотт, ее родители Анна и Эмиль Беккери и даже разведенная с Бойтке его первая жена, которая в застенках гестапо не узнала своего бывшего мужа: так он был изуродован пытками. Ее и беременную Шарлотту отпустили, а всех остальных казнили в концлагере Заксенхаузен 10–11 августа 1943 г. по прямому указанию

Гиммлера. Личные вещи убитых, включая обручальные кольца, были конфискованы [Ernst (GustavPhilip) Beuthke].

Московское метро?

Казалось бы, все крайне печально и очевидно. Но при перекрестном анализе обнаружилось и несколько интригующих деталей.

Дело в том, что самая последняя запись в деле Бойтке-Граапа в РГАСПИ касается его сына. В 1961 г. он, гражданин Скороход Валерий Яковлевич, обратился в Исполком Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца с тем, чтобы найти своего отца. О нем ему было известно, что он «по линии Министерства обороны был направлен на закордонную работу (предположительно в Германию)» [Личное дело Граап Пауль, л. 3].

Путаница с отчеством сына объясняется просто: «[Граап Пауль Рихардович] был женат на советской гражданке, матери Скорохода», а она «в 1945 г. вышла замуж за Скорохода Я., который усыновил ее сына и дал ему свое имя» [Личное дело Граап Пауль, л. 3]. Вопросы возникают относительно других деталей.

Известно, что «в 1946 или 1948 г. через своего представителя Министерство (обороны СССР. – С. Б.) запрашивало мать Скорохода, не хочет ли она выехать в Германию». Она отказалась, «так как официальным сообщением от 25 февраля 1943 г. она была поставлена в известность, что ее муж пропал без вести» [Личное дело Граап Пауль, л. 3]. Согласимся, это крайне необычный поворот. Из Советского Союза и так не очень-то отпускали за границу, а тут переезд в Германию предлагают той, чей муж считается погибшим... К тому же 25 февраля 1943 г. – это только дата десантирования Бойтке, которое в SOE и НКВД было признано успешным. В тот день он никак не мог считаться пропавшим без вести: первые сообщения о проблемах у группы «Тоник» были переданы миссии связи НКВД только летом 1943 г. [Pickaxe operations].

Наконец, если *полностью* цитировать обращение Валерия Скорохода в Союз Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, то оно звучало так: «Осенью 1961 г. сестра жены Граапа случайно увидела его в (московском. – С. Б.) метро, но поговорить с ним не смогла» [Личное дело Граап Пауль, л. 3].

Показалось? Хотя, как известно, в жизни разведчиков и не такое бывало.

Библиография

- Брилёв С.Б. Операция «Эверест» (1944 г.). К истории выжившей советской разведгруппы – участницы схемы «Ледоруб» // Россия и современный мир. 2020. № 1. С. 165–186.
- Личное дело Граап Пауль // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 6980.
- Личное дело Эрнст // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 10347.
- Личное дело Эрнст II // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 11353.
- Личное дело Нюффе Эльзы Рудольфовны // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 4832.
- Лота В.И. «Альта» против «Барбароссы». М.: Молодая гвардия, 2005. 471[8] с.: ил. (Дело №).
- Радо Ш. Под псевдонимом Дора: Воспоминания советского разведчика / [Лит. запись В. Александрова]. М.: Воениздат, 1973. 320 с.
- Agents of the Russian Intelligence Service given SOE facilities. An agreement was signed in 1941 between the NKVD and SOE to deliver a number of Russian agents into Occupied Europe // The National Archives of the United Kingdom (TNA). KV 2/2827.
- Ernst (Gustav Philip) Beuthke // Das Kunstprojekt Stolpersteine. 2013. 07. Jun. URL: <https://www.stolpersteine-berlin.de/de/biografie/5009> (дата обращения: 25.04.2020).
- Foote A. Handbook for Spies. Landisville: Coachwhip Publications, 2011. 226 p.
- Loeffel R. Family Punishment in Nazi Germany. Sippenhaft, Terror and Myth. London: Pelgrave McMillan, 2012. X. 258 p.
- O'Sullivan D. Dealing with the Devil. Anglo-Soviet Intelligence Cooperation During the Second World War. New York: Peter Lang., 2010. XI. 338 p.
- Pickaxe operations: Tonic; Sodawater // TNA HS 4/344.
- Sandvoss H.R. Widerstand in Wedding und Gesundbrunnen. Berlin: Eppler und Buntdruck, 2003. Schriftenreihe über den Widerstand in Berlin von 1933 bis 1945. Bd. 14. 352 S.
- Tyas S. SS-Major Horst Kopkow. From the Gestapo to British Intelligence. London: Fonthill, 2017. 272 p.

References

- Agents of the Russian Intelligence Service given SOE facilities. An agreement was signed in 1941 between the NKVD and SOE to deliver a number of Russian agents into Occupied Europe. The National Archives of the United Kingdom (TNA). KV 2/2827.
- Brilev S.B. Operaciya «E`verest» (1944 g.). K istorii vy`zhivshej sovetskoj razvedgruppy` – uchastnicy sxemy` «Ledorub» [Operation «Everest» (1944). To the History of the Members of the Surviving Soviet Intelligence Group That Was Part of the Pickaxe Scheme]. Russia and the contemporary world. 2020. No. 1. P. 165–186. (In Russ.)
- Ernst (Gustav Philip) Beuthke. Das Kunstprojekt Stolpersteine. 2013. 07. Jun. URL: <https://www.stolpersteine-berlin.de/de/biografie/5009> (date of access: 25.04.2020).
- Foote A. Handbook for Spies. Landisville: Coachwhip Publications, 2011. 226 p.
- Lichnoe delo E`rnst [Personal file of Ernst]. RGASPI. F. 495. Op. 205. D. 10347. (In Russ.)
- Lichnoe delo E`rnst II [Personal file of Ernst II]. RGASPI. F. 495. Op. 205. D. 11353. (In Russ.)
- Lichnoe delo Graap Paul` [Personal file Graap Paul]. RGASPI. F. 495. Op. 205. D. 6980. (In Russ.)
- Lichnoe delo Noffke Jel'zy Rudol'fovny [Personal file of Elsa Rudolfovna Nofke]. RGASPI. F. 495. Op. 205. D. 4832. (In Russ.)
- Loeffel R. Family Punishment in Nazi Germany. Sippenhaft, Terror and Myth. London: Pelgrave McMillan, 2012. X. 258 p.
- Lota V.I. «Al'ta» protiv «Barbarossy`» [«Alta» vs «Barbarossa»]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2005. 471 [8] p. (In Russ.)

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

O'Sullivan D. Dealing with the Devil. Anglo-Soviet Intelligence Cooperation During the Second World War. New York: Peter Lang., 2010. XI. 338 p.

Pickaxe operations: Tonic; Sodawater. TNA HS 4/344.

Rado Sh. Pod psevdonimom Dora: Vospominaniya sovetskogo razvedchika [Lit. zapis' V. Aleksandrova]. [Under the pseudonym of Dora: Memoirs of the Soviet scout. [Lit. record V. Aleksandrov]]. Mosow: Voenizdat, 1973. 320 p. (In Russ.)

Sandvoss H.R. Widerstand in Wedding und Gesundbrunnen. Berlin: Eppler und Buntdruck, 2003. Schriftenreihe über den Widerstand in Berlin von 1933 bis 1945. Bd. 14. 352 S.

Tyas S. SS-Major Horst Kopkow. From the Gestapo to British Intelligence. London: Fonthill, 2017. 272 p.

В.Ю. Алексеев

**СОВЕТ ООН ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВООЗАЩИТНОЙ СИСТЕМЕ**

***Аннотация.** Со дня образования ООН прошло 75 лет. За это время международные отношения значительно преобразились. Наряду с механизмом по поддержанию мира и безопасности важнейшим достижением ООН можно считать ее правозащитный потенциал. В следующем году будет отмечаться 75 лет создания Комиссии ООН по правам человека (КПЧ), а также 15 лет функционирования сменившего КПЧ Совета ООН по правам человека (СПЧ ООН). Юбилейные даты работы ключевых правозащитных органов ООН – замечательный повод, побуждающий исследователя оценить их вклад в развитие прав человека во всем мире.*

Актуальность исследования продиктована и тем, что Россия, которая с 2016 г. не является членом Совета ООН по правам человека, рассчитывает восстановить свое участие в работе данного органа в 2021–2023 гг. Соответствующее предложение было озвучено в прошлом году постпредом России при женеvском отделении ООН Г.М. Гатиловым. В случае ее избрания, говорится в позиционном документе «Кандидатура Российской Федерации в Совет ООН по правам человека на период 2021–2023 гг.», РФ будет предпринимать шаги, направленные на «преобразование Совета в эффективный и действенный инструмент поощрения и защиты прав человека во всем мире» [Кандидатура Российской Федерации].

Статья посвящена деятельности правозащитных институтов ООН до создания СПЧ, работе Совета по правам человека на современном этапе и российскому участию в этом органе.

Ключевые слова: КПЧ ООН; СПЧ ООН; УПО; Россия.

Алексеев Василий Юрьевич – студент факультета международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Россия, Москва. E-mail: tartamonoff@yandex.ru

Alekseev V.Yu. The Role of the UN Commission on Human Rights in International Human Rights Protection

Abstract. 75 years have passed since the United Nations came into existence. Over this period, international relations have undergone a dramatic change. Alongside with the mechanisms designed to protect peace and guarantee global security, the key UN's achievement can be seen in its ability to defend human rights. Next year will mark the 75-year anniversary of the UN Commission on Human Rights (UNCHR) and the 15-year anniversary of its successor, the UN Human Rights Council (UNHRC). These two jubilees is a good occasion to estimate the impact of the UN bodies on the protection and development of human rights throughout the 20th and 21st centuries.

What's more, having lost the 2016 election to the UNHRC, the Russian Federation is hoping to reinstate its membership for the period of 2021–2023. Last year, such proposal was put forward by Mr. Gatilov, the Russian permanent representative to the United Nations Office at Geneva. According to the document entitled «The candidacy of the Russian Federation for the United Nations Human Rights Council in 2021–2023», if reelected, Russia will seek to undertake efforts «to turn the Council into a working and effective body that will promote and protect human rights on an international scale».

The article addresses the UN human rights activity, focusing on the UNHRC and Russia's participation.

Keywords: UNCHR; UNHRC; UPR; Russia.

Alekseev Vasilij Jur'evich – Student of the Department
of International Affairs Moscow State Institute of International
Relations (MGIMO-University), Russia, Moscow.
E-mail: tartamonoff@yandex.ru.

**Деятельность специальных правозащитных институтов ООН
до создания СПЧ**

Созданию Совета ООН по правам человека – структуры, занимающейся исключительно защитой прав человека в системе ООН, предшествовала работа Комиссии по правам человека ООН (далее – КПЧ ООН). Однако еще до создания КПЧ и самой Организации существовала Лига Наций (далее – ЛН)¹,

1. До Лиги Наций подписывались многосторонние договоры по соблюдению прав человека в отдельной сфере, например Вестфальские договоры 1648 г. о свободе вероисповедания, документы об отмене рабства (Вашингтонский договор 1862 г., акты Брюссельских конференций 1867 и 1890 гг., Берлинские документы 1885 г., Женевская конвенция 1926 г.), нормы о законах и обычаях войны (Парижская декларация 1856 г., Женевские конвенции 1864 и 1906 гг., Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг.), конвенции о защите беженцев 1933 и 1938 гг. и др. Интернационализация в области прав человека также способствовало учреждению в 1864 г. Международного Комитета Красного Креста, а в 1919 г. – Международной организации труда (подробнее см.: [Ляпичев 2010]).

на которую была возложена эта обязанность. Важно отметить, что уставы обеих организаций – (ООН и ЛН) – включали в себя положение о защите прав человека. В уставе Лиги Наций речь шла о защите прав человека в трудовой сфере² [Статут Лиги Наций]. В уставе ООН провозглашается защита *основных* прав человека [Устав ООН]. Таким образом, исходя из положений Устава Лиги Наций, можно констатировать, что в начале XX в. задача по выработке универсального международного документа, который бы содержал положения об уважении и соблюдении основных прав и свобод человека, не ставилась. Эта задача будет поставлена несколько позже, а именно после Второй мировой войны, в связи с созданием Организации Объединенных Наций.

Правозащитную деятельность ООН, специфика которой заключалась во *всесторонней* защите прав человека, можно разделить на два этапа: начальный и современный.

Хронологические рамки начального этапа: вторая половина 1940-х годов – конец XX в. В этот период складываются благоприятные условия для налаживания плодотворного и широкого сотрудничества стран в сфере защиты прав человека, происходят ключевые сдвиги в эволюции правозащитной деятельности ООН. Наблюдается ее институциональное строительство: создаются Экономический и Социальный совет ООН (ЭКОСОС), Комиссия ООН по правам человека (КПЧ), Подкомиссия по поощрению и защите прав человека и т.п. Параллельно с этим принимаются основополагающие документы, т.е. формируется правовая база правозащитной деятельности ООН. Ключевая роль в которой на данном этапе принадлежала КПЧ ООН.

Комиссия по правам человека ООН была учреждена в соответствии с резолюцией 5 (1) ЭКОСОС в феврале 1946 г. Изначально работу Комиссии возглавила Э. Рузвельт. Под ее руководством КПЧ выработала Всеобщую декларацию прав человека. В 1966 г. при активном участии КПЧ были заключены Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах. Совместно с Декларацией прав человека эти два пакта составляют Международный билль по правам человека, к которому также следует отнести два факультативных протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах. Первый протокол был принят в 1966 г. Комитет по правам человека получил возможность рассмотрения сообщений о нарушении прав физических лиц. Второй факультативный протокол был принят в 1989 г.

2. Правда, здесь стоит отметить еще одну правозащитную сферу, в которой Лига Наций принимала самое активное участие: проблема беженцев (в частности, русских и армянских).

и был направлен на отмену смертной казни. На сегодняшний день Россия подписала и ратифицировала факультативный протокол 1966 г.

Международный билль о правах человека включает, помимо Всеобщей декларации прав человека, двух Пактов 1966 г. и факультативных протоколов к Международному пакту о гражданских и политических правах, несколько международных соглашений по правам человека (Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенция о ликвидации дискриминации в отношении женщин, Конвенция против пыток, Конвенция о правах ребенка, Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственного исчезновения, Конвенция о правах инвалидов), на основании которых были созданы контрольные органы. Весьма вероятно, что Международный билль о правах человека пополнят новые международные соглашения, которые будут заключаться в процессе поступательного развития межгосударственных отношений в сфере прав человека.

КПЧ сыграла определяющую роль в выработке положений указанных конвенций.

Подводя итоги первого этапа, можно констатировать, что он имел большое значение для деятельности ООН в правозащитной сфере, так как в этот период наблюдалось, во-первых, стремительное развитие механизмов защиты прав человека, во-вторых, оформление соответствующих институтов, в-третьих, параллельно проходила выработка правовой базы. Логичным продолжением начального этапа стал современный этап, который связывают с деятельностью Совета ООН по правам человека.

Реформа Комиссии ООН по правам человека и создание Совета по правам человека

В начале 2000-х годов деятельность Комиссии по правам человека все чаще подвергалась критике: Комиссию считали сверхполитизированным органом ООН. Некоторые исследователи полагают, что эта Комиссия зачастую использовалась государствами вовсе не для решения проблем, связанных с защитой прав человека [Ляпичев 2010]. Было распространено мнение, что КПЧ «смотрит на ситуацию (войны в Ираке, Чечне. – В. А.) сквозь розовые очки... оправдывая боевые действия, в которых гибнет мирное население» [Applebaum 2003]. Таким образом, вопрос о реформировании КПЧ ни у кого не вызывал сомнений. Важно было определить формат органа, который должен был сменить КПЧ, что и было сделано в 2005 г.

В марте 2005 г. Кофи Аннан опубликовал доклад «При большей свободе – к развитию, безопасности и правам человека для всех». В нем Генеральный секретарь признал, что КПЧ «сталкивается с проблемой снижения авторитет-

ности и профессионализма и нуждается в серьезной реформе» [Доклад Генерального секретаря ООН 2005]. Далее говорилось: «Превращение Комиссии по правам человека в полноправный Совет поднимет права человека до уровня того приоритета, который придается им в Уставе Организации Объединенных Наций» [Доклад Генерального секретаря. Добавление 2005]. Кофи Аннан выдвинул идею образовать – вместо Комиссии ООН по правам человека – постоянный Совет ООН по правам человека (СПЧ ООН), меньший по размеру. Новый Совет должен был перенять от Комиссии ряд механизмов, в частности систему специальных процедур. В то же время СПЧ предписывалось разработать механизм коллегиального обзора (будущий универсальный периодический обзор – УПО). К другим изменениям следует отнести и то, что СПЧ приобретал статус постоянного вспомогательного органа Генеральной Ассамблеи ООН, а не функциональной комиссии ЭКОСОС как было ранее. Избрание участников отныне происходило всеми членами Генеральной Ассамблеи, в СПЧ входило 47 стран, а не 53, как было в КПЧ [Выступление представителя 2011].

Итак, СПЧ был создан на основании Резолюции 60/251 Генеральной Ассамблеи ООН от 15.03.2006 г. Он стал продолжателем Комиссии в деле защиты прав человека. Так, в резолюции отмечалось, что Совет должен «взять на себя роль и обязанности КПЧ и служить форумом для обсуждения тематических вопросов по всем правам человека»; «сохранить и развить достижений КПЧ и *исправить ее недостатки*» (курсив мой. – В. А.), среди которых – практика «двойных стандартов и политизация» [Выступление представителя 2011]. Таким образом, одной из целей реформы КПЧ можно считать осознанную большинством стран необходимость актуализировать, скорректировать и, таким образом, «укрепить механизм ООН в области прав человека в целях обеспечения пользования всеми правами – гражданскими, политическими, экономическими, социальными и культурными» – на объективной и недискриминационной основе.

Субстантивная часть резолюции 60/251 посвящена вопросам функционирования СПЧ, порядку работы и избрания его членов, статусу Совета. Так, Совет по правам человека является вспомогательным органом Генеральной Ассамблеи ООН³. В его состав входят 47 государств, которые избираются в соответствии с принципом справедливого географического распределения и которые в период своего членства обязаны пройти универсальный периодический обзор (УПО). О прохождении странами УПО речь пойдет далее.

3. Это значит, что Совет обязан предоставлять Генеральной Ассамблее ежегодный доклад о проделанной работе. В то же время Совет уполномочен делать рекомендации Генеральной Ассамблее в отношении дальнейшего развития международно-го права в области защиты прав человека.

Для повышения эффективности за соблюдением прав человека в рамках СПЧ действует Консультативный комитет, задача которого – представлять в Совет экспертные заключения. В его состав входят 18 независимых экспертов, которые должны обладать *inter alia* высоким нравственным авторитетом, опытом работы в правозащитной сфере и знанием одного из шести рабочих языков ООН [Решение Совета 2007]. Россию в Консультативном комитете с 2013 г. представляет выпускник МГИМО 1972 г., доктор юридических наук, крупный специалист в области международного гуманитарного права М.А. Лебедев.

Что касается позиции стран в отношении СПЧ, существуют разные оценки. Так, еще до выхода из Совета в 2018 г. США заявляли, что ставят под сомнение способность органа заниматься положением прав человека в странах в различных форматах, не ограничиваясь резолюциями. Вопиющим недостатком в работе Совета США называли то, что Израиль был (и остается) единственной страной в повестке дня, выбранной для рассмотрения. В подобном ключе высказывались Б. Джонсон, министр иностранных дел Великобритании при правительстве Т. Мэй [Britain gives UNHRC 2018], а также идейный создатель СПЧ Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан [Кофи Аннан 2006]. Делегация Франции указывала на неэффективный⁴ и «факультативный» характер рекомендаций по УПО, а также неспособность Совета оперативно реагировать на безотлагательные ситуации. По этим пунктам с позицией Франции солидаризировались делегации Мексики, Канады, Европейского союза. СПЧ критикуется и за то, что в его состав входят / входили страны, нарушающие права человека, в частности Китай, Саудовская Аравия, Египет, Куба. Подобная критика звучала от таких неправительственных организаций (НПО), как Freedom House, Human Rights Watch⁵ и др.

В то же время, несмотря на подобную критику, Совет ООН по правам человека продолжает вносить существенный вклад в защиту прав человека во всем мире. Так, СПЧ осудил убийство саудовского журналиста Джамаля Хашукджи [Mandates of the Special Rapporteur 2018], в докладе по ситуации в Йемене сделал выводы о нарушении всеми сторонами конфликта между-

4. Ряд стран, в частности Франция, обращали внимание на то, что государство – объект УПО в целях повышения эффективности мер указывали в письменной форме, как они поступают с адресованными им рекомендациями, а также принимают ли они или отвергают такие рекомендации. Другая группа стран, например Нигерия, выступавшая от имени группы африканских государств, считали, что Совет не должен указывать принимают ли или нет эти рекомендации, когда и каким образом они будут исполнены.

5. Необходимо отметить, что эти организации получают финансирование в виде грантов от государственных органов США, поэтому непредвзятость их рекомендаций сомнительна.

народного гуманитарного права и призвал их снять ограничения на доставку гуманитарной помощи гражданскому населению [Yémen 2018], осудил незаконное задержание и условия тюремного заключения китайского правозащитника Хуан Ци [China 2018] и др. Но главным, по мнению автора, достижением СПЧ является механизм универсального периодического обзора.

Механизм УПО позволяет Совету следить за соблюдением прав человека на национальном уровне, а также за тем, как страны выполняют рекомендации СПЧ по улучшению своего правозащитного потенциала. Порядок прохождения УПО прописан и детализирован в соответствии с резолюциями 5/1, 16/21, а также решением 17/119 СПЧ. Согласно резолюции 5/1, целью УПО является выполнение обязательств государства в области прав человека и оценка позитивных изменений и проблем, стоящих перед государством. УПО проводится на основе трех документов: 1) доклада, подготовленного государством после проведения широких консультаций на национальном уровне со всеми заинтересованными сторонами (к ним относят национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека (НУПЗПЧ); 2) доклада ООН; 3) сведений, подготовленных третьими государствами и заинтересованными сторонами. Для наглядности проиллюстрируем документацию обзора на примере России (второй цикл прохождения УПО, 29.04.2013 г.). Доклад, подготовленный государством, включает в себя национальный доклад, свод информации ООН включает в себя доклады Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) и Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ); материалы, представленные третьими сторонами, включают доклады национальных правозащитных учреждений (НПЗУ), в том числе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, доклады организаций, представляющих гражданское общество. Среди них: Адвокаты за права человека, Международная амнистия, ст. 19, Центр за репродуктивные права, Международная церковь сайентологии, Европейская ассоциация христианских свидетелей Иеговы, Европейский центр по правам цыган, ФОРУМ 18, Глобальная инициатива за искоренение всех видов телесного наказания в отношении детей, «Права человека прежде всего» (Human Rights First), Межрегиональный комитет против пыток, Международная комиссия юристов, Институт по правам человека и бизнесу, Международная ассоциация и геев и лесбиянок – Европейское отделение (ILGA Europe), Институт религии и общественной политики, Сеть ЛГБТ, Репортеры без границ, Общество защиты угнетенных народов и др. [Универсальный периодический обзор 2013]. На примере России видно, что процедуре прохождения УПО предшествует долгая, кропотливая подготовка на всех уровнях: национальном и международном (ооновские структуры (агентства, управления и т.д.), международные правозащитные НПО (в частности, Международная амнистия, «Хьюман Райтс

Вотч» и др.)). С одной стороны, традиционно правительства и НПЗУ готовят аргументы в «защиту», делая акцент на основные достижения, достигнутый прогресс в правозащитной сфере. С другой стороны, иностранные и международные НПО, как правило, готовят аргументы «против», которые указывают на несоблюдение страной конкретных прав человека, например право на свободу высказываний.

К сильным сторонам УПО следует отнести его обязательный характер: ни одно из государств не может от него отказаться. В этом, собственно, можно констатировать, и заключается принцип равенства государств. И следует отметить, что все стороны воспринимают процедуру УПО весьма серьезно.

Кроме того, УПО – это целостный механизм, ибо в его нормативной основе лежит ВДПЧ, включающая в себя все основные категории прав и свобод. Поэтому в отличие от какого-либо другого механизма процедура УПО всегда будет охватывать более широкий спектр обязательств в сфере прав человека [Якобсен 2010].

Наконец, УПО является периодическим обзором: все государства обязаны проходить обзор один раз в четыре года. Это дает возможность спросить с рассматриваемого государства о выполнении им взятых на себя обязательств на предыдущих сессиях УПО.

Россия и СПЧ ООН

Россия, будучи привержена универсальным демократическим ценностям, включая обеспечение прав и свобод человека [Концепция 2016], активно участвует в работе Совете ООН по правам человека. Выступая за равноправное и взаимоуважительное сотрудничество в сфере поощрения и защиты прав человека в соответствии с принципами международного права, Россия борется с практикой применения «двойных стандартов» и использования проблематики прав человека в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела государства.

Россия входила в состав Совета в периоды: 2006–2009 гг., 2009–2012 гг. и в 2013–2016 гг., когда она уступила место двум другим кандидатам от Восточноевропейской группы – Венгрии и Хорватии, набравшим по результатам голосования в Генеральной Ассамблее ООН 144 и 114 голосов соответственно. Тогда за Россию проголосовало 112 стран⁶. Таким образом, с 2017 г. по настоящее время Россия имеет статус наблюдателя СПЧ.

6. В России распространено мнение, что поражение на голосовании российской кандидатуры связано с агитационной кампанией, инициированной Западом в связи с действиями российских Вооруженных сил в Сирии. Тогда более 80 правозащитных организаций, в том числе Human Rights Watch и Care International, подготовили пети-

Что касается работы России в рамках СПЧ, то ее можно оценить как достаточно активную. Так, с 2013 г. российской стороной направлено более 150 ответов на обращения специальных процедур ООН. На территории РФ состоялись выездные межсессионные заседания Экспертного механизма СПЧ по правам коренных народов и Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов. По предложению России были приняты такие резолюции Совета по правам человека, как «Защита цыган», «Целостность судебной системы», «Права человека и произвольное лишение гражданства»; «Поощрение прав человека через спорт и идеалы Олимпийского движения»; «Пятидесятая годовщина принятия и сороковая годовщина вступления в силу международных пактов о правах человека»; «Семидесятая годовщина Всеобщей декларации прав человека и двадцать пятая годовщина Венской декларации и Программы действий». Кроме того, российские дипломаты большое внимание уделяют положению с правами человека на Украине. Российская Федерация трижды – в 2009, 2013 и 2018 гг. – успешно прошла процедуру Универсального периодического обзора (УПО).

Как уже было сказано выше, с 2017 г. по настоящее время Россия имеет статус наблюдателя СПЧ, однако Москва рассчитывает на членство в Совете в 2021–2023 гг. РФ продолжает наращивать взаимодействие со всеми заинтересованными сторонами, добиваясь от них осуждения провокационной деятельности различных движений и платформ, пропагандирующие расизм, этноцентризм и ксенофобию, а также идеологию нацизма и расового превосходства. Совместно с другими странами РФ стоит на стороже традиционных ценностей, а также защиты семьи в классическом ее понимании. Участие России в работе Совета является уникальной возможностью для того, чтобы другие страны (прежде всего, западные демократии) выстраивали диалог с Российской Федерацией на уважительной и равноправной основе. Что касается характера российского участия, то на основании документов можно констатировать последовательность и исполнительность Российской Федерации в деле выполнения взятых на себя обязательств в сфере защиты прав человека, конструктивный подход страны, готовность к диалогу и сотрудничеству.

цию с требованиями не допустить избрания России в СПЧ. Правозащитники аргументировали данное решение тем, что поддержка Россией авиаударов в Сирии, а также вето, которое применил российский постпред при ООН по резолюции о прекращении огня в Алеппо, противоречит принципам и духу СПЧ (см. подробнее: [Россия 2016]).

Библиография

Выступление представителя Российской Федерации Г.Е. Лукьянцева на пленарном заседании 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН по пункту 64 повестки дня «Доклад Совета ООН по правам человека» // Постоянное представительство РФ при ООН. Официальный сайт. 2011. 02 Ноябрь. URL: https://russiaun.ru/ru/news/ga_human_rights (дата обращения: 04.02.2020).

Доклад Генерального секретаря ООН «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех» // ООН. Официальный сайт. 2005. 21 марта. URL: <https://undocs.org/ru/A/59/2005> (дата обращения: 28.01.2020); (дата обращения: 08.03.2020).

Доклад Генерального секретаря ООН. Добавление // ООН. Официальный сайт. 2005. 23 мая. URL: <https://undocs.org/ru/A/59/2005/Add.1> (дата обращения: 28.01.2020); (дата обращения: 08.03.2020).

Кандидатура Российской Федерации в Совет ООН по правам человека на период 2021–2023 гг. // Министерство иностранных дел РФ. Официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/diverse/-/asset_publisher/zw12FuDbhJx9/content/kandidatura-rossijskoj-federacii-v-sovet-oon-po-pravam-cheloveka-na-period-2021-2023-gg- (дата обращения: 04.02.2020).

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт. 2016. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 04.02.2020).

Ляпичев С. Совет ООН по правам человека: происхождение и эволюция // Международная жизнь. 2010. № 9. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/309> (дата обращения: 24.01.2020).

Решение Совета по правам человека 6/102. Последующие меры в связи с резолюцией 5/1 Совета // ООН. Официальный сайт. 2007. URL: https://ap.ohchr.org/documents/R/HRC/decisions/A_HRC_DEC_6_102.pdf (дата обращения: 18.08.2019).

Россия выбыла из Совета по правам человека ООН // RBC.ru 2016. 28 Окт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/10/2016/58138b749a79477a0c607730> (дата обращения: 04.02.2020).

Универсальный периодический обзор. Второй цикл – Российская Федерация – Документы // ООН. Официальный сайт. 2013. URL: <https://www.ohchr.org/RU/HRBodies/UPR/Pages/UPRRUStakeholdersInfoS16.aspx> (дата обращения: 17.08.2019).

Устав ООН // ООН. Официальный сайт. URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/> (дата обращения: 23.01.2020).

Якобсен А.Ф. Универсальный Периодический обзор. Вводный курс. Датский институт по правам человека // Сутяжник Пресс. Информационное агентство. 2010. URL: <http://sutyajnik.ru/documents/4229.pdf> (дата обращения: 24.04.2020).

Кофи Аннан: Совет ООН по правам человека чересчур пристально следит за Израилем // NEWSru.co.il. 2006. 30 Ноябрь. URL: http://txt.newsru.co.il/world/30nov2006/annan_go.html (дата обращения: 08.03.2020).

Applebaum A. The U.N.s Human Rights Rituals // The Washington Post. 2003. 16 April. URL: <http://www.Anneapplebaum.Com/2003/04/16/The-Uns-Human-Rights-Rituals/> (дата обращения: 27.01.2020).

Britain gives UNHRC six months to cease anti-Israel bias // The Jerusalem Post. 2018. URL: <https://www.jpost.com/International/Britain-warns-UNHRC-Stop-the-bias-or-we-will-vote-against-anti-Israel-560274> (дата обращения: 08.03.2020).

China: UN human rights experts gravely concerned about Huang Qi's health // UN Human Rights. Office of the High Commissioners. Official Website. 2018. 20 Dec. URL: <https://www.ohchr.org/>

org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=24036&LangID=E (дата обращения: 08.03.2020).

Mandates of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, the Special Rapporteur on extrajudicial, summary, or arbitrary executions, and the Working Group on enforced or involuntary disappearances // UN. Official Website. 2018. 20 Nov. URL: https://www.ohchr.org/_layouts/15/WopiFrame.aspx?sourcedoc=/Documents/Issues/Executions/KhashoggiLetterSG.pdf&action=default&DefaultItemOpen=1 (дата обращения: 08.03.2020).

Yémen: Des Experts onusiens soulignent des crimes possibles de guerre commis par des parties au conflit // Nations Unies. Official Website. 2018. URL: <https://www.ohchr.org/FR/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=23479&LangID=F> (дата обращения: 08.03.2020).

References

Applebaum A. The U.N.s Human Rights Rituals // The Washington Post. 2003. 16 April. URL: <http://www.anneapplebaum.com/2003/04/16/the-uns-human-rights-rituals/> (date of access: 27.01.2020).

Britain gives UNHRC six months to cease anti-Israel bias // The Jerusalem Post. 2018. URL: <https://www.jpost.com/International/Britain-warns-UNHRC-Stop-the-bias-or-well-vote-against-anti-Israel-560274> (date of access: 08.03.2020).

China: UN human rights experts gravely concerned about Huang Qi's health // UN Human Rights. Office of the High Commissioners. Official Website. 2018. 20 Dec. URL: <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=24036&LangID=E> (date of access: 08.03.2020).

Doklad General'nogo sekretarja OON «Pri bol'shej svobode: k razvitiju, bezopasnosti i pravam cheloveka dlja vseh» [Report of the Secretary-General «In larger freedom: towards development, security and human rights for all»]. UN. Official Website. 2005. March 21. URL: <https://undocs.org/ru/A/59/2005> (date of access: 28.01.2020). (In Russ.)

Doklad General'nogo sekretarja OON. Dobavlenie [Report of the Secretary-General. Report of the Secretary-General. Addendum]. UN. Official Website. 2005. May 23. URL: <https://undocs.org/ru/A/59/2005/Add.1> (date of access: 28.01.2020). (In Russ.)

Jakobsen A.F. Universal'nyj Periodicheskij Obzor. Vvodnyj kurs. Datskij institut po pravam cheloveka [Universal Periodic Review. Introductory course. Danish Institute for Human Rights]. Sutjajzhnik Press. Information Agency. URL: <http://sutjajzhnik.ru/documents/4229.pdf> (date of access: 24.04.2020). (In Russ.)

Kandidatura Rossijskoj Federacii v Sovet OON po pravam cheloveka na period 2021–2023 gg. [Candidature of the Russian Federation to the UN Human Rights Council for the period 2021–2023]. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Official Website. URL: https://www.mid.ru/diverse/-/asset_publisher/zwI2FuDbhJx9/content/kandidatura-rossijskoj-federacii-v-sovet-oon-po-pravam-cheloveka-na-period-2021-2023-gg- (date of access: 04.02.2020). (In Russ.)

Kofi Annan: Sovet OON po pravam cheloveka chereschur pristal'no sledit za Izrailem [Kofi Annan: The UN Human Rights Council has been following Israel too closely]. NEWSru.co.il. 2006. Nov. 30. URL: http://txt.newsru.co.il/world/30nov2006/annan_go.html (date of access: 08.03.2020). (In Russ.)

Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putiny 30 nojabrja 2016 g.) [Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on November 30, 2016)]. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Official Website. 2016. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/

official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/2542248 (date of access: 04.02.2020). (In Russ.)

Ljapichev S. Sovet OON po pravam cheloveka: proishozhdenie i jevoljucija. Mezhdunarodnaja zhizn' [UN Human Rights Council: Origin and evolution. International life]. 2010. No 9. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/309> (date of access: 24.01.2020). (In Russ.)

Mandates of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, the Special Rapporteur on extrajudicial, summary, or arbitrary executions, and the Working Group on enforced or involuntary disappearances // UN. Official Website. 2018. 20 Nov. URL: https://www.ohchr.org/_layouts/15/WopiFrame.aspx?sourcedoc=/Documents/Issues/Executions/KhashoggiLetterSG.pdf&action=default&DefaultItemOpen=1 (date of access: 08.03.2020).

Reshenie Soveta po Pravam Cheloveka 6/102. Posledujushhie mery v svjazi s rezoljuciej 5/1 Soveta [Council Decision on Human Rights 6/102. Follow-up to Council resolution 5/1]. UN. Official Website. 2007. URL: https://ap.ohchr.org/documents/R/HRC/decisions/A_HRC_DEC_6_102.pdf (date of access: 18.08.2019). (In Russ.)

Rossija vybyla iz Soveta po pravam cheloveka OON [Russia has withdrawn from the UN Human Rights Council]. RBK. 2016. Oct. 28. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/10/2016/58138b749a79477a0c607730> (date of access: 04.02.2020). (In Russ.)

Universal'nyj periodicheskij obzor, Vtoroj cikl – Rossijskaja Federacija – Dokumenty [Universal Periodic Review Second Cycle – Russian Federation- Reference Documents]. UN. Official Website. 2013. URL: <https://www.ohchr.org/RU/HRBodies/UPR/Pages/UPRRUStakeholdersInfoS16.aspx> (date of access: 17.08.2019). (In Russ.)

Ustav OON [The UN Charter]. UN. Official Website. URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/> (date of access: 23.01.2020). (In Russ.)

Vystuplenie predstavitelja Rossijskoj Federacii G.E. Luk'janceva na plenarnom zasedanii 66-j sessii General'noj Assamblei OON po punktu 64 povestki dnja «Doklad Soveta OON po pravam cheloveka» [Statement by the representative of the Russian Federation G.E. Lukiantsev at the plenary meeting of the 66th session of the UN General Assembly under agenda item 64 «Report of the UN Human Rights Council»]. Permanent Mission of the Russian Federation to the UN. Official Website. 2011. Nov. 02. URL: https://russiaun.ru/ru/news/ga_human_rights (date of access: 04.02.2020). (In Russ.)

Yémen: Des Experts onusiens soulignent des crimes possibles de guerre commis par des parties au conflit // Nations Unies. Official Website. 2018. URL: <https://www.ohchr.org/FR/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=23479&LangID=F> (date of access: 08.03.2020).

М.А. Ядова

**МОЛОДЕЖЬ В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ:
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

***Аннотация.** В центре внимания автора – глобальные угрозы, с которыми сталкивается сегодня молодежь России и зарубежных стран, и их социально-психологические последствия. В качестве примера анализируются эффекты от террористических актов 11 сентября 2001 г. и спровоцированной ими политики борьбы с террором: признаки посттравматического расстройства у многих жителей США, стигматизация и дискриминация представителей определенных этнических и религиозных групп; проблемы, связанные с самоидентификацией и адаптацией мусульманской молодежи.*

Также рассматривается влияние, вызванное усложнением социальной жизни и завышенными требованиями современного общества к новым поколениям. Показано, какие стратегии адаптации в условиях перманентной социальной нестабильности выбирает молодежь. В качестве негативной реакции на усложнение жизни и усиление социальной напряженности исследуется феномен добровольной самоизоляции и отказа от социальной жизни в молодежной среде (хикикомори, NEET и т.п.). Выделяются психологические, социальные и поведенческие факторы, способствующие подобного рода самоизоляции. В числе актуальных «молодежных» рисков рассматриваются такие новые для современного социума явления, как киберагрессия и кибервиктимизация, получившие распространение в интернет-пространстве в последние годы. Объясняются причины, в результате которых человек превращается в жертву или становится агрессором. Анализируются негативные эмоциональные переживания современных юношей и девушек, находящихся под давлением господствующих в сегодняшнем мире социальных стереотипов об успехе, феминности и маскулинности. Подчеркивается, что несоответствие этим нормативным представлениям нередко становится причиной сложного внутриличностного конфликта.

***Ключевые слова:** молодежь; глобальные угрозы; терроризм; посттравматическое расстройство; самоизоляция и эскапизм; киберагрессия; кибервиктимизация; внутриличностный конфликт.*

**Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук,
заведующая отделом социологии и социальной психологии
Института научной информации по общественным наукам РАН,**

Россия, Москва. E-mail: m.yadova@mail.ru
Scopus Author ID: 55390048500;
Web of Science Researcher ID: S-7750-2019

Yadova M.A. Youth in a World of Global Threats: Social and Psychological Consequences

Abstract. *The paper focuses on global threats faced by the young people in Russia and elsewhere, with particular emphasis on the social and psychological consequences of these challenges. As an example, analyzed are the effects of the September 11, 2001 terrorist attacks and the anti-terrorist policies that followed – signs of post-traumatic stress disorder among many U.S. citizens, stigmatization and discrimination of certain ethnic and religious groups, problems related to self-identification and adaptation of the Muslim youth.*

Highlighted is the impact of the complication of social life and the growing demands of modern society upon the new generations as well as adaptation strategies which the young people choose in the conditions of permanent social instability. The phenomenon of voluntary self-isolation and rejection of social life among the young people (Hikikomori, NEET, etc.) is analyzed as a negative reaction to the complication of life and increasing social unrest. The psychological, social and behavioral factors contributing to this kind of self-isolation are highlighted. Among the primary «youth» risks considered are such new phenomena to modern society as cyber-aggression and cyber-victimization, which in recent years have become widespread in the Internet space. The article provides explanations as to why a person becomes a victim or an aggressor, the primary causes being the negative emotional experiences of the young men and women who are under pressure from social stereotypes about success, femininity and masculinity prevailing in today's world. It is stressed that the discrepancy with these standard perceptions often leads to a complicated intrapersonal conflict.

Keywords: *youth; global threats; terrorism; post-traumatic stress; self-isolation and social escapism; cyber-aggression; cyber-victimization; intrapersonal conflict.*

Yadova Maiya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences,
Head of the Department of Sociology and Social Psychology,
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Russia,
Moscow. E-mail: m.yadova@mail.ru
Scopus Author ID: 55390048500;
Web of Science Researcher ID: S-7750-2019

По аналогии с известной строкой Гейне о других временах и других птицах, поющих другие песни¹, можно говорить и о других глобальных угрозах для других – новых – поколений. В XXI в. человечество оказалось перед

1. Строка из поэмы Г. Гейне «Atta Troll. Ein Sommernachtstraum» («Атта Троль. Сон в летнюю ночь»): *Andre Zeiten – andre Vögel! / Andre Vögel – andre Lieder!*

лицом беспрецедентных вызовов: перманентная глобальная неопределенность, усиление социального неравенства, терроризм и экстремизм, киберугрозы, эпидемии, климатические изменения и т.п. Обычно исследователей интересует макроуровень влияния этих угроз, однако у любой глобальной проблемы есть и «локальное» измерение. В настоящей работе мы предлагаем рассмотреть социально-психологические последствия глобальных вызовов, с которыми сталкивается сегодня молодежь России и зарубежных стран.

В качестве примера проанализируем эффекты от террористических актов 11 сентября 2001 г. и порожденной ими политики борьбы с террором: посттравматические стрессовые расстройства, стигматизация и дискриминация представителей некоторых этнических и религиозных групп, проблемы самоидентификации и адаптации мусульманской молодежи.

Так, в систематическом обзоре научных работ медицинской, психологической и социологической направленности (2001–2011) [Consequences 2015], подготовленном группой исследователей из Канады, Австралии и Великобритании, исследуются социальные последствия террористических актов 11 сентября 2001 г. и их влияние на психоэмоциональное состояние различных групп населения, включая молодежь. Авторы обзора отмечают, что политика борьбы с террором, предпринятая США и другими странами после трагедии 9/11, спровоцировала усиление социальной напряженности на разных уровнях. Прежде всего это выразилось в увеличении мер безопасности в государствах, принимающих мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки, а также в исламофобии и дискриминации арабов. Рассуждая об эффектах терактов 9/11, ученые выделили негативные (посттравматические расстройства личности, депрессия и чувство тревоги, психосоматические заболевания и др.) и позитивные (выработка адаптивных стратегий) факторы.

Если говорить о последствиях событий, произошедших 11 сентября, для подростков и молодежи, то, по словам авторов обзора, они достаточно противоречивы. Так, по одним данным, была выявлена острая негативная реакция этой возрастной группы на трагедию [Matt, Vázquez 2008], другие работы, напротив, не зафиксировали подобного влияния [Impact of the September 11th 2014]. Одним из ключевых факторов для проявления симптомов депрессии и тревоги стала географическая близость участников исследования к месту катастрофы [Posttraumatic stress 2005]. Как правило, девушки, видимо, в силу природной эмоциональности, по сравнению с юношами демонстрировали значительно больше признаков посттравматического расстройства [Ray, Malhi 2004]. Тяжелее других переживали события 9/11 молодые люди, до этого столкнувшиеся с психотравмирующими ситуациями или имевшие плохие отношения с родными, в то же время обсуждение случившегося в семье, наоборот, помогало справиться со стрессом [Lutz, Hock, Kang 2007]. Также был зафиксирован рост числа конфликтов между представителями евроамер-

риканского большинства и мусульманских меньшинств. Например, по некоторым данным, известны случаи буллинга мусульманских подростков со стороны одноклассников в школах Нью-Йорка «по следам» произошедшей трагедии [Kromidas 2004].

Ответной реакцией мусульманской молодежи на стресс стали «парадоксы самоидентификации»: например, молодые мусульмане переставали позиционировать себя в качестве американцев, становясь в открытую оппозицию к США и их политическим действиям [Zaal, Salah, Fine 2007]. Вместе с тем часть мусульманской молодежи нашла в себе силы выработать конструктивные адаптационные стратегии: одни были сориентированы на укрепление связей с единовѣрцами, другие задумались о личной ответственности за формирование позитивного имиджа мусульманской общины [Zaal, Salah, Fine 2007].

Еще одной негативной реакцией на глобальные вызовы XXI в. и усложнение требований современного общества к новым поколениям можно считать феномен добровольной самоизоляции и социального эскапизма в молодежной среде.

Сегодня, в разгар пандемии COVID-19, во всем мире вводится практика принудительной самоизоляции, хотя это выражение и звучит абсурдно. О феномене же обычной – добровольной – самоизоляции в последние годы написано довольно много. В восточноазиатских странах, как правило, распространено понятие «хикикомори», в европейской исследовательской традиции общеупотребительна аббревиатура NEET (сокращ. от англ. *Not in Employment, Education or Training* – «не учится, не работает и не участвует в профессиональной подготовке»). В США молодых людей, финансово зависящих от родителей или перебивающихся случайными заработками, называют твикстерами (от англ. *betwixt* – между, т.е. те, кто застрял между подростковым возрастом и взрослостью). Можно предположить, что среди поколения миллениалов (а впоследствии и центениалов) доля таковых «застрявших» выше, поскольку для представителей этих возрастных когорт в целом характерно запаздывание с освоением «взрослых» социальных ролей [Радаев 2019].

Термином «хикикомори», или «хикки» (в переводе с яп. – находящийся в уединении), обозначают людей, которые намеренно «убегают» от социальной жизни, не имеют работы и находятся на иждивении родных. Обычно выделяют два типа хикки – абсолютный и относительный: первые не контактируют даже с родными и практически никогда не покидают места своего обитания, вторые иногда общаются с близкими и в случае острой необходимости могут выйти из дома [Heinze, Thomas 2014]. К хикикомори, как правило, относят людей, социальная самоизоляция которых длится довольно продолжительное время – не менее полугода [Li, Wong 2015; Home visitation program 2013]. В силу малоизученности этого феномена данные о численности хикикомори в том или ином социуме достаточно приблизительны, но в целом, по

мнению специалистов, доля таковых не превышает 3% среди молодежи [Li, Wong 2015; Lifetime prevalence 2010; The prevalence 2015].

Китайские исследователи Т. Ли и П. Вонг [Li, Wong 2015, p. 601–603] отмечают, что большинство хикикомори выросли в чрезмерно опекающих, обеспеченных или авторитарных семьях, поэтому им сложнее, чем другим, стать самостоятельными. Нередко ряды хикки пополняют молодые люди, имеющие тяжелый психотравмирующий опыт в родительской семье или учебном коллективе.

Еще одна категория населения, чем-то напоминающая хикки (их, скажем, более «облегченная версия») – NEET-молодежь, под которой обычно понимают экономически неактивную группу юношей и девушек, исключенных из социальной жизни более чем на полгода. Возрастные рамки этой категории достаточно условны и сильно варьируются. Очевидно, что такая «выключенность» в будущем чревата проблемами с трудоустройством и социализацией. По оценкам специалистов, доля NEET в общей численности молодежи в возрасте от 15 до 24 лет в Европе и России составляет около 12% [Зудина 2019]. В гендерной структуре NEET традиционно преобладают девушки. К NEET обычно относят: безработных; людей, возможности которых ограничены определенными жизненными обстоятельствами (молодые родители, те, кто имеют проблемы со здоровьем или ухаживают за больными родственниками и т.п.); юношей и девушек, которые намеренно не ищут работы и не желают учиться; представителей «свободных» профессий, дауншифтеров; тех, кто пытается включиться в полноценную общественную жизнь, но пока это у них не очень хорошо получается [NEETs 2012, p. 24]. Впрочем, зачастую статистические данные не учитывают, что представители NEET-молодежи могут быть вовлечены в социально полезную деятельность: например, участвовать в семейном бизнесе или волонтерской работе, выполнять поручения религиозных или общественных организаций [Holte 2017]. Однако, к сожалению, в массовом сознании сложился преимущественно негативный образ представителей этой социальной группы.

Иногда к эскапистским паттернам поведения относят дауншифтинг как практику добровольного отказа от движения вверх по карьерной лестнице и слишком напряженного ритма жизни. На наш взгляд, такой подход не совсем верен: результаты многих актуальных отечественных и зарубежных исследований на эту тему демонстрируют позитивные стороны дауншифтинга и дают возможность рассматривать его как творческую практику и альтернативную модель успешности [Мерзлякова 2008; Торотоева 2020]. Вместе с тем на постсоветском пространстве, где большинство населения живет в экономически стесненных условиях, явление дауншифтинга не приобрело широкую популярность, видимо, из-за характерных для этих стран социальных стереотипов о нерациональности отказа от стандартов сверхпотребления и недоста-

точной ценности «простого» образа жизни. Кроме того, многие социологические исследования говорят о том, что современная молодежь, в том числе российская, все чаще выбирает «калейдоскопный» тип карьеры – «трудовую стратегию, учитывающую индивидуальные особенности личности и позволяющую адаптировать профессиональный маршрут человека к происходящим в его жизни изменениям» [Ядова 2017, с. 103; Mainiero, Sullivan 2006].

Также в числе типично молодежных рисков можно рассматривать и такие новые для современного социума явления, как агрессия и виктимизация в виртуальном пространстве. Под киберагрессией предлагаем понимать оскорбления и манипулирование в интернет-пространстве (в социальных сетях, на форумах и пр.), а под кибервиктимизацией – процесс превращения человека в жертву, также происходящий на какой-либо онлайн-площадке.

Чешская исследовательница М. Райт, проанализировав результаты тестирования 16–18-летних подростков в Facebook, пришла к выводу, что выражение агрессии в виртуальной реальности становится для молодых людей своего рода отдушиной и способом управления стрессом и отрицательными эмоциями [Wright 2015]. Она отмечает, что шансы стать жертвой увеличиваются у юношей и девушек, имеющих сложные отношения с родителями, сверстниками, учителями и испытывающих тревогу по этому поводу. Кроме того, по словам исследовательницы, представителями «цифрового поколения» молодежи негативный опыт общения в виртуальном мире воспринимается так же остро, как в реальности. Киберагрессия и кибервиктимизация нередко сочетаются друг с другом: респонденты, пережившие травмирующий опыт кибервиктимизации, спустя время сами начинали вести себя агрессивно в Сети.

Обычно считается, что жертвы буллинга – маргиналы, имеющие проблемы с коммуникацией или чем-то невыгодно отличающиеся от окружающих. Однако есть немало научных работ, опровергающих этот стереотип. Например, исследование американцев Р. Фэриса и Д. Фелмли, проведенное среди старшеклассников 19 американских средних школ (более 8 тыс. опрошенных) и основанное на моделировании сложившихся в школьных коллективах межличностных взаимодействий, обнаружило, что травле со стороны сверстников зачастую подвергаются популярные среди одноклассников подростки, в которых недоброжелатели видят соперников [Faris, Felmlee 2014]. А если учесть, что агрессивное поведение в некотором роде «заразно» и дружба с жертвой или агрессором повышает шансы быть втянутым в конфликт, сетевые «войны» в скором времени могут приобрести «пандемический» характер и стать реальной угрозой для новых поколений.

Иногда причиной тяжелого внутриличностного конфликта у юношей и девушек становится ощущение собственных неполноценности и несоответствия господствующим в современном мире нормативным представлениям об успехе, феминности и маскулинности.

Так, по мнению историка Дж. Брумберг, сегодня женское тело стало типичным объектом потребления, а социокультурные образы женственности базируются преимущественно на темах, связанных со способами поддержания внешней привлекательности и с требованиями безостановочного личного совершенствования [Brumberg 1997].

Например, в работе М. Стрембек и ее коллег из шведского Университета Умео, основанной на результатах интервью с 25 молодыми шведками – участницами курсов по управлению стрессом, отмечается, что стремление участниц исследования к успеху любой ценой привело их к тяжелому личностному конфликту и глубоким эмоциональным переживаниям [The corporeality 2014]. Информантки часто говорили о своем стремлении стать интеллектуально развитыми, самостоятельными и профессионально успешными женщинами. Кроме того, им непременно хотелось достичь «идеальной» женственности, т.е. обладать красивым и здоровым телом, быть приятными собеседницами и заботливыми дочерьми, подругами и пр. Неудивительно, что большинству девушек казалось, что они не вписываются в созданный коллективным воображением современного социума образ успешной молодой женщины: это вызывало у участниц проекта сильнейший стресс и психосоматические расстройства.

Схожие переживания характерны и для современных молодых людей. Так, социологи А.В. Ваньке и И.Н. Тартаковская, изучая изменения конструкта маскулинности российских рабочих, проанализировали классические и новые типы мужественности в рабочей среде в последние годы существования СССР, в пореформенный период 1990-х годов и в 2000–2010-е годы [Ваньке, Тартаковская 2016]. По словам исследовательниц, внутренняя неуверенность рабочих объясняется тем, что после распада СССР рабочие специальности потеряли прежний престижный статус и приоритет стал отдаваться интеллектуальному труду. В связи с этим мужчины-рабочие моложе 40 лет стали конструировать новый тип маскулинности, основанный на свободололюбивом образе «мужчины-борца и мужчины-активиста» [Ваньке, Тартаковская 2016, с. 147]. Представители «нового» рабочего класса копируют образ жизни «белых воротничков»: стремятся к самообразованию, следят за своей внешностью, занимаются спортом, демонстрируют высокий уровень потребления. Однако компенсаторные жизненные стратегии не всегда уберегают молодых рабочих от комплексов и низкой самооценки из-за невозможности соответствовать доминирующим гендерным ожиданиям.

В целом, обсуждая влияние глобальных угроз на новые поколения, необходимо отметить, что, как ни парадоксально, оно бывает и позитивным. Прежде всего побочным эффектом подобных изменений становятся конструктивные стратегии адаптации и освоения полезных социальных практик и навыков, необходимых для выживания в новой реальности.

Библиография

- Ваньке А.В., Тартаковская И.Н. Трансформации маскулинности российских рабочих в контексте социальной мобильности // Мир России. 2016. Т. 25. № 4. С. 136–153.
- Зудина А.А. «Не работают и не учатся»: молодежь NEET на рынке труда в России // Мир России. 2019. Т. 28. № 1. С. 140–160.
- Мерзлякова В.Н. Альтернативные модели успешности в современной культуре: Дауншифтинг // Вестник общественного мнения. 2008. № 4. С. 33–42.
- Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с. (Социальная теория).
- Торотова А.М. Дауншифтинг как альтернативная модель успешности. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 2020. Серия 11: Социология. № 2. С. 18–26.
- Ядова М.А. Образовательные и профессиональные стратегии постсоветской молодежи // Россия и современный мир. 2017. № 2. С. 91–104.
- Brumberg J.J. The body project: An intimate history of American girls. N.Y.: Vintage books, 1997. 267 p.
- Consequences of 9/11 and the war on terror on children's and young adult's mental health: A systematic review of the past 10 years / Rousseau C., Jamil U., Bhui K., Boudjarane M. // Clinical child psychology and psychiatry. 2015. Vol. 20. N 2. P. 173–193.
- Faris R., Felmlee D. Casualties of social combat: School networks of peer victimization and their consequences // American sociological rev. 2014. Vol. 79. N 2. P. 228–257.
- Heinze U., Thomas P. Self and salvation: Visions of hikikomori in Japanese manga // Journal of the German institute for Japanese studies. 2014. Vol. 26. N 1. P. 151–169.
- Holte B.H. Counting and meeting NEET young people: Methodology, perspective and meaning in research on marginalized youth // Young. L., 2017. Vol. 26. N 1. P. 1–16.
- Home visitation program for detecting, evaluating and treating socially withdrawn youth in Korea / Lee Y.S., Lee J.Y., Choi T.Y., Choi J.T. // Psychiatry and clinical neurosciences. 2013. Vol. 67. N 4. P. 193–202.
- Impact of the September 11th terrorist attacks on teenagers' mental health / Gould M.S., Munfakh J.L.H., Kleinman M., Lubell K., Provenzano D. // Applied developmental science. 2004. Vol. 8. N 3. P. 158–169.
- Kromidas M. Learning war / learning race: Fourth-grade students in the aftermath of September 11th in New York City // Critique of anthropology. 2004. Vol. 24. N 1. P. 15–33.
- Li T., Wong P. Youth social withdrawal behavior (hikikomori): A systematic review of qualitative and quantitative studies // Australian and New Zealand journal of psychiatry. 2015. Vol. 49. N 7. P. 595–609.
- Lifetime prevalence, psychiatric comorbidity and demographic correlates of «hikikomori» in a community population in Japan / Koyama A., Miyake Y., Kawakami N., Tsuchiya M., Tachimori H., Takeshima T. // Psychiatry research. 2010. Vol. 176. N 1. P. 69–74.
- Lutz W.J., Hock E., Kang M.J. Children's communication about distressing events: The role of emotional openness and psychological attributes of family members // American journal of orthopsychiatry. 2007. Vol. 77. N 1. P. 86–94.
- Mainiero L.A., Sullivan S.E. The opt-out revolt: Why people are leaving companies to create kaleidoscope careers. Mountain View (CA): Davies-Black, 2006. 378 p.
- Matt G.E., Vázquez C. Anxiety, depressed mood, self-esteem and traumatic stress symptoms among distant witnesses of the 9/11 terrorist attacks: Transitory responses and psychological resilience // Spanish journal of psychology. 2008. Vol. 11. N 2. P. 503–515.

NEETs: Young people not in employment, education or training: Characteristics, costs and policy responses in Europe / Eurofound. – Luxembourg: Publications office of the European Union, 2012. 158 p.

Posttraumatic stress and depressive symptoms in a college population one year after the September 11 attacks: The effect of proximity / Blanchard E.B., Rowell D., Kuhn E., Rogers R., Wittrock D. // Behaviour research and therapy. 2005. Vol. 43. N 1. P. 143–150.

Ray M., Malhi P. Reaction of Indian adolescents to the 9/11 terrorist attacks // The Indian journal of psychiatry. 2005. Vol. 72. N 3. P. 217–221.

The corporeality of living stressful femininity: A gender-theoretical analysis of young Swedish women's stress experiences / Strömböck M., Formark B., Wiklund M., Malmgren-Olsson E.-B. // Young. 2014. Vol. 22. N 3. P. 271–289.

The prevalence and correlates of severe social withdrawal (hikikomori) in Hong Kong: A cross-sectional telephone-based survey study / Wong P.W., Li T.M., Chan M., Law Y.W., Chau M., Cheng C., Fu K.W., Bacon-Shone J., Yip P.S. // International journal of social psychiatry. 2015. Vol. 61. N 4. P. 330–342.

Wright M.F. Cyber victimization and perceived stress: Linkages to late adolescents' cyber aggression and psychological functioning // Youth and society. 2015. Vol. 47. N 6. P. 789–810.

Zaal M., Salah T., Fine M. The weight of the hyphen: Freedom, fusion and responsibility embodied by young Muslim-American women during a time of surveillance // Applied development science. 2007. Vol. 11. N 3. P. 164–177.

References

Brumberg J.J. The body project: An intimate history of American girls. N.Y.: Vintage books, 1997. 267 p.

Consequences of 9/11 and the war on terror on children's and young adult's mental health: A systematic review of the past 10 years. Rousseau C., Jamil U., Bhui K., Boudjarane M. Clinical child psychology and psychiatry. 2015. Vol. 20. No. 2. P. 173–193.

Faris R., Felmlee D. Casualties of social combat: School networks of peer victimization and their consequences. American sociological rev. 2014. Vol. 79. No. 2. P. 228–257.

Heinze U., Thomas P. Self and salvation: Visions of hikikomori in Japanese manga. Journal of the German institute for Japanese studies. 2014. Vol. 26. No. 1. P. 151–169.

Holte B.H. Counting and meeting NEET young people: Methodology, perspective and meaning in research on marginalized youth. Young. 2017. Vol. 26. No. 1. P. 1–16.

Home visitation program for detecting, evaluating and treating socially withdrawn youth in Korea. Lee Y.S., Lee J.Y., Choi T.Y., Choi J.T. Psychiatry and clinical neurosciences. 2013. Vol. 67. No. 4. P. 193–202.

Impact of the September 11th terrorist attacks on teenagers' mental health. Gould M.S., Munfakh J.L.H., Kleinman M., Lubell K., Provenzano D. Applied developmental science. 2004. Vol. 8. No. 3. P. 158–169.

Kromidas M. Learning war / learning race: Fourth-grade students in the aftermath of September 11th in New York City. Critique of anthropology. 2004. Vol. 24. No. 1. P. 15–33.

Li T., Wong P. Youth social withdrawal behavior (hikikomori): A systematic review of qualitative and quantitative studies. Australian and New Zealand journal of psychiatry. 2015. Vol. 49. No. 7. P. 595–609.

Lifetime prevalence, psychiatric comorbidity and demographic correlates of «hikikomori» in a community population in Japan. Koyama A., Miyake Y., Kawakami N., Tsuchiya M., Tachimori H., Takeshima T. Psychiatry research. 2010. Vol. 176. No. 1. P. 69–74.

Lutz W.J., Hock E., Kang M.J. Children's communication about distressing events: The role of emotional openness and psychological attributes of family members. *American journal of orthopsychiatry*. 2007. Vol. 77. No. 1. P. 86–94.

Mainiero L.A., Sullivan S.E. The opt-out revolt: Why people are leaving companies to create kaleidoscope careers. Mountain View (CA): Davies-Black, 2006. 378 p.

Matt G.E., Vázquez C. Anxiety, depressed mood, self-esteem and traumatic stress symptoms among distant witnesses of the 9/11 terrorist attacks: Transitory responses and psychological resilience. *Spanish journal of psychology*. 2008. Vol. 11. No. 2. P. 503–515.

Merzlyakova V.N. Al'ternativnye modeli uspehnosti v sovremennoj kul'ture: Daunshifting [Alternative models of success in modern culture: Downshifting]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [The Russian public opinion herald]. 2008. No. 4. P. 33–42. (In Russ.)

NEETs: Young people not in employment, education or training: Characteristics, costs and policy responses in Europe. Eurofound. – Luxembourg: Publications office of the European Union, 2012. 158 p.

Posttraumatic stress and depressive symptoms in a college population one year after the September 11 attacks: The effect of proximity. Blanchard E.B., Rowell D., Kuhn E., Rogers R., Wittrock D. *Behaviour research and therapy*. 2005. Vol. 43. No. 1. P. 143–150.

Radaev V.V. Millenialy: Kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo [Millennials: How the Russian Society Changes]. Moscow: HSE Publishing House, 2019. 224 p. (Social Theory). (In Russ.)

Ray M., Malhi P. Reaction of Indian adolescents to the 9/11 terrorist attacks. *The Indian journal of pediatrics*. 2005. Vol. 72. No. 3. P. 217–221.

The corporeality of living stressful femininity: A gender-theoretical analysis of young Swedish women's stress experiences. Strömböck M., Formark B., Wiklund M., Malmgren-Olsson E.-B. *Young*. 2014. Vol. 22. No. 3. P. 271–289.

The prevalence and correlates of severe social withdrawal (hikikomori) in Hong Kong: A cross-sectional telephone-based survey study. Wong P.W., Li T.M., Chan M., Law Y.W., Chau M., Cheng C., Fu K.W., Bacon-Shone J., Yip P.S. *International journal of social psychiatry*. 2015. Vol. 61. No. 4. P. 330–342.

Torotoeva A.M. Daunshifting kak al'ternativnaya model' uspehnosti. (Obzor) [Downshifting as an alternative model of success. (Review)]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology]. 2020. No. 2. P. 18–26. (In Russ.)

Van'ke A.V., Tartakovskaya I.N. Transformacii maskulinnosti rossijskih rabochih v kontekste social'noj mobil'nosti. [The transformation of Russian working class masculinities in the context of social mobility]. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. 2016. Vol. 25. No. 4. P. 136–153. (In Russ.)

Wright M.F. Cyber victimization and perceived stress: Linkages to late adolescents' cyber aggression and psychological functioning. *Youth and society*. 2015. Vol. 47. No. 6. P. 789–810.

Yadova M.A. Obrazovatel'nye i professional'nye strategii postsovetsoj molodezhi [The educational and professional strategies of the Post-Soviet youth]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the contemporary world]. 2017. No. 2. P. 91–104. (In Russ.)

Zaal M., Salah T., Fine M. The weight of the hyphen: Freedom, fusion and responsibility embodied by young Muslim-American women during a time of surveillance. *Applied development science*. 2007. Vol. 11. No. 3. P. 164–177.

Zudina A.A. «Ne rabotajut i ne uchatsya»: molodezh' NEET na rynke truda v Rossii [The NEET youth in the Russian labor market]. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. 2019. No. 1 (28). P. 140–160. (In Russ.)

Л.Н. Шаншиева

**МЕНЯЮЩАЯСЯ ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ
(на примере изданий ИНИОНа)**

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления современных восточноевропейских исследований в ИНИОНе и их результаты в виде аналитических обзоров, сборников научных трудов и монографий. Представлены обобщающие работы по наиболее актуальным проблемам Восточно-Европейского региона: тенденциям политического развития, общественного сознания, взаимоотношениям между государствами и нациями, противоречиям европейской интеграции, усилению национального фактора в политике стран Восточной Европы, росту праворадикальных настроений. Отмечается особый геополитический характер региона и его роль в европейской политике.

Уделяется внимание понятию «Восточная Европа». Процессы системных преобразований анализируются в рамках концепции трансформации. Подчеркиваются сущностные особенности трансформационных процессов в изучаемых странах: большие различия по направлениям, темпам и формам преобразований, по степени демократизации политического строя, по отношению к рыночной экономике и частной собственности. Обозначено влияние этих различий на результаты реформ.

Отмечены характерные черты политической и экономической трансформации. Делается вывод о том, что политические преобразования происходили быстрее экономических изменений, сопровождалась «большим взрывом» политических партий и движений, повышением уровня электоральной подвижности. Экономические реформы носили более затяжной характер. Это стало одной из причин роста популистских и радикальных настроений в переходных обществах, разочарования населения в «реальной демократии».

Акцентируется внимание на роли исторической политики в современном общественном сознании и в межгосударственных отношениях. Исследование этой проблемы ведется с учетом исторических особенностей региона как территории малых стран, ряд которых являются мультиэтническими государствами. Это обуславливает определенный характер их внутренней и внешней политики, а также взаимоотношений между отдельными нациями и этносами.

Освещается одна из актуальных проблем современного развития стран Восточной Европы – интеграция в Европейский союз и НАТО. Анализируется опыт и особенности вхождения в общеевропейские организации разных стран. Формулируется тезис о том, что для одних стран членство в ЕС открыло возможности для

ускоренного реформирования экономики и политической системы; для других стран условия вступления в союз создали дополнительные сложности в ходе трансформации. Подчеркивается, что на современном этапе продолжают сохраняться большие различия в уровнях экономического и социального развития стран – членов ЕС. Эти обстоятельства усиливают настроения евроскептицизма среди населения некоторых стран. Отмечается противоречивый характер европейской интеграции, что проявляется в наличии двух тенденций развития: центристской и центробежной. Указывается на то, что по мере «возвращения в Европу» восточноевропейских стран нарастает тенденция их отдаления от России.

Обозначены основные направления научно-исследовательской работы на ближайшее время. В их числе: анализ степени интегрированности стран региона в общеевропейские структуры и их взаимодействия в решении общеевропейских задач; выявление тенденций отстаивания национально-государственных интересов; изучение конфликтных вопросов двусторонних отношений между государствами и отношений внутри общеевропейских союзов; исследование взаимоотношений восточноевропейских стран с Россией.

Ключевые слова: Восточная Европа; мирные революции; трансформация; евроинтеграция; радикализм; национальные особенности; межгосударственные отношения; Россия; Евросоюз; НАТО.

Шаншиева Лариса Николаевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Россия, Москва.
E-mail: shlara@rambler.ru

Shanshieva L.N. The Changing Eastern Europe as a Subject of Research (on the Example of the INION Publications)

Abstract. The article discusses the main directions of today's East European studies at the INION and their results in the form of analytical reviews, collections of scientific papers and monographs. Presented are research works on the most pressing problems of the East European region, dealing with the tendencies of its political development and public consciousness trends, relations between states and nations, contradictions of European integration, strengthening of the national factor in the politics of the countries under consideration; growth of right-wing radical moods across them.

Emphasized are specific geopolitical characteristics of the region and its role in the overall politics of the continent. Special attention is paid to the concept of «Eastern Europe». Much of the implemented research analyze the systemic transformations in the region, underscoring the essential features of the ongoing transformations here, namely, wide differences in directions, pace and forms of transformations, varying degrees of democratization of the political systems, differences pertaining to market economy and private property.

It is concluded that political transformations in the region have outpaced the regional economic changes, were accompanied by a «big bang» of political parties and movements, and an increase in the level of electoral mobility. Economic reforms have been of much

more prolonged nature, this being one of the causes of the growth of populist and radical sentiments in transitional societies as well as disappointment of the population in «real democracy».

Many works focus on the role of history politics in today's public consciousness and interstate relations between the countries of the region. The analysis of this issue takes into account the historical features of the region as an array of small countries, some of which are multi-ethnic states. This determines the specific nature of their domestic and foreign policies as well as the relationship between individual nations and ethnic groups.

One of the pressing problems of today's development of Eastern European countries pertains to their integration into the European Union and NATO, this making it necessary to analyze the experience and characteristic features of the participations of various countries in pan-European organizations. The point is made that for some countries the EU membership has opened up opportunities for accelerated reform of their economy and the political system, whereas for others, it only created additional social and economic difficulties. It is emphasized that presently large differences between the EU member states remain in the levels of their economic and social development, which enhances the mood of Euroscepticism among the population of some countries. The authors emphasize the contradictory nature of European integration, manifested in two development trends, those of centripetal and centrifugal. It is indicated that with the «return to Europe» of the Eastern European countries, the trend towards their distancing from Russia is reinforcing.

Outlined are the main directions of research for the near future, including such themes as: integration of the countries of the region into pan-European structures and their interaction in the policies towards achievement of pan-European objectives; pursuit of national-state interests; conflict issues in bilateral relations between the states and their relationships within pan-European structures; their policies towards Russia.

Keywords: *Eastern Europe; peaceful revolutions; transformation; European integration; radicalism; national characteristics; interstate relations; Russia; the European Union; NATO.*

**Shanshieva Larisa Nikolaevna – Candidate of Philosophical Sciences,
Leading Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Russia, Moscow. E-mail: shlara@rambler.ru**

В 2019 г. страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) отмечали 30-летие «бархатных революций», которые обозначили переломный момент в развитии региона: с одной стороны, тогда произошла смена общественно-политического строя в странах «восточного блока», с другой – закончилось идейное противостояние Запада и Востока в виде борьбы двух систем. Символическим актом завершения этой конфронтации стало падение Берлинской стены 9 ноября 1989 г.

Последующие годы были наполнены множеством кардинальных перемен как во внутреннем развитии стран ЦВЕ, так и в геополитической картине всего континента. В результате политических и экономических реформ конца

1980–1990-х годов большинство стран Восточно-Европейского региона избрало для себя новый вектор развития, условно обозначенный как «возвращение в Европу».

В тот период обществоведам, специалистам по странам Восточной Европы было необходимо изменить парадигму изучения этих стран, вставших на путь системных преобразований. Как известно, за основу исследовательской работы была взята концепция трансформации, достаточно неопределенная, не содержащая в себе каких-либо четких формационных признаков. Однако сформулировать точнее начавшиеся процессы политических, экономических и социокультурных изменений в бывших соцстранах не представлялось возможным. Характерно, что и сегодня мирные революции 30-летней давности характеризуются не иначе как «трансформационные». В зарубежных исследованиях эти системные изменения чаще всего обозначались как «транзит», а направление соответствующих исследований получило название транзитология. В тот период в документах ООН и международных финансовых организаций группа реформирующихся восточноевропейских государств получила название «Countries in Transition».

Транзит бывших социалистических стран Европы после 1989 г. в сторону либерально-демократической модели общественного развития с рыночной экономикой не был столь быстрым, как это предполагалось теми политическими силами, которые участвовали в сломе прежней системы. Как показала практика, *выход из системы стал едва ли не более сложным, чем введение новых государственных институтов*, и затянулся на десятилетия.

Это был опыт трансформации, характеризующийся как общими для стран чертами переходного периода, так и их историческими, национальными, геополитическими особенностями развития, насыщенный богатым для исследовательской работы материалом. Наряду со специалистами профильных научных центров других академических институтов (прежде всего Института славяноведения, Института экономики и Института Европы) сотрудники Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН) изучали опыт перемен в странах региона, выявляя новые тенденции общественных изменений. Результатом стали ежегодные публикации в специально учрежденной серии изданий – «Проблемы общественной трансформации в странах Восточной Европы и России». За прошедшие годы в этой серии было издано несколько десятков тематических работ – аналитических обзоров, сборников обзоров и рефератов, сборников научных трудов, монографий¹.

1. В частности: [Политические элиты 1998, Демократизация 2003, Лыкошина 2015].

Традиционно Отдел Восточной Европы (с 2016 г. – сектор Восточной Европы в составе Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН) являлся и является подразделением страноведческого профиля, использующим в работе методы и результаты исследований социальных и гуманитарных наук. В поле зрения специалистов находятся страны, относимые к Восточной Европе в широком смысле слова и нередко подразделяемые в литературе на страны Центрально-Восточной Европы и Юго-Восточной Европы. Такой подход просматривается и в других зарубежных научных центрах – это, например, то направление, которое в Германии называется *Osteuropaforschung*.

В рамках данной статьи не представляется возможным всесторонне рассмотреть понятие «Восточная Европа», но следует, хотя бы коротко, обозначить некоторые его характерные особенности. Следует отметить, что и сегодня понятие «Восточная Европа» продолжает оставаться дискуссионным. Во многом это объясняется тем, что оно по-прежнему содержит в себе множество смыслов – географический, геополитический, идеологический и др. Поэтому в том или ином случае научного анализа выбор названия региона определяется периодом изучения и характером исследуемой проблемы [подробнее см.: Биткова 2020]. Отсюда и употребление в научной литературе применительно к данному региону понятий Центрально-Восточная Европа, Центральная и Юго-Восточная Европа, Восточная Европа. В наших работах, как правило, используется термин Восточная Европа, что позволяет анализировать широкий круг региональных проблем, а также в рамках названной серии (наряду с материалами по центральноевропейским государствам) публиковать статьи, посвященные Беларуси и Украине.

Специалисты ИНИОНа ведут научно-исследовательскую работу по изучению как отдельных стран с их спецификой, так и тенденций транснационального и наднационального масштаба, включая региональную интеграцию и глобализацию, а также различные сферы и уровни международных отношений. В конце XX – начале XXI в. основными направлениями их аналитической работы были процессы радикальной общественной трансформации в восточноевропейских странах, прежде всего в сфере политики, социальных и межэтнических отношений, общественного сознания, культурно-цивилизационной идентификации восточноевропейских обществ на фоне глобализации, европейской и региональной интеграции. Значительное внимание уделялось изучению внешней политики и межгосударственных отношений, в том числе отношениям с Россией, проблемам вхождения в Европейский союз и развития в рамках ЕС и НАТО, роли стран региона в европейской и мировой политике.

Состояние восточноевропейских исследований начального этапа трансформации определялось тем, что постсоциалистические страны очень различались между собой по направлениям, темпам и формам преобразований,

степени приверженности принципам демократизации политического строя, рыночной экономики и частной собственности и по результатам реформ. К настоящему времени системная трансформация стран региона завершена, и идут процессы общественного развития стран на основе новых принципов. В связи с этим имеет смысл остановиться более подробно на соответствующих исследованиях ИНИОН РАН последнего десятилетия.

Тематически сгруппировать результаты проведенной в этот период работы можно по трем основным направлениям: *современные политические процессы в странах региона* [Актуальные проблемы 2017, Европеизм 2014, Лыкошина 2013, Лыкошина 2016, Национализм 2007, Партии 2012, Политические лидеры 2017], *особенности социального и культурного развития отдельных стран* [Актуальные проблемы 2017, Биткова 2020, Восточная Европа 2008], *межгосударственные отношения и внешняя политика* [Восточная Европа 2008, Восточная Европа 2016, Внешняя политика 2013, Страны 2015, Страны 2016].

Опыт изучаемых стран показал, что преобразовать базисную, разрушенную после смены социалистической системы экономику было чрезвычайно сложно, для этого требовалось находить решения множества серьезных составных проблем, в результате чего весь процесс растянулся на десятилетия. Но в отличие от экономических реформ политическая трансформация происходила стремительно, сопровождалась быстрыми изменениями политического ландшафта.

Сценарий политических реформ основывался на том, что партийные системы стран Восточной Европы должны были коренным образом измениться: прежние коммунистические и социалистические партии уйти в небытие, а сменившие их демократические партии создать равновесную политическую стабильность. На первом этапе системных изменений можно было наблюдать «большой взрыв» в политической сфере, повлекший за собой образование множества новых партий, движений и объединений разного направления. Зачастую это превосходило все разумные пределы. И даже после некоторого спада активности в начале 2000-х было зарегистрировано, к примеру, 70 партий в Болгарии, свыше 70 – в Венгрии, около 130 – в Польше, около 500 – в Сербии, 117 – в Словакии.

Как показали результаты анализа политических процессов, в тот период шло постепенное смещение как левых, так и правых партий к центру. Одновременно они были перегружены ожиданиями избирателей, которые в силу объективных и субъективных причин не могли быть реализованы. Постепенно избирательная база стала утрачивать свою прочную основу и становиться некой бесформенной массой. В этих условиях предпочтения избирателей быстро менялись, что, в свою очередь, способствовало повышению уровня

электоральной подвижности. В основном это объяснялось особенностями перехода от однопартийной к многопартийной системе [Партии 2012].

Такая политическая атмосфера стала питательной средой для появления политических лидеров нового типа, формирования новой элиты. Если на начальном этапе трансформации можно было наблюдать два основных потока элитных групп (обновленную часть старой элиты и новую элиту), то позже лидирующие позиции заняла элита, возглавившая экономические и политические реформы и новые институты власти. Причем ее характер определялся выбором той или иной модели трансформации в конкретной стране [см.: Лыкошкина 2013, Политические лидеры 2017, Элиты 2009].

Исследования, проведенные специалистами ИНИОНа в политической сфере восточноевропейских стран начала XXI в., выявили некоторые четкие тенденции, в частности повышение роли лидеров в общественном развитии в условиях роста протестных настроений, рост популизма и национализма [Национализм 2007, Партии 2012]. Эти методы взаимодействия власти с народом стали довольно распространенными в восточноевропейских странах в XXI в. Основными причинами роста популистских и радикальных настроений в обществе были затянувшиеся социально-экономические реформы, их не всегда эффективные результаты, разочарование в «реальной демократии», а также недовольство населения частичной утратой суверенитета своих стран после их вхождения в Евросоюз. «Национализм стал в Восточной Европе 1990–2000-х годов “третьей” идеологией немалой части населения и борющихся за власть политических сил, которая заполнила вакуум, образовавшийся после краха коммунизма и разочарования в результатах провозглашенных либерально-демократических реформ» [Национализм 2007, с. 8].

Особое внимание в последние годы было уделено изучению правого радикализма в современной Восточной Европе [Лыкошкина 2016, Правый радикализм 2018]. Характерно, что в начале 2000-х годов к этой теме обращались многие европейские исследователи, появилось множество работ, посвященных анализу радикальных политических течений в разных странах. Радикализация политических движений происходит, как известно, в переломные моменты общественного развития. Поэтому понятно, что рост правого радикализма в «новой Европе» был во многом обусловлен сложностями интеграции большинства восточноевропейских стран в Евросоюз, их адаптации к новым требованиям и нормам повседневной жизни. Европейская интеграция принесла серьезные экономические выгоды ряду стран Восточной Европы, но ее условия входили в противоречие с исторически заданными особенностями сформировавшихся там национальных государств. Безусловно, это создавало и создает благоприятную почву для радикальных настроений в разных слоях общества.

В последнее десятилетие предметом анализа стали новые процессы в межгосударственных и межнациональных отношениях [Восточная Европа 2016], позиции ряда стран Восточной Европы в вопросе современного украинского кризиса [Страны 2016], изменения общественного сознания и актуализация исторической политики [Актуальные проблемы 2017, Системные изменения 2008, Страны 2014].

Исследование этих проблем велось с учетом исторических особенностей региона: прежде всего того обстоятельства, что это территория малых стран, ряд которых является мультиэтническим. И это обуславливает определенный характер как государственной политики внутри и вовне, так и взаимоотношений между отдельными нациями и этносами.

Сегодня интерпретации прошлого находятся в центре острых политических дебатов и зачастую оказывают серьезное влияние на межгосударственные отношения. Яркий пример тому многолетний спор о трагических событиях на Волыни в 1943–1945 гг. (получивших название «Волынская резня»). Интересующимся этой проблемой можно предложить обратиться к статье «Волынская трагедия в общественном дискурсе современной Польши», подготовленной на основе анализа документов сейма, данных социологических опросов, освещения этих событий в художественном творчестве [см.: Актуальные проблемы 2017, с. 40–60].

Отдельное издание ИНИОНа последних лет было посвящено результатам и проблемам интеграции восточноевропейских стран в Европейский союз и НАТО [Актуальные проблемы 2019]. В связи с этим уместно напомнить, что направлением развития «транзитных стран» после мирных революций 1989 г. стало «возвращение в Европу», где существовали развитые демократические институты, политические свободы, стабильность, высокий уровень жизни. На том этапе развития такая модель модернизации в Восточной Европе представлялась наиболее перспективной. Но поскольку темпы экономических и политических реформ, а также их результаты в конкретных странах были различны, это сказывалось и на скорости продвижения по пути интеграции. Копенгагенские критерии (1993), определившие принципы, правила и стандарты для вступления в Евросоюз, совершенно не учитывали особенностей трансформирующихся восточноевропейских государств. Следствием этого стал рост различий по разным показателям, по степени успешности хода интеграции в той или иной стране [см.: Актуальные проблемы 2019].

Безусловно, интеграция в ЕС на начальном этапе сопровождалась значительными экономическими успехами (прежде всего для Польши), эффективными институциональными реформами. Нельзя не признать того, что ориентация на Запад стимулировала сближение восточноевропейских стран со старой Европой и способствовала ускорению интеграционных процессов. Вместе с тем по мере их углубления становилось очевидным, что ни реформы,

ни помощь Евросоюза не смогли устранить непреодолимое отставание между странами, низкий уровень жизни населения, особенно в Юго-Восточной Европе. Поэтому неудивительно, что в последние годы все чаще речь идет о Европе «двух скоростей», а все больше «новых европейцев» ощущают себя «европейцами второго сорта».

Анализируя эти изменения, необходимо иметь в виду, что либерально-демократические режимы в ведущих западноевропейских странах в конце XX и начале XXI в. тоже претерпели совокупность серьезных трансформаций и стали утрачивать свои традиционные признаки. Нестабильные отношения между странами в Евросоюзе, сохраняющиеся различия между Западом и Востоком, Севером и Югом европейского континента сегодня не дают оснований для вывода о достижении единства в рамках ЕС. Скорее можно говорить о противоречивом характере интеграции стран Центрально-Восточной Европы в ЕС и НАТО. Для одних стран членство в Евросоюзе открыло возможности ускоренного реформирования экономики и политической системы, для других условия вхождения в Союз оказались чрезвычайно трудными и создали дополнительные сложности в решении задач трансформации.

Весьма показательны экспертные оценки известного болгарского политолога Ивана Крастева, который после вступления в 2007 г. Болгарии и Румынии в Евросоюз предупреждал: «Мы можем привнести в Европу осознание хрупкости. В наших странах знают, что ничто не постоянно. Мы жили в коммунистической системе, которая казалась вечной, и она в один прекрасный момент рассыпалась. Вероятно, нынешнее поколение западных европейцев нуждается в том, чтобы им напомнили, что конструкции, которые кажутся самыми прочными, могут исчезнуть» [Страны Восточной Европы 2015].

Спустя 12 лет тот же эксперт объяснил недостаточную эффективность интеграции и наличие проблем в новых странах – членах ЕС следующим образом: «Чтобы понять преобразование Центрально-Восточной Европы, нужно иметь в виду, что политический императив региона на протяжении почти трех десятилетий означал: “Имитируй Запад”. И хотя этот процесс имел разные названия – демократизация, либерализация, конвергенция, интеграция, европеизация, по существу речь шла об усилиях, направленных на то, чтобы заимствованные посткоммунистические реформы, демократические институты, политическую и экономическую систему Запада и западные ценности сделать своими. На практике это означало, что посткоммунистические страны были вынуждены принять 20 000 новых законов и положений, которые в действительности никогда не обсуждались в их парламентах» [Страны Восточной Европы 2014].

Конкретный опыт изучаемых стран показывает, что на процесс интеграции оказали влияние как внутренние, так и внешние факторы: мировой экономический кризис, глобализация, обострение миграционных проблем,

разрыв в уровне развития стран ЦВЕ, усиление праворадикального вектора в политической жизни, поиски новой идентичности восточных европейцев и др. В этих условиях четко обозначились две основные тенденции интеграции: 1) центростремительная, приводящая ко все большему закреплению государств региона в общеевропейских союзах; 2) центробежная, вызванная попытками некоторых стран сохранить часть суверенитета, отстаивать свои национальные интересы. Вторая – неизбежно приводит к возникновению конфликтов некоторых новых стран – членов Евросоюза с официальным Брюсселем [см.: Актуальные проблемы 2019].

Дополнительным осложняющим фактором служит кризис в «старой Европе», что еще больше усиливает центробежный вектор развития и может привести к распаду общеевропейских структур. Эти тенденции позволяют говорить о сохранении противоречивости при любом варианте развития. Скорее всего в случае преодоления кризиса внутри ЕС восточные европейцы будут продолжать отстаивать свои интересы, опасаясь полной утраты собственной идентичности и исчезновения национальных государств. Нельзя исключить и перспективу окончательного развала Европейского союза.

Как показывает практика, после вхождения в ЕС восточноевропейских стран у значительной части их населения итоги интеграции вызывают все большее разочарование и усиливают настроения евроскептицизма. Ненадолго почувствовав свободу после выхода из соцлагеря, восточноевропейцы попали в условия подчинения жестким нормам и требованиям теперь уже со стороны Евросоюза. К тому же им пришлось поступиться частью суверенитета.

На этом фоне усиливаются тенденции отстаивания национальных интересов, прежде всего странами Вышеградской группы. Особенно ярко это проявилось во время эмигрантского кризиса 2015 г. и дебатов вокруг решения о квотах на прием беженцев. Согласно решению, принятому Евросоюзом, были установлены следующие квоты: для Польши – 7000 человек, для Чехии – 1600, для Венгрии – 1300, для Словакии – 900. В итоге Венгрия и Польша не приняли ни одного беженца, а Словакия и Чехия – немногим более десяти человек каждая [см.: Актуальные проблемы 2019].

Можно сказать, что в данном случае евроатлантические ценности были оттеснены национальными интересами. Ведущие политики стран ЦВЕ все чаще заявляют о необходимости сохранения национальных государств. В частности, премьер-министр Венгрии Виктор Орбан неоднократно предлагал ввести в основные договоры ЕС понятие «Европа наций».

Таким образом, политика расширения Евросоюза, которая предполагала вовлечение стран ЦВЕ в общеевропейское политическое, экономическое и культурное развитие, не смогла к настоящему времени реализовать план создания единой, сильной, сплоченной Европы. И хотя экономические и даже политические различия между странами медленно преодолеваются, но

глубинные этносоциальные, ценностные, культурологические особенности продолжают сохраняться и препятствуют процессу «срастания» двух Европ [см.: Актуальные проблемы 2017, Актуальные проблемы 2019].

Следует подчеркнуть, что в ходе изучения системных изменений в странах Восточной Европы за прошедшие 30 лет менялись приоритеты в выборе тематики, акцентирования тех или иных вопросов, что было связано с существенными признаками происходившей трансформации. На современном этапе развития, как представляется, наиболее актуальными становятся следующие направления исследовательской работы: анализ степени интегрированности стран региона в общеевропейские структуры, взаимодействие со старыми странами – членами ЕС и НАТО в решении общеевропейских задач; усиление тенденции к отстаиванию национально-государственных интересов со стороны ряда стран ЦВЕ; повышение роли политических лидеров в общественно-политической жизни; урегулирование конфликтных вопросов двусторонних отношений между государствами и отношений внутри общеевропейских союзов; взаимоотношения восточноевропейских стран с Россией.

Можно констатировать, что Восточная Европа продолжает меняться. При этом, как свидетельствует опыт развития в конце XX – начале XXI в., этот регион по-прежнему сохраняет свою «особость», а его роль не только не уменьшается, но и приобретает все более значимый характер. Большинство специалистов сходятся во мнении, что современная Восточная Европа – это *особое геополитическое пространство, стремящееся обрести свою субъектность*.

Напомним, что этот регион исторически всегда находился на пересечении интересов разных государств, поэтому неизбежно становился объектом противостояния крупных международных центров силы, полем борьбы для субъектов мировой политики. Совершенно определенно пересечение интересов и результаты противоборства можно было видеть после распада мировой соцсистемы и роспуска Организации Варшавского договора, когда коллективный Запад легко превратил зону бывшего советского влияния в своего союзника. Приходится признать, что по мере «возвращения в Европу» восточноевропейских стран нарастала тенденция их отдаления от России [см.: Страны 2015, Страны 2016].

На наш взгляд, отчасти это произошло потому, что бывшие соцстраны оказались перед необходимостью системных преобразований, *требовавших сверхусилий как в экономической, так и в политической сферах*. В тот период СССР, а затем и Россия не обладали достаточными ресурсами для оказания помощи этим странам, не было и желания это делать. Россия практически добровольно ушла из стратегически важного для нее региона Восточной Европы, что было серьезной ошибкой, как показали последующие события. Сегодня отношения новых государств ЦВЕ с Россией (особенно в связи с рас-

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

ширением НАТО на Восток) носят сложный, неоднородный, временами весьма напряженный характер.

* * *

В статье дан лишь краткий обзор аналитических и научно-информационных изданий ИНИОНа по современным проблемам восточноевропейских стран. Как нам представляется, эти труды стали весомым вкладом в научный анализ и обобщение опыта процессов трансформации в Восточно-Европейском регионе.

Библиография

Актуальные проблемы Европы. Науч. журн. / РАН ИНИОН; Центр науч.-информ. исслед. глобальных и регион. проблем. Отд. Европы и Америки; Ред. кол.: Пархалина Т.Г. (гл. ред.) и др. М., 2017. № 3: Восточная Европа: Политические процессы и общественные настроения. 200 с.

Актуальные проблемы Европы. Науч. журн. / РАН ИНИОН; Центр науч.-информ. исслед. глобальных и регион. проблем. Отд. Европы и Америки; Ред. кол.: Пархалина Т.Г. (гл. ред.) и др. М., 2019. № 3: Страны Восточной Европы в ЕС и НАТО: Проблемы и перспективы. 268 с.

Биткова Т.Г. Румынский европеизм и проблемы национальной идентичности: Аналитический обзор / Отв. ред. Шаншиева Л.Н. М.: ИНИОН РАН, 2020. 163 с.

Бовдунов А.Л. Современная Восточная Европа: Границы понятия и геополитической организации (социокультурный аспект) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 1. С. 208–222.

Восточная Европа в современной геополитике: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Игрицкий Ю.И. М.: ИНИОН РАН, 2008. 193 с.

Восточная Европа: 20 лет социальной трансформации: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Игрицкий Ю.И. М.: ИНИОН РАН, 2010. 197 с.

Восточная Европа: Межгосударственные и этносоциальные отношения в XXI в.: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Игрицкий Ю.И., Шаншиева Л.Н. М.: ИНИОН РАН, 2016. 168 с.

Внешняя политика стран Восточной Европы в первом десятилетии XXI в.: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Шаншиева Л.Н. М.: ИНИОН РАН, 2013. 182 с.

Демократизация и парламентаризм в Восточной Европе: Монография / Отв. ред. Игрицкий Ю.И. М.: ИНИОН РАН, 2003. 265 с.

Европеизм и национализм в странах Восточной Европы: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Игрицкий Ю.И. М.: ИНИОН РАН, 2014. 126 с.

Лыкошина Л.С. Дональд Туск: Политический портрет / Отв. ред. Орлов Б.С. М.: ИНИОН РАН, 2013. 100 с.

Лыкошина Л.С. «Польско-польская война»: Политическая жизнь современной Польши / Отв. ред. Игрицкий Ю.И. М.: ИНИОН РАН, 2015. 258 с.

Лыкошина Л.С. Радикальный национализм в современной Польше в свете идейного наследия Романа Дмовского: Аналит. обзор / Отв. ред. Биткова Т.Г. М.: ИНИОН РАН, 2016. 81 с.

Национализм и популизм в Восточной Европе: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Игрицкий Ю.И. М.: ИНИОН РАН, 2007. 174 с.

Партии и избиратели в странах Центральной и Восточной Европы (2000–2010): Сб. научн. тр. / Редколл.: Шаншиева Л.Н. (отв. ред.) и др. М.: ИНИОН РАН, 2012. 180 с.

Поколение перемен в странах Восточной Европы: 1990–2010 гг.: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Игрицкий Ю.И., Шаншиева Л.Н. М.: ИНИОН РАН, 2011. 152 с.

Политические лидеры в современной Восточной Европе: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Шаншиева Л.Н. М.: ИНИОН РАН, 2017. 195 с.

Политические элиты в Центральной и Восточной Европе (Проблемы переходного периода): Монография / Отв. ред. Шаншиева Л.Н. М.: ИНИОН РАН, 1998. 220 с.

Правый радикализм в Восточной Европе: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Шаншиева Л.Н. М.: ИНИОН РАН, 2018. 220 с.

Системные изменения и общественное сознание в странах Восточной Европы: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Шаншиева Л.Н. М.: ИНИОН РАН, 2008. 140 с.

Страны Восточной Европы в XX в.: Современные интерпретации прошлого: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Игрицкий Ю.И. М.: ИНИОН РАН, 2014. 144 с.

Страны Восточной Европы и Россия: Развитие отношений в 2005–2015 гг.: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Игрицкий Ю.И. М.: ИНИОН РАН, 2015.

Страны Восточной Европы и украинский кризис (2013–2015): Сб. научн. тр. / Отв. ред. Игрицкий Ю.И. М.: ИНИОН РАН, 2016. 120 с.

Элиты в странах Восточной Европы (начало XXI века): Сб. научн. тр. / Отв. ред. Шаншиева Л.Н. М.: ИНИОН РАН, М., 2009. 172 с.

Жерарди С. Это страны, за которые Россия борется с Европой. Интервью с Иваном Крастевым // InoPressa. 2006. 25 Дек. URL: <http://www.inopressa.ru/article/25Dec2006/lemonde/krastev.html> (дата обращения: 06.12.2019).

References

Aktual'ny'e problemy' Evropy'. Nauch. zhurn [Topical problems of Europe. Scientific activity]. RAS INION; Center for Scientific and Inform. issled. global and region. problems. Dept. Europe and America; Editorial board: T.G. Parkhalina (editor-in-chief) et al. M., 2017. No. 3: Eastern Europe: Political Processes and Public Sentiments. 200 p. (In Russ.)

Aktual'ny'e problemy' Evropy'. Nauch. zhurn [Topical problems of Europe. Scientific activity]. RAS INION; Center for Scientific and Inform. issled. global and region. problems. Dept. Europe and America; Editorial board: T.G. Parkhalina (chief ed.) et al. M., 2019. No. 3: Eastern European countries in the EU and NATO: Problems and prospects. 268 p.] (In Russ.)

Bitkova T.G. Rummy'skiy evropeizm i problemy' nacional'noj identichnosti: Analiticheskij obzor. [Romanian Europeanism and the Problems of National Identity: An Analytical Review]. Ed. by Shanshieva L.N. Moscow: INION RAN, 2020. 163 p. (In Russ.)

Bovdunov A.L. Sovremennaya Vostochnaya Evropa: Granicy ponyatiya i geopoliticheskoy organizatsii (sociokul'turny'j aspekt) [Modern Eastern Europe: The boundaries of the concept and geopolitical organization (socio-cultural aspect)]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Iss. 18. Sociology and Political Science. 2013. No. 1. P. 208–222]. (In Russ.)

Vostochnaya Evropa v sovremennoj geopolitike: Sb. nauchn. tr. Otiv. red. Igritskij Yu.I. [Eastern Europe in modern geopolitics: Anthology. Ed. by Igritsky Yu.I.]. Moscow: INION RAN, 2008. 193 p. (In Russ.)

Vostochnaya Evropa: 20 let social'noj transformatsii: Sb. nauchn. tr. Otiv. red. Igritskij Yu.I. [Eastern Europe: 20 years of social transformation: Anthology. Ed. by Igritsky Yu.I.]. Moscow: INION RAN, 2010. 197 p. (In Russ.)

Vostochnaya Evropa: Mezhsudarstvenny'e i etnosocial'ny'e otnosheniya v XXI v.: Sb. nauchn. tr. Otiv. red. Igritskij Yu.I., Shanshieva L.N. [Eastern Europe: Interstate and Ethnosocial

Relations in the 21st Century: Anthology. Ed. by Igritsky Yu.I., Shanshieva L.N.]. Moscow: INION RAN, 2016. 168 p. (In Russ.)

Vneshnyaya politika stran Vostochnoj Evropy` v pervom desyatiletii XXI v.: Sb. nauchn. tr. Otv. red. Shanshieva L.N. [Foreign policy of the countries of Eastern Europe in the first decade of the XXI century: Anthology. Ed. by Shanshieva L.N.]. Moscow: INION RAN, 2013. 182 p. (In Russ.)

Demokratizatsiya i parlamentarizm v Vostochnoj Evrope: Monografiya. Otv. red. Igriczkiy Yu.I. [Democratization and Parliamentarism in Eastern Europe: Monograph. Ed. by Igritsky Yu.I.]. Moscow: INION RAN, 2003. 265 p. (In Russ.)

Europeizm i nacionalizm v stranax Vostochnoj Evropy`: Sb. nauchn. tr. Otv. red. Igriczkiy Yu.I. [Europeanism and nationalism in Eastern Europe: Anthology. Ed. by Igritsky Yu.I.]. Moscow: INION RAN, 2014. 126 p. (In Russ.)

Ly`koshina L.S. Donal`d Tusk: Politicheskij portret. Otv. red. Orlov B.S. [Lykoshina L.S. Donald Tusk: Political Portrait. Ed. by Orlov B.S.]. Moscow: INION RAN, 2013. 100 p. (In Russ.)

Ly`koshina L.S. «Pol`sko-pol`skaya vojna»: Politicheskaya zhizn` sovremennoj Pol`shi. Otv. red. Igriczkiy Yu.I. [Lykoshina L.S. «Polish-Polish War»: Political Life of Modern Poland. Ed. by Igritsky Yu.I.]. Moscow: INION RAN, 2015. 258 p. (In Russ.)

Ly`koshina L.S. Radikal`ny`j nacionalizm v sovremennoj Pol`she v svete idejnogo naslediya Romana Dmowskogo: Analit. obzor. Otv. red. Bitkova T.G. [Radical nationalism in modern Poland in the light of the ideological heritage of Roman Dmowski: Analyt. review. Ed. by Bitkova T.G.]. Moscow: INION RAN, 2016. 81 p. (In Russ.)

Nacionalizm i populizm v Vostochnoj Evrope: Sb. nauchn. tr. Otv. red. Igriczkiy Yu.I. [Nationalism and Populism in Eastern Europe: Anthology. Ed. by Igritsky Yu.I.]. Moscow: INION RAN, 2007. 174 p. (In Russ.)

Partii i izbirateli v stranax Central`noj i Vostochnoj Evropy` (2000–2010): Sb. nauchn. tr. Redkoll.: Shanshieva L.N. (otv. red.) i dr. [Parties and voters in Central and Eastern Europe (2000–2010): Anthology. Editorial board: Shanshieva L.N. (editor-in-chief) et al.]. Moscow: INION RAN, 2012. 180 p. (In Russ.)

Pokolenie peremen v stranax Vostochnoj Evropy`: 1990–2010 gg.: Sb. nauchn. tr. Otv. red. Igriczkiy Yu.I., Shanshieva L.N. [Generation of Change in Eastern Europe: 1990–2010: Anthology. Ed. by Igritsky Yu.I., Shanshieva L.N.]. Moscow: INION RAN, 2011. 152 p. (In Russ.)

Politicheskie lidery` v sovremennoj Vostochnoj Evrope: Sb. nauchn. tr. Otv. red. Shanshieva L.N. [Political leaders in modern Eastern Europe: Sat. scientific. tr. Resp. ed. Shanshieva L.N.]. Moscow: INION RAN, 2017. 195 p. (In Russ.)

Politicheskie e`lity` v Central`noj i Vostochnoj Evrope (Problemy` perexodnogo perioda): Monografiya. Otv. red. Shanshieva L.N. [Political Elites in Central and Eastern Europe (Problems of the Transition Period): Monograph. Ed. by Shanshieva L.N.]. Moscow: INION RAN, 1998. 220 p. (In Russ.)

Pravy`j radikalizm v Vostochnoj Evrope: Sb. nauchn. tr. Otv. red. Shanshieva L.N. [Right-wing radicalism in Eastern Europe: Anthology. Ed. by Shanshieva L.N.]. Moscow: INION RAN, 2018. 220 p. (In Russ.)

Sistemny`e izmeneniya i obshhestvennoe soznanie v stranax Vostochnoj Evropy`: Sb. nauchn. tr. Otv. red. Shanshieva L.N. M.: INION RAN, 2008. 140 s. [Systemic changes and public consciousness in the countries of Eastern Europe: Anthology. Ed. by Shanshieva L.N.]. Moscow: INION RAN, 2008. 140 p. (In Russ.)

Strany` Vostochnoj Evropy` v XX v.: Sovremennyy`e interpretatsii proshlogo: Sb. nauchn. tr. Otv. red. Igriczkiy Yu.I. [Countries of Eastern Europe in the XX century: Modern interpretations of the past: Anthology. Ed. by Igritsky Yu.I.]. Moscow: INION RAN, 2014. 144 p. (In Russ.)

Strany` Vostochnoj Evropy` i Rossiya: Razvitie otnoshenij v 2005–2015 gg.: Sb. nauchn. tr. Otv.red. Igriczkiy Yu.I. [Countries of Eastern Europe and Russia: Development of Relations in 2005–2015: Anthology. tr. Ed. by Igritsky Yu.I.] M.: INION RAN, 2015. (In Russ.)

Strany` Vostochnoj Evropy` i ukrainskij krizis (2013–2015): Sb. nauchn. tr. Otv. red. Igriczkiy Yu.I. [Eastern European countries and the Ukrainian crisis (2013–2015): Anthology. Ed. by Igritsky Yu.I.]. Moscow: INION RAN, 2016. 120 p. (In Russ.)

E`lity` v stranax Vostochnoj Evropy` (nachalo XXI veka): Sb. nauchn. tr. Otv. red. Shanshieva L.N. [Elites in Eastern Europe (early XXI century): Anthology. Ed. by Shanshieva L.N.]. Moscow: INION RAN, Moscow, 2009. 172 p. (In Russ.)

Gerardi S. E`to strany`, za kotory`e Rossiya boretsya s Evropoj. Interv`yu s Ivanom Krastevy`m [These are the countries for which Russia is fighting with Europe. Interview with Ivan Krastev]. InoPressa. 2006. 25 Dec. URL: <http://www.inopressa.ru/article/25Dec2006/lemonde/krastev.html> (date of access: 12.06.2019). (In Russ.)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»

I

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений. Сайт журнала расположен в сети Интернет по адресу: www.rossovmir.ru

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

II

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п. л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например, Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: rossovmir@gmail.com. Кроме того, на сайте журнала предусмотрена специальная форма, заполнив которую, также можно прислать рукопись в редакцию.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по

доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла информации. Автор несет ответственность за содержание работы, за точность и корректность цитирования и отсутствие плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (не более 10), употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, страна, город, e-mail. Также требуется указать Scopus Author ID и Web of Science Researcher ID.

Далее те же сведения даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. **Список цитированных источников и литературы** располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы, представленный на русском языке, дается в переводе на английский язык (с указанием языка оригинала); на английский язык также переводятся названия городов в библиографическом описании, буква р. – обозначение страницы и «дата обращения» – «data of access». Переведенный список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту. Кроме того, список должен быть транслитерирован латинскими буквами.

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: Бутенко А.П. Историческая неудача или начало революции // *Общественные науки и современность*. 1992. № 4. С. 55–66.

В переведенном и транслитерированном виде описание выглядит так (символ слэш – // – не употребляется): Butenko A.P. Istoricheskaya neudacha ili

nachalo revolyutsii [Historical Failure or Beginning of Revolution]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 1992. N 4. P. 55–66. (In Russ.)

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: Личное дело Харламова Николая Сергеевича // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 14397.

В переведенном и транслитерированном виде это описание будет выглядеть следующим образом: Lichnoe delo Kharlamova Nikolaya Sergeevicha [Personal file. Kharlamov Nikolay Sergeevich]. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 495. Inv. 65 a. F. 14397. (In Russ.)

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93> (дата обращения: 02.08.2019); Federal'nyj zakon ot 22 ijulja 2005 g. № 116-FZ «Ob osobyh ekonomicheskikh zonah v Rossijskoj Federacii» [Federal Law of July 22, 2005 N 116-FZ «On Special Economic Zones in the Russian Federation»]. Sbornik zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2005. N 30 (part II). Art. 3127. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93> (date of access: 02.08.2019). (In Russ.)

В тексте статьи ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (если фамилия автора отсутствует – первые слова названия), год публикации и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Для архивных документов после фамилии автора или названия дела указывается дата формирования дела и те листы, к которым отсылается читатель. Например: [Бутенко 1995, с. 170], [Личное дело Харламова, л. 2]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [Бутенко 1995, с. 170; Личное дело Харламова, л. 2]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [Федеральный закон от 22 июля 2005 г.].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных (постраничных) сносках.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: shop@inion.ru

Россия и современный мир № 3 – 2020 (108)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка Н . М . В л а с о в а

Корректор
О . П . Д о р м и д о н т о в а

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 18.09.2020 г.
Формат 70х100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 23,8 Уч.-изд. л. 19,5
Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № 92

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
в ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литера У
Тел.: 8-800-700-86-33 / (845-2) 24-86-33